

СКАЗКИ

НА ПРЯМОУГ

МИРА

Annotation

- [Сказки народов мира](#)
 - [Арабские сказки](#)
 - [ПОТЕРПЕВШИЙ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ](#)
 - [ПРАВДА И КРИВДА](#)
 - [ДВА БРАТА](#)
 - [ЦАРЬ РАМПСИНИТ И НЕУЛОВИМЫЙ ВОР](#)
 - [КОРШУН И КОШКА](#)
 - [ЛЕВ И МЫШЬ](#)
 - [Афганские сказки](#)
 - [Болгарские сказки](#)
 - [СИЛЯН-АИСТ](#)
 - [ЖАДНОСТЬ ДО ДОБРА НЕ ДОВОДИТ](#)
 - [НИЧЕМ НЕ УГОДИШЬ!](#)
 - [ДОМА ЕШЬ, ЧТО ХОЧЕШЬ, В ГОСТЯХ — ЧТО ВЕЛЯТ](#)
 - [ЗАСТАВЬ ДУРАКА БОГУ МОЛИТЬСЯ, ОН ЛОБ РАЗОБЬЕТ](#)
 - [ЕЖ-ИГЛОКОЖ, КРОТИХА И ЛИСИЦА](#)
 - [КУРИЦА И ОВЦА](#)
 - [ПРАВДА И КРИВДА](#)
 - [СКАЗКА О БОЧКЕ](#)
 - [ДЕДКО ПЕТКО И БАБКА ПЕНА](#)
 - [Сказки Бирмы](#)
 - [КАК КРОЛИК ПРОСТУДИЛСЯ](#)
 - [КАК КРОКОДИЛ ОСТАЛСЯ БЕЗ ЯЗЫКА](#)
 - [ТРОЕ ГЛУПЫХ](#)
 - [ПОЧЕМУ ТИГР НЕВЗЛЮБИЛ КОТА](#)
 - [ПОЧЕМУ У БАКЛАНА НЕТ ХВОСТА](#)
 - [КАК ПТИЦЫ ПОДРУЖИЛИСЬ](#)
 - [ПОЧЕМУ ГРИФ ЛЫСЫЙ](#)
 - [ЧУДЕСНЫЙ ПЕТУХ](#)
 - [ПЯТЕРО ДРУЗЕЙ](#)
 - [ЛУННОЕ ЗАТМЕНИЕ](#)
 - [ГЛУПЫЙ МАЛЬЧИК](#)
 - [ХОЗЯИН И ЛОДОЧНИК](#)
 - [Венгерские сказки](#)

- [МАЛЕНЬКИЙ ЗАЙЧИК](#)
- [ДВА ЖАДНЫХ МЕДВЕЖОНКА](#)
- [УМНЫЙ ПОРОСЕНОЧЕК](#)
- [ПАСТУХ С ГЛАЗАМИ-ЗВЕЗДАМИ](#)
- [КОРОЛЬ КАЦОР](#)
- [СВИНОПАС](#)
- [ДВА ВОЛА С ГОРОШИНУ](#)
- [ПОЛУШУБОЧЕК](#)
- [СМОРОДИНКА](#)
- [ПЕТЕР ОБМАНЩИК](#)
- [Сказки Вьетнама](#)
 - [ТЯЖБА ЖАБЫ С НЕБОМ](#)
 - [СУД НАД ТИГРОМ](#)
 - [ТЫ ТХЫК В ЦАРСТВЕ ВОЛШЕБНОЙ ФЕИ](#)
 - [ЧУДЕСНЫЙ ЦВЕТОК](#)
 - [КАК ШЕСТЬ БОГАТЫРЕЙ ИСКАЛИ СЧАСТЬЕ](#)
 - [ЦИРКОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ](#)
 - [ВОРОН И ПАВЛИН](#)
 - [ДРАГОЦЕННОЕ ЛЕКАРСТВО](#)
- [Индийские сказки](#)
 - [АППА-ДЖИ И СЛОНЫ](#)
 - [КРОКОДИЛ И ОБЕЗЬЯНА](#)
 - [ДОВЕРЧИВЫЙ ВЕРБЛЮД](#)
 - [ЛЕВ, ВОЛК И ШАКАЛ](#)
 - [НАСТОЯЩИЙ ХОЗЯИН](#)
 - [МУДРЫЙ ПОПУГАЙ](#)
 - [РАДЖА И ЛОДОЧНИК](#)
 - [САНТУРАМ И АНТУРАМ](#)
 - [ПРИДВОРНЫМ МУДРЕЦ](#)
 - [САМАЯ УМНАЯ](#)
 - [ШУТКА ПАСТУХА](#)
 - [ЮНОША И РАДЖА](#)
 - [НЕЛЕГКОЕ ДЕЛО](#)
 - [ХВАСТЛИВАЯ ВОРОНА](#)
 - [ТЕТКА ЛЕОПАРДА](#)
 - [ЛЯГУШКА И МУРАВЬИ](#)
 - [СЛОН И КОЗЕЛ](#)
 - [ОБЕЗЬЯНА И КОРШУН](#)
- [Сказки Индонезии](#)

- Сказки о хитроумном Канчиле
 - НАПРАСНЫЕ УСИЛИЯ КРЕСТЬЯНИНА
 - НА РЫБНОЙ ЛОВЛЕ
 - КАНЧИЛЬ В БЕДЕ
 - НЕБЛАГОДАРНОСТЬ
- Китайские сказки
 - ДАЙ-ФУ — ПРИНОСЯЩИИ СЧАСТЬЕ
 - КАК ЗЕМЛЯ ПРЕВРАТИЛАСЬ В СЕРЕБРО
 - ЧИНОВНИК И МАЛЬЧИК
 - ПРОДАВЕЦ МАСЛА И ВОЕНАЧАЛЬНИК
 - ЛИСИЦА И ПЧЕЛЫ
 - КАК СЮЦАЙ ГАО ОКАЗАЛСЯ ПЕРВЫМ В СПИСКЕ
 - ЛЕПЕШКА И ХВОРОСТ
 - КАК ПТИЦЫ УЧИЛИСЬ СТРОИТЬ ГНЕЗДА
 - ЧЕТЫРЕ СКАЗКИ О МА ДАНЬ-БИ
 - ПОЧЕМУ СОВА КРИЧИТ ТОЛЬКО НОЧЬЮ
 - ЯО — МЯГКОЕ УХО
 - ИСКУСНЫЙ ШАХМАТИСТ
 - БЕРЕЖЛИВАЯ ЖЕНА
 - ЧУДЕСНЫЙ ЗОНТИК
 - САМЫЕ. КОРОТКИЕ СКАЗКИ О САМЫХ УМНЫХ ЛЮДЯХ
- Корейские сказки
 - СОЛНЦЕ ВЗОШЛО С СЕВЕРА
 - БРАТЯ
 - СМЕЛЫЙ ПАК ЧЕН ЧУ И ХВАСТЛИВЫИ БОГАЧ
 - ДОСТОЙНЫЙ ПОДАРОК
 - С КАКИХ ПОР ДВЕРИ В ФАНЗАХ РЕШЕТЧАТЫЕ
 - АИСТ, ЧЕРЕПАХА И ЗМЕЯ
 - ПОЧЕМУ МОРЕ ШУМИТ
 - ЛАСТОЧКА
 - МЕДУЗА
 - ЧЕЙ ПОДАРОК ЛУЧШЕ?
 - ЖАДНЫЙ ПАК
 - КАК КРЕСТЬЯНИН ЧЕЧЖУ СПАС
 - ЗОЛОТЫЕ БОБЫ
 - КАК ЛЯГУШКА ТИГРА ОБМАНУЛА
 - ОТЧЕГО ВОРОБЕЙ ПРЫГАЕТ
- Монгольские сказки

- [О ПЕГОМ ЯГНЕНКЕ И ДОЧЕРИ НОИОНА](#)
- [ПОЧЕМУ ГОЛУБЬ СТОНЕТ, А ВОРОБЕЙ ЧИРИКАЕТ](#)
- [ОБМАНУТЫЙ ВЕРБЛЮД](#)
- [Персидские сказки](#)
 - [О ДОЧЕРИ ПОРТНОГО И СЫНЕ ПАДИШАХА](#)
 - [КНИГА — ЗЕРЦАЛО МИРА](#)
 - [ЯРДАН КУЛИ-БЕК](#)
 - [ТРИ АХУНДА](#)
 - [УПРЯМЕЦ](#)
 - [О БЕСПЕЧАЛЬНОМ И БЕЗЗАБОТНОМ](#)
 - [ПАДИШАХ, СУДЬЯ И ДЕРВИШ](#)
 - [ГЛУПАЯ НЕВЕСТКА И СВЕКРОВЬ](#)
 - [ЛИСА И ПЕТУХ](#)
 - [ГЛУПЫЙ МЕДВЕДЬ](#)
 - [КАК МЫШКЕ ХВОСТ ПРИШИЛИ](#)
 - [ЛИСА — ШЕЙХ](#)
 - [ВОРОНА И ЛИСА](#)
- [Польские сказки](#)
 - [ЧУДЕСНАЯ ЯБЛОНЯ](#)
 - [КОРОЛЬ-МУЖИК](#)
 - [ЗОСЯ И ЯНИНА](#)
 - [КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРОШЕНИЕ](#)
 - [ПОСПЕШИШЬ — ЛЮДЕЙ НАСМЕШИШЬ](#)
- [Румынские сказки](#)
 - [КОЗА И КОЛОКОЛЬЧИК](#)
 - [ВОЛШЕБНОЕ ЯЙЦО](#)
 - [КОЗЕЛ, ЛИСА И ВОЛК](#)
 - [КУРОЧКА-ХОХЛАТКА](#)
 - [РИЛЭ-ИЕПУРИЛЭ И ЖУЧОК С ЗОЛОТЫМИ КРЫЛЫШКАМИ](#)
- [Чешские сказки](#)
 - [ЛЕКАРЬ-САМОЗВАНЕЦ И ЕГО УЧЕНИК](#)
 - [ВАРЕННЫЕ ЯЙЦА](#)
 - [МУДРЫЙ ЮВЕЛИР](#)
 - [ШКОЛА ПРИНОСИТ БОГАТСТВО](#)
 - [ЖЕНСКАЯ МУДРОСТЬ](#)
 - [КАК ВОЛК САПОГИ СЕБЕ ЗАКАЗАЛ](#)
 - [РУЧНАЯ МЕЛЬНИЦА](#)
 - [ВЕСЕЛАЯ СКРИПКА](#)

- [ГРЯЗНУХА ВЕЧНЫЙ — ЖИТЕЛЬ ЗАПЕЧНЫЙ](#)
- [НА ВСЕХ НЕ УГОДИШЬ](#)
- [СТАРЫЙ БОДРИК И ВОЛК](#)
- [МЕДВЕДЬ И КОМАР](#)
- [КУМ МАТЕЙ И КУМ ИРЖИ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)

- [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
-

Сказки народов мира

Арабские сказки

Перевод И. Кацнельсона и Ф. Мендельсона.

ПОТЕРПЕВШИЙ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Послал фараон одного из знатных вельмож страны своей в далекое плавание. Но постигла того неудача, и не смог он выполнить повеление фараона. Возвратился он в Египет ни с чем.

С печалью смотрел вельможа на берег: страшил его гнев фараона. И тогда, чтоб утешить его, обратился к нему бывалый дружинник из свиты его.

* * *

И сказал тогда бывалый дружинник:

— Да возрадуется сердце твое, князь мой! Вот достигли мы места, где пребывает двор фараона, взяли колотушку, вбили причальный кол и забросили на землю носовой канат. Все восхваляют и славят бога. Корабельщики обнимают друг друга, ибо все возвратились целыми и невредимыми и нет убыли среди наших солдат. Благополучно миновали мы пороги Уауата, оставили позади остров Сенмут ^[1]и, наконец, достигли нашей страны!

Выслушай меня, князь мой! Не праздные слова я скажу тебе.

Омой лицо свое, ополосни водой пальцы свои и будь готов отвечать, когда тебя спросят. Говори с фараоном без страха, отвечай ему не запинаясь. Уста человека спасают его, умелая речь вызывает к нему снисхождение. Впрочем, делай, как знаешь, ибо я говорил тебе это уже не раз.

Слушай, я расскажу тебе нечто о несчастье, подобном твоему, но которое приключилось со мною.

Я плыл к рудникам фараона, я спускался к Великому Зеленому морю ^[2]на корабле длиною в сто двадцать локтей ^[3]и шириной в сорок. Было на нем сто двадцать корабельщиков из числа наилучших в Египте. Они повидали небо, они повидали землю, и сердца их были отважнее, чем у льва. Они умели предсказывать бури задолго до их начала, они

предугадывали грозу задолго до ее приближения.

Но вот, когда мы плыли по Великому Зеленому морю, вдруг разразилась буря. Вихрь налетел и поднял волну высотой до восьми локтей. Мачта обрушилась и сбила сильным ударом гребень волны. Корабль затонул, а с ним вместе все, кто на нем находился. Только меня одного вынесли волны Великого Зеленого моря на остров.

Три дня я провел в одиночестве; лишь сердце мое было моим товарищем. В изнеможении я лежал под деревом, стараясь укрыться в его тени. Потом я поднялся и направил свои стопы на поиски пищи. Вскоре нашел я смоквы и виноград, увидел сикоморы со зрелыми и созревающими плодами, огурцы, словно выращенные человеком, и другие превосходнейшие овощи. Еще я увидел множество птиц, а в источниках — всевозможных рыб. Ни в чем не было недостатка на этом острове! Насытился я, а то, что сорвал, но не смог уже съесть, положил обратно на землю. Потом я сделал снаряд для добывания огня, развел костер и принес богам жертву всеожжения.

Но вдруг я услышал гул, подобный раскатам грома. Я подумал, что это Великое Зеленое море снова обрушило свои волны на остров, и в страхе закрыл лицо руками. Деревья вокруг трещали, и земля тряслась подо мною.

Когда же я снова открыл лицо, то увидел, что это был змей длиною в тридцать локтей и с бороною длиною в два локтя. Кольца тела его были покрыты золотом, брови его были из чистого лазурита. Он шел ко мне, и тело его извивалось.

Я простерся перед ним на животе своем, а он отверз уста свои и сказал мне:

— Кто принес тебя сюда? Кто принес тебя сюда, ничтожный? Кто принес тебя? Если ты замедлишь с ответом и не скажешь, кто принес тебя на этот остров, я обращу тебя в пепел, и ты это изведешь, прежде чем превратиться в ничто.

И ответил я:

— Ты говоришь со мной, но темен смысл твоих слов. В страхе я лежу перед тобой и ничего не понимаю.

Тогда взял меня змей в свою пасть и понес к своему жилищу. Там положил он меня на землю так осторожно, что остался я жив и невредим. Снова простерся я перед змеем на животе своем, а он отверз уста свои и сказал:

— Кто принес тебя? Кто принес тебя сюда? Кто принес тебя сюда, ничтожный? Кто принес тебя на этот остров, окруженный водами Великого Зеленого моря?.

Я сложил перед змеем руки и сказал в ответ на его слова:

— По приказу фараона я плыл к рудникам на корабле длиною в сто двадцать локтей и шириною в сорок. Сто двадцать корабельщиков было на нем из числа наилучших в Египте. Повидали они небо, повидали землю, и сердца их были отважнее, чем у — льва. Они умели предсказывать бури задолго до их начала, они предугадывали грозу задолго до ее приближения. Один был сильнее и смелее другого, и не было несведущих среди них. Но когда мы плыли по Великому Зеленому морю вдали от всех берегов, вдруг разразилась буря. Вихрь налетел и поднял волну высотой до восьми локтей. Мачта обрушилась и сбила гребень волны, но корабль затонул, а с ним вместе все, кто остался на нем. Один я спасся, и вот я перед тобой. Волны Великого Зеленого моря принесли меня на этот остров.

И тогда сказал змей:

— Не бойся меня, ничтожный, не бойся! Теперь, когда ты со мной, незачем тебе бледнеть от страха. Видно, сам бог пожелал, чтобы ты остался в живых, ибо это он направил тебя к этому острову Духа, на котором такое множество превосходных вещей и нет недостатка ни в чем. Здесь, на этом острове, будешь ты жить месяц за месяцем, пока не завершится четвертый месяц. И тогда придет корабль из страны твоей, и будут на нем корабельщики, которых ты знаешь. Ты вернешься с ними на родину и умрешь в своем городе. И будешь ты счастлив, когда станешь рассказывать о том, что случилось с тобой, когда все тяжелое останется позади.

Слушай, я расскажу тебе нечто о несчастье, которое приключилось на этом острове. Здесь я жил со своими братьями и детьми, и всего нас было семьдесят пять змеев. Еще была среди нас одна девочка, дочь простой смертной, но ее я не считаю. И вот однажды упала с неба звезда, и пламя охватило всех. Случилось это, когда меня с ними не было. Они все сгорели, и лишь я один спасся. Но, когда я увидел эту гору мертвых тел, я сам едва не умер от скорби.

Так вот, если ты мужествен, овладей собой! Будь смел, и ты обнимешь своих детей, ты поцелуешь свою жену, ты снова увидишь свой дом, — а что может быть лучше этого? Ты вернешься в свой город и доживешь до конца своих дней среди братьев твоих.

Простершись перед змеем на животе своем, я коснулся лбом земли и сказал ему:

— О твоём могуществе я поведаю фараону, о твоём величии я расскажу ему. Я прикажу доставить тебе благовония хекену, иуденеб и хесаит ^[4], ладан и ароматические смолы, которые радуют богов. Я расскажу всем о том, что случилось со мною на этом острове и что я

увидел здесь благодаря твоему могуществу. И будут славить тебя в моем городе перед советом вельмож всей страны. Для тебя заколю я быков и принесу тебе жертву всесожжения. В жертву тебе принесу я птиц. Я велю послать к тебе корабли, нагруженные всем, что есть наилучшего в Египте, и принесу их тебе в дар, как богу, благосклонному к людям в этой далекой стране, о которой они не ведают.

И тогда посмеялся змей надо мною, точно слова мои были бессмысленны, и сказал:

— Мирры у тебя немного, и есть у тебя только ладан. Я же — повелитель Пунта, страны благовоний, и вся мирра принадлежит мне. Что же до благовонного хекену, которое ты мне обещаешь, то его на острове больше всего остального. Но, покинув мой остров, ты уже не найдешь его, ибо место это скроется под волнами.

И было все так, как предсказывал змей. К острову прибыл корабль. Я пришел на берег, влез на высокое дерево, увидел людей, которые были на корабле, и узнал их.

Тогда я направился к змею, чтобы рассказать о корабле, но увидел, что он все уже знает.

Сказал мне змей:

— Будь здоров, будь здоров, ничтожный! Ты вернешься домой невредимым, чтоб увидеть своих детей! Прославь меня в своем городе, — вот о чем я тебя прошу.

Тогда я простерся ниц на животе своем и сложил перед ним руки, и он дозволил мне взять благовония хекену, иуденеб, хесаит, тишепсес, мирру, черную мазь для глаз, хвосты жирафа, столько ароматной смолы и ладана, сколько я хотел, слоновую кость, охотничьих собак, мартышек, бабуинов и множество других превосходнейших вещей. И все это я погрузил на корабль.

Потом я простерся перед змеем на животе своем, чтобы поблагодарить его. И тогда сказал он мне:

— Через два месяца ты достигнешь еврей страны, ты обнимешь своих детей, ты вновь обретешь на родине молодость, и, когда придет срок, ты будешь погребен по людскому обычаю.

Затем я спустился на берег, к кораблю, и окликнул людей, которые были на нем. Стоя на берегу, я возблагодарил владыку этого острова, и те, кто был на корабле, сделали то же самое. А потом мы поплыли на север.

Через два месяца, как предсказывал змей, достигли, мы места, где пребывал двор фараона. Явился я к фараону и сложил перед ним все дары, привезенные мною с того острова. И поблагодарил меня фараон перед

советом вельмож всей страны, наградил меня своими рабами и принял меня в свою свиту.

Вот видишь, сколько я повидал, сколько я перенес, пока не вернулся в свою страну! Слушай меня, я не зря говорю тебе это! Полезно слушать слова других.

Но ответил ему вельможа:

— Не хитри со мною, мой друг. Незачем поить ночью птицу, которую утром зарежут!

ПРАВДА И КРИВДА

Рассказывают, что жили некогда два брата, старшего брата звали Правда, а младшего брата — Кривда.

Был Правда прекрасен всем телом своим, и не было ему равных во всей стране. Завидовал ему Кривда. И решил он его погубить. И вот достал Кривда красивый кинжал в красивых ножнах, взял с собою десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч и пришел к хранителю утвари Правды.

И сказал он ему:

— Возьми себе эти десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч, но сохрани мой кинжал, пока я не вернусь из города.

Прошло много дней, и хранитель утвари Правды решил почистить кинжал, который оставил ему Кривда. Он сел с ним на берегу пруда и стал его чистить. И вот кинжал выскользнул из его рук и упал в пруд. Сколько его ни искали, найти не смогли.

Услышал Кривда, что хранитель утвари Правды потерял его кинжал. Пришел он к хранителю утвари и сказал ему:

— Где мой кинжал? Верни мне его!

И ответил ему хранитель утвари:

— У меня его нет, я его потерял. Но вот тебе все кинжалы Правды и все они — твои. Возьми себе какой хочешь.

Тогда сказал ему Кривда:

— Разве есть второй такой кинжал, какой был у меня? Клинок его — гора Эль, рукоятка его — ствол дерева Коптоса ^[5], ножны его — гробница бога, а обвязка ножен — все стада пастбищ Кара ^[6].

Сказал тогда ему хранитель утвари:

— Может ли быть такой большой кинжал, как ты говоришь?

Но Кривда схватил его и потащил за собою туда, где был Правда. И он привел Правду на суд к Эннеаде и сказал:

— Доверил я Правде свой кинжал. А он потерял его. А кинжал тот был необыкновенный! Клинок его — гора Эль, рукоятка его — ствол дерева Коптоса, ножны его — гробница бога, а обвязка ножен — все стада пастбищ Кара. Не может он мне его возместить!

* * *

И еще сказал Кривда Эннеаде:

— Пусть схватят Правду и пусть ослепят его на оба глаза. И да будет он привратником дома моего!

И Эннеада сделал все, как говорил Кривда.

Прошло после этого много дней, и вот Кривда поднял глаза, взглянул и увидел достоинства своего старшего брата. И сказал тогда Кривда двум рабам Правды:

— Схватите вашего господина и отдайте его свирепому льву и многочисленным львицам голодным. Иначе я вас убью!

Схватили рабы своего господина и понесли на холмы пустыни. Но когда они поднимались по склону, сказал Правда своим рабам:

— Не губите меня! Возьмите вместо меня кого-нибудь другого. Или сделайте так: пусть один из вас пойдет к Кривде и скажет, что его приказание исполнено, а другой ходит в город и принесет мне немного хлеба.

И вот пошел один раб к Кривде и сказал ему:

— Мы бросили господина нашего в пустыне, и львы растерзали его.

Затем он вышел из дома, хоть Кривда и призывал его, чтобы наградить.

Прошло после этого еще много дней. Как-то раз одна знатная госпожа вышла из дому со своими служанками погулять. И вот служанки увидели Правду: он лежал у подножия холма и был так прекрасен, что не было ему равных во всей стране. Вернулись служанки к своей госпоже и сказали:

— Пойди с нами и посмотри. Там у подножия холма лежит слепец. Приведем его к нам и сделаем его привратником нашего дома!

Тогда приказала госпожа служанке:

— Пойди и приведи его! Я хочу на него взглянуть.

Отправилась служанка и привела Правду. И когда госпожа увидела, как прекрасен он телом своим, возжелала она его всем сердцем. Он провел с нею ночь и познал ее, как мужчина познает женщину. И в ту же самую ночь она зачала дитя.

Прошло еще много дней после этого, и родила госпожа сына. Не было ему равных во всей стране, ибо был он длиною в локоть и походил на юного бога. Его отдали в школу, и он научился прекрасно писать. Все, что должны были делать юноши, он выполнял так умело, что превзошел даже старших своих товарищей, которые вместе с ним учились в школе.

Тогда стали ему говорить товарищи:

— Чей ты сын? У тебя нет отца!

Они мучили и дразнили его:

— Воистину у тебя нет отца!

И тогда стал мальчик спрашивать свою мать:

— Открой мне имя отца моего, чтобы я мог сказать его товарищам в школе. Они ругают меня и спрашивают: «Кто же твой отец?» Так они дразнят и терзают меня.

И ответила ему мать:

— Видишь слепца, который сидит у ворот? Это и есть твой отец.

Так ответила она ему. И сын ей сказал:

— За то, что ты сделала, следовало бы созвать всю твою родню и на ее глазах бросить тебя крокодилу!

Потом мальчик привел отца в дом и усадил его в кресло. Он принес скамейку для ног и подставил ее отцу под ноги. Он положил перед ним хлеб, накормил его и напоил. А затем спросил мальчик отца своего:

— Скажи, кто тебя ослепил, чтобы я мог отомстить за тебя.

Ответил Правда:

— Это мой младший брат ослепил меня.

И он рассказал ему все, что с ним было.

Тогда стал мальчик собираться в путь, чтобы отомстить за отца своего. Нашел он быка самой красивой масти, взял десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч и отправился к пастуху Кривды. Сказал он ему:

— Возьми себе эти десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч, но постереги моего быка, пока я не вернусь из города.

Прошло после этого много дней. Много месяцев пас быка пастух Кривды. И вот однажды отправился Кривда в поля, чтобы взглянуть на своих быков. И увидел он быка, который был самой прекрасной масти. Сказал тогда Кривда своему пастуху:

— Отдай мне этого быка! Я хочу его съесть.

Но ответил ему пастух:

— Этот бык не мой. Не могу я отдать его тебе.

Тогда сказал ему Кривда:

— Посмотри, вот мои быки, и все они у тебя. Любого из них отдай

хозяину того быка!

И вот услышал мальчик, что Кривда взял его быка. Пришел он к пастуху Кривды и сказал ему:

— Где мой бык? Я не вижу его среди твоих быков.

Ответил ему пастух:

— Вот все быки Кривды и все они — твои. Возьми себе, какого захочешь.

Тогда сказал ему мальчик:

— Разве есть второй такой большой бык, какой был у меня? Когда стоит он на Острове Амона ^[7], кисть хвоста его лежит в Зарослях Папируса; один рог его покоится на Западной горе, а другой рог — на Восточной горе ^[8], ложем служит ему Великая Река ^[9]: шестьдесят телят рождается от него ежедневно.

Сказал ему пастух:

— Может ли быть такой большой бык, как ты говоришь?

Но мальчик схватил его и потащил за собой туда, где был Кривда. И привел он Кривду на суд к Эннеаде.

Выслушали его боги Эннеады и сказали:

— Неправда то, что ты говоришь. Мы никогда не видали такого большого быка!

Тогда сказал Эннеаде мальчик:

— Но разве есть такой большой кинжал, как вы говорили прежде? Вы говорили, будто клинок его — гора Эль, рукоятка его — ствол дерева Коптоса, ножны его — гробница бога, а обвязка ножен — все стада пастбищ Кара!

И еще сказал он Эннеаде:

— Рассудите между Правдой и Кривдой. Я — сын Правды, и я пришел отомстить за него.

Тогда Кривда поклялся именем фараона, да будет он жив, здоров и могуч, и сказал:

— Клянусь вечностью Амона и жизнью повелителя, неправда это! И если найдут Правду живым, пусть ослепят меня на оба глаза и пусть сделают меня привратником дома его!

Но мальчик тоже поклялся именем фараона, да будет он жив, здоров и могуч, и сказал:

— Клянусь вечностью Амона и жизнью повелителя, эта правда. И если найдут отца моего живым, пусть жестоко накажут Кривду! Пусть дадут ему сто простых ударов и нанесут ему пять рваных ран. А потом

пусть его ослепят на оба глаза и сделают привратником в доме Правды. И да служит он ему вечно!

Так отомстил мальчик за отца своего, и так решился спор между Кривдой и Правдой.

ДВА БРАТА

Рассказывают, что жили некогда два брата от одного отца и одной матери. Имя старшего было Анупу, а имя младшего — Бата.

У старшего брата Анупу был дом и была жена. А младший брат Бата жил с ними, как их родной сын. Он делал все для старшего брата: он изготовлял для него одежды, пас его стадо, пахал для него, жал для него и выполнял все работы, какие только находились в поле. Младший брат Бата был прекрасным юношей и обладал силой бога. Не было равных ему во всей стране.

Каждый день, когда озарялась земля, младший брат по своему обыкновению уходил со своим стадом, и каждый вечер он возвращался домой, нагруженный всевозможными полевыми травами. Он приносил с собой молоко, дрова и всякие превосходные вещи, которые растут на полях. И все это он клал перед старшим братом, который ожидал его, сидя со своей женой.

После этого он пил и ел и уходил в загон для скота, где он спал один посреди своего стада.

А когда наступал новый день и земля озарялась, младший брат готовил горячую пищу и ставил ее перед старшим братом. И старший брат оделял его хлебом, чтобы младший брат мог поесть в поле.

Потом младший брат выгонял свое стадо пастись на поля. Он шел за своими коровами, и они говорили ему:

— Сегодня трава хороша вон в том месте!

Он слышал все, что они говорили, и вел их в то самое место, где росла трава, какой им хотелось. И коровы, которых он пас, становились все лучше и лучше, и приплод от них множился без конца.

Но вот пришла пора пахать, и старший брат сказал младшему:

— Приготовь упряжку быков для пахоты! Земля уже вышла после разлива Нила из-под воды, и сейчас пахать ее самое время. Захвати в поле и семена, потому что завтра с утра мы начнем пахать в полную силу.

И младший брат сделал все, что велел ему старший.

Когда озарилась земля и наступил новый день, они вышли в поле,

захватив с собой семена. Прилежно пахали они, и сердца их радовались, ибо пахота началась.

Прошло после этого много дней. Но вот однажды, когда братья были на поле, им не хватило семян. Старший брат послал за ними младшего брата. Сказал он ему:

— Ступай в деревню и принеси семена!

Пришел младший брат домой и увидел, что жена его старшего брата сидит и причесывается. Тогда младший брат сказал ей:

— Встань и дай мне семян! Я спешу в поле, потому что мой старший брат ждет меня. Поторопись же!

Но она ему ответила:

— Не заставляй меня бросать прическу неоконченной! Поди открой амбар и сам возьми все, что тебе нужно.

Тогда юноша вошел в свой загон для скота и вынес оттуда большой сосуд: он хотел захватить побольше, семян. И вот нагрузился он ячменем и пшеницей и пошел. Увидела это жена старшего брата и спросила:

— Сколько же весит все, что ты взвалил себе на плечи?

И ответил он ей:

— Три мешка пшеницы и два мешка ячменя. А всего у меня на плечах пять мешков [\[10\]](#).

Так ответил он ей. Тогда она вновь обратилась к нему и сказала:

— Великая сила в тебе! Мощью твоей любуюсь я каждый день.

И захотела она познать его, как познают мужчину.

Поднялась она, схватила младшего брата за руку и сказала ему:

— Пойдем ляжем вместе, позабавимся часок! А за это я сошью тебе красивые одежды.

Но юноша, услышав ее скверные речи, разъярился, как леопард, и великий страх охватил ее. А он ей сказал:

— Что говоришь ты? Ведь ты для меня словно мать, а твой муж для меня как отец! Он мой старший брат, он меня взрастил. Зачем же ты мне сказала такую мерзость? Больше не смей говорить мне это! А я не Повторю этого никому: такие слова ни перед кем не выйдут из моих уст.

Потом он поднял свою ношу и отправился в поле. Он пришел к своему старшему брату, и они прилежно взялись за работу.

Но вот наступил вечер, и старший брат, кончив работу, пошел домой. А младший брат задержался со стадом. Он взвалил себе на плечи всевозможные травы и плоды полей и погнал свое стадо впереди себя на ночлег, к загону в деревне.

Между тем жена старшего брата пребывала в страхе из-за сказанных

ею слов. И вот взяла она жир и говяжье сало-и намазалась им, словно ее избили. И все это для того, чтобы сказать своему мужу: «Это твой младший брат избил меня!»

Когда муж по своему обыкновению вернулся к вечеру и вошел в дом, жена лежала, притворяясь больной. Она не полила ему на руки воды, как он к этому привык, она не зажгла перед ним огня, и весь дом оставался погруженным во мрак. А сама она лежала и делала вид, что ее тошнит.

Тогда спросил ее муж:

— Кто обидел тебя?

И она ответила:

— Никто меня не обижал, кроме твоего младшего брата. Когда он пришел, чтобы взять для тебя семена, я сидела в доме одна. Тогда он сказал мне: «Закончи прическу и пойдем ляжем вместе, позабудем часок!» Вот что он мне сказал! Но я не стала его слушать и сказала: «Разве-я не мать для тебя? Разве твой старший брат не отец для тебя?» Так я сказала ему, и он испугался. Он избил меня, чтобы я ничего тебе не рассказала. И если теперь ты его не убьешь, я покончу с жизнью. Смотри не слушай его, когда он придет! Я до сих пор страдаю, как подумаю о том скверном деле, которое он хотел свершить днем.

Старший брат разъярился, как леопард. Заострил он свое копье и взял его в руки. Потом старший брат встал за воротами загона для скота, чтобы убить своего младшего брата, когда он вернется вечером и станет загонять свое стадо.

И вот, когда солнце закатилось, младший брат, нагруженный всевозможными полевыми травами, возвратился по своему обыкновению домой. Первая корова его стада вошла в загон и сказала своему пастуху:

— Смотри, здесь стоит и ждет тебя твой старший брат с копьем в руках. Он хочет убить тебя! Беги от него!

И младший брат услышал, что сказала ему корова. За ней вошла в загон вторая корова и сказала ему то же самое. Тогда он заглянул под ворота загона и увидел ноги старшего брата, который стоял за воротами с копьем в руках.

Бросил младший брат свою ношу и пустился бежать со всех ног. А старший брат погнался за ним с копьем в руках.

Воззвал тогда младший брат к Ра-Горахути. Взмолился он:

— Спаси меня, о благой владыка! Ведь ты знаешь, где правый и где виноватый!

Ра услышал его мольбу и повелел, чтобы водная гладь пролегла между младшим братом и старшим. И разделила их водная гладь, полная

крокодилов, так что младший брат очутился на одном берегу, а старший остался на другом берегу.

С досады, что не смог он убить своего младшего брата, дважды ударил себя старшин брат по руке. А младший брат прокричал ему с того берега:

— Оставайся здесь, пока не озарится земля! Когда взойдет солнце, я буду судиться с тобой перед ликом его, и бог солнца отдаст виноватого в руки правому. Я не буду жить рядом с тобой никогда! Я не вернусь в то место, где ты живешь. Я уйду от тебя в Долину Пиний.

И вот озарилась земля, и наступил новый день. Воссиял в небе Ра-Горахути и братья вновь увидели друг друга. Тогда обратился юноша к старшему брату и сказал ему:

— Почему ты преследуешь меня? Почему захотел ты предательски убить меня, не выслушав даже, что скажут мои уста? Я ведь твой младший брат, и ты был для меня как отец, а жена твоя — словно мать. Разве это не так? Когда ты по слал меня за семенами, жена твоя сказала мне: «Пойдем ляжем вместе, позабудем часок!» Но я вижу, что тебе она все рассказала не так, как было.

И он поведал старшему брату обо всем, что случилось между ним и его женой. Он поклялся именем Ра-Горахути, что это правда. И воскликнул он:

— Как же мог ты напасть на меня с копьем, чтобы предательски убить меня из-за этой вонючей шлюхи.

Тут схватил младший брат резак для тростника и оскопил себя. Детородный член свой он бросил в воду, и сом проглотил его.

Изнемог младший брат, силы покинули его. А сердце старшего брата разрывалось от горя. Он стоял и оплакивал несчастного, но перебраться на тот берег, где был его младший брат, он не мог из-за крокодилов.

И вот младший брат окликнул его и сказал:

— Подумал ты о дурном и не вспомнил о хорошем, не вспомнил ни о чем из того, что делал я для тебя. Возвращайся же теперь в свой дом и паси сам свой скот! Ибо я не вернусь в то место, где ты живешь, я уйду от тебя в Долину Пиний. Но ты для меня сделаешь вот что: позаботься обо мне, когда узнаешь, что со мной случилась беда. Я выну сердце свое из груди и спрячу его на вершине пинии в цветке. Если станут рубить эту пинию и упадет мое сердце на землю, приди и найди его! Будь терпелив, даже если тебе придется потратить на поиски целых семь лет! А когда ты найдешь мое сердце, опусти его в сосуд со свежей водой, и я вновь оживу и смогу отомстить всем, кто желал мне зла. Ты узнаешь, что со мной случилась беда, по кувшину с пивом: у тебя в руках пиво вспенится и потечет через

край. Когда такое случится с тобой, не медли!

И вот младший брат отправился в Долину Пиний, а старший брат поплелся домой. Он шел, держась руками за голову, весь обсыпанный пылью в знак печали. И когда он вернулся домой, он убил жену свою и бросил тело ее собакам. А потом он сел и принялся горевать о своем младшем брате.

* * *

Прошло после этого много дней. Младший брат жил в Долине Пиний, и не было никого рядом с ним. Целыми днями он охотился за дичью пустыни, а вечером он возвращался и засыпал под пинией, на вершине которой в цветке пинии лежало его сердце.

Прошло еще много дней, и он построил себе своими руками дворец в Долине Пиний. Тот дворец был наполнен всяческими превосходными вещами, ибо младший брат Бата хотел, чтобы в доме его ни в чем не было недостатка.

И вот однажды, когда вышел Бата из дворца своего, повстречалась ему Эннеада богов. Они шествовали, погруженные в заботы о делах всей земли. Боги Эннеады поговорили между собой, а затем обратились к Бате:

— О Бата, божественный бык Эннеады! Ты бежал из родного края из-за жены твоего старшего брата Анупу и живешь здесь один. Знай же: он убил жену свою, и ты теперь отомщен перед всеми, кто желал тебе зла.

Сжалилось сердце богов над Батой, и сказал Ра-Горахути Хнуму:

— Сотвори для Баты жену, чтобы он жил не один!

Тогда Хнум вернул Бате мужскую силу и сотворил ему подругу, чтобы она жила с ним. Телом своим была она прекраснее любой другой женщины на земле, и было в ней семя всех богов.

Семь Хатор пришли посмотреть на нее. И сказали они в один голос:

— Она умрет от меча!

Но Бата всем сердцем желал ее. И она поселилась в его дворце. Целыми днями Бата охотился за дичью пустыни, и добычу свою он приносил и клал перед женой своей.

Однажды сказал ей Бата:

— Не выходи из дома, чтобы море тебя не похитило. От него ты не сможешь спастись, ибо ты ведь всего только женщина! А потом знай: сердце мое лежит в цветке пинии на вершине пинии, и если найдет его кто-нибудь, мне придется сражаться с ним.

И он открыл ей все про сердце свое.

Прошло еще много дней, и однажды Бата отправился на охоту по своему обыкновению. И вот молодая женщина вышла погулять под пинией, которая росла возле дома. Вдруг она заметила, что море катит за ней свои волны. Она бросилась бежать от него и уже достигла дома, но тут море воззвало к пинии. Сказало оно:

— Задержи ее и отдай мне!

И пиния успела схватить прядь волос молодой женщины. Унесло море эту прядь в Египет и опустило в том месте, где работали прачки [11] фараона, да будет он жив, здоров и могуч.

И вот благоухание этой пряди волос пропитало одежды фараона, да будет он жив, здоров и могуч. Стали тогда бранить прачек фараона, да будет он жив, здоров и могуч.

Стали им говорить:

— Запах благовоний пропитал одежды фараона, да будет он жив, здоров и могуч!

И так бранили их каждый день, и они уже не знали, что делать.

Тогда сам управляющий прачками фараона, да будет он жив, здоров и могуч, отправился на берег. Сердце его было-весьма опечалено, потому что бранили его каждый день. Он остановился на берегу как раз перед прядью волос, которая лежала в воде, и увидел ее. Приказал он войти в воду и достать эту прядь. Благоухание этой пряди показалось ему таким приятным, что он отнес ее фараону, да будет он жив, здоров и могуч.

И вот призвали писцов и мудрецов фараона, да будет он жив, здоров и могуч, и сказали они фараону:

— Это прядь волос дочери Ра-Горахути. В теле ее семя всех богов. Это дар тебе из иной страны. Отправь гонцов в чужеземные страны на поиски и отправь побольше людей в Долину Пиний, чтобы они доставили к тебе эту женщину, ибо думаем мы, что скорее всего найдем ее там!

И сказал его величество:

— Превосходно, превосходно то, что вы говорите!

И он приказал им выступать.

Прошло после этого много дней, и все гонцы, посланные в чужеземные страны, вернулись с вестями к его величеству. Только те, кто был послан в Долину Пиний, не вернулись, потому что Бата убил их. Лишь одного он оставил в живых, чтобы тот мог рассказать о случившемся его величеству.

Тогда приказал его величество вновь отправить в Долину Пиний множество солдат, а также воинов на колесницах, чтобы они доставили к

нему жену Баты. Вместе с ними отправилась в путь одна женщина, которой вручили всевозможные прекрасные женские украшения. Эта женщина и увлекла с собою в Египет жену Баты.

Вся страна ликовала, радуясь прибытию жены Баты. А его величество полюбил ее всем сердцем и сделал своей первой наложницей.

Стал фараон расспрашивать жену Баты о ее муже. И сказала она его величеству, да будет он жив, здоров и могуч:

— Прикажи срезать и изрубить пинию.

Послал фараон солдат с медными топорами в Долину Пиний. Пришли они к той пинии, в цветке которой лежало сердце Баты, и срубили ее. И в тот же миг упал Бата замертво.

На другой день после того, как срубили пинию, когда вновь озарилась земля, старший брат Баты Анупу вошел в свой дом. Он вымыл руки и сел. Принесли ему сосуд с пивом, и пиво запенилось. Принесли ему другой сосуд с вином, и вино замутилось. Тогда надел Анупу свои сандалии и одежды, взял свой посох и свое оружие и направился к Долине Пиний.

Он пришел во дворец своего младшего брата и увидел, что его младший брат лежит мертвый на ложе своем. Зарыдал он при виде мертвого брата. И отправился он искать сердце младшего брата под той пинией, под которой его младший брат отдыхал по вечерам.

Три года провел он в поисках, но ничего не нашел. И вот, когда пошел уже четвертый год, затосковало сердце его, и захотел он вернуться в Египет. И сказал он себе:

— Завтра я уйду.

Так сказал он в сердце своем.

Но когда озарилась земля и наступил новый день, он опять отправился к пинии. Целый день провел он в поисках сердца брата и вечером вновь вернулся, чтобы искать его.

И вот нашел он семя, похожее на сердце, и принес в дом. Это и было сердце его младшего брата. Взял он чашу со свежей водой и бросил в нее сердце брата. А сам сел рядом и стал ждать.

Наступила ночь, и сердце Баты впитало в себя воду. Затрепетал Бата всем телом и взглянул на старшего брата своего. Но сердце его все еще оставалось в чаше с водой.

Тогда взял старший брат Анупу эту чашу со свежей водой, в которой плавало сердце брата, и заставил младшего брата выпить ее. И когда вернулось сердце на свое место, Бата ожил и стал таким же, как прежде. Обнялись братья и стали говорить друг с другом.

И вот сказал Бата своему старшему брату:

— Слушай! Я превращусь в большого быка самой прекрасной масти и небывалого рода. Ты сядешь ко мне на спину, и еще до восхода солнца мы будем там, где находится моя жена. Я отомщу ей! А потом ты отведешь меня к фараону. И вознаградят тебя и заплатят тебе серебром и золотом за то, что ты привел меня к фараону, да будет он жив, здоров и могуч. Ибо я стану величайшим чудом, и будут радоваться люди по всей стране. А потом ты вернешься в свою родную деревню.

И вот, когда озарилась земля и наступил новый день, Бата принял тот облик, о котором он говорил своему старшему брату. Еще до рассвета старший брат Анупу сел к нему на спину, и они достигли того места, где пребывал фараон. Дали знать об этом его величеству фараону, да будет он жив, здоров и могуч. Пришел фараон посмотреть на небывалого быка и возрадовался всем сердцем. В честь его совершил он щедрые жертвоприношения. Сказал он:

— Это великое чудо!

И радовались люди по всей стране.

Заплатили старшему брату за быка золотом и серебром по весу его, и Анупу вернулся в свою деревню. Дали ему много людей и много всяческого добра. И полюбил его фараон, да будет он жив, здоров и могуч, больше, чем всех других людей в стране своей.

Прошло после этого много дней. И вот однажды вошел бык в кухню фараона и остановился перед первой наложницей. Заговорил он с ней и сказал:

— Смотри, я еще живу!

Спросила она его:

— Кто же ты?

И ответил он ей:

— Я — Бата. Я знаю, что это ты велела фараону срубить пинию, чтобы убить меня. Но смотри — я превратился в быка, и я живу.

Охватил наложницу страх, ужаснули ее слова мужа. Она выбежала из кухни и пошла к фараону. Его величество провел со своею наложницей приятный день. Она наливала ему вино, и был он к ней милостив необычайно. И вот сказала она его величеству, да будет он жив, здоров и могуч:

— Поклянись мне именем бога и скажи: «Я сделаю все, что попросит моя наложница!»

И фараон согласился выслушать все, что она ему скажет.

Тогда сказала она:

— Я хочу съесть печень того быка. Ведь он все равно не приносит

пользы!

Сильно опечалился фараон, услышав ее слова. Всем сердцем жалел фараон своего быка.

И вот, когда озарилась земля и наступил новый день, повелел фараон совершить великие жертвоприношения в честь заклания быка. Заколоть быка поручили первому мяснику фараона, да будет он жив, здоров и могуч. И он это сделал.

Но когда служители понесли быка на плечах, он тряхнул загривком и две капли крови упали возле портала дворца его величества, да будет он жив, здоров и могуч. Одна из капель упала с одной стороны от больших ворот дворца фараона, а будет он жив, здоров и могуч, а другая — с другой стороны. Выросли из них две большие персеи [\[12\]](#), и каждая персея была редкостным деревом.

Доложили об этом его величеству, да будет он жив, здоров и могуч.

— Две большие персеи выросли за ночь у больших ворот твоего дворца. Это великое чудо, совершенное для тебя!

Родовались люди по всей стране и приносили жертвы этим персеям.

Но вот прошло много дней, и однажды его величество, да будет он жив, здоров и могуч, появился перед народом в окне из лазурита. На шее у него был венок из всевозможных цветов. Он взошел на золотую колесницу и выехал из дворца своего, чтобы взглянуть на персей. И первая наложница фараона, да будет он жив, здоров и могуч, выехала за ним.

Его величество фараон, да будет он жив, здоров и могуч, сел под одной Персией, а его наложница под другой. И тогда сказал Бата своей жене:

— О предательница! Я Бата, и я живу вопреки тебе! Я знаю, что это ты велела фараону срубить пинию, чтобы убить меня. Я превратился в быка, и ты снова велела убить меня.

Прошло после этого еще много дней. И вот снова стала наложница наливать вино фараону, да будет он жив, здоров и могуч. И был он к ней милостив необычайно. И сказала она его величеству, да будет он жив, здоров и могуч:

— Поклянись мне именем бога и скажи: «Я сделаю все, что попросит моя наложница!»

И фараон согласился выслушать все, что она ему скажет.

Тогда сказала она:

— Прикажи срубить эти две персеи и сделать из них красивую утварь.

Выслушал фараон ее слова и тотчас же послал искусных работников, чтобы срубили они персей для его величества, да будет он жив, здоров и могуч. А любимая наложница фараона сама пришла посмотреть на это. И

вот отлетела щепка прямо в рот наложнице; проглотила наложница щепку и в тот же миг понесла дитя.

А фараон приказал изготовить из тех персей все, что желала наложница.

Прошло еще много дней, и родила наложница сына. Сообщили его величеству, да будет он жив, здоров и могуч:

— Родился сын у тебя!

Потом принесли новорожденного, приставили к нему кормилицу и няnek, и радовались люди по всей стране. А фараон сел пировать и провел счастливый день, восхваляя своего сына. С самого начала его величество полюбил мальчика всем сердцем и назначил его царским сыном Куша [\[13\]](#).

Прошло еще много дней после этого, и фараон, да будет он жив, здоров и могуч, сделал сына наследником престола всей земли.

Прошло много дней. Долгие годы Бата в образе сына фараона был наследником престола всей земли. Но вот его величество, да будет он жив, здоров и могуч, вознесся на небо. И сказал тогда Бата:

— Пусть призовут ко мне высших сановников, дабы я осведомил их обо всем, что случилось со мной.

И вот привели к нему его жену. И он судился с ней перед высшими сановниками его величества, и они подтвердили его приговор [\[14\]](#).

Потом привели к нему его старшего брата Анупу, и Бата сделал его наследником престола всей своей земли.

Тридцать лет правил Бата Египтом, а затем отошел к вечной жизни. И в день его смерти на престол взошел его старший брат.

ЦАРЬ РАМПСИНИТ И НЕУЛОВИМЫЙ ВОР

Царь Рампсинит был настолько богат и имел так много золота, что ни один из последующих царей не только не мог его превзойти, но и не в силах был даже сравниться с ним. И вот, желая надежно спрятать свои сокровища, он приказал построить каменное хранилище, примыкающее к внешней стене его дворца. Но зодчий, которому было это поручено, со злым умыслом сделал так, что один или два человека легко могли вынуть каменную плиту из стены сокровищницы.

Когда хранилище было построено, царь поместил в нем все свои богатства.

Спустя некоторое время, зодчий почувствовал приближение смерти и призвал к себе своих сыновей, — а их у него было двое. И вот он открыл

им, что он сделал во время постройки сокровищницы, заботясь о том, чтобы они могли жить в достатке. Он подробно объяснил им, как можно вынуть каменную плиту, указал приметы этого камня и сказал, что если они сохраняют все в тайне, то будут хозяевами царских сокровищ.

Когда зодчий умер, его сыновья, не теряя времени, приступили к делу. Ночью они отправились к царскому дворцу, легко отыскали каменную плиту в стене хранилища и вынули ее руками. В ту ночь они унесли с собой немало сокровищ.

Но случилось так, что царь приказал открыть хранилище. С изумлением он увидел, что в сосудах недостает сокровищ. Однако обвинить кого-нибудь в краже он не мог, ибо хранилище было заперто и все печати на двери остались целыми.

Через некоторое время царь приказал открыть свое хранилище во второй, а затем в третий раз, — и каждый раз он замечал, что сокровища его убывают. Воры не переставали его обкрадывать.

Тогда царь Рампсинит сделал так: он приказал изготовить капканы и поставить их вокруг сосудов, в которых хранились его богатства.

И вот воры пришли, как обычно, к хранилищу. Один из них проник внутрь, но едва он приблизился к сосуду, как тут же попался в капкан. Увидел он, что ему не вырваться, и тотчас позвал своего брата. Он объяснил ему, что с ним случилось, приказал поскорее приблизиться и отрубить ему голову, ибо если бы кто-нибудь увидел его и узнал, погиб бы не только он, но и его брат.

Брат выслушал его и согласился, что иного выхода нет. Он исполнил приказ несчастного, выбрался из хранилища, поставил на место каменную плиту и отправился домой, унося с собою голову брата.

Едва наступил день, царь вновь приказал открыть хранилище. С удивлением увидел он в капкане труп вора без головы. А между тем хранилище оставалось целым и нигде не было ни входа, ни выхода.

Подивился царь и придумал вот что: он велел повесить труп вора на стене, а возле него поставить стражу. И приказал он стражникам хватать и приводить к нему всякого, кто при виде трупа заплачет или выкажет печаль.

Когда повесили труп вора на стену, мать его охватила скорбь. Она призвала своего сына, оставшегося в живых, и велела ему любым способом избавить тело брата от надругания и принести к ней. Мать грозила, если он этого не сделает, пойти к царю и указать ему похитителя его сокровищ. Мать не давала сыну покоя, и все его увещевания не могли ее утешить.

Тогда вот что придумал вор. Он навьючил несколько ослов мехами с

вином и погнал их. Когда ослы приблизились к тому месту, где висел труп его брата и где стояла стража, вор потянул за завязки двух — трех мехов и развязал их. Вино хлынуло на землю, а вор громко закричал, хватаясь за голову, и заметался, словно не зная, к какому ослу вперед броситься.

Увидели стражники вино, текущее в изобилии на землю, сбежались с сосудами в руках и принялись его черпать, говоря, что пролитое вино — это их законная доля. А вор их ругал и поносил в притворном гневе.

Тогда стражники стали его утешать. Вор сделал вид, что гнев его прошел, и успокоился. Наконец, он согнал ослов с дороги и принялся их перевьючивать. Стражники вступили с ним в разговор. Кто-то из них заставил его рассмеяться веселой шутке, и в награду за это вор подарил стражникам еще целый мех вина. Стражники тут же принялись распивать вино и пригласили вора выпить вместе с ними. Он согласился и остался.

Пока они пили, стражники обходились с вором любезно и ласково, и за это он дал им еще один мех вина. Так стражники пьянствовали беспрерывно, пока не повалились и не заснули на том же месте, где сидели.

Как только стемнело, вор снял со стены тело брата и погрузил на осла. Потом он в насмешку отрезал всем стражникам правую половину бороды и погнал своих ослов домой. Так исполнил он волю матери.

Когда царю сообщили, что тело вора похищено, он пришел в страшный гнев. Решил он любую ценой обнаружить, кто посмел это совершить, и сделал следующее: царь поселил свою родную дочь в отдаленном доме и приказал ей принимать у себя всех мужчин без разбора при одном лишь условии: каждый из них, прежде чем лечь с ней в постель, должен рассказать ей о самом бесчестном и о самом ловком поступке, совершенном им в жизни. И приказал ей царь, если она услышит от кого-либо рассказ про вора, схватить того человека и не отпускать.

Дочь даря поступила согласно воле отца, но вор догадался, ради чего все это придумано. Решил он превзойти в хитрости самого царя и сделал так: у свежего еще трупа брата он отрезал руку до плеча, спрятал ее под плащом и отправился к царской дочери.

Царская дочь приняла его как и всех, и попросила ответить на свои два вопроса. Вор сказал ей, что самый бесчестный поступок в жизни он совершил тогда, когда отрезал голову брату, попавшемуся в капкан в сокровищнице царя. А самый ловкий поступок в жизни он совершил тогда, когда напоил стражу допьяна и похитил повешенное на стене тело брата.

Как только царская дочь услышала это, она схватила вора. Но он в темноте успел подсунуть ей мертвую руку, и царская дочь уцепилась за нее, думая, что держит руку вора. А вор оставил царевне мертвую руку и

поспешно выскользнул за дверь.

Когда царю донесли о случившемся, изумился он смелости и ловкости этого человека. И приказал царь оповестить по всем городам, что он дарует прощение неуловимому вору и обещает хорошо наградить его, если тот к нему явится сам.

Поверил вор обещанию царя и явился к нему. Рампсинит был так поражен его разумом, что выдал за него свою дочь, как за самого умного человека в своей стране. Он считал египтян самым мудрым из всех народов, но на этого человека Рампсинит смотрел как на умнейшего среди египтян.

КОРШУН И КОШКА

Жил некогда коршун, рожденный на вершине горного дерева. И жила кошка, рожденная у подножия этой горы.

Коршун не решался улетать из гнезда за кормом для своих птенцов, потому что боялся, что кошка их съест. Но и кошка тоже не отваживалась уходить за пищей для своих котят, потому что боялась, что коршун их унесет.

И вот однажды сказал коршун кошке:

— Давай жить как добрые соседи! Поклянемся перед великим богом Ра и скажем: «Если кто-нибудь из нас отправится за кормом для своих детей, другой не будет на них нападать!»

И они обещали перед богом Ра, что не отступятся от этой клятвы.

Но однажды коршун отнял у котенка кусок мяса и отдал его своему коршуненку. Увидела это кошка и решила отнять мясо у коршуненка. И когда он повернулся к ней, кошка схватила его и вонзила в него свои когти. Увидел коршуненок, что ему не вырваться, и сказал:

— Клянусь Ра, это не твой корм! За что же ты вонзила в меня свои когти?

Но кошка ему ответила:

— Откуда же у тебя это мясо? Ведь принесла его я и принесла не тебе!

Сказал ей тогда коршуненок:

— Я не летал к твоим котяткам! И если ты станешь мстить мне или братьям моим и сестрам, то Ра увидит, что ложной была та клятва, которую ты принесла.

Тут хотел он взлететь, но крылья не смогли унести его обратно на дерево. Словно умирающий, упал он на землю и сказал кошке:

— Если ты убьешь меня, то погибнет твой сын и сын твоего сына.

И кошка его не тронула.

Но вот коршун нашел своего птенца на земле, и злоба охватила его. Сказал коршун:

— Я отомщу! Это случится, когда Возмездие вернется сюда из отдаленных земель страны Сирии. Тогда пойдет кошка за пищей для своих котят, а я нападу на них. И станут дети ее кормом для меня и моих детей!

Однако коршун долго не мог улучшить время, чтобы напасть на дом кошки и уничтожить весь род ее. Он следил за каждым шагом кошки и думал о своей мести.

И вот однажды отправилась кошка за пищей для своих котят. Коршун напал на них и унес. И когда кошка вернулась, она не нашла ни одного котенка.

Тогда кошка обратилась к небу и возвала к великому Ра:

— Узнай мое горе и рассуди нас с коршуном! Мы дали с ним священную клятву, но он нарушил ее. Он убил всех моих детей!

И Ра услышал голос ее. Он послал Небесную силу, чтобы покарать коршуна, который убил детей кошки. Отправилась Небесная сила и отыскала Возмездие. Сидело Возмездие под тем деревом, где было гнездо коршуна. И Небесная сила передала Возмездию повеление Ра покарать коршуна за то, что он совершил с детьми кошки.

Тогда Возмездие сделало так, что коршун увидел одного сирийца, который жарил на углях горную дичь. Схватил коршун кусок мяса и унес это мясо в свое гнездо. Но он не заметил, что к мясу пристали горящие угольки.

И вот гнездо коршуна запыпало. Изжарились все его дети и упали на землю к подножию дерева.

Пришла кошка к дереву, где было гнездо коршуна, но птенцов не тронула. И сказала она коршуну:

— Клянусь именем Ра, ты долго охотился за моими детьми, и вот ты напал на них и убил! А я даже теперь не трогаю твоих птенцов, хоть они и поджарились в самый раз!

ЛЕВ И МЫШЬ

Жил некогда на горе могучий лев. Он охотился каждый день, и звери гор страшились силы его.

Однажды повстречал лев пантеру. Вся шкура ее была изодрана, и мех

ее висел ключьями. От множества ран была она ни жива ни мертва. Спросил ее лев:

— Что случилось с тобой? Кто порвал твою шкуру, кто ободрал твой мех?

И пантера ему ответила:

— Это сделал человек.

Спросил тогда лев:

— А кто такой человек?

Ответила ему пантера:

— Нет никого хитрей человека! Никогда не попадайся ему в руки!

Затаил лев злобу на человека и отправился его искать. Повстречал он в пути осла и лошадь. Морды их опутывала узда, а в зубах были удила. Спросил их лев:

— Кто вас так связал?

И они ответили:

— Это наш господин, человек!

Удивился лев:

— Неужели человек сильнее вас?

Тогда сказали они:

— Он наш хозяин. Нет никого умнее человека. Никогда не попадайся ему в руки!

Еще больше обозлился лев на человека и ушел от осла и лошади.

Повстречался он с быком и коровой. Рога их были обпилены, ноздри их были проколоты, а на шее у них лежало ярмо. Спросил их лев, кто это сделал, и они сказали ему, что сделал это их господин, человек.

Пошел лев дальше и встретил медведя. Когти у него были обрезаны, а зубы вырваны. Спросил его лев:

— Неужели человек сильнее даже тебя?

И медведь ответил:

— Да, сильнее. Был у меня в услужении один человек. Он приносил мне пищу. Но однажды сказал он мне: «Воистину твои когти слишком длинны; они мешают тебе брать пищу. А зубы твои слабы и не дают тебе вкушать то, что ты хочешь. Позволь мне их вырвать, и я принесу тебе вдвое больше пищи, чем обычно!» И я позволил ему их вырвать. И вот он взял мои зубы и когти, швырнул мне в глаза песок и убежал. А мне уже нечем было его удержать.

Еще больше разгневался лев. Он ушел от медведя и стал искать человека.

Но вскоре увидел он другого льва, защемленного горным деревом.

Расколотый сверху ствол дерева зажал лапу льва, и лев горевал, потому что не мог убежать.

Спросил его лев, который пришел:

— Как же попал ты в такую беду? Кто это сделал с тобой?

И ответил ему другой лев:

— Сделал это человек. Остерегайся его и не верь ему. Человек хитер! Никогда не попадайся ему в руки! Я вот встретил человека и спросил его: «Каким ремеслом ты занимаешься?» А он мне сказал: «Мое ремесло — предупреждать старость. Я могу тебе сделать такой талисман, что ты никогда не умрешь. Так и быть, я спилю ствол дерева и дам тебе прикоснуться к этому талисману. После этого ты не умрешь никогда!» И вот я пошел за ним к этому горному дереву. Он спилил его, расщепил ствол клином и сказал мне: «Клади сюда свою лапу!» И я сунул лапу в щель. Тогда он выбил клин, и дерево зажало мою лапу. А человек, когда увидел, что я не могу за ним следовать, швырнул мне в глаза горсть песка и бежал.

Рассмеялся лев, который пришел, и сказал:

— О человек, если ты когда-нибудь попадешься мне в лапы, я отплачу тебе сразу за все обиды, которые ты причинил зверям гор!

И лев отправился дальше на поиски человека. Но тут случилось так, что попалась под лапу льва мышка, с виду хилая и совсем маленькая. Лев хотел уже ее раздавить, но мышь взмолилась:

— Не дави меня, господин мой! Если ты меня съешь, мною ты все равно не насытишься. Если же ты меня отпустишь, голод твой не станет сильнее. Но зато, если ты мне подаришь жизнь, я тоже когда-нибудь подарю тебе жизнь. Не причиняй мне зла, не убивай меня, и когда-нибудь я спасу тебя от беды.

Лев посмеялся над мышью и сказал:

— Что же ты можешь сделать? Ведь никто на земле не сможет со мною справиться и причинить мне зло!

Но мышь поклялась ему:

— Клянусь, что избавлю тебя от гибели, когда придет для тебя черный день!

Лев принял все это за шутку, однако подумал: «Если я съем эту мышь, сытым я и вправду не стану!» И он отпустил ее.

И случилось так, что один охотник, который ловил зверей в западни, выкопал яму как раз на пути льва. Лев провалился в яму и попал в руки охотника. Опутал его охотник сетью и крепко связал сухими ремнями, а сверху перевязал ремнями сыромятными.

И вот связанный лев лежал в горах и горевал. Но судьба пожелала,

чтобы шутка мыши стала правдой. Захотела она посмеяться над надменными словами льва и в седьмом часу ночи привела к нему маленькую мышку. Сказала тут мышка льву:

— Разве ты не узнаешь меня? Я та самая маленькая мышка, которой ты подарил жизнь. Я пришла, чтобы сегодня отплатить тебе тем же. Попался ты человеку в руки, но я избавлю тебя от гибели. Нужно быть благодарным тем, кто оказал тебе благодеяние.

И вот мышь принялась грызть путы льва. Она перегрызла все сухие ремни и все ремни сыромятные, которыми он был связан, и освободила его от пут. Потом мышка спряталась в гриве льва, и он в тот же час отправился с нею в горы.

* * *

Подумай о маленькой мышке, самой слабой из всех жителей гор, и о льве, самом сильном из всех зверей, живущих в горах!

Афганские сказки

Перевод З. Калининой, К. Лебедева, Юл. Семенова, Л. Яцевич.

ВОСЕМЬ ЛЕПЕШЕК

Шел по дороге юноша и увидел двух людей, которые закусывали, расположившись под деревом. У одного были три лепешки, а у другого пять. Увидели они юношу и пригласили закусить вместе с ними. Юноша с радостью согласился. Когда они съели все лепешки, юноша поблагодарил этих людей, дал им восемь рупий и удалился.

Начали тут люди делить деньги, а поделить-то никак не могут. Один говорит:

— Мне причитается пять рупий, потому что я дал пять лепешек.

— Нет, — отвечает второй. — Надо все разделить поровну.

Спорили они так спорили и до того доспорились, что пошли к судье.

Тот выслушал их и сказал:

— Ты возьми себе пять рупий, а ты — три.

— Я не согласен! — возразил тот, у кого было три лепешки.

— Пусть он возьмет себе четыре рупии, и я четыре.

— А если так, — рассердился судья, — тогда тебе вообще полагается одна рупия.

— Почему?

— Вас было трое? Трое. Лепешек восемь? Восемь. Если лепешки разделить, то получится двадцать четыре порции, и на долю каждого выйдет по восемь порций. Из трех твоих лепешек вышло девять порций. Восемь из них ты съел сам. Значит, отдал всего одну. А из его пяти лепешек вышло пятнадцать порций. Восемь он съел сам — значит, отдал семь. Вот и выходит, что он должен получить семь рупий, а ты — всего одну!

ХИТРЫЙ ВОР

Поймали люди вора, который хотел угнать лошадь. А хозяин той лошади сам был не прочь научиться воровать. Вот он вору и говорит:

— Если ты научишь меня уводить лошадей, я тебя отпущу с миром.

Вор согласился.

— Смотри, — говорит, — учись!

Быстро оседлал коня, отвязал его от столба, вскочил в седло — и как свистнет! Конь помчался стрелой в горы. Только и успел вор крикнуть на скаку:

— Вот как это делается! Будь здоров!

ОСТОРОЖНЫЙ МУДРЕЦ

Однажды падишах вызвал к себе мудреца и сказал ему:

— Твоя мудрость известна всем, о старец! Я назначаю тебя городским судьей.

Мудрец, которому это пришлось не по вкусу, ответил:

— Великий падишах, я не гожусь для такой должности.

— Почему?

— Если я сказал правду, этого достаточно, чтобы не назначать меня судьей. А если я соврал, то разве может быть судьей лжец?

ПОЭТ И БОГАЧ

Однажды бедный поэт сидел рядом с богачом. Богач был недоволен тем, что рядом с ним сидит какой-то безвестный юноша, и, чтобы унижить его, спросил:

— Ну скажи мне, что отделяет тебя от осла?

Тот, взглядом измерив расстояние, отделявшее их друг от друга, ответил:

— Немного! Всего одна четверть.

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

Однажды зимним вечером сидел старик со старухой в своем ветхом домишке и жаловался на судьбу.

— Эх, были бы у меня деньги! — вздыхал старик. — Открыл бы я лавку и торговал потихоньку.

— Нет! — возражала старуха. — Не хочу я никакой лавки! Я бы лучше купила, большой дом с садом... Вот если бы явилась нам добрая фея!

И только старуха это сказала, как у порога очутилась прекрасная женщина и проговорила:

— Я тут.

Услыхав ее нежный голос, старик и старуха вздрогнули и от удивления раскрыли рты.

А добрая фея сказала:

— Загадайте три желания, и все будет исполнено в тот же миг.

Сказав так, она улыбнулась и исчезла.

Старик со старухой долго не могли придти в себя от изумления. Наконец, мечтательно закрыв Глаза, старуха прошамкала:

— Ах, есть у меня одно желание! Не стать ли мне снова молодой и красивой, как цветущая роза?

— Роза скоро увянет, — возразил старик. — А к тому же в молодости легко заболеть и умереть. Лучше уж попросить долгой жизни!

— Зачем мне долгая жизнь без денег? — закричала жена. — Лучше уж подумаем, прежде чем просить!

Покосилась старуха в угол, где только что стояла фея, подошла к очагу и стала мешать дрова. Ярко запылал огонь в пустом очаге.

— Эх, цыпленочка бы сюда! — мечтательно протянула старуха.

И не успела она закрыть свой беззубый рот, как прямо перед ней очутился ошипанный цыпленок.

— У, ведьма! — разозлился старик. — Что б тебе этот цыпленок ко лбу пристал!

И в тот же миг цыпленок словно прирос ко лбу старухи. Как ни старалась она его оторвать, ничего не получилось.

— Дурень старый! — закричала старуха. — В твоей голове вместо разума трухлявая солома. Если ты не прикажешь сейчас же цыпленку от меня отцепиться, я брошусь с крыши!

И когда они попросили у феи снять цыпленка со лба старухи, все три их желания были исполнены.

Так они и остались в своем старом домишке с ошипанным цыпленком в очаге...

СКРЯГА

Сидел скряга у себя дома и ел хлеб с медом. Зашел к нему знакомый. Скряга засуетился, спрятал хлеб, а мед спрятать не успел.

«Ну, ничего! — думает. — Один-то мед он есть не станет!»

Подумал так скряга, подвинул гостю мед и предложил:
— Хочешь медку?
— Вот спасибо! — обрадовался гость и принялся уплетать мед за обе щеки. Долго терпел скряга, наконец не выдержал и говорит:
— Ты бы не ел так много меда! А то сердце будет болеть!
Гость улыбнулся и спросил:
— Чье? Твое?

ТЕЛЕНОК И МУДРЕЦ

У одного крестьянина был теленок. Очень любил он своего теленка и каждое утро выводил его на луг, где росла сочная зеленая травка.

Но вот наступила осень, траву скосили, и теленок начал худеть не по дням, а по часам. Привык он к зеленой траве, а желтая солома была ему совсем не по вкусу.

Загрустил крестьянин, не знает, что делать. Узнал об этом один мудрец, пришел к крестьянину и сказал ему так:

— Услыхал я про твою горе и хочу тебе помочь. Давай мне сто рупий, и я сделаю так, что твой теленок станет есть солому.

Согласился крестьянин, отдал мудрецу сто рупий и принялся гадать, что — же мудрец сделает?

А мудрец сделал вот что: пошел на базар, купил зеленые очки и вернулся к крестьянину.

— Ну, где твой упрямый теленок, веди его сюда!

Привел крестьянин теленка.

— А теперь носи солому!

Принес крестьянин солому, положил ее под нос теленку.

— Не ест? — спросил мудрец.

— Не ест, — горько вздохнул крестьянин.

Усмехнулся мудрец, достал из кармана зеленые очки и надел их теленку на глаза. Желтая солома превратилась в глазах теленка в зеленую травку. Обрадовался он и принялся жевать солому.

ЛЮБОПЫТНЫЙ МАЛЬЧИК

Стоял один мальчик вместе с отцом около куста шиповника. Долго смотрел он на куст, а потом вдруг спросил у отца:

— Отец мой, а сколько же времени затратил аллах, чтобы отточить все шипы на этом кусте?

— Тише ты, глупый! Он только сказал: «Отточись!» — и все отточились!

Посмотрел мальчик на многочисленные колючки, поежился и спросил:

— А скажи мне, отец мой, зачем он так сделал?

ГЛУПЕЦ И ОСЕЛ

Пропал у одного глупца осел. Опечалился глупец. Стали люди его успокаивать:

— Не горюй, другого осла купишь, лишь бы сам был жив.

А глупец отвечает:

— Ваша правда! Хорошо еще, что я на этом осле не сидел, а то пропал бы вместе с ослом!

Засмеялись люди над его словами, а глупец обиделся:

— У меня такое горе, а вы смеетесь! Эх вы...

Еще пуще засмеялся народ. Тогда обозленный глупец сказал:

— О аллах, сделай так, чтобы все эти люди поехали куда-нибудь на своих ослах и пропали вместе с ними!

ШЕСТЬ БУХАНОК ХЛЕБА

Один человек каждый день покупал шесть буханок хлеба. Поинтересовался его приятель, зачем он покупает шесть буханок. Ответил ему человек так:

— Одну сам съедаю, одну выбрасываю, двумя долг отдаю, а две в долг даю.

Удивился его приятель и попросил растолковать, как же это выходит.

— Экий ты несмышленный! Одну сам ем, ту, что выбрасываю, — теще даю, двумя долг плачу — родителям отдаю, а две остальные детям в долг даю.

ДОБРАЯ ПРИМЕТА

Один человек сказал своему слуге:

— Если увидишь где двух ворон, сидящих вместе, скажи мне об этом. Две вороны вместе — добрая примета!

Запомнил это слуга и пошел ворон искать. Искал, искал и наконец нашел. Прибежал к хозяину и говорит:

— Скорее бежим, о хозяин, я нашел двух ворон!

Обрадовался хозяин, и побежали они — слуга впереди, а хозяин сзади. Прибежали они на место и видят, что осталась только одна ворона, а вторая улетела.

Разозлился хозяин и избил своего слугу. Вернулись они домой, — хозяин впереди, а слуга сзади. И вдруг видят: хозяину прислали богатое подношение.

Сказал тогда слуга хозяину:

— Вот тебе и добрая примета! Я двух ворон увидел, а ты меня избил. Ты одну ворону увидел, а подарок все равно получил. Чему верить?

МУДРЫЙ СЛУГА

Приехал один человек в город и прослышал, что здесь каждый день случаются кражи, — кого-нибудь да обворуют! Испугался человек и приказал своему слуге не спать, сторожить его лошадь.

— Хорошо, хозяин! — согласился слуга.

Уснул хозяин, поспал часок. Потом открывает глаза и спрашивает у слуги:

— Не спишь?

— Нет, хозяин.

— А о чем думаешь?

— Да вот все думаю, как это всемогущий аллах поместил землю на воду, а она не тонет!..

— Ты смотри моего коня не прозевай.

— Не беспокойся, хозяин, спи себе.

Снова уснул хозяин. Проснулся в полночь и спрашивает:

— Эй ты, не спишь?

— Нет, хозяин.

— Думаешь все?

— Думаю, хозяин.

— О чем думаешь?

— Да вот все думаю, как это аллах накрыл землю небом, а столбов не поставил!..

Снова уснул хозяин. Проснулся под утро, улыбнулся и спрашивает:
— Ну, а сейчас о чем думаешь?
— Да тут лошадь твою украли, так вот я и думаю, кто же из нас седло понесет?!

ПЛАТА ЗА УГОЩЕНИЕ

Прослышал один мудрец, что в соседнем городе есть человек, который славится своей щедростью. Надел мудрец старую одежду, взял котомку и пошел в тот город, где жил хлебосол.

Пришел он к его дому. Вышел навстречу к нему хозяин, осмотрел мудреца и, увидев его старую одежду, не говоря ни слова, ушел обратно в дом. А пригласить-то и не пригласил!

Почесал мудрец голову и ушел. На другой день надел свои богатые одежды и пришел снова в дом к «хлебосолу».

Тот вышел, увидел старого богато одетого человека и тут же пригласил его к себе, обласкал и принес угощение.

Мудрец улыбнулся, вынул из кармана деньги, положил их в тарелку с угощением и сказал:

— Того, кто голоден, ты не угощаешь, а тот, кто хорошо одет, может за угощение и сам заплатить!

СЛЕПОЙ С ФОНАРЕМ

Раз ночью шел по базару слепец. В одной руке несет фонарь, а в другой — кувшин. Люди смеются:

— Зачем тебе, слепому, фонарь?

А слепой им отвечает:

— Фонарь нужен не мне, а вам. Сейчас темно, не дай бог налетите еще на меня и разобьете мой кувшин!

И СОН ВРЕДНЫМ БЫВАЕТ

Как-то раз два крестьянина гнали из Индии буйволиц. Долго они шли, утомились и легли отдохнуть под деревом.

В полночь проснулся один из крестьян, пошел посмотреть на буйволиц

и видит, что обе отелились. Его буйволица принесла бычка, а буйволица приятеля — телочку.

Взял крестьянин да переложил телят: к своей буйволице положил телочку, а к чужой — буйволенка. Сделал так, вернулся под дерево и уснул.

Утром просыпается другой крестьянин и видит, что у его буйволицы родился буйволенок. Опечалился крестьянин, разбудил своего спутника и поведал ему о своей горе. Тот улыбнулся и ответил так:

— А ты спи больше! Разве ты не слышал пословицы: «У бодрствующего рождается телочка, а у спящего буйволенок!»

НАХОДЧИВЫЙ РЫБОЛОВ

Один рыболов каждый день ловил рыбу и приносил ее на базар. Как-то раз поймал он невиданную рыбу и решил отнести ее во дворец к падишаху.

Увидел падишах рыбу и пришел в восторг. Тут же приказал он дать рыболову сто рупий. Услыхав, что за одну рыбу падишах дает такие огромные деньги, визирь тихо прошептал:

— О повелитель, за одну рыбешку ты даешь столько золота!

Так же тихо падишах ответил:

— Деньги, конечно, большие, но не могу же я отменить своего повеления! Как я буду выглядеть в глазах этого презренного рыболова?

— Это не беда, о повелитель! Ты спроси у него, что за рыбу он принес, самца или самку? Если это самец, попроси его принести самку, а если это самка, то пусть принесет самца.

Обрадовался падишах и тут же задал этот вопрос рыболову. Тот не смутился, отвесил падишаху низкий поклон и ответил:

— В этой рыбе два начала, о повелитель, мужское и женское. Она двуполоая!

Падишах рассмеялся и приказал выдать рыболову двести рупий.

ЛЮБОПЫТНЫЙ СОСЕД

Писал один человек письмо к своему другу. А сидевший рядом мужчина все время заглядывал к нему через плечо и читал что он пишет. Надоело это человеку, взял он и написал в своем письме: «Прости, дорогой, дальше писать не могу. Тут рядом сидит невежа и подсматривает, о чем я пишу».

— Сам ты невежа! — обиделся мужчина. — Никто к тебе не подсматривает!

ДЕТСКИЕ СЛЕЗЫ

Как-то раз увидел прохожий у обочины дороги мальчика. Тот плакал горькими слезами.

— Что ты плачешь, мальчик? — спросил прохожий. — Кто тебя обидел?

— Никто меня не обидел. Я шел по дороге и потерял единственную анну ^[15], что была у меня.

— Ну, это не такая уж большая беда! — засмеялся прохожий. — На тебе другую анну и утри слезы...

С этими словами он протянул ребенку монету и пошел дальше. Сделал он несколько шагов, обернулся и видит: мальчик сидит все там же и заливается слезами пуще прежнего.

Вернулся прохожий, подошел к ребенку.

— Что с тобой, дитя? Ведь у тебя уже есть анна!

Всхлипнув, мальчик ответил:

— А если бы я не потерял ту, так у меня бы теперь было две анны!

ОБЖОРА

Один человек на обеде у своего приятеля так наелся, что, вернувшись домой, упал со стоном на землю. Живот у него раздулся, словно барабан. Подошел к нему сосед и спрашивает:

— Что с тобой?

— Ох, и не говори! Ходил на угощенье, да переел немного!

— Зато в другой раз будешь помнить: угощенье чужое, а живот-то свой!

НАХОДЧИВЫЙ СТУДЕНТ

Спросили раз у студента:

— Как по-арабски будет теленок?

Студент на секунду задумался, а потом ответил:

— Видите ли, по-арабски слова «теленек» нет. Вот когда он подрастает, его называют коровой.

ХИТРАЯ ОВЦА

Однажды пастух ударил овцу. Захромала бедняжка и заплакала горькими слезами. Пастух испугался и попросил:

— Ты уж не говори хозяину!

Овца сквозь слезы ответила:

— Я-то, может, и не скажу, зато моя хромота скажет!..

МУДРЕЦ

Шел один мудрец по дороге и нашел лошадиную подкову. Стал он думать, что это такое. Думал, думал и догадался:

— Ба, да ведь это молодой месяц с неба упал!

ОТЕЦ, СЫН И СТАРЫЙ КУВШИН

Однажды мальчик заглянул в кувшин с водой и увидел в нем свое отражение. Он показал язык, и отражение показало ему язык. Он покачал головой, и отражение покачало головой. Мальчик испугался, побежал к отцу и все виденное ему рассказал.

Отец выслушал его недоверчиво. Но потом пошел с сыном к кувшину и заглянул туда. Велико же было его удивление, когда он увидел в нем бородатого мужчину! Схватил отец кувшин, поднял над головой да как трахнет его об землю! Разлетелся кувшин на куски. А отец сказал:

— Так тебе и надо! Ишь бороду какую отрастил, а все озорничает, детей пугает!

ДВА ЛЕНТЯЯ

Жили когда-то два лентяя. И уж такие они были ленивые, что пусть мир сгорит — они не пошевелиятся. Решил один мудрец их проучить. Взял да и поджог солому в амбаре лентяев.

Пламя разгорелось, жарко стало. Тогда один лентяй слабым голосом протянул:

— Горю-ю-ю!

А другой лентяй повернулся с боку на бок и тихо промолвил:

— Соседушка, крикни и за меня, пожалуйста: «Горю!»

ХИТРЫЙ ОСЕЛ И УМНЫЙ ХОЗЯИН

Один осел каждый раз, когда перевозил соль через арык, доходил до середины и ложился в воду. С[®]ль вся с водой и уплывала, так что всю остальную часть пути осел шел налегке.

Заметил это хозяин и решил проучить осла. Нагрузил он его хлопком и пустил через арык. Осел, как обычно, дошел до середины, а там лег в воду. Хлопок намок и вместо пяти манов стал весить двадцать.

С тех пор осел в воду никогда уже не ложился.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ

Шел человек по дороге и наколол себе ногу гвоздем. Кровь льется вовсю. А человек осмотрел рану и даже обрадовался:

— Слава аллаху, сандалий на мне не было, а то что бы тогда с ними стало!

СТРАННЫЙ ВОПРОС

Пришел один человек к мулле и попросил его:

— О мулла! Помолись и попроси у всемогущего аллаха, чтобы он послал мне сына.

— А у тебя есть жена?

— Станный вопрос ты задаешь, о мулла! Если бы у меня была жена, разве я пришел бы к тебе?

СМЕШНОЙ ОТВЕТ

— О учитель! Почему охотник, когда стреляет, закрывает один глаз?

— Потому, что если он закроет оба глаза, то ничего не увидит.

ЗАСТЕНЧИВЫЙ ВРАЧ

Заметили люди, что один врач, когда приходит на кладбище, закрывает лицо покрывалом. Спросили его однажды люди:

— Почему ты так делаешь?

Врач им на это ответил:

— Мне стыдно перед теми мертвецами, что у меня лечились...

НАХОДЧИВЫЙ НИЩИЙ

Постучался как-то раз нищий в ворота богатого дома.

— Хозяйки нет дома! — ответили ему.

— Так я-то не хозяйку прошу, а милостыню!..

МУДРЫЙ СУДЬЯ

Один юноша, уезжая в дальние страны, принес старику сто рупий. Отдал он их ему на хранение и уехал.

Много ли, мало ли времени прошло — неизвестно. Но когда юноша вернулся на родину и попросил старика вернуть ему сто рупий, тот со злым смехом ответил:

— Твоя наивность радует шакалов. Я не брал у тебя никаких денег. Ступай своей дорогой!

Юноша совсем было растерялся, но добрые люди научили его.

— Пойди, — говорят, — к судье и пожалуйся на хитрого старика!

Так юноша и поступил.

Судья вызвал к себе старика и спрашивает:

— Брал ты деньги у юноши, который сидит прямо перед тобой?

Заплакал старик, упал на колени, взмолился:

— Великий аллах видит, не брал я никаких денег! Неужто я буду лгать с моей седой бородой?!

Затем судья спросил юношу:

— А у тебя есть свидетели?

Юноша отрицательно покачал головой.

— Хорошо. А где ты давал старику деньги?

— Да под одним деревом.

— Пойди к тому дереву и скажи, что я вызываю его на допрос.

Взмолился юноша:

— Как же я скажу это дереву, о мудрый судья?

— Вот тебе моя печать. Пригрози ему! Скажи, что если не придет, пускай потом на себя пеняет.

Грустно поплелся юноша к дереву, а старик, затаив в бороде улыбку, остался его ждать.

Прошло с полчаса. Взглянул судья на солнце и спрашивает старика:

— Ну как, дошел он до того дерева?

— Нет еще, — смиренно ответил старик.

— Так, так, — улыбнулся судья.

Прошел еще час.

— Ну, а теперь пришел он к дереву? — спросил судья.

— Пришел, — ответил старик.

— Так, так, — улыбнулся судья.

Наконец юноша вернулся, отдал судье печать и грустно сказал:

— Дерево не пошло со мной, о мудрый судья.

— Дерево приходило, о честный юноша! — возразил судья.

— Как приходило? — воскликнул старик. — Почему я его не видел?

Или у меня глаз нет?

На это судья ему ответил так:

— Глаза у тебя есть. Но помнишь, я спросил тебя, дошел ли юноша до дерева, а ты мне сказал «нет»?

Старик кивнул головой.

— А помнишь, я спросил тебя, возвращается ли юноша, и ты сказал «да»? Если ты не брал денег под тем деревом, то как же ты мог знать, где это дерево и как долго до него идти?!

Злобно плюнул старик на землю, вытащил из кармана сто рупий и бросил их к ногам юноши.

СКОЛЬКО ЗВЕЗД НА НЕБЕ?

Однажды обратились к звездочету и спросили его:

— Сколько звезд на небе?

— Двести восемьдесят одна тысяча триста тринадцать, — ответил звездочет.

— Неужели точно двести восемьдесят одна тысяча триста тринадцать? — спросили удивленные люди.

— А вы посчитайте! — ответил звездочет.

ЗАЗНАВШИЙСЯ ВЕЛЬМОЖА

Один человек получил большую должность. Его друг узнал об этом и пришел его навестить. Увидев пришедшего, вельможа презрительно спросил:

— Кто ты такой? И зачем пришел сюда?

Горько улыбнулся человек и ответил:

— Ты меня не узнаешь, а ведь я твой старый друг. Прослышал я, что ты ослеп, вот и пришел тебя навестить.

ХУДОЖНИК-ЛЕКАРЬ

Один художник начал заниматься врачеванием. Встретил его как-то земляк и удивленно спросил:

— Почему ты стал врачом?

Тот ему ответил:

— Если я в живописи сделаю ошибку, то ее никак не скроешь. А в медицине все мои ошибки прикрывает земля.

НИЩИЙ И ПАДИШАХ

Однажды падишах без слуг и без свиты вышел из городских ворот. Увидел он сидящего под деревом нищего и спросил его:

— Скажи мне, жестокий ли падишах в нашей стране?

— Не спрашивай! Зверь, а не человек! — ответил нищий.

Тогда падишах спросил:

— А ты меня не узнаешь?

— Откуда же я могу тебя знать, чужестранец!

Падишах засмеялся.

— Я твой падишах, глупец.

Тогда нищий спросил:

— А ты разве не знаешь меня, падишах?

Удивился падишах такому дерзкому вопросу, но сказал:

— Нет, не знаю.

— Так вот, я сын одного купца и три раза в месяц схожу с ума — никого не узнаю. Сегодня как раз третий день.

Падишах улыбнулся и ничего ему не сказал.

ТРОГАТЕЛЬНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Мулла заметил, что каждый раз, когда он читает проповедь, мужчина, что стоит в дальнем углу мечети, всегда плачет. Приятно стало мулле, и он подумал:

«Как же хорошо я говорю, если люди не могут слушать меня без слез!»

И вот однажды обратился он к мужчине с вопросом:

— Отчего ты плачешь, когда я читаю проповедь?

— От жалости, — ответил мужчина. — Недавно у меня умер любимый старый козел. А когда ты молишься, ты так на него похож!

ПРАВДИВАЯ КНИГА

Один судья вычитал в книге, что маленькая голова и большая борода обычно бывают у глупцов. Все эти признаки имелись у него самого. И тогда решил судья сжечь половину своей бороды.

Он подошел к лампе, зажал половину бороды в кулак, а остальную часть поднес к огню. Борода вспыхнула, стала жечь ему руку. Судья испугался, разжал пальцы, и вся борода его сгорела.

«Видно, все, что написано в книге, действительно правда!» — подумал судья.

ЧЕРНАЯ БОРОДА, СЕДАЯ ГОЛОВА

У одного человека была седая голова и черная борода. Как-то у него спросили:

— В чем дело? Почему у тебя лик такой разноцветный?

Человек ответил:

— Потому что волосы на голове у меня старше, чем волосы в бороде. Ведь на голове у меня волосы от рождения были, а борода только с

пятнадцати лет расти начала!

СТАРИК И СМЕРТЬ

Как-то раз нес старик из лесу большую вязанку хвороста. Тяжело ему было и неподручно. А тут еще солнце печет нещадно! Взмок старик, обессилел и не может дальше шагу шагнуть. Сбросил он хворост со спины и начал проклинать все на свете: и хворост, и солнце, и жизнь свою горе-горе-мычную.

— Хоть бы прибрал меня Азраил ^[16], всемогущий бог смерти! — причитал старик. — Хоть бы он услышал мои мольбы! Проклятая жизнь!

И не успел старик договорить этих слов, как вдруг сам Азраил явился к нему.

— Ты меня призывал, старик? — грозно спросил он, нахмутив брови.

Испугался старик и пролепетал:

— О всемогущий, я и вправду тебя потревожил. Не сможешь ли ты мне взвалить этот хворост на спину?!

КАК ЧЕЛОВЕКА С ДЕРЕВА СНЯТЬ

Забрался раз самый ловкий человек в деревне на высокое дерево. Забраться-то забрался, а вот слезть оттуда никак не может. Стал он звать на помощь. Сбежались люди со всей деревни, стоят под деревом, думают-гадают, как такому горю помочь.

— Надо дерево-то спилить! — сказал один деревенский мудрец.

— Мудры твои слова, ничего не скажешь, — усмехнулся другой деревенский мудрец. — А что, если дерево упадет и раздавит его?!

Все помолчали.

— Эй, дружище! Ты закрой глаза, да и прыгай! — посоветовал наконец самый храбрый в деревне.

— Нет, давайте лучше станем друг другу на плечи и так снимем его с дерева! — посоветовал тут самый сильный в деревне.

— Нет, давайте лучше построим рядом с деревом башню! — посоветовал самый осторожный.

— А пока ты будешь строить башню, что он будет есть, древесину? — поинтересовался самый ехидный человек в деревне.

Долго думали люди, как быть, и ничего не могли придумать. Но вот к

ним подошел еще один, самый большой мудрец в деревне и, выслушав их споры, презрительно усмехнулся.

— Принесите мне длинную веревку! — распорядился он и засучил рукава.

Потом, задрвав голову, он крикнул человеку, сидевшему на дереве:

— Эй ты, глупец! Держи! — И с этими словами он бросил ему один конец длинной веревки.

— Ну, а теперь обвяжись ей, да покрепче... Как, обвязался?

— Обвязался, о спаситель!

— Теперь давай спускайся!

И с этими словами мудрец сильно потянул за веревку.

Сидевший на дереве упал и разбился.

Стали люди ругать своего мудреца:

— Ты ведь человека убил!

— Это не я его убил! — ответил мудрец. — Такая уж, видно, у него судьба! Ведь я так каждый день из колодца воду таскаю, и ни разу ни одно ведро не разбивалось.

ВОЛК И ЛИСА

Как-то раз занедужил могучий тигр. Собрались у его дома все звери о здоровье владыки справиться. Только одна лиса не пришла. Заметил это волк, подбежал к тигру и на лису насплетничал.

Рассердился тигр, зарычал и велел, как только лиса покажется в этих краях, немедленно привести ее.

Услыхала об этом лиса и сама побежала в логово к тигру.

— О повелитель! Ты хотел меня видеть, и вот я перед тобой!

— Ах ты подлая тварь! — зарычал тигр. — Все звери как звери, пришли меня проведать, а ты?

— Не гневайся, о повелитель! Я самая первая узнала о твоей болезни и сразу же побежала искать для тебя лекарство.

— Ах, так... — удовлетворенно протянул тигр. — Ну и что же, нашла что-нибудь?

— Да, повелитель. Лекарство, которое сразу тебя исцелит, спрятано в пятке у нашего серого волка.

— Спасибо тебе, дружок, за заботу! — милостиво промолвил тигр и приказал немедленно привести к нему волка.

Прошло несколько дней. Идет раз лиса по лесу и видит: ковыляет

навстречу ей волк на трех ногах. Тут лиса ему и сказала:

— Не надо было наушничать, мой дружок! Сплетни до добра не доводят!

ГОРА ИЛИМ И ГОРА ДВУГЛАВАЯ

Есть в Бунире две огромные горы. Одна называется Илим, а другая Двуглавая. Испокон веков люди, живущие на этих горах, спорят, чья гора выше. Если кто скажет людям с Илим-горы, что их гора меньше, чем Двуглавая, дело без крови не обойдется...

Как-то раз в селение, расположенное под Двуглавой горой, зашел странник из Индии. Послушал он, послушал, что люди говорят, и промолвил:

— Хотите, я Илим-гору к вам перенесу?

— Хотим! — радостно закричали жители.

— Хорошо. Только с одним условием: вы меня будете перед этим три месяца кормить самыми лучшими блюдами. Согласны?

— Согласны! — радостно закричали жители.

Прошло три месяца. За это время странник окреп, растолстел и хорошо отдохнул. И вот пришел день, когда он должен был перенести гору. Все жители отправились вместе с ним к Илим-горе. Стал человек у ее подножия, привалился к камню спиной и кричит:

— Что вы стоите, как стадо глупых баранов?! Бегите на другую сторону и толкайте! Помогите мне только взвалить гору на спину!

Побежали люди на другую сторону горы, уперлись в нее плечами и начали толкать. Толкали, толкали, а взвалить гору человеку на спину так и не смогли. Вернулись к нему усталые и спрашивают, что дальше делать.

Отошел человек от горы и усмехнулся:

— Ну, уж если вы все вместе мне на спину гору положить не можете, то тогда и я вам ничем помочь не могу!

Сказал так и ушел.

ПОЧЕМУ ПЕТУХ НА ОДНОЙ НОГЕ СТОИТ?

Адам-хан, а Адам-хан! Почему петух на одной ноге стоит?

— А потому, что если он и ее поднимет, то обязательно свалится.

ТРИ УРОЖАЯ С ОДНОГО ДЕРЕВА

Как-то раз ехал падишах со своей свитой по полю. Вдруг видит, что какой-то дряхлый старик сажает оливковое дерево. Удивился падишах, подъехал к старику и спросил его:

— Седобородый, чем это ты занимаешься в жаркий полдень? Тебе давно пора отдыхать, а ты все трудишься! Да и потом, сам аллах не знает, доживешь ли ты до того дня, когда это дерево начнет плодоносить.

— О всемогущий повелитель! Ведь так заведено в этом мире, что один сажает деревья, а плоды достаются другому. А кроме того, я все же надеюсь дожить до того дня, когда дерево принесет плоды, — с улыбкой добавил старик.

Падишаху понравился такой ответ, и он бросил старику кошелек с монетами.

— Вот видишь! — засмеялся старик. — Дерево уже начало плодоносить!

Падишах засмеялся и бросил старику еще один кошелек.

— О великий падишах! Обрати внимание, все деревья приносят плоды только один раз в году, а мое — два раза!

Эта шутка еще больше понравилась падишаху. Он бросил старику третий кошелек и сказал своим спутникам:

— Поехали, друзья! А то мы совсем разоримся, если еще постоим рядом с этим стариком!

ЛИСА И ШАКАЛ

Как-то раз бежали по пустынной дороге шакал и лиса. Спрашивает шакал у лисы:

— Скажи, лисонька, а ты сколько наук постигла?

— Половину, — ответила лиса. — А ты?

— А я две с половиной! — самодовольно усмехнулся шакал.

— В таком случае беги впереди меня, как более ученый, — ехидно посоветовала лиса.

Бегут они дальше, а навстречу им голодный тигр. Вот лиса и говорит шакалу:

— Ну-ка, придумай что-нибудь поскорей, а то тигр нас съест!

Взмолился шакал:

— Ничего я не могу придумать, лисонька. Если ты не спасешь, пришел наш смертный час!

— То-то, ученый! — промолвила лиса. — Пусти-ка меня вперед!

И с этими словами она обогнала шакала и обратилась к тигру:

— Великий тигр, да продлит аллах дни твоей жизни! Разрешите наш спор!

— Говори! — сердито вымолвил тигр, оглядывая зверей и думая, кого бы из них съесть первым.

— Видишь ли, поймали мы двух петухов и цыпленка, и вот из-за них-то и вышел спор. Я говорю, что петухи должны достаться мне, а шакал утверждает, что они должны достаться ему.

Тигр облизнулся и спросил:

— А где они, эти ваши петухи?

— Да тут недалеко, в пещере!

— Видишь ли, милая лиса, на этих петухов мне надо взглянуть. Иначе я ничего решить не могу. Пойдем-ка посмотрим на них, — сказал тигр, предвкушая вкусный обед.

И побежали звери к пещере. Пришли туда, а тигр в нее забраться не может, потому что вход очень узкий. Тогда тигр приказал:

— Эй, шакал, ну-ка лезь в пещеру, принеси мне петухов!

Поклонился шакал и юркнул в пещеру.

Проходит минута, другая, а шакала все нет и нет. Тут лиса и говорит:

— У, шайтан, войти-то вошел, а не выходит! Как бы он там всех петухов не сожрал!

Рассвирепел тигр и приказал лисе вытащить из пещеры гнусного шакала.

Бросилась в пещеру и лиса. Уселась там рядом с шакалом и говорит:

— Ну, как дела, ты, ученый?

Ничего не ответил шакал, только покраснел. А тигр ждал лису, ждал, надоело ему, он и закричал:

— Эй, лиса, выходи! Надоело мне ждать!

— Ничего, подожди, дружок! — отвечает ему лиса. — Мы с шакалом уже помирились.

НЕВОЗВРАТИМАЯ ПОТЕРЯ

Шел по дороге седобородый старец. Спину его согнули годы, волосы выбелило время. Повстречался ему юноша и спрашивает:

- Что ты здесь ищешь, старик?
— Молодость ищу, молодость...

УМНЫЙ ВРАЧ

Пришел однажды к врачу жирный мужчина и, отдуваясь, начал жаловаться на свою полноту и на разные недомогания.

Врач внимательно осмотрел его, пощупал пульс и сказал, сокрушенно покачав головой:

— Напрасно ты тратишь деньги на лечение, друг мой! Жить тебе осталось всего сорок дней.

Заплакал толстяк, пошел к себе домой, лег на кровать и ни с кем не стал разговаривать. Потом он встал на коврик и начал творить намаз за намазом, умоляя всемогущего аллаха простить все его грехи. Он даже есть и пить перестал, только и думал, что о дне, когда он предстанет перед всевышним. А день этот, как видно, приближался, потому что он худел и бледнел не по дням, а по часам. «Правду сказал мне врач!» — думал бедняга.

И вот настал сороковой день его болезни. Больной с утра помылся и начал ждать приближения смерти. Час проходит, другой, третий, а смерть все не идет.

Вскочил тогда больной с кровати и побежал к врачу.

— Ты говорил мне, что я умру через сорок дней! А я жив! Зачем ты так жестоко обманул меня?

Улыбнулся врач и спросил:

— Если мне не изменяет память, ты приходил ко мне с жалобами на ожирение? Да! Так посмотри на себя! Ты худ и строен, как тростиночка. Чего же еще тебе надо?

И понял тогда «больной» мудрую хитрость врача.

ВСЕМ ПИЦАМ ПИЦА

Ехал раз человек верхом на осле и вез в сумке петуха. Подъехал путник к лавочнику и попросил у него чего-нибудь поесть, но так, чтобы хватило путнику самому, его ослу и петуху.

Лавочник пошел в лавку и вернулся, неся в руках огромную дыню.

О путник! Сердцевину съешь сам, кожуру отдай ослу, ну, а зерна —

лучшее лакомство для петуха.

УМНАЯ КУРОПАТКА

Сидела раз куропатка во ржи и, закрыв от наслаждения глаза, грелась в лучах солнца. Грелась-грелась, да ненароком и уснула. Тут к ней подкралась сзади лисица и схватила зазевавшуюся птицу.

Очнулась куропатка, да поздно. Тогда она и говорит лисе:

— У тебя удача, о лиса, — хороший обед. Ты поблагодари аллаха за это.

Лиса решила, что слова куропатки не лишены здравого смысла. Подумав так, она открыла пасть, чтобы произнести молитву, и в тот же миг куропатка оказалась на свободе. Она взлетела на деревце, росшее поблизости, и почистила перышки. Смотрит на нее лиса со злостью и говорит:

— Пропади пропадом тот рот, что еще не съел, а уже вознес благодарность...

А куропатка усмехнулась и ответила лисе:

— И будь прокляты те глаза, что не вовремя засыпают...

ВСЕМ ЛЕНТЯЯМ ЛЕНТЯЙ

Шла за водой старушка. Видит, у колодца паренек сидит.

— Сынок, налил бы мне водицы, — попросила старуха, — а то нагибаться тяжело.

— Пойди поищи себе лентяя, кому делать нечего, а я занят: на землю смотрю и под солнцем греюсь...

УСЛУЖЛИВЫЙ ДУРАК ОПАСНЕЕ ВРАГА

— О аллах! — стонет Пурдель. — Всю кочь не мог сомкнуть глаз! О аллах! У меня так болят глаза, что я смотреть не могу!

— Тут сидевший рядом Ахмед и говорит Пурделю:

— Пустяки, друг. Я знаю способ. У меня вчера так болел зуб, так болел, что и сказать нельзя. Я пошел к врачу, да и выдрал зуб. Пойди и ты к врачу, пусть он тебе глаза выдерет, сразу боль пройдет.

ЛОШАДЬ И ОСЕЛ

Шли по дороге осел и лошадь. Осел был нагружен по самые уши, а лошадь шла совсем без груза. Жарко... Солнце печет нещадно... Притомился осел, подошел к лошади и тихонько прошептал ей на ухо:

— Слушай, подружка, помоги мне. Возьми часть моего груза. Я немного отдохну, а потом снова заберу его.

Лошадь даже глазом не моргнула и притворилась глухой. Немного погодя осел снова подошел к ней и тихонечно повторил свою просьбу. Но и на этот раз лошадь не вняла просьбе осла.

Прошло еще полчаса, и осел, пошатнувшись, упал.

— Вставай! — закричал на него хозяин. — Вставай же!

Но осел так и не смог подняться. Тогда хозяин разгрузил осла и всю его поклажу взвалил на лошадь. Вот и пришлось лошади тащить весь груз, а осел пошел налегке, наслаждаясь природой и отдыхая. Лошадь же, крихтя и отдуваясь, пожалела, что вовремя не помогла ослу...

ХИТРЫЙ ВИЗИРЬ

В столице некоего царства кто-то разграбил склад хлопка. Пришли к шаху купцы с жалобой. Выслушав их, шах приказал немедленно разыскать похищенный хлопок и жестоко наказать воров. Но, увы! Поиски ничего не дали. Тогда пришел к шаху его визирь и сказал ему:

— О господин! Разреши мне найти вора.

Шах ответил:

— Пусть будет по-твоему.

В тот же день визирь собрал всех горожан к себе на обед. Народу собралось видимо-невидимо. Но прежде чем начать угощение, визирь прошел вдоль столов, внимательно вглядываясь в лица. Потом он поднялся на возвышение и укоризненно покачал головой.

— Как мало совести у людей и сколько глупости: ворованный хлопок пристал к вашим черным бородам, и в таком виде вы смеее являться на угощение к вашему визирю!

Не успел визирь кончить свою речь, как десять человек воровато попятились и схватились за бороды.

— Вот жулики, — тут же указал на них визирь, — взять их!

ХИТРЫЙ КОТ И УМНАЯ МЫШЬ

Захотелось кошке мышь из норки выманить. Вот она и говорит:

— Мышка, а мышка! Сделай три шага из своей норки, я тебе сто рупий дам!

— Да, это огромное богатство, — ответила мышь из норы, — и путь к нему короток. Только слишком много опасностей на нем.

ОТВЕТ ГОРБУНА

Спросили как-то горбуна:

— Скажи, хотелось бы тебе, чтобы все люди были горбатыми, а ты нет?

— Конечно. Тогда я смотрел бы на них с таким же презрением, с каким они смотрят на меня.

НАХОДЧИВЫЙ УЧЕНИК

— Пурдель, ты выучил единственное и множественное число?

— Да, о учитель.

— Хорошо. Тогда скажи мне, «брюки» — единственного или множественного числа?

— Сверху — единственного; а внизу — множественного.

ФИЛОСОФ И РЫБАК

Как-то раз странствующий философ остановился на берегу широкой реки. «Как перебраться через реку?» — стал размышлять философ. Вдруг, на счастье, плывет в своей лодочке рыбак.

— Садись, перевезу! — предложил он философу.

Тот с радостью согласился, прыгнул в лодку и сразу же начал свои мудреные разговоры. В конце концов он спросил уставшего рыбака:

— Ну хорошо, а философию ты знаешь?

— Нет, — вздохнув, ответил рыбак, жалея, что на свою голову посадил в лодку болтуна.

- Тогда ты потерял полжизни, глупец!
- Ах так! — рассердился рыбак. — Тогда скажи мне, ты плавать умеешь?
- Зачем мне это нужно? — пожал плечами философ.
- Тогда ты, потерял всю свою жизнь! — сказал рыбак и с этими словами выбросил философа за борт.
- Тону, тону! Спасите! — завопил несчастный философ. И когда он совсем было захлебнулся и начал пускать пузыри, рыбак втащил его обратно в лодку и спросил:
- Ну, чья наука важнее? Сиди-ка, дружок, да помалкивай!

НАЗОЙЛИВЫЙ ГОСТЬ

Приехал в гости в Пурделю один его знакомый. Живет он у Пурделя день, второй, третий. Пурделю неудобно прямо сказать гостю, что пора бы и честь знать — он и вздыхает:

— Ах, дорогой! Наверное, твои дети соскучились. Уж три дня тебя не видали...

— О Пурдель, твоя доброта не знает границ. Какое мягкое сердце! Сегодня же я пошлю письмо, чтобы шестеро моих детей приехали сюда. Тогда они и скучать не будут.

ДОБРОТА УЧИТЕЛЯ

Идет экзамен. Строгий экзаменатор спрашивает маленького Ахмеда:

— Ну-ка, переведи эти слова на персидский язык!

— Я — я... я этих слов не учил...

— Почему? — грозно уставился на Ахмеда экзаменатор.

— Меня... меня не было в классе, когда учили эти слова, господин экзаменатор.

— Ах, так! Ну что ж, проверим по журналу. — И с этими словами экзаменатор начал просматривать посещаемость в классном журнале.

— Постой, постой, дружок... А ведь ты в тот день был в школе.

— Нет, господин экзаменатор, — потупил глаза Ахмед, — это был — не я, это была доброта моего учителя.

ВОР И БЕДНЯК

Однажды темней ночью в дом бедняка забрался вор. Слышит бедняк: кто-то по дому ходит. Присмотрелся — а это вор добро ищет. Засмеялся бедняк и сказал так:

— Эх ты, глупец! Я в своем доме даже днем ничего найти не могу, а ты хочешь найти ночью...

ВКУСНЫЙ ПЛОВ

Пришел человек в гости. Ну, естественно, пригласили его к столу, пловом угостили. Начал гость плов есть, и вдруг ему на зуб камешек попался.

— Что, камешек? — любезно осведомился гостеприимный хозяин.

— Нет, и рис встречается, — холодно ответил гость.

НА ВОРЕ ШАПКА ГОРИТ

Как-то раз царь царей — тигр, восседая на троне, приказал своему другу медведю собрать всех зверей на суд. А вершил он суд вот почему: пришла к нему вчера овечка и пожаловалась, что кто-то зарезал ее сына — маленького барашка. Вот и решил тигр наказать виновного.

Внимательно смотрит тигр на всех зверей, подолгу вглядывается в каждого.

Вдруг ни с того ни с сего волк завопил:

— Да что это такое! Весь день вчера дома просидел. Ни в чем я не виноват! Сам, наверное, разбился барашек, а на других валят!

— Замолчи! — прервал его тигр. — Это ты виноват. Тебя еще никто не обвинил, а ты уже кричишь о своей невинности! Медведь, — приказал тигр, — сделай с волком то же, что он сделал с барашком!

БЕЗНОГИЙ И СЛЕПОЙ

Как-то раз безногий и слепой очутились в страшной безводной пустыне. Что делать, как быть? Как добраться до оазиса?

Слепой мог бы идти, да не видит — куда. Безногий видит куда, да не может — нет ног. Но и слепой и безногий обладали прекрасным кладом, имя которому — дружба! Вот дружба и вывела их из беды: посадил слепой себе на спину безногого и пошел, куда ему указывал зрячий товарищ.

Так они спасли себе жизнь.

БЫК И МУХА

Однажды пасшемуся в поле быку на рог села муха. Сидит и думает: «Наверное, тяжело быку. Он, бедный, и головы поднять не может».

И, подумав так, муха спросила:

— О бык! Скажи мне, если тебе тяжело, я улечу!

Бык усмехнулся:

— Ах, это ты, муха! А я и не знал, что ты на моем роге сидишь...

Муха обиделась...

ОТВЕТ ФАКИРА

Однажды за какую-то провинность арестовали факира. Привели его в полицию, и темнолицый начальник, поглаживая свои черные, как смоль, усы, сказал так:

— Выкрасьте этому негодяю лицо черной краской и повезите его по городу!

Факир не растерялся и посоветовал полицейскому:

— О господин! Прикажи мне выкрасить в черный цвет только половину лица, не то жители подумают, что это ты сам себя водишь по городу!

ВОРОБЕЙ, СИЛОК И ОХОТНИК

Однажды воробей натолкнулся на силок и спросил его:

— Скажи, в чем дело? Почему ты лежишь вдалеке от людей?

Силок ответил ему:

— Здесь, в укромном месте, мне спокойнее.

— Что ж ты лежишь на земле? — не унимался воробей.

— Да потому, что я не гордый. Величие ведь приличествует только

лишь богу, — объяснил силок.

— Почему же ты такой бедный? — поинтересовался воробей.

— Оттого, что я много молюсь богу.

— Почему же у тебя на шее веревка?

— Отшельнику достаточно такой одежды, — смиренно сказал силок.

— А на что тебе эта палка?

— Я на нее опираюсь.

— А для чего здесь лежит пшеница?

— Это остатки от обеда. Если пройдет мимо меня нищий спутник, дам ему поесть.

— Разве найдется еще такой же нуждающийся, как я? — сказал воробей.

— Дай мне! В ответ силок сказал: Что ж, охотно! Иди-ка поближе. Лучше ты съешь, чем другие!

Воробей подскочил ближе, но только лишь его клюв погрузился в пшеничные зерна, как силок тотчас же схватил его за горло. Воробей закричал:

— Ах, злодей! Хитрец! Вор! Обманщик! Кто же так поступает?

— А силок лишь сказал, что идет охотник, и покрепче ухватил бедного воробья.

И подумал воробей, что правду говорят люди: «Кто поступает осторожно, не попадает в беду, а безрассудным смельчакам приходится раскаиваться».

«Как бы мне освободиться?» — думал он. Тут подошел охотник, и воробей обратился к нему с такими словами:

— Добрый человек! Выслушай меня. Кажется, я смогу принести тебе пользу. Потом делай со мной что хочешь!

Охотник, услышав это, очень удивился, а затем сказал:

— Ну, говори же!

Воробей начал:

— Ты ведь знаешь, что мною не наешься. Так вот, если угодно, съешь меня, а если тебе больше хочется узнать одно мудрое дело, то позволь мне дать один совет у тебя в руках, другой — у корней этого дерева, а последний — на его вершине.

Охотник согласился и выпустил воробья.

— Говори!

— Первый совет таков: пока ты жив, не раскаивайся в сделанном тобою!

Охотник про себя подумал: «Что за странный совет!»

Воробей отлетел, сел на корни дерева и снова заговорил:

— Второй мой совет таков: если ты не видел чего-нибудь раньше, не доверяй тому.

Сказав это, воробей взлетел, сел на вершину дерева и закончил:

— Эй, человек! У меня в зобе две жемчужины, весом каждая в двадцать с половиной рупий. Этого хватило бы и для тебя и для твоего потомства, да, видно, не судьба тебе!

Охотник заплакал, жалея о том, что выпустил воробья, ломал с горя руки, а потом сказал:

— Ну, да ладно, скажи, в чем заключается третий совет.

— На что тебе третий совет? Ты же не мог использовать первые два. Я тебе сказал: не жалея о сделанном и не верь тому, чего не видел своими глазами. А ты поверил, что у меня в зобе лежат жемчужины. Тебе и в голову не пришло, что я весь со своими перьями не вешу столько, сколько весит монета в десять рупий.

Сказав это, воробей улетел, оставив охотника в изумлении.

КРЫСА И ЛЯГУШКА

Подружились крыса и лягушка. Они сходились на берегу реки и вели долгие беседы. Любовь между ними росла с каждым днем, встречи очень радовали их.

Однажды крыса сказала:

— Вот я когда-нибудь приду к тебе, а ты сидишь в воде. Я позову тебя, а ты не услышишь моего голоса. Встреча раз в сутки не утешает меня. Ты хорошо говоришь, — ответила лягушка, — но ведь если реже встречаться, любовь усилится... Это верно, — возразила ей крыса, но только там, где любовь невелика. А где любовь и так сильна, куда же ей расти? Дай мне такой совет, чтобы я могла видеть тебя ежечасно, потому что слышать мой зов под водой ты не можешь и я прийти к тебе не смогу. Найди посредника, который бы доставлял наши письма, или придумай какой-нибудь знак, который бы мы знали обе.

Лягушка согласилась.

— Давай сделаем так: найдем нитку, один конец привяжем к твоей ноге, другой — к моей. Когда тебе что-нибудь понадобится, потяни за нитку, и я буду знать. А если мне понадобится ты, я дерну за нитку и оповещу тебя. Так мы сможем собираться вместе и советоваться друг с другом.

Вдруг в их разговор вмешалась другая лягушка:

— Послушайте, этот план имеет большой недостаток: во-первых, вы не сможете ходить по своим делам, а во-вторых, ни один из вас не сможет двигаться по своей воле.

Но обе подруги не стали ее слушать:

— Ты завидуешь нашей дружбе и поэтому так говоришь!

Тут заговорила третья лягушка:

— Все это хорошо. Однако, если кто-нибудь зацепится ногой за вашу нитку и потянет ее, каждая из вас будет думать: «Это пришла моя подруга». Соберетесь вы вместе и обидитесь друг на друга.

Крыса и лягушка сказали ей:

— Замолчи! Не болтай глупостей! Известно, что тот, кто не прислушивается к чужим советам, потом очень жалеет об этом, но бывает уже поздно, — не вытерпев, заметила еще одна лягушка. — Вы не хотите подумать. Эх, крыса! Если ты на земле повстречаешься с врагом, ноги-то у тебя будут связаны, бежать ты не сможешь. А случись, что враг тебя одолеет, ты и лягушку вытянешь из воды. Ее постигнет та же печальная участь. И вот из-за одной погибнет и вторая подруга.

— Тем лучше. Уж если суждено умереть, умрем вдвоем, — ответили упрямые подруги.

И вот однажды откуда ни возьмись налетел коршун, кинулся на крысу, та пустилась бежать, забыв, что ноги-то у нее связаны нитью. Коршун, схватив ее в когти, поднял в воздух. А вслед за ней и лягушка очутилась в небе.

Прилетел коршун в одно село, а люди увидели и подняли шум:

— Что за коршун! Ловко он вытащил лягушку из воды!

— При чем тут коршун? — крикнула в небе лягушка. — С тем, кто не слушает ничьих советов, всегда так случается!

ПЛАТА ЗА ШУБУ

Одна лисица очень ослабла и похудела. Как ни старалась она найти еду себе по нутру и поправиться, ничего у нее не получалось.

Наконец она пошла к волку и начала свои хитрые речи:

— Куманек, я известный скорняк. Сдается мне, что смогу сшить шубу, достойную тебя.

Волк согласился. По указанию лисицы он отбил от отары несколько овец и притащил их к лисе. Лиса принялась за баранину.

Волк не раз справлялся о том, когда будет готова шуба. Лиса все откладывала на «завтра». Когда лиса поправилась, потолстела, она все сидела у входа в нору и думала про себя: «Как же быть с волком и его шубой?»

И вот однажды по дороге проезжал всадник, одетый в хорошую шубу. Лиса воспользовалась благоприятным случаем и принялась звать волка:

— Куманек! Вот этот парень украл у меня сшитую для тебя шубу!

Волк бросился вдогонку за тем всадником. Парень сказал про себя: «Как бы он меня не разорвал...» — быстро накинул аркан на шею волку и потащил его за собой.

А лиса, спокойная за свою участь, нагло закричала вслед волку:

— Кум, ты стал теперь слугой человека. Кто же мне за платит за шубу?!

НЕ ЗАДАВАЙТЕ МНЕ ВОПРОСОВ

Однажды некий человек пошел на базар, купил там быка и отправился домой. А был в тех местах такой обычай, что какую бы вещь ни купил человек, каждый расспрашивал его о покупке. И вот, кто бы ему ни встречался на пути, стар и млад, все задавали ему один и тот же вопрос:

— Дядя! Почему ты купил этого быка?

От вопросов и ответов человек очень устал. Когда он пришел к себе в село, то вышел на площадь и закричал:

— Эй, люди, собирайтесь! Я вам что-то скажу.

Собрались все жители от мала до велика. Он спросил:

— Собрались?

Жители хором ответили:

— Да!

Тогда он начал:

— Сегодня я купил быка. Он черного цвета. Хорошо ходит в плуге. У него целы все зубы. Заплатил я за него пятьдесят афгани. Поняли?

— Да! — ответили ему.

— Ну вот, а теперь не задавайте мне больше вопросов!

КРЕСТЬЯНИН И КЛАД

Жил один богатый крестьянин. Когда он заболел и понял, что настает

его смертный час, он подозвал к себе своих сыновей и сказал им так:

— Дети мои, чувствую я, что умираю. В нашем саду зарыл я клад, есть там и золото и серебро. Когда я умру, отыщите его, выкопайте и продавайте понемногу. Этим вы обеспечите себе спокойную жизнь.

Спустя несколько дней старик умер. Похоронили его сыновья, а через пару дней, взяв лопаты и заступы, пошли в сад. Много дней они трудились, но даже и следов клада не нашли. Расстроились они, да делать нечего. Но их сад, землю в котором они перекопали так усердно, дал большой урожай. Продали братья фрукты и заработали много денег.

Тогда-то они поняли совет, что заключался в словах отца.

Без труда не может быть благополучия. Не на счастье надо надеяться, а на свои руки.

У ПРАВДЫ ДОЛГИЙ ПУТЬ

Однажды некий шах вышел на прогулку со своим визирем. Увидели они в поле высокую-высокую пшеницу. Удивился шах:

— Никогда в жизни не видал я такую высокую пшеницу!

Визирь почтительно заметил:

— Я — твой раб, о повелитель! У меня на родине пшеница вырастает в рост слона!

Шах улыбнулся. А визирь подумал про себя: «Не иначе как шах считает, что это ложь». Вернувшись с прогулки, визирь написал письмо своим друзьям на родину и просил их прислать ему несколько колосьев пшеницы. Когда письмо прибыло, хлеб был уже обмолочен. Лишь на следующий год визирь получил с родины то, о чем просил. Поспешил он к шаху и с поклоном подал ему пшеничные колосья.

— Что это? — удивился шах.

— Я говорил тебе прошлый год, что в моей стране пшеница вырастает высотой со слона, а ты усмехнулся. Вот я и принес колосья, чтобы у тебя не было сомнения.

— Теперь я тебе верю, — сказал шах, — но в следующий раз смотри, чтобы для подтверждения правды не требовалось так много времени!

КТО ИЗ НАС БОЛЕЕ ВЕЛИК?

Однажды-человек подумал в душе: «И землю и небо — все бог создал

для меня. Значит, бог создал меня наиболее великим из всех существ». Тут прилетел комар, сел ему на нос и пропищал:

— Не гордись тем, что бог создал землю и небо для тебя. Ведь самого-то тебя он создал для меня! Так кто же из нас — более велик?

БУДЬ ДОВОЛЕН И ТЫ СЛОВАМИ!

Один поэт в своих стихах восхвалял некоего богача. Тот был очень доволен и сказал поэту:

— Друг, денег у меня нет, а вот зерна — много. Приходи завтра, я тебе дам кое-что.

Поэт пришел на следующий день. Богач, увидев его, спросил:

— Чего ты пришел?

Тот ответил:

— Ты же говорил, что дашь мне зерна, вот я и пришел.

Богач сказал тогда:

— Ты порадовал меня словами, так будь доволен и ты моими словами. А к чему мне давать тебе зерно?

Расстроился поэт и ушел несолоно хлебавши.

Болгарские сказки

Перевод М. Калягиной-Кондратьевой.

СИЛЯН-АИСТ

Сказывают люди, что жил был на свете один добрый и честный человек. Звали его Божин. У него было три сына и дочь. Двое старших сыновей умерли, остался младший, Силян. Отец с матерью души не чаяли в сыне, только о нем и думали, вот и разбаловали мальчишку. Ходит Силян в школу, учителей не слушается, учиться не хочет. Ему бы только на речку бегать, рыбу ловить да купаться. Рос подрастал Силян, вырос большой — женить пора, а работать не работает, баклуши бьет. Отец с матерью не знали, что с ним делать, и порешили его женить. Думали: женится — переменится. И вот женили его на самой пригожей и работающей девушке во всем селе. Звали ее Неда. Через год у Силяна и Неды родился мальчик, и назвали его Велко.

Хоть и женили Силяна, а он все равно не работает. Отец его пашет да сеет, мать стряпает, жена Неда и сестра Босилка жнут, а Силян нарядится во все новенькое и по базару слоняется. Жили они в подгородном селе Коняре, и Силян повадился то и дело ходить в город: наестся там белого хлеба, халвы, разных сладостей, а потом бражничает со всякими забулдыгами.

Отец с матерью его уговаривали:

— Не ходи, сынок, по кривой дорожке с плохими товарищами; послушай, чему тебя родители учат. А не то берегись — как бы тебя не настигло проклятие да не отняло у нас. Или не слыхал сказки про кукушку и филина? Раньше они людьми были, братом и сестрой, да не стали слушаться родителей, вот и пало на них проклятие — обратились в птиц. Кукушка летает днем, кричит «ку-ку» — брата ищет, а филин летает ночью, кричит «ух», да не может сестру найти. Так и ты: не будешь нас родителей слушаться — придет день, сам покаешься.

Отец с матерью говорят, а Силян в потолок глядит да балки считает. Не то что слушать родителей, *фисмотреть*-то на них не хочет. Уперся глазами в потолок и думает:

«Что попусту слова тратите? Неужто не видите, что они мне в одно ухо влетают, из другого вылетают? Ну погодите же! Завтра, как рассветет, я

опять уйду в город, да уж и не вернусь домой. Опостылели мне ваши дурацкие советы».

Как задумал Силян, так и сделал. На другой день вышел из дома на заре, не простясь с родными, и зашагал в город. Пришел на постоялый двор, где всегда останавливался, наелся, напился, потом спать завалился. Нынче кутит Силян, завтра кутит, да так все и кутил, пока деньжонки свои не проел, не пропил. А как вышли деньги, стал Силян голодать. Голодает, а вернуться домой все-таки не хочет.

И вот заходит на постоялый двор какой-то поп и спрашивает хозяина:

— Не знаешь ли кого-нибудь, кто взялся бы водить меня ро деревням да вместе со мной милостыню просить?

Этот поп собирался на богомолье в Ерусалим, — хотелось-ему сделаться богомольцем — хаджией, а ехать было не на что. Вот он и надумал просить милостыню, чтобы собрать денег на дорогу. Услышал Силян его речи, обрадовался и говорит:

— Эта работа как раз для меня, батюшка. В нашей стороне я все деревни знаю. Буду водить тебя из села в село, если возьмешь меня с собой на богомолье. Мне тоже хочется, чтобы люди меня величали хаджией.

Согласился поп, и пошли они побираться по деревням. Все лето побирались. Собрали денег на дорогу и отправились на богомолье. Пришли в Салоники, сели на парусное судно, и ветер понес их в море.

Плыло-плыло судно по морю, и вдруг как подует сильный ветер, как разбушует страшная буря! Понесла буря судно по морским волнам, стала его трепать, качать вверх, вниз, — то в воду окунет, то вверх дном опрокинет, пока не ударилось-судно о скалы и не разбилось в щепки. Все люди, что были на судне, потонули, один Силян ухватился за доску и спасся. Выбрался он на берег ни жив ни мертв и повалился на свою доску.

Долго пролежал Силян на берегу, и все ему чудилось, будто его волны несут. Прошло сколько-то времени, оправился Силян и пошел бродить по незнакомой земле. Шел-шел, дошел до моря. Побрел в другую сторону — опять к морю вышел. Смекнул тогда Силян, что волны выбросили его на остров. Пошел он искать деревню или город, да ночь застигла его близ одной пещеры. Возле пещеры бил ключ, а у ключа росла ежевика. Силян набрал ежевики, напился воды и лег спать в пещере. Как может спать человек на чужой земле, в темной пещере, так и Силян спал — за всю ночь глаз не сомкнул. Все думал да раздумывал: куда это он попал да что это за остров, почему тут ни живой души не видно, почему собаки не лают и петухи не поют.

Заплакал Силян.

— Ох, матушка-матушка! Ох сыночек мой Велко, и ты жена, и ты сестра! Что-то вы сейчас поделяете? Может, плачете обо мне, может, горюете, что я от вас убежал, как и я горюю по вас? Эх, почему я вас не послушался, почему не остался дома? Почему не стал работать в поле, а ушел на это погибельное богомолье? Захотелось, видишь ли, дураку, чтобы люди его величали хаджией! Доведется ли мне опять увидеть родное свое село Коняре! И тебя, отец, и тебя, мама, и тебя, сыночек Велко! И тебя, жена, и тебя, сестра! Как же мне отсюда выбраться, когда тут вокруг море? Куда ни глянешь — вода да вода!

Так Силян думал-раздумывал до самой зари, пока его дремота не одолела, а когда проснулся, уже светило солнце. И пошел Силян искать людей.

Поднялся он на гору, оглянулся кругом, видит — внизу, между горой и холмом, поле. Силян спустился на поле и пошел по дороге. Шел-шел, видит — на лугу муж с женой сено косят. Идет к ним Силян, а сам думает: «Если они болгары, мы друг друга пойдем. Но откуда взяться болгарам на острове посреди моря? А если они турки или греки, как мне их понять, когда я ихнего языка не знаю?»

Подошел Силян к мужу и жене, поклонился, но сказать ничего не сказал, — ведь он не знал, что они за люди. А те завидели его, перестали косить и говорят по-болгарски:

— Что же это ты, братец Силян, поклонился, а ни слова не вымолвил? Онемел от страха или что?

— Я хотел с вами поздороваться, — отвечает Силян, — да не думал, что вы говорите на моем родном языке, а выходит, вы даже имя мое знаете. Я вас в первый раз вижу и никак в толк не возьму, как это вы узнали, кто я такой.

А муж ему в ответ:

— Ветер занес тебя, Силян, на нашу землю, куда еще человеческая нога не ступала. Если так, мы тебе скажем, почему нам известно, кто ты такой. Только сперва садись да поешь хлеба и брынзы. Потом все вместе пойдем к нам домой, — будешь у нас гостить. Тогда и расскажем, почему мы тебя знаем.

Вечером муж и жена привели Силяна к себе домой. Не успели они войти во двор, как ребятишки закричали:

— А-а-а! Вот идет Силян из Коняре!

Подивился Силян. «Что же это такое, — думает, — сон или явь? Почему меня и дети знают? Я же их никого в глаза не видел».

Вошел Силян в дом. Все домашние с ним поздоровались, сказали:

«Добро пожаловать!» Сели ужинать. Угостили Силяна, как дорогого гостя, самыми лучшими кушаньями. После ужина пришли соседи. Увидели Силяна и говорят:

— А, Силян, какой это ветер занес тебя на нашу землю?

Видит Силян, что вся деревня его знает, а он сам не узнает никого, — еще пуще дивится. Тут самый старый сосед уселся рядом с Силяном и стал его расспрашивать:

— Ну, Силян, расскажи-ка, сынок, как живет-поживает твой отец Божин, жив ли он, здоров ли? А матушка твоя как? А как твой сынишка Велго, жена Неда, сестра Босилка? Живы ли они, здоровы ли? Все ссоришься с батюшкой из-за пьянства или бросил пить?

— Пью, — отвечает Силян, — из-за этого я и ушел от батюшки с матушкой, от жены и сынишки, — должно, бес попутал. Не будь этого проклятого пьянства, не стряслась бы со мной такая беда... А вы почему знаете меня и моих родных? — спрашивает Силян старика.

— Мы жили в вашем селе Коняре, когда тебя еще на свете не было, — отвечает старик. — Да и теперь каждую весну отправляемся в Коняре, а осенью опять возвращаемся на свой остров. Живали мы и в вашем доме, — получше тебя знаем, как у вас там дела идут. Мы знаем по именам всех твоих домашних и всю вашу родню, да и всех жителей села тоже.

Сидит Силян, диву дается. «Да что же это такое? — думает. — Люди незнакомые, вижу я их в первый раз, а они лучше меня знают, как все обстоит у нас дома, да и во всем селе!» И Силян попросил старика разгадать ему эту загадку. Старик стал рассказывать:

— Весной мы превращаемся в аистов, — говорит, — улетаем в ваше село и там живем на крышах. С крыши все видно, что в селе делается. А вечером, как соберутся люди у очага, мы слушаем, о чем они между собой разговаривают.

— Как же это вы превращаетесь в аистов? — спрашивает Силян. — Вы же люди!

— Да, мы — люди, — отвечает старик, — такие же люди, как все, а в аистов мы превращаемся потому, что нас прокляли страшным дедовским проклятием. Был я тогда еще мальчишкой и водился с плохими ребятами. Мы не слушались родителей, баловались, всякие пакости делали. Все село от нас плакало. Все люди нас ругали, уговаривали слушаться старших, не буяннить, не обижать никого; советовали учиться, чтобы потом людям пользу приносить. А мы никого не слушали, никого знать не хотели. И вот зашел как-то в наше село незнакомый старец. Стали мы его дразнить, а он осерчал да и шлепнул кого-то из нас. Тогда мы его камнями закидали.

Попало ему камнем по голове — ну, он и кончился. Похоронили его под явором; а пока зарывали, старец стал говорить из могилы. Сказал, что все те, что в него кидали камнями, обратятся в аистов. Осенью будут улетать в чужие края, а весной возвращаться на родину. И еще сказал, что на чужой земле, под деревом, появятся два родника, один с аистой водой, другой — с человечесьей. Там, как придет весна, искупаются люди в аистой воде и станут аистами, а как придет осень, искупаются в человечесьей воде и опять станут людьми. И вот с той поры мы каждую весну превращаемся в аистов и улетаем за море, в ваше село, а как вернемся осенью на свой остров да искупаемся в человечесьей воде, опять становимся людьми.

— Скажи, дедушка, как мне в свое родное село вернуться? — спрашивает старика Силян. — Не заходят ли сюда корабли?

— Нет, Силян, корабли сюда не заходят. Берега у нашего острова крутые, скалистые. Если к нему и подойдет корабль, волны его разобьют о скалы. Но я тебе все-таки скажу, как ты можешь вернуться. Придет нам время улетать в ваше село, ты искупайся в роднике с аистой водой — обратишься в аиста и полетишь вместе с нами. Только сперва налей человечесьей воды в бутыль, обвяжи ту бутыль веревкой и надень себе на шею. Как вернемся на родину, омойся этой водой — опять станешь человеком и пойдешь к своим родным.

Не поверил Силян словам старика. Тогда старик повел его к роднику, искупался в нем и обратился в аиста. Полетел туда-сюда, искупался в другом роднике — стал человеком. Поверил тогда Силян, что и он сможет вернуться в родное село, и обрадовался великой радостью. И стал он просить старика:

— Давай улетим в наше село немедля!

— Нет, Силян, нельзя. Там у вас теперь зима, а ведь аисты, сам знаешь, очень зябкие птицы. Потому-то они и улетают осенью в теплые страны. Потерпи. Придет время, улетим.

Всю зиму прожил Силян на том неведомом острове, что лежит за девятью морями. Но теперь он был уж не тот Силян, что ни отца ни матери не слушался и работать не хотел. Теперь он целый день трудился вместе с соседями, а хмельного в рот не брал. Все ждал, дожидаться не мог, когда же придет пора улетать.

Пришла и эта пора. Выкупались все жители острова в аистой воде и обратились в аистов. Выкупался и Силян. Тоже аистом стал. Повесил себе на шею бутылку с водой из человеческого родника и вместе с прочими аистами полетел в село Коняре. Летели три дня и три ночи, отдохнули, опять полетели. Добрались до села Коняре. Завидел Силян родное село и отчий

дом, обрадовался да и позабыл про бутылку с человеческой водой, что у него на шее висела. Не помня себя, ринулся стремглав к земле, а бутылка ударилась о камень и разбилась. Разлилась человеческая вода. Нечем было омыться Силян, так он и остался аистом. Обомлел Силян, залился слезами, да, видно, делать нечего — что упало, то пропало. Взлетел Силян, сел на крышу своего дома, в гнездо старого аиста. Тут старый аист ему сказал:

— Это мое гнездо, Силян, а ты сел вон в том, что на другом доме.

Отлетел Силян на крышу соседнего дома и смотрит сверху на свой двор. Видит — мать его доит корову, молодуха его, Неда, доит овец, а сестра Восилка разводит огонь — обед готовить. Все домашние работают, а у Силяна, как и встарь, работы нет. Стосковался Силян по своим родным, захотелось ему подойти к ним поближе. И вот он спустился во двор и стал прохаживаться между малыми ягнятами. Тут из дома выбежал его сынишка Велко. Увидел аиста и кричит матери:

— Мама, мама! Аист хочет моих ягнят обидеть!

— А ты прогони его, сынок, — говорит мать.

Велко поднял камень да как запустит им аисту Силян в голову — чуть не убил. Закружилась у Силяна голова. Силится он взлететь на воздух, да не может. А Велко хватить его за ноги и опять кричит матери:

— Мама, мама! Я аиста поймал! Привяжу его за ногу веревкой и буду с ним играть.

— Не надо, сыночек, — говорит мать. — Отпусти аиста, он людям ничего плохого не делает, только хорошее.

Велко послушался матери, отпустил аиста. Взлетел Силян-аист и опять сел на крышу.

Спустя несколько дней Силян свил себе гнездо и зажил поблизости от своих родных.

И вот раз пошел его отец Божин пахать и внучка с собой взял, волов водить. Взмахнул крыльями Силян-аист, полетел к ним на поле и опустился на землю, поближе к сынишке. Стал Силян ходить за сохой по борозде, а сынишка его увидел и кричит деду:

— Дедушка, дедушка, это наш аист!

— Пусть себе ходит, внучек, — говорит дед. — Он нам не помеха.

Пахали-пахали, и вот опять маленький Велко кричит деду:

— Смотри, дедушка, аист все за нами ходит!

— Оставь аиста в покое, внучек, води волов побыстрее, — скоро стемнеет.

А Велко все назад оглядывается, на аиста смотрит, деда сердит.

— Ты чего ворон считаешь, внучек? — кричит дед. — Для этого я тебя с собой взял?

Рассердился Божин, замахнулся длинной палкой, какой волов погонял, — хотел аиста отогнать, да нечаянно попал ему по ноге, перебил ногу. Улетел Силян-аист домой, опустился на крышу, стал на здоровую ногу, другую поджал и плачет от боли.

Вечером все домашние вернулись с работы и сели ужинать у очага. А Силян сел в свое гнездо на крыше и стал слушать их разговоры. Вот маленький Велко и говорит матери:

— Мама, нынче аист прилетел на пашню, а дедушка как хватит его палкой по ноге! Должно быть, ногу ему перебил.

А дед на это:

— Это ты виноват, Велко. Зачем все на аиста оглядывался, про волов забывал? Жалко мне аиста. Замахнулся я на него, всердцах и ушиб нечаянно.

— Лучше бы ты меня ударил, дедушка, а не аиста, — говорит сынишка Силяна.

А Силян лежит в гнезде, все слышит и плачет.

Как-то раз сестра его Босилка сидела во дворе и низала себе монисто из мелких монет. Низала-низала, пошла в дом попить воды, а монисто на рогоже оставила. Тут Силян спустился, взял в клюв монисто и отнес к себе в гнездо на крыше. В другой раз жена Силяна разостлала во дворе рогожу и села на ней вышивать вдовью рубашку черными нитками. Сама вышивает, сама плачет-приговаривает:

— Не так бы я жалела Силяна, кабы он умер дома да знала бы я, где его могила. А он, бедный, в море потонул, когда отправился на то проклятое богомолье.

Плачет Неда, причитает, а Силян слушает да слезы роняет. Ушла куда-то Неда, а Силян спустился на рогожку, взял в клюв клубок ниток и спрятал в своем гнезде.

Спустя месяц выдавали замуж сестру Силяна Босилку. Пришли сваты с женихом, заиграли волынщики, гости стали водить хороводы — пляшут, ног не жалеют. А Силян стоит с перебитой ногой на крыше, смотрит и думает: «Эх, вот бы и мне поплясать в хороводе!» Пошли сваты в дом угощаться, а Неда взяла за руку своего сынишку Велко и ушла в амбар поплакать о пропавшем муже. Силян слушает ее с крыши, и сердце у него прямо разрывается от горя.

И вот пришла пора аистам улетать в теплые края. Собрались они все на речном берегу, наелись лягушек и полетели. Летели три дня и три ночи,

да еще три дня и три ночи, — долетели до острова аистов. Силян провел на чужбине еще пять месяцев, пока опять не настала весна и не пришла пора аистам возвращаться в Коняре. И вот опять налил Силян человечесьей воды в бутылку, привязал ее к себе крепко-накрепко и вместе с другими аистами улетел в родное село.

Летели-летели, долетели до Коняре. Спустился Силян на отцовском дворе и — прямо в амбар. Омылся там человечесьей водой и опять стал человеком, прежним Силяном, сыном Божина, мужем Неды, отцом Велко. Вышел из амбара Силян, зашагал по двору к дому. Увидела его собака по кличке Лиса, не узнала, залаяла. А Силян ей говорит:

— Что же ты это, Лисонька? Или не признала хозяина? Как услышали родные его голос, выбежали все из дома, бросились обнимать Силяна. Что радости было! Ни конца ни краю. А Силян схватил в охапку своего сынишку Велко, давай его целовать да миловать — и думать забыл, что прошлой весной Велко его по голове стукнул. Отец Силяна Божин накурил водки-ракии, хотел сына угостить. Но Силян пить не стал и говорит:

— Много пришлось мне вытерпеть из-за проклятого пьянства да оттого, что не слушался отца с матерью. А как хлебнул я горя, так дал себе зарок не пить ни вина, ни водки, жить дома да работать. Правду ты говорил, тятя: кто не работает, тому и есть не полагается.

Услышал эти речи отец Силяна, обрадовался, зарезал самого жирного барашка, позвал в гости соседей. Все ели, пили да Силяна расспрашивали, где он был-побывал, куда ходил, что видел.

Рассказал им Силян про все, что с ним приключилось, от начала и до конца, но никто не поверил, что он превращался в аиста. Влез тогда Силян на крышу, достал из гнезда сестрино монисто да женин клубок черных ниток и показал их всем. Потом рассказал, как отец ударил его палкой и ногу ему перебил. Тут уж все поверили и зареклись никогда не обижать аистов.

ЖАДНОСТЬ ДО ДОБРА НЕ ДОВОДИТ

Пошел один парень на базар продать корзину яиц. Надел корзину на палку и понес на плече. Идет парень, идет, а сам говорит:

— Вот несу я триста яиц. Продам их на базаре по денежке за яйцо, выручу триста денежек; а удастся продать по две — выручу шестьсот. На эти деньги куплю себе свинку, выкормлю ее, и принесет она мне двенадцать поросят — все свинок. Подрастут мои двенадцать свинок, и

каждая принесет мне по дюжине поросят; а поросята подрастут, опоросятся и принесут еще по дюжине. Глядишь — вот тебе и целое стадо свиней! Это стадо я буду пасти в лесу — пускай свиньи желудями кормятся. Будут есть да есть желуди, откормятся, жирные станут, я их на базар поведу. Всех пораспродам, выручу целую кучу денег. Тогда куплю я себе хорошего коня, а сам побреюсь, помоюсь, принаряжусь, сяду верхом на своего белого коня, шапку набекрень и — айда! Поскачу во весь опор да прямо К цареву двору. Приеду, с утра до вечера буду скакать на коне перед паревым двором; конь все поле копытами разворошит. А царева дочка усядется на высоком крыльце, будет на меня глядеть да любоваться. И вот посватаюсь я к царевой дочке да женюсь на ней. И родит она мне сына, и назовем мы его Богданчо. Пойду я на базар, куплю ему яблочко. Приду домой — Богданчо выбежит мне навстречу к воротам, а я нагнусь да обниму его, да скажу: «Поди ко мне, сыночек Богданчо, поди к тятке, он тебе яблочко даст!»

Забылся парень, протянул руку — хотел показать, как будет обнимать сыночка Богданчо, а палка-то и соскользнула у него с плеча. Корзина бух на землю! Яйца разбились. Заплакал парень:

— Эх, горе! Пропало все мое богатство!

Принялся он подбирать яйца — те, что не вдребезги были разбиты; и вдруг видит — следом за ним по дороге идет человек. Стыдно стало парню, и вот спрашивает он прохожего:

— Скажи, побратим, долго ты шел за мной следом?

А тот ему в ответ:

— С того часу, как ты стал богатеть и покуда все у тебя не пошло прахом.

НИЧЕМ НЕ УГОДИШЬ!

Жил в деревне один крестьянин. Непокладистый был человек, всем перечил: то ему нехорошо, это неладно. Ничем не угодишь.

И вот надумали соседи подарить ему по мере овса после обмолота. Думали — может, он им хоть за это спасибо скажет. На том и порешили да так ему и сказали.

А он им в ответ:

— Ну что ж, я бы, пожалуй, принял от вас по мере овса, непрочь и спасибо сказать, да ведь кто его знает: посею я ваш овес, а вдруг его градом побьет?

ДОМА ЕШЬ, ЧТО ХОЧЕШЬ, В ГОСТЯХ — ЧТО ВЕЛЯТ

Отведай, кум, и фасоли!

Болгарская поговорка..

Пришел кум куму навестить. Кума сварила рыбы, сварила фасоли, подала на стол, стала гостя потчевать. Уплетает кум рыбу за обе щеки, а на фасоль и не глянул. Досадно стало куме, что кум так навалился на рыбу, вот она и говорит ему:

- Отведай, кум, и фасоли!
- Не хочу. С меня и рыбки хватит.
- Рыбка-то дорогонька!
- Зато на вкус хороша! — отвечает кум, и в ус не дует.

ЗАСТАВЬ ДУРАКА БОГУ МОЛИТЬСЯ, ОН ЛОБ РАЗОБЬЕТ

Муку провеяла, тулуп ошпарила.

Болгарская поговорка..

Одна женщина сказала своей дочери:

- Ну-ка, дочка, перестань сидеть сложа руки, займись делом.
- А что мне делать, мама? — спрашивает дочь.
- Что все люди делают, то и ты делай.
- А как узнать, что люди делают?
- Обойди соседей и посмотри.

Дочь вошла в один дом, видит — там жито веют. Вошла в другой — там идет стирка, парят белье в кипятке. Вошла в третий — там хлеб пекут.

Воротилась девушка домой и порешила взяться за работу — провеять жито, как люди веют. Да, на беду, не было в доме жита.

Вот взяла девушка муку, вынесла на двор и давай веять. Ветер и развеял всю муку по двору.

Одно дело сделала, надумала приняться за другое. Вскипятила воду, да, как на грех, белья для стирки не нашла, — взяла да и бросила в кипяток отцовский тулуп.

Оставалось третье дело — испечь что-нибудь. Поймала девушка теленка, запихнула его в печь и пошла к матери.

- Ну, дочка, поработала? — спрашивает мать.

— Поработала, мама. Муку провеяла, тулуп ошпарила и теленка испекла.

ЕЖ-ИГЛОКОЖ, КРОТИХА И ЛИСИЦА

Шел как-то раз еж-иглокож по полю, увидел кротовую кочку. Слышит — кротиха под землей роется. Позвал еж-иглокож кротику:

— Вылезай, кума, давай побеседуем.

Вылезла кротиха, вся землей опсыпана, побежала к ежу на беседу.

— Поглядел я, — говорит еж-иглокож, — какая ты работница, и задумал одно дело.

— Что же ты задумал? — спрашивает кротиха.

— Хорошее дело. Да только не знаю, согласишься ты на него или нет.

— Если будет хорошо для нас обоих, почему не согласиться? — молвит кротиха.

— Давай работать вместе, — говорит еж-иглокож. — Ты распашешь поле, я его пробороню и засею. А пшеницу разделим поровну.

— Согласна, еж-иглокож. Будем работать вдвоем, дело у нас на лад пойдет. Я умею пахать, а боронить не умею, — ведь игл у меня нету. А у тебя иглы есть, зато нет у тебя таких крепких ног и когтей, как у меня. Друг без дружки мы не работники, а станем работать вместе да все поровну делить, вот нам и будет хорошо.

— Ну, значит, столковались, — говорит еж-иглокож. — А теперь поплюй себе на лапы и начинай.

Принялась кротиха за работу. Пахала день, пахала другой, вспахала поле. Дошел черед и до ежа. Свернулся он клубком и покатился по пашне. День катался, два катался, проборонил пашню своими острыми иглами, а потом посеял пшеницу.

Год выдался урожайный. Буйная взошла пшеница, заколосилась тяжелыми колосьями, ядреным зерном налилась — любо-дорого поглядеть.

Пришла пора снимать урожай. Сжали пшеницу, обмолотили, начали делить.

Взял еж-иглокож меру, насыпал в нее пшеницы вровень с краями и говорит:

— Это мне!

Потом насыпал меру до половины и подает кротихе.

— А это тебе!

— Почему ж ты себе берешь полную меру, а мне даешь половину? —

спрашивает кротиha.

— Потому что моя работа потяжелее твоей, — отвечает еж-иглокож. — Я пашню боронил, все иглы свои обломал — ни одной целой не осталось.

— А я пахала, все когти переломала, — спорит кротиha. — Уж если судить по справедливости, так мне причитается побольше твоего.

Слово за слово, поругались кротиha с ежом, подрались, друг дружке в глотку вцепились.

На ту пору проходила мимо кума лиса. Услышала шум и прибежала посмотреть на драку. Развела лиса драчунов, села решать их спор. Сама судит, сама на пшеничку поглядывает.

Еж-иглокож стал рассказывать лисе, сколько мук он претерпел, пока боронил пашню, а кротиha показала свои когти — все поломанные.

Выслушала их лиса, усмехнулась лукаво себе в усы и говорит:

— Вижу я, оба вы хорошо поработали. И чтобы никого не обидеть, стану я вас судить праведным судом. Как присужу, так и будет. Согласны?

— Согласны, — отвечают еж-иглокож и кротиha.

— Вижу я, — говорит хитрая лисица, — что вы намолотили десять мер пшеницы, а солома — не в счет. Солому пусть возьмет ежка-иглокожка, чтоб ему полегчало немножко. Он, бедняга, совсем изморился, иглы свои переломал. Постелет себе соломки и будет спать на мягком. Кротичке причитается одна мерка пшенички. А для лисицы-сестрицы останется девять мер пшеницы — молоть на мельнице-водянице. Вот я вас и рассудила по правде!

Слушает еж-иглокож лису, а сам думает:

«Да, вот правда так правда! Прямая, как веревка в мешке».

Ушла хитрая лисица с полным грузом пшеницы. Тут кротиha и говорит ему:

— Вот видишь, кум еж, что вышло из нашей ссоры? Разделили бы мы пшеницу поровну, весь бы год были сыты. А сейчас остались ни при чем.

Вздыхнул еж-иглокож.

— Выходит, что так, — говорит. — Правду сказывают люди: «Двое дерутся, — третьему пожива».

КУРИЦА И ОВЦА

В одной деревне собрались на гумне куры и овцы. Вот одна курица снесла яйцо и не успела сойти с гнезда, как принялась кудахтать. И кудахтала, и кричала, и хвасталась, что вот, мол, я снесла яйцо, и звала всех

посмотреть, какое белое, какое красивое яйцо она снесла.

А рядом с ее гнездом лежала овца. Объягнилась она пригожим черненьким ягненком, да и лежала себе тихо-смирно.

Сошла курица с гнезда, подошла к овце и ну хвалиться:

— Что ж ты не подойдешь, не посмотришь, какое белое, какое красивое яйцо я снесла? Тебе такого во век не снести.

Овца ей скромненько отвечает:

— Это не беда, сестрица. Все мы даем хозяину кто что может. Ты вот снесла яйцо, а я принесла ягненка, и нечего нам с тобой хвалиться да хвастаться.

— Как бы не так! Как бы не так! — закудаhtала курица.. — А ты знаешь, сколько стоит твой ягненок и сколько мое яйцо?

— Ну, уж это пусть хозяин скажет, какая чему цена, — ответила овца.

Услышал их разговор хозяин и говорит курице:

— Ишь, как раскудаhtалась! Хвалишься, что снесла яйцо? Да велика ли ему цена? Ягненок двухсот твоих яиц стоит. Уж если ты так расшумелась из-за одного яйца, что бы ты натворила, кабы принесла ягненка?

ПРАВДА И КРИВДА

Жили-были два брата, старший и младший. Старший любил говорить правду и жить по правде. За то его прозвали «Праведный». А младший любил врать да всякие злые дела делать, не правдой жил, а кривдой. Вот его и прозвали «Криводушный». Старший брат осуждал младшего, когда тот обижал людей, говорил ему:

— Не надо так делать, брат! Не ходи по плохой дорожке. Кривдой никому не сделаешь добра, кривдой никому не поможешь. Кто людям лжет, кто им зло делает, того они не любят.

Не хотел криводушный брат слушать праведного, просил его не говорить о правде, твердил:

— Э, братец, без лжи да без кривды на этом свете не прожить. Недалеко ты уедешь со своей правдой.

Вот раз стали братья спорить.

— На этом свете нет ничего лучше правды, — говорит старший брат. — Если люди перестанут жить правдой, ничего у них не будет и все на этом свете погибнет.

— Э, нет, братец, нет! Кривда лучше, кривдой легче добра нажить да

по своей прихоти жить.

— Ну, коли, по-твоему, кривда лучше, — пойдем спросим людей. Послушаем, что они нам скажут.

— Пойдем, — говорит младший брат. — Но если они скажут, что кривда лучше, я тебе выколю глаза.

— А если скажут, что правда лучше, тогда я тебе глаза выколю, — говорит старший.

Побились братья об заклад и пошли спрашивать людей про правду и кривду. И вот видят они — едет по дороге поп верхом на коне.

— Давай спросим попа, — говорят братья, — кому и знать, как не ему. Послушаем, что он скажет... Доброй встречи, батюшка!

— Дай вам бог добра! — отвечает поп. — Куда путь держите?

— Не спрашивай, отче, мы сами хотим тебя кое о чем расспросить, — говорит старший брат.

— Ну что ж, хотите спросить, так спрашивайте. Коли знаю ответ, отвечу.

— Скажи нам, батюшка: кривдой лучше жить человеку или правдой? — спрашивает праведный брат.

— А на что вам знать?

— Да мы с братом побились об заклад, — отвечает Криводушный. — Брат говорит: правда лучше, а я говорю: кривда лучше. Вот мы тебя и спрашиваем, хотим послушать, что ты скажешь, как наш спор решишь.

— Ох, чада! Кривда лучше, — отвечает поп. — Кривдой и прокормиться можно и прожить на сем свете, как люди живут. А от правды толку мало.

Стегнул поп коня и уехал. А Криводушный обрадовался и говорит:

— Ну как, брат, слышал? Говорил я тебе: кривда лучше, а ты все свое твердишь — правда да правда!

— Кто бы что ни говорил, правда лучше!

— Толкуй там! А теперь давай-ка я тебе выколю глаза, по уговору.

— Ну что ж, так тому и быть; пойдем под то дерево, там и глаза мне выколешь.

Неподалеку в поле росло большое дерево. Подошли к нему братья, и Криводушный выколол глаза Праведному, а сам ушел.

Стало смеркаться. Слепой влез на дерево переночевать. А под тем деревом в самое глухое ночное время собирались черти, и их главарь допрашивал одного за другим о том, что они сделали за день. Тех, кто ничего не сделал, он наказывал, а потом опять посылал чертей на работу — рыскать по земле и делать всякие пакости людям.

Настала полночь. Собрались черти под деревом. И главарь их явился.

— Все ли собрались? — спрашивает.

— Все собрались, — отвечают черти. Ну-ка, скажи, что ты нынче сделал? — спрашивает главарь у одного черта.

— Нынче утром я побрызгал водой на царевну, пока она умывалась, и лицо у нее покрылось язвами. Теперь ей во век не выздороветь.

— Молодец! А ты что сделал? — спрашивает главарь у другого черта.

— Я нынче повредил одну мельницу — большую, на девять поставов. Теперь уж ей не молоть! — отвечает другой черт.

— И ты молодец!.. Ну, а ты?

— А я, — отвечает третий черт, — нынче обернулся в попа. И повстречались мне двое братьев. Они меня спросили: что лучше, правда или кривда? Я им ответил, что кривда лучше. Тогда криводушный брат выколол глаза праведному — такой у них был уговор.

— Хорошо поработал!.. А ты что-нибудь сделал? — спрашивает главарь у четвертого черта.

— Я ничего не сделал.

— Бейте его! — приказал главарь чертям.

Бросились черти на лентяя и ну его колотить, а он как заревет.

— Вот вы все хвастаетесь, что наделали всяких пакостей, так знайте же: если тот, кому глаза выкололи, пойдет вон к к тому родничку да омоет себе глаза, он прозреет. А если он этой водой побрызгает на мельницу, она опять будет молоть; а если он принесет этой воды царевне и та умоется, язвы ее зарастут.

Не успел он это сказать, как пропели петухи, и черти сгнули все до единого.

Слепой на дереве слышал весь разговор и запомнил, что говорил ленивый черт про родниковую воду. Слез Праведный с дреза и пошел ощупью искать родничок. Ходил-ходил туда сюда, ощупывал землю целый день и целую ночь, наконец нашел родничок, омыл себе водой глаза, и глаза его исцелились — стал он видеть. Тогда праведный зачерпнул воды и пошел к мельнику — тому самому, чью мельницу повредил второй черт. И вот Праведный брызнул водой на жернов, и мельница стала молоть. Мельник тот, как ни старался сам исправить мельницу, как ни вертел жернова, ничего не мог поделывать, — мельница все равно не работала. А теперь видит — стала молоть. Обрадовался он, дал Праведному много денег в награду.

А у царевны лицо сплошь покрылось язвами. Ходили-ходили к ней лекари, лечили ее лечили, не могли вылечить. Пришел Праведный, дал ей

воды из родничка. Умылась царица и выздоровела в тот же час. И царь тогда награбил Праведного большим богатством.

Вернулся Праведный домой, а Криводушный стал его спрашивать, как это он сумел прозреть, да с чего так разбогател, да как ухитрился нажить столько добра без кривды. Рассказал ему старший брат обо всем, что было ночью под деревом, рассказал, как прозрел от родниковой воды и за что получил богатство.

Сильно позавидовал Криводушный старшему брату, стал его просить вместе пойти под дерево: думал, что если даст он выколоть себе глаза, так потом прозреет от родниковой воды и наживет большое богатство. А тогда опять будет похваляться перед братом, что ему помогла кривда. И вот стал он упрашивать старшего брата выколоть ему глаза.

— Что ты задумал! — говорит Праведный. — Если тебе денег хочется, так я тебе из своих дам.

А Криводушный ему в ответ:

— Нет, не надо! Как я тебе выколол глаза, так и ты мне выколи.

Тут Криводушный взялся за брата и силой заставил его выколоть ему глаза.

Настала полночь. И вот в самый глухой полночный час черти опять собрались под деревом. Главарь принялся допрашивать то одного, то другого черта, а черти рассказывали обо всем, что сделали за день. Потом трое чертей стали жаловаться главарю на свои обиды.

— Вчера я заставил одного человека выколоть другому глаза, а слепой прозрел, — сказал один черт.

Молвил другой черт:

— И мельница стала молоть.

А третий черт проговорил:

— И царица выздоровела — язвы ее затянулись.

Тогда главарь спросил еще у одного черта:

— А ты сегодня что сделал?

— Ничего я не сделал, — отвечает черт. — Но видишь ты вон того человека, что сидит на верхушке дерева? Долгонько я за ним охотился, пока не привел его сюда.

И черт показал пальцем на криводушного брата.

Тут черти бросились на Криводушного, стащили его с дерева и прикончили.

СКАЗКА О БОЧКЕ

Жил-был старый старик. Вот настал его последний час. Позвал он своих пятерых сыновей и говорит:

— Знайте, дети мои, я скоро помру. Но перед смертью расскажу вам притчу. Слушайте хорошенько, а потом растолкуйте ее мне.

Смотрят сыновья на отца, а старик оглядел их всех и начал:

— Рос в лесу дуб. Большое было дерево. С его толстых ветвей желуди дождем падали. Корни его глубоко вросли в землю — соки из нее сосали. Трепала-трепала его буря, да ничего с ним поделать не могла. Но вот пришел в лес дровосек, примерился к дубу, засучил рукава — и давай рубить. К вечеру повалил дерево на землю, ветки обрубил, а ствол приволок к себе в плотницкую — там распилил ствол на тонкие доски. Осенью пришел в плотницкую бочар, свалил доски на телегу и увез. У себя в мастерской бочар сделал из досок клепки, набил на них обручи, сколотил донья и смастерил большую бочку. В ту бочку он каждую осень наливал молодое пенистое вино, а потом продавал его крестьянам, что справляли свадьбу, крестины или поминки. Так было, пока бочка оставалась целой... Но вот один обруч сломался, и клепки разошлись. Вино вытекло, бочка рассохлась. Пока бочар собирался набить на нее новый обруч, клепки совсем рассыпались. Ребятишки растащили обручи, стали их катать по улицам, а хозяйка сожгла в печи клепки и донья. Хороша была бочка, да на нет сошла!.. Ну-ка, растолкуйте мне эту притчу, дети мои.

Задумались пятеро братьев. Думали-думали, не смогли растолковать отцову притчу. Тут старик покачал головой и говорит:

— Молоды вы еще, вот и не догадываетесь. Ну так я сам ее растолкую, а вы слушайте... Лес, где растут большие деревья, — это наша держава. Она вечная. Деревьям ее — народу — вовеки не будет конца. Бочка — это семья; клепки — это все мы, родичи; обручи — согласие, а вино — радость, счастливая жизнь. Пока в семье согласие — она живет счастливо. А тот дом, где согласия нет, лучше ему в огне сгореть!.. Берегите обручи, дети мои!

Старший сын поцеловал руку у старика отца и говорит:

— Благодарим тебя, батюшка, за мудрый совет. Не забудем его, пока живы.

ДЕДКО ПЕТКО И БАБКА ПЕНА

Жили-были в одной деревне старик и старуха — дедка Петко и бабка Пена. Любили они вкусно покушать, зимою в тепле поспать, а летом в

холодке подремать. Одного только не любили — работать.

— Работа мне ни к чему, — говаривал дедка Петко.

Как-то раз бабка Пена сварила в горшке бобовую похлебку. Сели старики за стол, выхлебали весь горшок, наелись досыта. Вот бабка Пена и говорит:

— Я сварила похлебку, а ты засучи рукава да вымой горшок. Утром он мне понадобится — буду корову доить.

— Не стану, — отвечает дедка Петко. — Это женское дело. Сама вымой!

— Не буду я мыть!

— Ну, пускай стоит немытый.

Наступила ночь. Легли старики спать, а горшок остался немытый.

— Слушай, — говорит дедка Петко жене, — ты утром встань пораньше да вскипяти мне молоко. Похлебаю молочной тюри и пойду в поле.

— А во что мне доить молоко? Горшок-то немытый стоит. Вымоешь — надою.

— Не стану я его мыть, — упирается дедка Петко. — Лучше давай побьемся об заклад. Кто проиграет, тот и вымоет.

— Давай, — говорит бабка Пена. — А как?

— Будем оба молчать. Кто первый не утерпит, вымолвит слово, тот пусть и моет горшок.

Замолчали старики, да и заснули. Прошла ночь, взошло солнце. Крестьяне идут на работу. Пастух собрал стадо, гонит его на поляну пастись. На дворе у стариков корова мычит — некому ее подоить да на пастбище выгнать.

А старики сидят себе посиживают да молчат. Тут уж и соседи забеспокоились, стали заглядывать через плетень. В толк не возьмут, что такое приключилось у дедки Петки, — корова стоит привязанная, мычит, а во дворе никого нет.

Вошли соседи в хату и спрашивают:

— Что у вас такое, бабка Пена? Почему не доишь корову?

Молчит бабка Пена.

— Дедка Петко, молви хоть ты словечко! Почему бабка Пена молчит?

Но дедка Петко тоже ни слова. Только головой качает, как лошадь.

— Ну и дела! — говорит один сосед. — Старики-то, видать, онемели. Сбегайте-ка за лекарем да поживей! Игнатка, беги, сынок, покличь лекаря.

Игнатка побежал за лекарем. А тот жил в дальнем конце деревни. Покуда мальчонка за ним бегал, соседи начали расходиться кто куда: один

спешит в поле, другой на базар, третьего дома работа ждет. Только двое остались при «онемелых» стариках — одна старушка и поп.

Поп тоже собрался уходить и говорит старушке:

— Ты, старушка божья, оставайся тут, пока не придет лекарь. Приглядишь за стариками. А то как бы с ними не приключилось чего худого.

— Не могу, батюшка.

— Почему не можешь?

— В нынешние времена никто даром не работает. Заплатите — останусь.

— Как? По-твоему, я тебе должен платить? Я? Да где ж это видано, чтобы попы деньги платили? Оглянулся поп кругом — на стене рваная кацавейка висит. Пошел он снять кацавейку, а бабка Пена как завизжит:

— Ты что это? Хочешь отдать мою кацавейку этой лентяйке? А я сама в чем ходить буду?

Услышал дедка Петко, как раскричалась его старуха, поднялся и говорит:

— Ну, бабка, ты заговорила первая — проиграла заклад. Ступай теперь вымой горшок!

Догадались тогда и поп и старушка, почему дедка Петко и бабка Пена онемели. Покачали они головой и убрались восвояси.

Сказки Бирмы

Запись и обработка Маунг Хтин Аунга. Перевод М. Юцковской.

КАК КРОЛИК ПРОСТУДИЛСЯ

Как-то царь Лев сделал министрами Медведя, Обезьяну и Кролика, и с тех пор все они разгуливали по лесу вместе. Но в один прекрасный день и Медведь, и Обезьяна, и Кролик надоели Льву, и он решил их съесть. А так как он сам назначил их министрами, ему пришлось придумать предлог, который как-то оправдал бы эту несправедливость. И вот царь Лев позвал своих министров и обратился к ним с такими словами:

— С некоторых пор вы являетесь моими министрами. Сегодня я решил узнать, не испортил ли вас ваш высокий пост.

Тут он широко раскрыл пасть и потребовал, чтобы Медведь сказал, чем пахнет из его царственного рта. А так как Лев был великим пожирателем мяса, из его пасти, как и следовало ожидать, исходило отвратительное зловоние. Всегда правдивый Медведь сказал:

— Пренеприятнейший запах, ваше величество.

— Измена, — свирепо прорычал Лев. — Ты оскорбил царя.

Он набросился на Медведя и растерзал его.

Затем Лев спросил Обезьяну, чем пахнет из его царской пасти. Обезьяна, которая видела, какая судьба постигла Медведя, решила, что единственный путь к спасению — ложь.

— О-о, это очень тонкий запах, государь, приятный, как... как запах лучших ароматных масел, — проговорила она.

— Ложь и лесть!! — в ярости заревел Лев. — Все знают, что это отвратительный запах. Недаром я великий пожиратель мяса! Лживые и льстивые советники — опасность для государства!

Сказав это, Лев растерзал Обезьяну.

И тут он обратился к Кролику:

— Ну, мудрец, скажи, чем же пахнет из моего рта?

— К несчастью, государь, — отвечал Кролик, — я простудился, и у меня заложен нос. Позвольте мне, ваше величество, побыть несколько дней дома, пока не пройдет насморк. Ведь только тогда я смогу определить, чем пахнет из вашего царственного рта.

Льву ничего не оставалось, как удовлетворить просьбу Кролика. Тут-

то Кролика только и видели.

КАК КРОКОДИЛ ОСТАЛСЯ БЕЗ ЯЗЫКА

Как-то Ворон увидел такого жирного Крокодила, что у него даже слюнки потекли.

— Дружище Крокодил, — прокаркал он, задумав недоброе, — какой же ты, право, домосед. И что ты сидишь в этой лужице? Ведь совсем рядом большая река. Гораздо глубже и шире этой!..

— Но я что-то не слышал о ней, — возразил Крокодил.

— Я никогда не лгу, — ответил Ворон. — Просто у меня доброе сердце, вот я и стараюсь в меру своих сил помочь ближнему.

— Не проводишь ли ты меня к этой большой реке, — попросил глупый Крокодил. — Я бы поселился там!

— Конечно, провожу, — согласился Ворон. — Это всего в полумиле отсюда. И ты, такой большой и сильный, конечно, легко дойдешь туда.

Тщеславный Крокодил ответил, что ему, конечно, ничего не стоит пройти этот путь.

И вот впереди поскакал, взмахивая крыльями, Ворон, а за ним медленно пополз Крокодил. Была пройдена по крайней мере добрая миля, когда Крокодил пожаловался:

— Дружище Ворон, мы прошли не меньше мили. Где же твоя река?..

— Идем, идем, — ответил Ворон, — мы прошли всего несколько ярдов. И уж, конечно, ты такой силач, не устал!..

Крокодилу было стыдно признаться, что он уже выбился из сил и еле ползет. В конце концов усталость взяла верх, и он беспомощно растянулся на дороге. К этому моменту Крокодил отошел от своей реки по крайней мере на три мили. И тут Ворон громко рассмеялся и оказал, улетаая:

— Ну, мой жирный и глупый дружок, теперь ты скоро умрешь от голода и жажды. Не беспокойся, я вернусь и съем тебя, когда ты испустишь дух.

Но случилось так, что мимо по той же дороге проезжал добрый возчик. И Крокодил со слезами на глазах стал умолять этого человека спасти ему жизнь, отвезти назад к родной реке.

Возчик пожалел беднягу и решил ему помочь. Но, зная коварный нрав Крокодила, он все же крепко связал его веревкой, взвалил на арбу и тронул буйволов.

— О хозяин, — взмолился Крокодил дрожащим голосом, когда арба

подъехала к реке, — я совсем ослаб, и тело мое онемело от твоей веревки. Если ты сбросишь меня на берег, я не смогу добраться до воды. Придут жестокие люди и убьют меня. Прошу тебя, завези меня в реку.

Добрый возчик так и сделал. Он въехал прямо в воду, затем развязал веревку и столкнул свой груз с арбы. В то же мгновение Крокодил вцепился зубами в ногу буйвола.

— Отпусти! Отпусти, неблагодарный! — закричал возчик.

Но Крокодил только усмехнулся.

Кролик, пришедший в это время к реке напиться воды, увидев происходившее, крикнул возчику:

— Стегни кнутом его! Кнутом!..

Возчик послушался и так хлестнул крокодила гнутом, что тот сразу же разжал пасть, и буйволы вынесли арбу на берег.

Поблагодарив Кролика за добрый совет, возчик уехал. А Крокодил в гневе поклялся поймать Кролика, когда тот опять придет к реке напиться.

На следующий день рано утром Крокодил уже поджидал Кролика. Но, так как у самого берега было очень мелко, он не мог спрятаться под водой весь, и его спина выпирала наружу. Увидев приближавшегося Кролика, Крокодил замер, надеясь, что тот примет его за бревно. Однако Мудрого Кролика не так-то легко было провести. Он громко запел.

— Настоящие крокодилы всегда плывут вверх по течению, а настоящие бревна всегда плывут вниз по течению.

Чтобы уверить Кролика в том, что он настоящее бревно, Крокодил проплыл несколько ядров вниз по течению.

Воспользовавшись этим, Кролик быстро напился и убежал.

На другой день Крокодил снова прикинулся бревном, но Кролик опять пропел:

— Настоящие крокодилы всегда плывут вверх по течению, а настоящие бревна всегда плывут вниз по течению.

Теперь Крокодил не шелохнулся. Думая, что на этот раз перед ним настоящее бревно, Кролик пригнулся к воде и сразу же очутился в страшной пасти. Но Крокодил не проглотил его. Ему хотелось, чтобы все увидели, что он наконец поймал хитрого Кролика. И он носился вниз и вверх по реке, со свистом рассекая хвостом воду и крича:

— Хи! хи! хи!

Кролик, который восседал верхом на языке у Крокодила, крепко вцепившись в него лапками, вдруг воскликнул:

— Ну и дурачина же ты, Крокодил! Только и знаешь орать одно: «Хи! Хи!» А вот «ха» «ха» у тебя никогда не получится!..

— Ха! Ха! — рассмеялся в ответ Крокодил, широко разинув пасть. Кролик, недолго думая, выпрыгнул из пасти, унося в своих когтях язык Крокодила. Вот почему у крокодилов нет теперь языка.

Кролик выбрался из реки без особого труда, потому что, прыгнув что было сил, оказался у самого берега, где, как вы помните, было мелко. Но ему все-таки пришлось проплыть несколько ядров с тяжелым крокодилийм языком. Выбравшись на берег, Кролик почувствовал усталость. Поэтому он не понес язык дальше, а спрятал его под кустом.

По дороге домой Кролик встретил Кота.

— Здорово, приятель Кот! — весело воскликнул он. — Если ты голоден, я могу предложить тебе язык.

И он принялся рассказывать Коту о своем приключении, а потом направил приятеля туда, где припрятал язык.

Обрадованный Кот бросился к тому месту. Однако язык куда-то исчез. Кот искал его долго, но все было напрасно. Наконец он увидел странное растение, усыпанное продолговатыми плоскими плодами. Хорошенько подумав, он догадался, что язык Крокодила превратился в это невиданное растение. Люди называют его теперь «Чаун ша», что значит Язык Кота. Вы, конечно, спросите: «Почему так?» Но ведь умный Кролик подарил язык Крокодила Коту, и поэтому нет ничего странного в том, что растение получило такое имя.

ТРОЕ ГЛУПЫХ

Однажды Мудрый Кролик, сидя под деревом, вслух размышлял о жизни.

— На каждом шагу, — говорил он, — нас поджидают всякие беды и опасности. Во-первых, это стихийные бедствия: землетрясения, обвалы, ураганы. Во-вторых, голод. И, в-третьих, воровы и разбойники.

Тут Кролик вспомнил, что у него есть важное дело, и скрылся в зарослях.

Случилось так, что эти слова услышали Чибис, Земляной Червь и Обезьяна. Этим глупышек охватил панический страх. Трусливого Чибиса больше всего взволновали стихийные бедствия, и он проговорил со слезами на глазах:

— А если небо упадет на меня, когда я буду спать?! Днем я по крайней мере смогу улететь. А что, если оно свалится ночью? Ой-ой!..

Земляного Червя очень взволновали слова Кролика о голоде, и он

сказал, плача:

— А что если вдруг станет мало земли, которая служит мне пищей? Горе мне тогда! Я умру!

Обезьяна же, вспомнив о ворах и разбойниках, сказала со слезами:

— Земля — это самое ценное из того, что у меня есть. Ночью я покидаю ее, потому что сплю на дереве. А что если воры и разбойники придут и украдут у меня землю, когда я буду спать?

И с тех самых пор Чибис спит на спине, подняв обе лапки вверх, чтобы поддержать небо, если оно начнет падать. Земляной Червь, съев землю, извергает ее обратно на тот случай, если ее станет мало. А Обезьяна каждую ночь трижды спускается вниз с дерева, чтобы пощупать землю и убедиться, что ее никто не украл.

Перехитрив в джунглях одного за другим всех зверей, Кролик решил потягаться с людьми. Он подобрался к деревне и, усевшись в укромном местечке, принялся посматривать по сторонам. Завидев старуху с корзиной бананов на голове, Кролик, растянувшись на дороге, притворившись мертвым. Старая женщина подняла его и, подумав, что он еще сгодится на жаркое, положила в корзину с бананами.

А Кролик, прокатившись даром в корзине и съев один за другим все бананы, спрыгнул и был таков.

Заявившись в другую деревню, Кролик увидел, что все жители собрались на священный танец Нат и принесли с собой бананы для жертвоприношения духам. Он тут же направился к колодцу на краю деревни и закричал:

— В колодце Тигр! Тигр в колодце!

— Услышав это, все побежали к колодцу, а Кролик съел все бананы и был таков.

Кролик расхрабрился и преисполнился таким презрением к доверчивым людям, что, завидев еще одну деревню, смело перебрался за ограду и, обежав кухни, съел без остатка все бананы, которые сумел найти. И тут-то крестьяне его увидели и схватили палки и камни. Кролик пустился наутек и бежал до тех пор, пока не наткнулся на высохший колодец. В колодце было темно, но он успел рассмотреть своими зоркими глазами, что там сухо. Кролик прыгнул вниз и, когда крестьяне приблизились, закричал:

— Спасите меня! Спасите меня! Я тону! Тону-у!

Как ни всматривались люди в колодец, они ничего не могли увидеть. Тогда одни ушли обратно в деревню, полагая, что Кролик утонул, другие же сказали:

— Надо посмотреть, хватит ли там воды, чтобы он мог утонуть.

Крестьяне послали мальчика в деревню за длинной веревкой и, когда он вернулся, опустили ее в колодец. Кролик же стал потихоньку сматывать веревку.

— Э-э, да тут глубоко! — воскликнули те, кто промерял колодец. — До дна не достать даже этой длинной веревкой. Теперь посмотрим, есть ли там вода. Тащи назад веревку!..

Кролик быстро облизал смотанную кругами веревку, смочив ее слюной.

Когда веревка была вытащена, люди увидели, что она мокрая, и, решив, что воды в колодце достаточно, ушли. Тогда Кролик выбрался наверх.

После этого Кролик возгордился еще больше и только и думал о том, как бы еще и еще провести глупых людей.

Как-то, прогуливаясь, он заметил старика, несшего на спине корзину бананов.

«Старый способ лучше десяти новых», — сказал себе прехитрый Кролик и растянулся на дороге, прикинувшись мертвым.

Старик, однако, был себе на уме и сразу сообразил, в чем дело.

— О, да здесь, кажется, мертвый Кролик! — проговорил он. — Так пусть он уж больше никогда не встанет.

Сказав это, старик так ударил Кролика палкой, что тот сразу испустил дух.

Потом Кролика поджарили и съели.

ПОЧЕМУ ТИГР НЕВЗЛЮБИЛ КОТА

Хотя Тигр был и раньше, большим, сильным и свирепым, однако он был таким неуклюжим, что над ним смеялись все джунгли.

— Взгляните-ка на этого Тигра! — потешались звери. — Скоро у него высохнет живот от голода. Ведь он такой неповоротливый, что всегда остается без добычи.

И вот как-то бедняга Тигр вспомнил о своем двоюродном брате, Коте.

— Братец, — сказал он, придя к Коту, — научи меня, пожалуйста, всем твоим охотничьим премудростям, а я за это буду тебе верно служить целых три года.

Кот согласился.

Так Тигр стал учеником Кота. И хотя Тигр был старшим двоюродным братом, он относился к Коту с тем уважением, каким обычно окружают

ученики своего учителя. Тигр подметал дом, стряпал, бегал, куда посылали, повсюду сопровождал Кота и прилежно учился. Короче говоря, Тигр был прекрасным учеником.

Вначале Кот добросовестно учил Тигра, но потом стал мучиться завистью к своему ученику.

«Тигр овладевает всеми хитростями, которым я учу его, — размышлял Кот. — Если я обучу его всему, что знаю сам, он превзойдет меня, потому что он сильнее и больше».

И Кот решил утаить от Тигра одну важную премудрость.

Когда подошел к концу третий год ученичества, Тигр почтительно спросил своего наставника:

— Все ли теперь я знаю, достопочтенный учитель?

— Все, — солгал Кот.

Тигр поблагодарил его и, довольный, отправился восвояси.

И вот Тигр отправился охотиться один... Но его ждала неудача. Стоило ему только замереть перед прыжком на Кролика, как тот сразу же дал тягу. В другой раз Тигр изготовился прыгнуть на Буйвола. И опять добыча ускользнула от него.

«Хорошенько спрячься, а затем неожиданно нападай», — такова была одна из премудростей его учителя Кота. Но ведь он так хорошо спрятался в чаще бамбука, а Кролик и Буйвол все-таки знали, что он там. Озадаченный Тигр застыл в стойке для прыжка и начал тщательно ее изучать. В конце концов он смекнул, что все дело в хвосте, которым он размахивал то вверх, то вниз, рассекая со свистом воздух: Этот-то звук и предупреждал его добычу об опасности.

— Вероломный Кот! — в гневе воскликнул Тигр. — Он ни разу не показал мне, как нужно держать хвост, — чтобы не выдавать себя.

Тигр еще больше рассвирепел, припомнив, что сам учитель на охоте, очень осторожно помахивал хвостом. И он поклялся, что съест Кота и даже его помет, если не сможет найти его самого.

И с тех пор Тигр разыскивает Кота.

Но Кот, однако, так хитер, что здравствует и по сей день. Он не доставляет своему бывшему ученику даже того сомнительного удовольствия, которое тот мог бы получить, найдя его помет, потому что всегда прячет его в землю или золу.

ПОЧЕМУ У БАКЛАНА НЕТ ХВОСТА

Жил-был когда-то царь, повелитель всего живого на земле. При дворе его служили и люди, и звери, и птицы, и рыбы. А одним из придворных был Баклан. Птица эта очень гордилась своей красотой. Баклан с важным видом прохаживался по царскому дворцу, помахивая длинным хвостом. А хвост у него был пречудесный, с раздвоенным кончиком, весь в черных пятнышках, как, впрочем, и все оперение.

Однажды царь приказал всем своим подданным явиться ко двору и предстать перед ним. И тут-то Пескарь, направляясь в тронный зал, увидел стоящего у входа Баклана. Сердце Пескаря замерло. Ведь Баклан питается рыбой и больше всего на свете любит Пескарей. Но, вспомнив, что в стольном городе всем строжайше предписано соблюдать мир, Пескарь успокоился. А у Баклана даже слюнки потекли при виде такого лакомства. Однако он знал, что его обвинят в государственной измене и казнят, если даже он только просто прикоснется к Пескарю. И все же робость и неуверенность, которых нельзя было не заметить во взгляде и движениях Пескаря, так и подталкивали Баклана пострадать его. Баклан уставился на Пескаря, а когда тот испуганно взглянул на него, неожиданно подмигнул левым глазом. Пескарь громко вскрикнул и, выбежав из царского дворца, помчался во весь дух к своему дому. Но бедную рыбку тут же схватили и обвинили в измене.

— Почему ты нарушил порядок и покинул дворец без моего разрешения? — грозно опросил царь.

— Ваше величество, — отвечал Пескарь, — мой заклятый враг Баклан, стоявший у входа в тронный зал, посмотрел в мою сторону так, как будто бы собирался меня съесть.

Поскольку тщательное расследование подтвердило слова Пескаря, он был помилован. Баклану же за то, что он напугал бедную рыбку, было приказано в тот же самый вечер задать в честь Пескаря пир.

Баклан устроил пир и так радушно угощал Пескаря разными винами, что тот свалился с ног и уснул.

Тогда коварный Баклан оторвал у него хвост и спрятал его в ветвях дерева. Он хотел им полакомиться, когда его перестанут искать.

А Пескарь, проснувшись утром, обнаружил пропажу и горько заплакал. Баклан уверял его, что хвост украден ворами, которых так много в городе. Однако Пескарь, хорошо зная коварные повадки Баклана, не внял его доводам и обратился в суд.

Заслушав свидетелей, суд решил, что, поскольку хозяин несет ответственность за жизнь и имущество гостя, Баклан обязан возместить ущерб, нанесенный Пескарю, отдав ему свой хвост, который был тут же

отрезан и приставлен к обрубку хвоста Пескаря.

Вот почему кончик хвоста у Пескаря раздваивается и покрыт черными пятнышками, которых нигде на теле у него больше нет.

А Баклан не посмел снять с дерева украденный у Пескаря хвост и воспользоваться им вместо своего. Ведь тогда бы все узнали, что он вор. Вот почему у Баклана и по сей день нет хвоста.

КАК ПТИЦЫ ПОДРУЖИЛИСЬ

Прежде птицы и понятия не имели о дружбе, потому что все они отчаянно соперничали. Увидит одна птица другую и тотчас, скажет ей:

— Я лучше тебя!

А та ответит: «Нет, я!»

И тут начиналась драка.

Однажды Фазан встретил Ворону. Ссориться ему не хотелось и он сказал:

— А ведь ты лучше меня, Ворона!

Эти слова Фазана не только удивили, но и очень польстили Вороне, и она учтиво ответила:

— Ах нет, нет, Фазан! Это ты лучше, чем я.

Тут обе птицы присели и завели дружеский разговор.

— Ты мне нравишься, Ворона, — сказал Фазан. — Давай жить вместе.

— Хорошо, Фазан, — отвечала та.

И они поселились вдвоем на большом дереве.

Со временем Фазан и Ворона все больше и больше проникались взаимным уважением, но в их отношениях не было и тени фамильярности.

Другие пернатые с любопытством наблюдали за Фазаном и Вороной. И только диву давались, как эти две птицы могут жить вместе столько времени без драки и ссор. Наконец они решили испытать эту дружбу. Птицы пришли к Фазану, когда Вороны не было дома, и сказали:

— Фазан, почему ты живешь вместе с этой никудышной Вороной?

— Как вы можете так говорить! — отвечал Фазан. — Ворона лучше меня. Живя со мной на этом дереве, она оказывает мне честь!

На следующий день, когда Фазана не было дома, птицы явились к Вороне и сказали: «Ворона, почему ты живешь вместе с этим никудышным Фазаном?»

— Как вы можете так говорить! — отвечала Ворона, — Фазан лучше меня. Живя со мной на этом дереве, он оказывает мне честь!

Такое отношение Фазана и Вороны друг к другу произвело на птиц большое впечатление. И они спросили себя:

— А почему бы нам не жить, как Фазан и Ворона, — не драться и не ссориться?

С тех пор птицы стали дружить и уважать друг друга.

ПОЧЕМУ ГРИФ ЛЫСЫЙ

Когда-то Гриф был смирной и довольно глупой птицей. Нельзя сказать, чтобы он обладал очень уж красивым оперением, однако в общем выглядел вполне сносно. Но вот однажды Гриф заметил, что у него стали выпадать перья. Он рассказал об этом другим пернатым. И те начали уверять Грифа, что он просто линяет и позже у него вырастут новые перья. Однако Грифа это не успокоило. Он так тревожился о своих перьях, что стал тощим и болезненным. Наконец птицы сжалились над ним, и каждая подарила ему по одному перу. И Гриф стал диковинной пестрой птицей. Он важно прогуливался в этом оперении и заявлял, что он красивее всех птиц в мире.

В конце концов Гриф возгордился так, что потребовал, чтобы пернатые признали его своим царем. Тогда возмущенные птицы выщипали у него не только те перья, которые подарили ему, но и его собственные. И Гриф превратился в старую, уродливую и лысую птицу.

Вот почему сейчас Гриф угрюм и безобразен.

ЧУДЕСНЫЙ ПЕТУХ

Жили-были два брата, бедный и богатый. Бедный брат жил в лесу, а богатый в городе.

Однажды бедный брат нашел под деревом золотое перо. Взглянув вверх, он увидел, что на ветке сидит петух.

Бедняк подобрал перо и отнес его богатому брату.

— Забавная вещица, — сказал тот. — Но она ничего не стоит. Я, пожалуй, дам тебе за нее серебряную монетку.

Бедняк и не знал, что перо было из чистейшего золота. Он думал, что серебряная монетка — хорошая цена за него.

На следующий день бедный брат снова пришел к дереву и опять нашел золотое перо, которое тоже продал богатому брату за серебряную монетку.

Так продолжалось много-много дней. Но однажды, когда бедняк нагнулся, чтобы поднять золотое перо, петух несколько раз прокукарекал:

— Тот, кто съест мое сердце, будет каждое утро находить под подушкой два золотых яйца!..

Бедняк рассказал об этом богатому брату.

— Если ты сумеешь добыть мне этого петуха, я дам тебе тысячу серебряных монет, — сказал богач.

— Не нужны мне твои серебряные монеты, — отвечал бедный брат. — Вот если бы ты взял к себе моих мальчиков и они разбогатели бы, как ты...

И когда богатый брат ответил согласием, бедный брат в свою очередь пообещал прислать петуха.

На следующий день рано утром бедняк пришел с луком к дереву, убил петуха и отправил его с сыновьями к брату.

Скупой богач и не думал кормить племянников даром. «Они будут у меня за слуг», — порешил он и приказал братьям сварить петуха на обед.

Мальчики, которым очень хотелось угодить дяде, старательно разделали петуха и сварили его, но тут сердце петуха вдруг выпрыгнуло из горшка.

— Ой! — проговорил старший. — Придется выбросить сердце... Ведь нельзя же подавать его дяде после того, как оно валялось на грязном полу.

— Не выбрасывай... — ответил младший. — Я так хочу есть. Давай разрежем его попалам и съедим.

И мальчики съели сердце.

Сев обедать, богач поискал в миске петушиное сердце, но его там не оказалось. Узнав, что сердце уже съедено, он, не помня себя от досады и злости, поколотил племянников и выгнал их вон. Братья в слезах вернулись домой.

На следующий день мальчики нашли под своей подушкой золотые яйца. Они отдали их отцу. А он был так сердит на своего богатого брата, что не понес их к нему, а продал чужестранцу. Тот оказался честным купцом и хорошо заплатил. Вот тут-то бедный брат и понял, как надувал его богатый брат, когда он приносил ему золотые перья.

Бедный брат и оба его сына каждый день продавали по два золотых яйца и стали намного богаче богатого брата.

ПЯТЕРО ДРУЗЕЙ

Сегодня, мой дорогой мальчик, я расскажу тебе о пяти добрых товарищах.

Жили-были четверо братьев и их слуга. Собственно, слуга не был

службой в полном смысле этого слова. Более опытный и сильный, чем остальные, он скорее был советчиком и предводителем.

Звали его Крепыш, потому что он был приземистым, коренастым и сильным. Имя первого брата было Задира, и он тоже его оправдывал. Второй брат, Каланча, был самым высоким из всех. Третьего брата за бережливость и осмотрительность прозвали Казначеем. А имя четвертого брата, самого младшего и самого маленького ростом было Малыш.

Пятеро друзей бродили по свету, совершая великие подвиги, пока как-то не подошли к золотому городу, которым правил могущественный царь.

— Что пользы добывать славу и честь по крохам? — сказал Крепыш. — Давайте завоюем себе царство, и наши имена будут жить вечно.

Другие согласились с ним, и они приблизились к воротам золотого города. Задира бросил вызов, и тут началась великая битва, в которой отличился Каланча. В конце концов царь был убит, и город сдался на милость победителей.

И вот встал вопрос, кому из пяти друзей быть царем. Братья в один голос заявили, что править должен Крепыш, их предводитель, но тот отказался, предложив вместо себя Задиру. Ведь это он первым ринулся в бой, смело бросив вызов. Однако Задира не согласился и предложил в цари Каланчу, прибавив, что он отличился больше других в битве. Каланча же доказывал, что править должен бережливый Казначей, потому что в городе очень много всякого добра. Но Казначей в свою очередь сказал, что царем должен стать Малыш, потому что он самый маленький и слабый, больше всех нуждается в помощи и никогда не сумеет завоевать себе царство один. А Малыш заявил, что он очень уж слаб, чтобы быть царем.

Так они спорили несколько часов, пока наконец не решили, что будут управлять городом сообща.

А теперь взгляни-ка на свою ручонку, мой дорогой мальчик. Ведь эти пять добрых друзей всегда готовы услужить тебе. Вот твой большой палец. Это, конечно, наш знакомец Крепыш, потому что он толстый и сильный. Указательный палец — это, разумеется, Задира. Когда люди ссорятся с кем-нибудь, то всегда указывают именно этим пальцем. Каланча — это-средний палец, он длиннее других. Следующий пальчик — Казначей. Когда ты вырастешь и у тебя будет кольцо, ты будешь носить его на этом пальце. А твой мизинец, такой маленький и слабый, — это и есть Малыш.

Вот видишь, мой дорогой мальчик, и у тебя есть пятеро верных помощников, готовых услужить тебе. И они, без сомнения, завоюют для тебя и золотой город и золотой трон, когда ты вырастешь большим.

ЛУННОЕ ЗАТМЕНИЕ

Одна бедная старая — вдова, почувствовав приближение-смерти, позвала к себе двух своих внуков и сказала:

— Детки, я не оставляю вам в наследство ни золота, ни серебра, как другие бабушки.

И она завещала старшему свою ступку, а младшему — пест..

Старший брат сказал себе: «На что она мне нужна, эта ступка? Что я, повар, что ли?» И, не взяв ступку, ушел в другую деревню, где его ждала тяжелая работа. Младший же-брат послушался. «Бабушка, — подумал он, — не оставила бы мне этот пест, если бы он ничего не стоил».

И он стал брать пест с собой, куда бы ни шел. А соседи немало потешались над этим.

Человек этот был очень беден. Он жил тем, что собирал хворост и продавал его в деревне. Как-то, бродя по джунглям, он наткнулся на огромную змею и в испуге вскарабкался на дерево. К его удивлению, змея заговорила с ним.

— Я не причиню тебе зла, — сказала она. — Я хочу только одолжить у тебя этот пест.

— На что же он тебе? — спросил младший брат.

— У меня только что умер муж, — пояснила змея, — а если поднести твой пест к его ноздрям, он тотчас же оживет.

— Ты говоришь, что мой пестик волшебный? — недоверчиво спросил младший брат.

— Пойдем-ка со мной, — проговорила змея, — и ты сам все увидишь.

И вот, пробравшись вслед за змеей через заросли, младший брат увидел мертвую змею. Он поднес пест к ее ноздрям, и та сразу же ожила.

— У этого песта чудодейственный запах, — объяснила змея-жена. — И сила его не пропадет до тех пор, пока ты кому-нибудь не проговоришься об этом.

Тут змеи, прошипев слова благодарности, неторопливо уползли.

А младший брат отправился обратно в деревню. По дороге он увиделдохлую собаку, которая уже начала разлагаться.

«Попробую-ка я ее оживить», — подумал младший брат и протянул пест. В то же мгновение собака ожила и вскочила. Он назвал ее Гнилушкой, и пес стал ему верным слугой и товарищем.

Вскоре люди заговорили о младшем брате как о великом лекаре, исцеляющем даже от самой смерти. Но никто и не подозревал, что все дело

в песте. Все думали, что младший брат носит его просто как талисман.

Через некоторое время за младшим братом прислал сам царь, у которого умерла единственная дочь. Он вернул жизнь и ей. В благодарность царь отдал ему в жены принцессу.

Так младший брат стал наследным принцем. Но он не оставлял волшебного песта и продолжал возвращать к жизни умиравших до тех пор, пока люди совсем не забыли, что такое горе и скорбь.

— Мой пест побеждает смерть, — проговорил однажды младший брат в задумчивости. — А старость? Может быть, он прогонит и старость?

И он стал каждый день подносить пест к своему носу и носу жены, что, разумеется, удивляло ее. Но принцесса уступала этой, как ей казалось, причуде мудрого лекаря. Через несколько лет младший брат увидел, что ни он, ни принцесса ничуть не изменились, и понял, что открыл секрет вечной молодости.

Но Луне стало завидно, что двое смертных будут так же вечно молоды, как и она.

— Даже Солнце и то стареет, — рассуждала Луна сама с собой. — К вечеру становится слабым, красным и безобразным.

И Луна стала выжидать случай, чтобы украсть волшебный пест.

Случилось как-то, что пест намок и покрылся зеленой плесенью. Принц вынес его на солнышко просушить, а сам сел рядом.

— О мой господин! — воскликнула принцесса. — Не царское дело сушить на солнце это старье, да еще караулить его. Пусть солдаты охраняют, если нужно..

Она так настаивала, что принц в конце концов уступил.

— Хорошо, — сказал он, — тогда я оставлю здесь верного Гнилушку. Только ему я могу доверить эту вещь.

И вот Гнилушка уселся около волшебного песта.

Луна, увидев все это, прыгнула с неба. Верный пес, хоть его и ослепило сияние незваной гостьи, учуял недоброе. А Луна схватила пест и была такова. Гнилушка бросился по запаху песта за воров. С тех пор пес и гоняется за Луной. Увидит ее ночью на небе — и вдогонку, а днем ищет ее по запаху песта.

И так как все время вдыхает этот запах, не умирает и не стареет. Иногда Гнилушке удается нагнать Луну. Он захватывает ее в пасть и старается проглотить, но куда там! В конце концов Гнилушку начинает тошнить, и он выпускает Луну. Тут все начинается сначала. И погоня никогда-не прекращается.

Вот почему, когда бывает лунное затмение, бирманцы говорят:

«Гнилушка Луну поймал», а когда затмение кончается: «Опять беднягу стошнило».

ГЛУПЫЙ МАЛЬЧИК

Жил-был глупый мальчик. Послала его как-то мать джунгли. Поставил мальчик силок и поймал дикого петушка. И, велев ему лететь в деревню прямо под нож матери, неторопливо отправился домой.

Но, увы, придя домой, он узнал, что петушок не прилетел. Тогда мальчик рассказал обо всем матери.

— Глупый мальчишка! — вскричала мать. — В другой раз зарежь птицу и принеси ее домой.

На другой день мальчик снова отправился в джунгли и под одним из деревьев нашел несколько больших грибов.

— Ха-ха-ха! — засмеялся мальчик. — Ну, уж теперь-то вы никуда не денетесь от меня.

Он подбежал к дереву, искрошил грибы ножом, а потом понес их матери.

— Глупый, глупый мальчишка! — воскликнула мать. — Что ты сделал с грибами? Теперь они никуда не годятся. В другой раз принеси их с корешками.

На следующий день мальчик опять пришел в джунгли и увидел на дереве пчелиный улей.

— Мед-то уж будет мой, — сказал он себе. — Вырву улей с корнем, как матушка говорила.

И, вскарабкавшись на дерево, мальчик попытался оторвать улей от ветки, но тут на него налетели пчелы. Плача от боли, он спрыгнул с дерева и побежал домой к матери.

— Глупый мальчишка! — сказала та. — В другой раз подпали улей. Пчелы испугаются дыма и улетят.

На следующий день мальчик увидел монаха.

— Ну, уж на этот раз он будет мой, — подумал мальчик.

Он тихонько подкрался к монаху и поджег его желтую робу. Когда монах, покатавшись по траве, потушил огонь, мальчик решил повторить свою затею. Тут уж монаху пришлось схватить палку и отколотить его. И глупый мальчик, плача, побежал домой.

— Глупый мальчишка! — встретила его мать. — Желтые-робы носят монахи. В другой раз, если увидишь святого отца, встань на колени и

почтительно поклонись ему.

На другой день мальчик опять отправился в джунгли и, забредя в чащу, встретился с тигром. Вместо того, чтобы забраться на ближайшее дерево, он принялся разглядывать тигра и, увидев желтые полосы на его шкуре, встал на колени и поклонился. Тут тигр набросился на глупого мальчика и съел его.

ХОЗЯИН И ЛОДОЧНИК

Один хозяин лодок был таким жадным, что не хотел вознаграждать труд своих лодочников и для этого пускался на разные хитрости. А жалованье лодочникам полагалось немалое, потому что в пути они проводили два — три месяца — поднимались вверх по Иравади, а потом гребли обратно. В дороге Хозяин лишь кормил лодочников, а деньги платил только когда плавание заканчивалось.

Каждый раз в последний день плавания Хозяин лодок либо обманывал лодочников, либо хитростью заставлял их побиться об заклад. При этом наиболее доверчивые из них лишались всего заработка.

В один из последних дней плавания лодки пристали к берегу около какой-то дереvушки. Стоял январь, и вода в реке была очень холодной. Хозяин лодок сказал:

— Интересно знать, есть ли среди моих лодочников хоть один настоящий здоровяк? Я готов отдать все свои лодки тому, кто просидит голым в воде до рассвета? Проиграете — не получите жалованья, только и всего. Условия вполне справедливые. Ну, кто хочет побиться об заклад?

Лодочники были сильными и здоровыми людьми и с удовольствием приняли бы пари, но, наслышавшись о плутнях хозяина, молчали. Однако все же нашелся один смельчак, в душе считавший себя хитрее Хозяина, который согласился побиться с ним об заклад. Этот Лодочник разделся, прыгнул в реку и, хоть стучал зубами и трясся всем телом, но из воды не выходил.

Время летело, приближался рассвет. На другом берегу реки проснулись рыбаки и, как предвидел Хозяин, развели около своей хижины костер, чтобы погреться перед тем, как выйти на рыбную ловлю. Выждав немного, Хозяин лодки крикнул:

— Эй, Лодочник! Меня не надуешь. Ты греешься вон от того костра, что на берегу. Ты проиграл наш спор, потому что не выполнил его условий.

— Да ведь костер-то на другой стороне реки, — ответил, негодуя,

Лодочник. — До него наверняка полмили, как же он может греть меня?

— Костер остается костром, — возразил Хозяин. — Раз его видно, значит, он тебя греет. Ты проиграл пари, нарушив наш уговор.

— Хорошо, — ответил Лодочник и без дальнейших возражений вылез из воды.

Одевшись, он подошел к своим собратьям и сказал:

— Вы, наверное, думаете, что я дурак, вот и лишился своих денег. Может быть, вы и правы кое в чем, но зато никто не умеет так жарить свинину, как я. Тут уж мне нет равных. Даже наш мудрый Хозяин не знает толком, как поджарить свиные ножки.

Хозяину, который в это утро был особенно доволен собой, не понравились слова Лодочника.

— Ты только что проиграл мне все заработанные деньги, — гордо сказал он, — и еще осмеливаешься говорить, что я не смогу поджарить какие-то свиные ножки?

— Может быть, ты и сумеешь что другое поджарить, Хозяин, но только не свиные ножки, — возразил Лодочник.

— Конечно, я знаю, как это делается? — рассердился Хозяин, — и готов побиться об заклад.

— У меня есть несколько свиных ножек, — ответил Лодочник, — я купил их вчера. Если ты и вправду сумеешь толком зажарить эти ножки, я буду служить тебе без жалованья семь лет. А не сумеешь — отдашь мне все свои лодки. Условия вполне справедливые.

— Я согласен, — сказал Хозяин.

Лодочник принес свиные ножки и сказал:

— Тогда вот тебе ножки. Жарь их сейчас же.

— Да, но где же огонь? — спросил Хозяин.

— А вон там костер, на другом берегу, — почтительно ответил Лодочник.

— Да ведь до него по крайней мере с полмили, — возмутился Хозяин.

— Ты сам сказал, что костер остается костром, — отвечал Лодочник, — и уж если от него было достаточно тепла, чтобы согреть меня, того же огня хватит и тебе, чтобы поджарить ножки. Э-э! Да я вижу, у тебя ничего не получается! Значит, я выиграл, и все лодки мои.

Но Хозяин лодок не согласился с этим и обратился к судье. Незачем и говорить, что тот решил дело в пользу Лодочника.

Венгерские сказки

МАЛЕНЬКИЙ ЗАЙЧИК

Быль это или небылица, а за далеким-далеким морем жил-поживал один зайчик. Был у него колокольчик, и любил им зайчишка позванивать.

Однажды зайчик побежал пастись в поле, а колокольчик свой, его никто не взял, повесил на маленькое деревцо.

Ушел зайчик, а когда вернулся, то увидел, что дерево выросло, стало высоким-высоким. Никак не мог зайчик достать свой колокольчик.

Тогда зайчик попросил дерево нагнуться, чтобы можно было снять колокольчик.

Но дерево ответило:

— Довольно я гнулось на ветру! Не стану еще и ради твоего колокольчика нагибаться.

Рассердился зайчик, пошел к топору:

— Топор, топор, прошу тебя, сруби ты дерево! Не хочет оно отдать мой колокольчик.

Ответил зайчику топор:

— Хватит, не стану я рубить дерево! Нарубался я так, что и затупился.

Пошел зайчик к камню:

— Камень, камень, прошу тебя, наточи топор! Топор не хочет дерево срубить, дерево не хочет мне колокольчик вернуть.

— С чего это стану я топор точить? Довольно уже я топоров наточил, — ответил камень.

Не добился толку зайчик и здесь, пошел к воде:

— Вода, вода, прошу тебя, смой ты камень! Камень не хочет топор точить, топор не хочет дерево рубить, дерево не хочет мне колокольчик отдать.

Ответила вода:

— Вот еще, стану я камень смывать! И так сколько теку, всё камни смываю да смываю.

И здесь не добился толку зайчик, пошел к волу:

— Вол, прошу тебя, выпей ты воду! Вода не хочет камень смыть, камень не хочет топор наточить, топор не хочет дерево срубить, дерево не хочет колокольчик мне вернуть.

Промычал вол в ответ:

— Не стану я воду пить, довольно я уже ее пил и пил. Не хочу и не буду.

Пошел зайчик к мяснику:

— Мясник, прошу тебя, зарежь ты вола! Вол не хочет воду выпить, вода не хочет камень смыть, камень не хочет топор наточить, топор не хочет дерево срубить, дерево не хочет мне колокольчик вернуть.

Отвечает мясник зайчику:

— Не стану я вола резать! Всю жизнь только и знаю, что режу да режу. Хватит!

Вот тогда-то зайчик взаправду рассердился и пошел к блохе:

— Блоха, укуси-ка ты мясника! Мясник не хочет вола зарезать, вол не хочет воду выпить, вода не хочет камень смыть, камень не хочет топорь наточить, топор не хочет доево срубить, дерево не хочет мне колокольчик вернуть.

Блоха укусила мясника, мясник пошел вола резать, вол пошел воду пить, вода пошла камень смывать, Камень пошел топор точить, топор пошел дерево рубить. Дерево нагнулось —. вернуло зайчику колокольчик.

Взял зайчик колокольчик, зазвонил.

И поныне звонит им, если не перестал.

ДВА ЖАДНЫХ МЕДВЕЖОНКА

По ту сторону стеклянных гор, за шелковым лугом, стоял нехоженный, невиданный густой лес. В нехоженном, невиданном густом лесу, в самой его чащобе, жила старая медведица. У старой медведицы было два сына. Когда медвежата выросли то решили, что пойдут по свету счастья искать.

Поначалу пошли они к матери и, как положено, распрощались с ней.

Обняла старая медведица сыновей и наказала им никогда не расставаться друг с другом.

Обещали медвежата исполнить наказ матери и тронулись в путь-дорогу.

Сначала пошли они к опушке леса, а оттуда в поле. Шли они шли. И день шли и другой шли. Наконец все припасы у них вышли. А по дороге достать было нечего. Понурые, брели рядышком медвежата.

— Эх, братик, до чего же мне есть хочется! — пожаловался младший.

— А мне и того пуще! — сокрушенно качал головой старший.

Так они всё шли да шли, покуда вдруг не набрали на большую круглую головку сыра. Хотели было поделить ее по справедливости, поровну, но не

сумели. Жадность одолела медвежат, каждый боялся, что другому достанется большая половина. Спорили они, ругались, рычали, как вдруг подошла к ним лиса.

— О чем вы спорите, молодые люди? — спросила плутовка.

— Медвежата рассказали лисице о своей беде.

— Какая же это беда! — сказала лисица. — Это не беда! Давайте я вам поделю сыр поровну: мне что младший, что старший — все одно.

— Вот это хорошо! — воскликнули с радостью медвежата. — Дели!

Лисичка взяла сыр и разломала его надвое. Но старая плутовка расколола головку так, чтоб один кусок был больше другого.

— Этот больше! — закричали враз медвежата.

Лисица успокоила их:

— Тише, молодые люди! И эта беда — не беда. Малость терпения, сейчас я все улажу.

Она откусила добрый кусок от большей половинки и проглотила его. Теперь большим стал меньший кусок.

— И так неровно! — забеспокоились медвежата.

Лисица посмотрела на них с укоризной.

— Ну, полно, полно! — сказала она. — Я сама знаю свое дело!

И она откусила от большей половины здоровенный кусок. Теперь больший кусок стал меньшим.

— И так неровно! — вскричали медвежата в тревоге.

— Да будет вам! — сказала лиса, с трудом ворочая языком, так как рот ее был набит вкуснейшим сыром. — Еще самая малость и будет поровну.

Так и шла дележка. Медвежата только черными носами водили туда-сюда, туда-сюда — от большого к меньшему, от меньшего к большему куску. Покуда лисица не насытилась, она все делила и делила.

К тому времени, как куски сравнялись, медвежатам почти и сыра не осталось: две крошки!

— Ну что ж, — сказала лиса, — хоть и помалу, да зато поровну! Приятного вам аппетита, медвежата! — захихикала она и, насмешливо помахав хвостом, убежала.

Так-то вот бывает с теми, кто жадничает.

УМНЫЙ ПОРОСЕНОЧЕК

Жил однажды на свете маленький поросенок. Жил он в густом лесу один-одинешенек.

Стояла морозная зима, и к дому, где жил поросеночек, пришел большой волк и сказал:

— Впусти меня к себе, поросеночек!

— Не впущу, — ответил поросеночек, — ты меня съешь!

— Не съем, — сказал волк. — Впусти.

Но поросеночек никак не соглашался, и тогда волк стал упрашивать:

— Милый маленький поросеночек! Коли ты боишься пустить всего меня, то прошу тебя,пусти хотя бы одну мою переднюю лапу.

Уговорил волк поросенка, и он впустил одну переднюю лапу волка в свой дом, но тут же поставил на плиту ведро с водой и приготовил мешок.

Вскоре волк снова заговорил, запричитал: как, мол, ему тяжело и горько, что только одну переднюю лапу впустил в домик, а ведь другая тоже хочет войти.

— Впусти и мою вторую переднюю лапу! — попросил волк.

Поросеночек впустил к себе в дом и вторую лапу. Тогда волк заскулил, заговорил снова:

— Милый маленький поросеночек! Впусти еще хотя бы одну мою заднюю лапу.

Поросеночек впустил в дом и заднюю лапу волка. Но волк не унимался, причитал и упрашивал:

— Впусти и другую мою заднюю лапу в дом. Не погибать же ей на дворе!

Послушался волка маленький поросеночек — впустил и эту лапу. Но когда поросеночек впускал последнюю лапу волка, то приставил к дверям мешок, и только волк прыгнул в дом, чтобы съесть поросеночка, как угодил прямо в мешок.

Поросеночек тут же накрепко завязал мешок и выбросил его из дома на снег. Потом снял котелок с плиты и стал поливать волка кипятком, приговаривая:

— Шпарь лысого кипятком! Шпарь лысого кипятком!

Уж и неведомо как удалось волку прогрызть мешок.

Вырвался он на свободу и умчался — облезлый, шерсть клочьями висит, а на голове и совсем слезла, одна лысина блестит! Прочь побежал волк, едва ноги унес. Убежал он далеко, собрал стаю волков и привел их к домику поросенка. Авось поросеночку-то целую стаю не одолеть! А поросеночек тем временем взял в руки котелок и залез на высокое дерево.

Вот пришли волки. Тьма-тьмущая. Искали-искали поросеночка — не нашли. Вдруг один волк увидел его на верхушке дерева. Стали они совещаться, как бы поросеночка с дерева снять. Один волк сказал:

— Давайте встанем друг на дружку.
— А кто же внизу будет стоять? — спросили другие.
— Мы пришли помогать лысому, — ответил один волк, — пусть он и станет внизу.

Так и сделали. Лысый стал внизу, остальные волки забрались на его спину: один на другого, один на другого. Еще бы последнему волку залезть — и достали бы, но поросенок в это время как крикнет:

— Шпарь лысого кипятком!

Лысый волк испугался, дрогнул, отскочил и пустился прочь а все остальные волки попадали. Один зашиб переднюю лапу, другой — заднюю, третий — шею, четвертый — бок.

Так они и убралась ни с чем. А поросенок спокойненько слез с дерева, вошел в свой домик и живет там и поныне, если еще не умер.

ПАСТУХ С ГЛАЗАМИ-ЗВЕЗДАМИ

Было это там, где и в помине этого не было. За семью странами, за океанами жил один король. Да такой злой, лютый, что люди пугались одного его имени. Стоило только королю чихнуть, как весть об этом разносила по всей стране всадники на быстроногих скакунах. И если кто-нибудь не говорил: «Будьте здоровы!», его сразу же предавали смерти.

Вот все и желали ему здоровья, один только бедный пастух молчал.

Его схватили и привели к королю, чтобы тот вынес страшный приговор.

Как ни приказывал, как ни кричал король, пастух все не хотел ему сказать: «Будьте здоровы!» А под конец поставил королю такое условие: он пожелает ему здоровья только тогда, когда король выдаст за него свою дочку.

Парень-то был не дурак. И дочка короля ему полюбилась, да и другое было у него на уме: как бы после смерти короля управлять государством, дела все наладить по своему разумению.

А юная королева рада была пойти за пастуха. Парень он был собой видный, умный, а глаза его сверкали — ну ровно две звезды.

Но король никак не давал своего согласия. И придумал для пастуха лютую казнь: приказал своим стражникам бросить его в клетку к белому медведю.

Стражники так и сделали.

Но только медведь увидел, что глаза у пастуха ровно две звезды, он

сразу лег у него в ногах и стал лизать ему руки.

Утром, когда стража вошла, пастух оказался целым и невредимым: он играл на своей дудочке, а медведь плясал.

Даже сам король пришел подивиться такому чуду.

Но дочку свою он все-таки не хотел выдавать замуж за пастуха, а придумал ему казнь еще более лютую: он велел стражникам бросить его в темницу к ежам.

— Не боюсь я, хоть на сто смертей посылайте! — сказал пастух. — «Будьте здоровы!» не скажу до тех пор, покуда не отдадите за меня дочку.

Бросили его в темницу к ежам. Но ежи, как только взглянули ему в глаза, не стали его трогать. А пастух вынул свою дудочку, заиграл, и ежи плясали до самого утра, до тех пор, пока на смену старой страже не пришла новая.

Опять позвали короля. Он смотрел, дивился, но и на этот раз не захотел выдавать свою дочь за пастуха, а приказал бросить его в яму, утыканную острыми кольями.

— Не боюсь я страшных кольев! — сказал пастух королю. — Все равно не скажу «Будьте здоровы!», пока не отдадите за меня дочь!

Повели пастуха и бросили его в яму на сотню острых кольев. Но и на этот раз ничего дурного с ним не случилось. Глаза пастуха озарили темноту, и, падая, он проскользнул между острыми кольями. Упал на дно ямы невредимым.

Утром он уже сидел на краю ямы и играл на дудочке.

Король понял, что так просто ему с пастухом не справиться, и поэтому придумал новую хитрость. Он велел запрячь коляску и посадил рядом с собой пастуха. Лошади Мчались, словно вихрь. Вдруг они подъехали к серебряному лесу.

— Вот, — сказал король, — я подарю тебе этот лес, ежели ты скажешь «Будьте здоровы!».

— Не скажу я этого! — упрямо ответил пастух. — До тех пор не скажу, пока не выдадите дочь за меня.

Помчались дальше. Теперь подъехали к золотому замку.

— Я подарю тебе этот золотой замок, — сказал король, — ежели ты скажешь «Будьте здоровы!».

— Не скажу я этого и сейчас! — ответил пастух. — А только тогда скажу, когда дочь за меня отдадите.

— Ладно, — сказал король в отчаянии. — Что поделаешь, пусть будет она твоей!

Они вернулись во дворец, и король разослал гонцов по всей стране,

приглашая гостей на свадьбу своей дочери с пастухом. И задали же тогда пир на весь мир! На первое подали как раз мясо с хреном. Хрен был такой крепкий, что король чихнул, да так, как никогда не чихал.

— Будьте здоровы! Будьте здоровы! Будьте здоровы! — закричал пастух и-все вместе с ним.

— Будьте здоровы! Будьте здоровы! Будьте здоровы! — все еще кричал пастух, когда все остальные гости уже давно замолчали.

Так кричал он до тех пор, пока кругом все гости на пиру не стали смеяться и король не прикрикнул:

— Да замолчи ты!

Но пастух все продолжал кричать:

— Будьте здоровы! Будьте здоровы! Будьте здоровы!

— Да замолчишь ты, наконец! — сердито крикнул король пастуху. — Возьми половину моего королевства, только замолчи... возьми хоть все королевство!

Пастух сразу замолчал. Народ тут же короновал его и жену его молодую, и они, может быть, и по сей день еще царствуют, если не померли.

КОРОЛЬ КАЦОР

Жила-была там, где ее и в помине-то не было, одна старуха. Был у нее кот. Даром что большой был этот кот, а такой лакомка, будто маленький.

Как-то ранним утром вылакал он из кастрюли все молоко. Увидала старуха порожнюю посуду, рассердилась, побила кота крепко и выгнала его вон из дому.

Вышел кот за околицу и уселся на мосту.

А на краю моста сидела лисица и смотрела на рыбок в воде, а сама при этом хвостом шевелила.

Увидал это кот, подбежал и стал лисьим хвостом играть.

Испугалась лисица, вскочила. Обернулась.

Кот тоже струсил, отступил, спину дугой выгнул, оцетинился. Стояли они так и смотрели друг на друга. Никогда еще лисе не приходилось видеть кота, да и кот впервые повстречал лисицу.

Так они испугались оба — не знали даже, что и делать. И все-таки первой заговорила лиса.

— Простите, не обессудьте, — спросила лиса вежливо, — хотела бы я знать, из какого вы рода и знатного ли племени?

— Я король Кацор! — ответил кот важно.

— Король Кацор? Простите, никогда не слыхала о таком!

— Как не слыхала! Мне все звери подвластны. Вот как велика моя власть!

Лиса как услышала это, оторопела и подобострастно попросила кота быть ее гостем, отведать курятинки. Дело уже шло к полудню, а выбросили кота из дому рано поутру, и он очень проголодался, поэтому не заставил себя долго упрашивать. Оба они направились к лисьей норе.

Кот быстро освоился со своим знатным положением и радовался, что лисица прислуживает ему с таким почтением, будто он и на самом деле настоящий король.

Так по-барски и вел себя кот: говорил мало, ел много, а после обеда завалился спать и отдал лисице приказ, чтобы никто его не тревожил, не беспокоил, пока он сам не проснется. Лисица сидела у входа в нору, сторожила и на всех шикала, если кто мимо шел.

Вскоре пробежал мимо зайчик.

— Слышишь, зайчик, ты не бегай здесь, — сказала лиса. — Мой господин, король Кацор, спит. Смотри, коли он поднимется, так тебе не сдобровать! Не будешь знать, куда бежать: он над всеми зверями поставлен — такая у него власть!

Испугался зайчик, убежал, сел на прогалине и стал гадать: кто же такой этот король? Никогда он о нем раньше не слыхал даже!

Проходил той стороной медведь. Зайчик спросил его, куда он идет.

— Да вот хочу пройтись немного, поразмяться — надоело мне сиднем сидеть.

— Ой, не ходи ты здесь! — сказал зайчик. — Не ходи! Лиса говорит, что спит ее господин, король Кацор, и если он проснется и выйдет, то не будешь знать, куда и бежать.

— Король Кацор? — спросил медведь. — И слыхом не слыхал о таком! Теперь уж нарочно пойду туда — по крайней мере, увижу, какой он, этот король Кацор!

Пошел медведь к лисьей норе.

— Медведь, слышь, не ходи здесь, — сказала лиса. — Мой господин, король Кацор, спит, а если выйдет, так не будешь знать, куда бежать. Он ведь всеми зверями управляет — такая у него власть!

Струхнул медведь, смелости его как не бывало. Вернулся он к зайчику, а там уж волк и ворон сидят, жалуются, что и с ними такая же беда приключилась.

— Да кто же этот король Кацор? И слыхом о нем не слыхали! —

сказали все в один голос и стали судить да рядить, как его лучше умиловить.

И решили пригласить его вместе с лисицей в гости, на обед. Решили и тут же послали ворона с приглашением.

Увидала лисица ворона и ну его ругать, что он опять здесь шумит:

— Убирайся-ка отсюда! Я ведь уже сказала тебе, что мой господин, король Кацор, спит! Вот он выйдет, так ты не будешь знать, куда и бежать, ног не унесешь. Он всеми зверями управляет — такая у него власть!

Знаю, очень хорошо знаю, — сказал ворон почтительно. — Да и не по своему желанию пришел я сюда. Послали меня медведь, волк и зайчик, чтобы пригласил я вас на обед.

— Вот это другой разговор! Подожди немного!

Сказав это, лисица вошла в нору, чтобы доложить королю Кацору о том, что они званы на обед. Вскоре она вернулась и сообщила ворону, что король Кацор приглашение принял милостиво и что они придут на обед, лишь бы знать куда приходить.

— Завтра я прилечу за вами и сам провожу вас куда надо! — сказал ворон.

Услышав добрую весть, медведь, волк и зайчик тут же наладили походную кухню. Зайчика назначили поваром — у не-го-де короткий хвост и он-то уж не обожжется. Медведь, как самый сильный, тащил на кухню дрова и дичь. Волк накрывал на стол и поворачивал над огнем жаркое.

Когда обед был уже готов, ворон отправился за гостями. Он перелетал с одного дерева на другое, держась вблизи норы, но опуститься на землю не осмелился — так и оставался на ветке.

— Ну, скоро вы там? — крикнул он лисе.

— Подожди немного, мы уже почти готовы, — ответила лиса. — Только малость подкрутим усы моему милостивому господину.

И на самом деле, король Кацор вскоре вышел.

Он шагал медленно, величественно, но не спускал глаз с ворона, так как боялся его.

Ворон перелетал с одного дерева на другое и тоже дрожал от страха, только одним глазом едва посматривая на грозного повелителя.

Медведь, волк и зайчик в нетерпении ожидали прибытия знатного гостя и все ломали голову: какой он из себя, кто же этот могущественный король Кацор? То и дело они выглядывали на дорогу — не идут ли гости.

— Вот он идет! Вот он идет! Вот он идет! Ой-ой, куда бежать? — воскликнул зайчик и со страху кинулся в лес.

Услышав этот крик, медведь с перепугу засуетился и ударился головой

о дерево, да так, что оно треснуло и переломилось пополам.

Волк умчался прочь вместе с вертелом, на котором жарилось мясо.

А ворон, чтобы некому было рассказать об их позоре и трусости, последовал примеру остальных и улетел.

Голодные гости пришли и ни хозяев, ни обеда не нашли.

СВИНОПАС

Быль то или небылица, а за далекими морями, за стеклянными горами, там, где стоит печка без боков для печенья пирогов, без жару, без пару, без углей, без дров, а выпекаются в ней семьдесят семь лепешек, одна к одной, одна лучше другой. Уж больше этого мне не соврать, разве только то, что сейчас хочу рассказать.

Так вот, там жила бедная женщина. Был у нее один сын, по прозвищу свинопас.

Этот свинопас прослышал, что один богач собирается выдать замуж свою дочку за того, кто так сумеет спрятаться, что она его не найдет.

— Ну, свинопас, — сказал он сам себе, — не осрамись, покажи людям, что ты не лыком шит.

И свинопас собрался в путь-дорогу. Мать напекла ему лепешек в золе, он сунул их в суму, накиннул на плечи подбитую ветром шубу — и в путь.

Шел-шел через долины, овраги, через горы, то лесом шел, то степью, и уже лепешки были на исходе, а усадьбы богача все не было и не было.

Вот уж целая неделя прошла, как шел свинопас, и последнюю лепешку он съел, но ни усадьбы, ни дома, ни богача самого и в помине не было. Идет свинопас, есть хочет, пить хочет, во рту пересохло, язык, словно взбитая клецка, распух.

«Что же делать? — думает свинопас. — Пропадешь ни за что!»

Пошел дальше. Вдруг видит — колодец, а на колодце сидят два белых голубя. Подошел к ним свинопас:

— Ну, голубки, я вас съем, а то иначе с голоду помру.

А голубки в ответ сказали:

— Не тронь ты нас, свинопас. Лучше вытяни нам ведро воды, нам больно уж пить захотелось. А за добро — добро и жди!

Голубки так упрашивали его, что свинопас не стал их губить. Он подошел к колодцу, вытянул ведро воды, дал голубкам попить, да и сам тоже напился доброй, студеной водицы и пошел дальше.

Жажда теперь прошла, но зато живот свинопаса ворчал, словно пес на

цепи.

Идя степью, свинопас встретил хромую лису.

— Ну, лиса, — сказал свинопас, — думай обо мне что хочешь, как хочешь, только я тебя съем.

— Не тронь! — взмолилась хромая лиса. — Я несу пищу моему сынку. А вот за добро — добро и жди! Когда-нибудь я еще тебе пригожусь.

У свинопаса от голода даже глаза на лоб полезли, но он сказал «ладно» и не тронул лисы.

Шел свинопас, спотыкался от усталости и от голода. Шел по пашне, шел по пару, по жнивью. Все крошки в своей суме подобрал и съел. Но что крошки на голодный живот!

Шел свинопас, качаясь, как былинка на ветру, думал, что уже конец его подходит, что до места он не доберется и домой не вернется.

Вдруг пришел к большому озеру.

«Дай, — думает, — посмотрю, нет ли тут чего-нибудь, что можно было бы съесть».

Спустился к воде и видит, что возле самого бережка рыбка бьется. Он быстро потянулся к ней, схватил и вытащил из воды.

Но рыбка взмолилась:

— Не ешь ты меня, свинопас, отслужу я тебе за твою доброту.

Долго смотрел свинопас на рыбку — уж больно красива была она, чешуя так и сверкала на солнце, — отпустил он ее обратно в воду.

Нелегкая штука голод — свинопас уже пожалел, что пустился в путь. Но теперь все равно, жалея не жалея — назад не повернешь.

Шел-шел свинопас дальше. Опять увидел колодец воротом, а на вороте двух белых голубей.

— Больше вам меня не упросить, не одурачить, — сказал свинопас. — Теперь я уж ни на что не посмотрю и съем вас.

— Взмолились белые голуби, стали просить свинопаса чтобы он и на этот раз их пощадил. Обещались сослужить ему за то верную службу.

— Да вы все обманываете меня, — сказал свинопас, — а я, как дурень, слушаю и верю. Что мне, с голоду, что ли, помереть?

Хотел было он съесть голубков, но те так упрашивали, так умоляли его пощадить их в последний раз, что свинопас опять достал им из колодца ведро воды, сам тоже напился и пошел дальше.

Теперь свинопас уже взаправду решил, что больше ему не вынести и пропадет он от этого страшного голода. Уже сам не помнил он, сколько времени был в пути. Решил — будь что будет!

Долго-долго шел он и наконец дошел до палат, в которых жил богач.

Глядит, у самых ворот стоит хозяин. Свинопас почтительно поклонился ему. Богач ответил поклоном.

— Да как же ты, свинопас, попал сюда? — спросил он. — Что ты здесь потерял?

Тогда свинопас рассказал ему, зачем он к нему пришел.

Сказал он, что слышал, будто хозяин выдаст дочку только за того, кто сумеет спрятаться от нее так, что она его не найдет. Вот он, дескать, тоже хочет попытать счастья — может, что у него и выйдет.

— Хорошо, сынок, ладно, — согласился богатый хозяин. — Но видишь, здесь уже девяносто девять голов посажены на колья; твоя будет сотой, коли плохо спрячешься.

Свинопас не струсил, только сказал, что уж как-нибудь постарается.

Затем они вошли в дом. Свинопас признался, что очень голоден. Ему дали еды, и он наелся досыта.

На другое утро, как только свинопас поднялся, хозяин подошел к нему и посоветовал спрятаться, прежде чем встанет его дочка, потому что иначе ему вряд ли это удастся.

Метался-метался свинопас — никак ума не мог приложить, куда бы спрятаться, и вдруг увидел на окне двух белых голубков, тех самых, что встретил в начале пути. Открыл он окно, голуби ему и говорят:

— Пойдем с нами, мы тебя унесем.

Свинопас поверил голубям, не стал отказываться. А те умчали его, словно ветер, и спрятали за спину солнца.

Поднялась хозяйская дочка вышла в сад, сорвала самую красивую розу, потом повернулась на каблучке и воскликнула: — Вылезай-ка, свинопас! Ты ведь там, за солнцем!

Ух, и злость взяла свинопаса! Да и напугался он. Но что поделаешь! Вылез он из-за спины солнца и пошел прямо на кухню.

На другой день, еще чуть свет, свинопас встал, поглядел в окно и увидел на дорожке, что вела к дому, лису. Вышел свинопас к лисе, пошептался с ней, и она отвела его на семь миль под землю.

Хозяйская дочка вышла в сад, сорвала самую красивую розу, повернулась на каблучке и сказала:

— Вылезай-ка, свинопас, ты сидишь под землей, в семи милях от меня.

Что же делать! Вылез свинопас и оттуда.

На третий день он пошел к озеру, где жила маленькая рыбка. Она уплыла с ним в самый глухой закоулочек озера и спрятала его на самое дно.

«Ну, — подумал про себя свинопас, — здесь уж ей меня не увидеть.

Пусть попытается она найти меня!»

Но хозяйская дочка вышла в сад, сорвала самую красивую розу, повернулась разок на каблучке и воскликнула:

— Вылезай-ка, свинопас, не сиди там, на дне озера!

«Ну, пришел мой конец! — подумал свинопас. — Видать, сотый кол достанется на мою долю. Коли три раза нашла она меня, то и на четвертый раз мне не сдобровать».

Лег свинопас поспать, чтобы отдохнуть, да какой уж тут сон! Всю ночь маялся, но так и не придумал, куда бы получше спрятаться.

Утром, на рассвете, он увидел в окне двух белых голубков — тех, что последними встретил у колодца. Как они увидели его, один из них сразу улетел, а другой остался. Свинопас впустил голубка в окно, и этот голубок так сказал свинопасу:

— Идем скорее! Ты превратишься в прекрасную розу, и я тоже розой обернусь.

Так они и сделали. К полудню все бутоны в саду распустились.

Тут и там повсюду цвели в саду чудесные цветы.

Хозяйская дочь вышла из дому, чтобы сорвать самую красивую розу, и увидела в саду два одинаковых прекрасных цветка. Какой же выбрать из них? Она сорвала оба и приколола их себе на грудь. Потом повернулась раз на каблучке, но свинопаса не увидела, повернулась второй раз — и опять не увидела.

— Ну, отец, — сказала девушка, — не вижу я свинопаса. Вот до чего он умудрился спрятаться, что даже мне его не найти!

— Да как же так, дочка? — усомнился хозяин. — Ты еще раз повернись на каблучке, может и увидишь.

Тогда одна роза голубем слетела с груди дедушки, а вторая, превратилась в свинопаса.

Девушка так и обомлела, увидав его перед собой.

А свинопас обнял девушку и сказал:

— Прекрасная любовь моего сердца, я твой, ты моя. Теперь только смерть разлучит нас.

Они обнялись, поцеловались. Посмотрел на них отец: что свинопас, что его дочь — хороши, пригожи, и стоят они рядом, словно два цветка.

Потом сыграли свадьбу. Счастливы стали свинопас и его молодая жена: он до того красив, что ему только она под пару, а она так хороша, что только он ей ровня. Они и сейчас живут, если еще не померли.

ДВА ВОЛА С ГОРОШИНУ

Это было там, где и в помине не было. За океаном было большое море, посреди моря — большой остров, посреди острова — высокая гора, на вершине горы — большое, тысячелетнее дерево. У этого дерева было девяносто девять ветвей; на девяносто девятой ветви висела сума с девяносто девятью тайниками, а в девяносто девятом тайнике лежала книга на девяносто девяти страницах; на девяносто девятой странице этой книги были написаны такие слова: «Тот, кто эту сказку слушать не станет, тот никогда счастливым не будет». Вот так-то.

Жил однажды один бедный-пребедный человек. По соседству с ним жил человек еще беднее его. У одного был сын, у другого — дочь, и порешили два бедняка поженить своих детей. Пусть уж будет одна нищенская сума, а не две! Порешили — и поженили своих детей.

Как-то раз муж сказал своей молодой жене:

— Послушай, жена! Напеки мне лепешек на дорогу — хочу до бога пойти и узнать, почему он беднякам не помогает.

Напекла жена мужу лепешек; простился он с ней и отправился в путь.

К полудню он пришел в Херецкий лес. Там он встретил седого старца, который пахал целину на волах, да не на простых, а на крохотных-крохотных, величиной с горошину. Парень отвесил старику поклон, тот тоже поклонился в ответ и спросил, куда он держит путь.

— Иду искать бога, — сказал бедняк. — Хочу узнать, почему он ничего не дает беднякам.

— Напрасный труд! — ответил седой старец. — Вот лучше я тебе помогу: подарю этих волов с горошину, и ты заживешь на славу. Только ты смотри их никому не продавай, сколько бы тебе за них ни сулили.

Погнал человек домой дареную животину и на следующее утро поехал с волами в лес. Телегу он со всего мира собрал: кто ему колесо дал, кто дышло, кто что — так он ее и сколотил.

Приехал бедняк в лес, срубил дерево, распилил, разрубил. Но больше двух полешек не рискнул положить на телегу: не надеялся он на своих маленьких волов.

А они-то, даром что крохотные, были волшебными волами. И когда бедняк хотел уже тронуться в обратный путь, один из них заговорил:

— Что же ты, хозяин, всего два полешка положил? Нагрузи-ка телегу доверху, чтобы она прогибалась под тяжестью. А то налегке стыдно в деревню въезжать!

Бедняк только головой замотал. А вол опять говорит:

— Не бойся, грузи, как положено.

Бедняк собрался с духом, нагрузил телегу доверху, как только мог.

Волы и повезли воз. Сами идут впереди крохотные, а воз за собой везут огромный.

Только они выехали из лесу, как повстречали графа и судью. Те даже опешили от удивления, увидев, что крошечные волы везут целый воз с дровами. Граф спросил:

— За сколько ты, бедняк, отдашь мне эту пару волов?

— Непродажные они, сударь, — ответил бедняк.

Граф рассердился и сказал бедняку, что если он за день не выкорчует, не вспашет, не заборонит и не засеет Херецкий лес, то не видать ему больше своих волов.

Опечалился бедняк: что ж теперь ему делать?

— Не горюй, хозяин! — промолвил один из крошечных волов. — Ты только раздобудь плуг и все, что нужно, а за нами дело не станет.

Бедняк достал все, что нужно: со всей деревни собрал сколько было плугов, борон, сеялок и поехал на волах в Херецкий лес.

Когда они доехали туда, один из волов обратился к своему хозяину:

— Ты, хозяин, ложись да поспи, а мы сами со всем управимся.

Бедняк послушался, лег, заснул, а как проснулся, видит — всю пашню заборонили, засеяли. Тогда он поехал домой и доложил графу, что всю работу закончил. Поскакали граф и судья к лесу. Осмотрели все и никакого, даже самого малого, изъяна не нашли в посеве.

— Ну, бедняк, — сказал граф, — если ты за один день не уберешь у меня всю траву с полей и лугов, то так и знай, что останешься без волов!

Пригорюнился бедняк, а вол с горошину его утешает:

— Не кручинься, хозяин! Ты только ляг в борозду и поспи, а мы уж сами управимся.

За день они все убрали. Все взвалили на одну телегу, да так высоко ее нагрузили, что бедняк, сколько голову ни задирает, верха не увидел. Вот как высоко было!

Когда волы подъехали к замку, бедняк зашел к графу и сказал:

— Сиятельный граф! Привез я тебе травы. Но ты уж изволь сдвинуть с места свой замок, а то мне с моими волами никак не въехать во двор.

Граф не стал слушать бедняка и вместо благодарности так дал ему по шее, что тот чуть с ног не слетел. Увидели это волы с горошину, потянули телегу, наехали на замок, колесом зацепили, дернули — замок и перевернулся. А граф со злости чуть не лопнул.

— Слышь, бедняк! — закричал разъяренный граф. — Если ты не свезешь меня вместе с судьей на самый край света, то у тебя и волов не будет и самому тебе не сдобровать. Я хочу увидеть, что там делается!

Эх, тут уж бедняк совсем пригорюнился! Да как же он довезет туда прафа, ежели никогда и не видел и слыхом не слыхал, где он есть, этот край света! Но тут один вол заговорил:

— Да не горной ты, хозяин, туда им и дорога!

Тогда бедняк запряг волов, граф и судья взобрались на телегу, и волы с горошину повезли их на самый край света. Волы-крошки с разбегу подкатили туда и стали как вкопанные на самом краешке. А граф и судья кувырком полетели вниз, только их и видели.

— Ну, теперь, хозяин, поворачивай обратно! — сказали волы.

Бедняк так и сделал.

С тех пор граф и судья никогда больше на земле не показывались. А бедняк со своими волами с горошину живет счастливо и поныне.

ПОЛУШУБОЧЕК

Жил на свете крестьянин. У него были жена и дочь.

Однажды к ним пришел на смотрины молодой парень со своим дружком.

Поставили им доброе угощение: курицу, пироги. А хозяин послал даже дочку в погреб за вином. Девушка спустилась в погреб и стала приглядываться, какая бочка больше всех, — отец велел ей нацедить вина из самой большой бочки.

Пока это она выбирала бочку, вдруг заметила прислоненное к стене погреба бревно. Как увидела его девушка, так и призадумалась: вот, дескать, пришли к ней свататься, выйдет она теперь замуж, будет у нее сынок, она купит ему на ярмарке полушубочек, а мальчик невзначай заберется как-нибудь в погреб, станет там прыгать возле бревна, бревно свалится, убьет мальчика, и кому же тогда останется полушубочек? Как подумала об этом девушка, такое ее отчаяние взяло, что села она на приступочку и заплакала.

А наверху ждали-ждали ее и никак дождаться не могли... Тогда отец послал жену:

— Мать, пойди посмотри, куда девка запропастилась! Что она там возится долго в погребе? Может, вино у нее вытекло и она не смеет подняться наверх?

Спустилась хозяйка в погреб и видит: сидит дочка на приступочке, плачет.

— Да что это с тобой случилось доченька, что ты так горько-плачешь?

— Да как же, матушка, не плакать, когда мне вся моя будущая жизнь представилась!

И она рассказала матери обо всем, что ей представилось. А та как услышала о полушубочке, да о внучонке, да о том, как он в погреб проберется да возле бревна прыгать станет, да как его этим бревном убьет... как услышала старая, так и села-рядом с дочкой и тоже заплакала. А хозяин сидит с гостями в горнице и никак вина не дождетя. Рассердился, разгневался, даже браниться стал.

— Эх, раззявы, видно все вино-то повылили! Пойду-ка сам погляжу, чего они там запропалились.

Он спустился в погреб и видит: сидят обе, старая и молодая, слезы льют в три ручья, а бочки целы, вином полны. Никак не мог хозяин в толк взять, что с бабами случилось.

— Будет вам ревмя-то реветь! Говорите, что с вами приключилось?

А они сквозь слезы:

— Ой, отец, да как же нам не плакать, не рыдать, коли такая печальная дума нам в голову запала...

И поведали они ему обо всем. И так они растравили его душу, что он присел на приступочку рядышком и в один голос с ними заплакал.

Ждал-ждал жених, дожждаться не мог. Поднялся и пошел за хозяевами в погреб. Пришел, глядит — все трое плачут, заливаются один другого пуще. Смотрит жених и не поймет, чего же они так горько плачут. Спросил их — они ему все рассказали. Тут жених как покатится со смеху, даже бочки — и те ходуном заходили.

— Ну, — сказал жених, — таких чудаков я еще не видывал. Пусть уж лучше судьба решит, жениться мне или не жениться. Я сейчас же отправлюсь в путь и буду странствовать до тех пор, пока не встречу еще трех таких же чудаков, как вы. Не встречу — так не обессудьте. А ежели встречу, то вернусь и возьму в жены вашу дочь. Уж как судьба укажет.

И пустился в путь. А невесту да родителей ее оставил в погребу: дескать, пусть уж наплачутся вволю.

Только парень зашел за семью семь стран, как увидел там человека, занятого странным делом: перед ним на земле грудой лежали орехи, и он пытался эти орехи забросить вилами на чердак.

Парень подошел к человеку поближе и спросил:

— Хозяин, что это вы надумали с орехами делать?

— Да я тут покоя не знаю! — ответил ему человек. — Вот уж полгода тружусь: все кидаю и кидаю эти орехи и никак не заброшу на чердак.

— Ладно, я это сделаю, — предложил парень.

Он взял меру и за полчаса перетаскал на чердак все орехи. Получил тут же сто форинтов и пошел дальше.

«Да, — подумал про себя парень, — одного чудака я уже встретил».

Шел-шел, и опять повстречался ему человек. Смотрел-смотрел на него парень и никак не мог уразуметь, что тот делает. В руках незнакомец держал корыто и с ним то вбегал в домик, то выбегал обратно. А в домике — чудно даже! — не было окон, а вместо двери зияла дыра. Подошел парень, поздоровался и спросил:

— Добрый день, земляк! Над чем это ты трудишься?

— Да вот, парень, весной уже год будет, как я построил этот дом, и не знаю, отчего это в нем так темно. Гляжу, в других домах светло, а хозяева никакого труда к этому не прикладывают. Я же как построил свой дом, так с тех пор все таскаю и таскаю корытом свет в него. Вот и сейчас, сам видишь, маюсь. Сто форинтов готов дать тому, кто сделает мой дом светлым.

— Ну, это дело по моим силам, — сказал парень.

Он взял топор, прорубил два окна, дверь, и в доме сразу стало светло.

Парень получил сто форинтов и пошел дальше.

«Да, — подумал он про себя, — вот и второй чудака!»

Шел-шел парень и вдруг увидел женщину, которая силком запихивала цыплят под наседку. Парень окликнул ее:

— Хозяюшка, что это ты делаешь?

— Да вот хочу цыплят посадить под наседку, — ответила женщина. — Боюсь, что они разбегутся по сторонам и коршун их схватит. Только никак толку не добьюсь: посажу под одно крыло — а они из-под этого вылезают. Я готова дать сто форинтов, только научили бы меня, что с ними делать!

Парень сказал:

— Ладно, я научу вас. Не тревожьтесь и не беспокойтесь, хозяйка, и никогда силком цыплят под курицу не подсовывайте. Как только наседка завидит коршуна, она сама спрячет цыплят под крылья.

Хозяйка обрадовалась доброму совету и сразу же отдала парню сто форинтов. Парень тоже обрадовался и пошел обратно. Про себя подумал так:

«Ну, вот и нашел я трех чудаков!»

Он вернулся домой, тут же обручился с девушкой, и через две недели они сыграли свадьбу. А больше я о них ничего не слыхал, кроме того, что у

них родился сын, купили они ему полушубочек, а бревном его не придавило. И по сей день они живут, ежели не померли.

СМОРОДИНКА

Быль это или небылица, а за семью морями жила старая вдова. У той вдовы росла красавица дочка. Она очень любила смородину; за это, видно, и прозвали ее Рибике, что значит «смородинка».

Вот старая женщина померла, и осталась Смородинка сиротой. Кто о бедняжке позаботится! Пришлось Смородинке задуматься над тем, как же ей теперь быть, каким делом заняться, чтобы не помереть с голоду.

В том же городе, где жила Смородинка, жила одинокая старуха. Прослышала она о том, какая хорошая и красивая девушка эта Смородинка, и послала к ней соседку сказать, что с радостью возьмет к себе девушку и станет ее кормить до самой своей смерти. А Смородинка за это должна будет помогать ей по дому.

Поселилась Смородинка у этой старухи.

Но в том же городе жил богач. У него было три сына. Однажды они проходили мимо дома, где жила Смородинка, и как раз той порой, когда она сидела у окна и вышивала.

Самый младший из братьев увидел ее и сразу полюбил, да так крепко, что после этого ему жизнь стала не в жизнь, еда не в еду, питье не в питье, он думал все только об одной Смородинке. И Смородинка полюбила его.

А богач как узнал, что его сыну приглянулась бедная девушка, разгневался, проклял несчастную Смородинку и велел слугам увезти ее на край света и там бросить.

Тщетно младший сын бродил под ее окном. Была Смородинка — нет Смородинки, не увидит он ее больше никогда! День-деньской грустил он, тосковал, словно голубок на ветке.

Но вот однажды богач позвал к себе всех трех сыновей и сказал им:

— Тот, кто из вас принесет мне полотно в сто аршин шириной и в сто аршин длиной, да притом такое, чтоб продевалось сквозь кольцо золотое, получит третью часть моего добра.

Сыновья собрали свои пожитки и отправились в путь-дорогу. Два старших сына были злые, и они сговорились так:

— Давай убежим от младшего. Он тогда погибнет, а все добро достанется нам!

Так они и сделали — ушли тайком от младшего брата, а тот остался

один и пошел как раз по той дороге, которая вела на край света.

Брел он, брел печально, прошел уже семь стран и не останавливался до тех пор, пока не попал на самый край света. Там он добрался до каменного мостика и так как очень устал, то сел на перила. Сел и задумался. Что ж ему теперь делать? Вот он уже на краю света, а нет ни полотна, ни чего другого, что можно было бы принести отцу.

Пока он так, задумавшись, сидел на мосту, из травы выскочила маленькая ящерица.

— Что пригорюнился, прекрасный юноша? — спросила она.

Юноша очнулся от задумчивости только тогда, когда она повторила свой вопрос. Он взглянул на ящерицу и так ей ответил:

— Что пригорюнился? А тебе что до этого? Оставь меня, милая ящерица!

Ящерица глянула на юношу своими умными глазами.

— Зачем ты гонишь меня? — сказала она. — Не надо меня гнать. Я ведь тебе зла не желаю.

Юноша не стал ее слушать и снова погрузился в размышления. Но ящерица не унималась, все бегала возле него в траве.

— Да скажи ты мне, прекрасный юноша, какая печаль тебя гложет? Может быть, я сумею тебе помочь!

Тут уж юноша улыбнулся от души: ну чем может ему помочь такая малютка! Он даже не ответил ей. Но ящерица все продолжала твердить свое:

— Откройся мне, прекрасный юноша, расскажи, что за невзгоды печалят тебя! А вдруг я смогу тебе помочь?

— Уж если тебе так хочется помочь, то я расскажу тебе все. Отец приказал нам, братьям, принести ему такой кусок полотна, который был бы в сто аршин длиной и в сто аршин шириной и все-таки продевался бы через колечко золотое. Братья мои и я пустился в странствия за этим диковинным полотном, но кто знает, чем увенчаются наши старания!

— Ну, если беда только в этом, — сказала маленькая ящерица, — тогда, быть может, я тебе помогу. Подожди здесь немного, я сейчас вернусь.

И она исчезла в траве. Пошла ящерица к паукам. Поведала им, что ей надобно. Пауки сказали:

— Ладно, ящерица, сделаем мы это для тебя. Только подожди немножко, сейчас все будет готово!

В ту же секунду сотни пауков задвигались, закружились. Прошло немного времени — и отрез полотна был готов. И какой! В сто аршин длиной и в сто аршин шириной и все-таки продевался через колечко

золотое.

— Вот тебе, ящерица, полотно, — сказали пауки, — готово оно. Бери, коли надо!

Взяла ящерица полотно, уложила в ореховую скорлупу и побежала к юноше.

А он все сидел на мосту и горевал. Вдруг юноша увидел — что-то упало перед ним на землю. Глянул — а это ящерица орех обронила.

— Что ты принесла, маленькая ящерица? — спросил юноша.

— Я принесла то, что тебе нужно! — ответила ящерица.

— Да что ты там могла принести?

— Кусок полотна, в сто аршин шириной, в сто аршин длиной, да такой, что он пройдет через колечко золотое.

— Да разве это полотно? — сказал юноша. — Это всего только орех!

— А ты раскрой его да посмотри, что в нем внутри!

Взял юноша орех, раскрыл его скорлупу и вынул из нее полотно.

Обрадовался юноша, поблагодарил маленькую ящерицу за доброту и отправился домой. Всю дорогу он нащупывал в своем кармане драгоценный орех.

У перекрестка трех дорог, где когда-то братья покинули его, теперь он встретил их обоих. Они восседали на высоченном возу, а под ними белели тюки полотна. Младшему брату они сказали:

— Эй, ты! Что с пустыми руками возвращаешься? Только время даром потерял! Зачем же брался тогда за дело, пустомеля?

«Ладно, — подумал про себя юноша, — бахвальтесь, а вот дома еще посмотрим, кто из нас проку добился!»

Когда они вернулись домой, двое братьев целый день таскали в дом тюки с полотном, а младший брат улыбался и помалкивал.

— Ну, сыновья, — сказал отец, — дайте-ка взглянуть, что вы там привезли!

Стал он смотреть, да измерять, да сквозь кольцо тянуть полотна, что старшие братья привезли, но ни одно из них не подошло.

Дошел черед и до младшего сына. Раскрыл он ореховую скорлупу, вытащил оттуда полотно и отдал отцу.

— Вот это диковинка! — сказал старик. — В сто аршин длиной, в сто аршин шириной и все-таки проходит в колечко золотое! Сын мой, ты добычливый: третья часть моего добра го праву принадлежит тебе!.. А теперь, — добавил он, — я задам вам другую задачу: кто из вас добудет мне такую собаку, чтобы она в шкатулке поместилась и чтобы лаяла серебряным голосом, да чтобы слышно ее было за семью странами, — тому

выделю я вторую треть моего добра.

Снова пустились в путь трое его сыновей. Дошли до перекрестка трех дорог, и каждый из них пошел по своему прежнему пути.

Младший сын снова направился на край света, к маленькому каменному мостику. Он присел там и задумался. Ящерица опять выбежала из травы и стала сновать перед ним взад и вперед.

— Что с тобой, прекрасный юноша, чем ты так опечален? — спросила она.

— Эх, мудрая ящерица! — ответил юноша. — Отец мой приказал принести ему такую собаку, которая умещалась бы в шкатулке и лаяла серебряным голосом, да таким, который за семью странами был слышен!

— Достанем и это! — сказала ящерица. — Только наберись терпения. Я скоро вернусь.

И она исчезла в траве. Побежала прямо к карликам. Прибежала и сказала:

— Милые мои, нужна мне такая собачка, которая лаяла бы серебряным голосом, да таким, чтобы за семью странами было слышно. И чтобы она поместилась в шкатулке.

— Ладно, — сказали карлики, — мы отдадим тебе нашу собачку, ты всегда была добра к нам.

И один из карликов принес шкатулочку, в которой сидела маленькая собачка.

Взяла ящерица шкатулочку и побежала к юноше, да так быстро, что споткнулась по дороге о соломинку. Споткнулась, упала, снова поднялась и побежала дальше.

Отдала ящерица юноше шкатулку, но приказала в пути не раскрывать ее, так как если собачка выскочит, то ее вовек не найти потом.

Счастливый, направился юноша домой. Шкатулочку же он ни за что на свете не стал бы открывать!

Встретив братьев на перекрестке трех дорог, он чуть не подавился со смеху, увидев, что они вели на веревках больших и маленьких собак.

Когда братья дошли до отцовского дома, старик так рассвирепел, что чуть не выгнал старших сыновей вместе с их собаками. А собаки были такие голодные да злые, что своим лаем подняли на ноги не то что всю деревню, а даже всю округу.

Последним подошел младший сын. Он вытащил из кармана шкатулочку и передал ее отцу в руки.

Теперь к нему перешла и вторая треть отцовского добра — у его собаки голос был серебряный и слышен был за семью странами, а сама она

умещалась в маленькой шкатулочке.

Старик задал сыновьям третью задачу.

— Тот, кто приведет себе самую красивую невесту, получит и третью, последнюю, часть моего добра, — сказал он.

Слова отправились сыновья в дальний путь.

На этот раз младший сын уже совсем не надеялся, что ящерица, как бывало прежде, поможет ему. Но все-таки он пошел по той же дороге, что и раньше.

Когда юноша дошел до мостика на краю света, он присел так же, как и в первый и во второй раз, и стал ждать доброй удачи. Ждать пришлось недолго. Маленькая ящерица была тут как тут.

— Что с тобой, прекрасный юноша, чему опечалился? — спросила она.

— Ой, маленькая моя, — сказал юноша, — если я не найду себе самой прекрасной невесты, то не исполню отцовского наказа!

Ящерица сказала ему:

— Вот, оказывается, какая-задача тебе задана, прекрасный юноша! Слушайся меня, я помогу тебе и в этой беде.

Юноше уже не терпелось узнать, что ему ящерица скажет.

— Вот послушай, прекрасный юноша, — сказала ящерица. — Схвати ты меня за самый кончик моего хвоста и ударь что есть силы о перила моста. Только при этом отвернись и смотри на своего коня. Тогда у тебя будет самая прекрасная-невеста на земле!

Такого совета юноша не ожидал.

— Нет, дорогая моя ящерица, — ответил юноша, — этого-я ни за что не сделаю. Уж как я тебе обязан, а ты хочешь, чтобы я тебя убил!

— Что ж, значит, — сказала маленькая ящерица, — у тебя не будет прекрасной невесты.

Юноша никак не соглашался убить маленькую ящерицу. Уговорами своими она довела его чуть ли не до слез. Но он не давал согласия. Однако ящерица умоляла его до тех пор, пока он все-таки не послушался.

Нагнулся юноша, схватил ящерицу за кончик хвоста и так ударил о перила, что бедное существо разлетелось, верно, на тысячу частей. А юноша в это время смотрел на своего коня.

Вдруг кто-то заговорил за его спиной:

— Ну, прекрасный юноша, теперь ты можешь оглянуться!

Оглянулся юноша и чуть не ослеп от блеска, от невиданной красоты. Чудесная девушка стояла перед ним. На лбу ее горело солнце, на груди — месяц, а на коленях — по звезде. Подобной красоты он еще не видел ни

разу ни наяву, ни во сне.

— Теперь веди меня к своему отцу. Знаешь ли ты, кто я такая? Я Рибике-Смородинка, которую ты видел в окне у старухи. А в ящерицу превратил меня твой старик-отец. Но ты освободил меня. И теперь только лопата и кирка, которыми роют могилу, разделят нас с тобой. Я знаю, что ты любишь меня, и я согласна быть твоей женой.

Юноша не знал, куда деваться от радости. А Смородинка все продолжала говорить:

— Теперь я превращусь в старуху. А то, если твои братья увидят меня, они наверняка тебя убьют, и ты не будешь моим мужем, а я твоей женой.

Как сказала Смородинка, так и сделала. Превратилась в старую, дряхлую старуху. Волосы ее были всклокочены, растрепаны, словно сено на возу.

Старик ждал, их уже возле ворот. Когда он увидел невесту младшего сына, то решил, что сын смеется над ним, и так разгневался, что вправду едва не выгнал его вместе со старухой. Но Смородинка была проворна: старик не успел даже рта раскрыть, как она мгновенно преобразилась и стала прекрасной, словно румяная заря.

Разве могли с ней сравниться невесты старших братьев!

— Ну, сынок, тебе по заслугам принадлежит все мое добро, — сказал отец. — Ты исполнил все три моих желания. А вы двое, — обратился он к двум старшим сыновьям, — идите на все четыре стороны. Вы бестолковые, да еще злые!

Младший сын женился на Смородинке, и они устроили такую свадьбу, что столы ломились от еды, и вкус этих яств у меня до сих пор во рту. А Смородинка с молодым мужем живут и здравствуют еще и поныне.

ПЕТЕР ОБМАНЩИК

Было это там, где и быть должно. Семью семь стран надо пройти, да еще за море перейти, вот тогда и попадешь туда, где короткохвостый поросенок носом землю роет. Там жил один бедняк. Звали его Петер-обманщик. Это прозвище он получил за то, что умел обмануть кого захочет. И так вот выходило: каждый раз Петеру-обманщику хотелось обмануть богача или правителя, а вот бедняка, такого же, как он сам, никогда не обманывал.

Однажды Петер-обманщик пошел в город. И кто же самый первый попался ему навстречу? Толстый, злой, несправедливый судья. Увидев его,

судья поздоровался и спросил с ехидцей:

— Ну, как живешь? Каким это ветром тебя сюда принесло? Может, ты и меня непрочь обмануть?

— Что ж, — ответил он, — обмануть-то можно, только для этого мне кое-что нужно достать, чего здесь нет.

— Невелика беда, доставай, — ответил судья. — А далеко тебе за этим ходить?

— Да что ж, пешком идти полсуток.

— Ну, тогда возьми моего коня, садись на него и поезжай. Привези то, что тебе надо, а там поглядим, как ты меня, хитроумного судью, проведешь!

Петер сел верхом на коня, задом наперед: лицом к хвосту, спиной к голове, прикинулся, будто не умеет ездить верхом.

Так вот и подскакивал он на лошади до тех самых пор, пока не выехал из города. А когда уже выбрался он за заставу, то поскакал, что твой гусар.

Ему повезло с самого начала. В ту пору в городе была как раз большая ярмарка. Петер отвел туда коня судьи и продал его за сто форинтов.

Но, прежде чем продать, он отрезал коню хвост. Получив деньги, понес хвост к озеру. Там он вошел в озеро и ловко пристроил хвост, да так, чтобы тот торчал из воды. На другой его конец Петер положил камень. Затем он хорошенько вымазал грязью лицо и одежду и, хромя изо всех сил, пошел обратно к судье.

Когда судья увидел его, то спросил:

— Что с тобой, Петер?

— Ох, и не спрашивайте, господин судья! Небось, видели, как я езжу верхом. Только я выехал на край города, конь как прыгнет вместе со мной в озеро. Я чуть было совсем не разбился и не утонул. А вот конь, бедняга, утонул.

— Врешь, мошенник! — крикнул судья. — Вижу я, что ты хочешь меня обмануть.

— Какое там обмануть! Пойдемте и посмотрите. И посейчас еще хвост этого проклятого коня торчит из воды. Ежели я в чем соврал, то вы, господин судья, всегда можете упрятать меня в темницу.

— Ладно, — сказал судья. — Только и ты, Петер, пойдешь со мной, покажешь, где хвост торчит.

— Ой, да разве я могу идти, ведь я ногу ушиб, болит так, что едва хожу, — притворялся все Петер.

Взяв с собой двух жандармов, судья пошел разыскивать коня. Только они миновали окраину города и приблизились к озеру, как увидели, что из

воды торчит хвост.

— Смотри, и впрямь Петер не солгал! Вот он, конь, только хвост его виден. Пойдем вызволим его. Может, он еще жив! — обрадовался судья.

Да так обрадовался, что не жандармов погнал в воду, а сам полез, чтобы скорей спасти коня.

Он вцепился в конский хвост и стал его тянуть. Тянул, тянул до тех пор, покуда камень с него не свалился и судья не шлепнулся в грязь.

— Экой мошенник! Провел-таки меня! — кричал судья, держа в руках лошадиный хвосту — погоди же, еще сядешь у меня за решетку, я тебя научу в кулаке нос греть! — грозился он.

А Петер между тем преспокойно пировал с друзьями в трактире. Денег у него было хоть пруд пруди.

И вдруг, взглянув в окно, он увидел, что идет судья, да в каком виде! Весь, с головы до ног, облеплен грязью и в руке держит конский хвост.

Тогда Петер раскинул умом и скорешенько заплатил вперед за два литра вина.

В это время судья вошел в трактир:

— Ну, мошенник, теперь тебе одна дорога — в тюрьму! Будешь знать, как обманывать меня!

Но Петер даже не стал его слушать. Крикнул, чтобы принесли ему литр вина. Выпил вино, снял с головы свою засаленную шляпу и швырнул ее об пол, а потом спросил трактирщика:

— Ну что, господин трактирщик, в расчете?

Трактирщик ответил:

— В расчете.

Тут судья, забыв о лошади, стал смотреть, что это за чудо-шляпа. Хлопнул ее об пол — и выходит, что за все уплачено! Вскоре Петер попросил и второй литр вина. Выпил и его, снова швырнул шляпу об пол и опять спросил трактирщика:

— Что, господин трактирщик, в расчете?

— Конечно, в расчете, — ответил тот.

Тут уж судья совсем забыл о своем коне и спросил:

— Петер, что это за чудо-шляпа у тебя? Смотрю я, швырнул ты ее об пол — и готово, уже расплатился!

— Эх, господин судья, шляпу эту мне еще покойный отец завещал! Не будь у меня ее, я при своей бедности вовсе помер бы с голоду. Каждый раз как иду в трактир, всегда ее надеваю. Тогда уж сколько бы я ни ел и ни пил с друзьями, стоит мне ее только хлопнуть оземь — и сразу я в расчете.

— Петер, а ты не продал бы мне эту шляпу? — спросил жадный судья.

— Как же продать? Разве можно продавать отцовское наследство?

— Прошу тебя, Петер, продай ты мне ее. Я уплачу тебе за нее сто форинтов.

— Нет, господин судья, я ее не продам.

— Сто пятьдесят дам, — надбавил судья.

— Что ж, раз вы так просите, — ответил Петер, — ежели она уж вам так по нраву пришлась, то я отдам ее за двести форинтов.

Судья уплатил деньги, а Петер отдал ему потертую, засаленную шляпу. Схватил судья ее и, довольный, пошел домой.

Вернувшись домой, он созвал всех своих закадычных друзей — стряпчего, исправника и других важных господ — и, решив испытать шляпу, пригласил их в самый лучший трактир.

Когда гости пришли туда и увидели, что на голове судьи старая, потертая шляпа, то стали смеяться так, что чуть животы не надорвали.

— Смейтесь, смейтесь! — говорил судья. — Я покажу вам, что это за драгоценная шляпа. Сдуру вы над ней потешаетесь.

И он рассказал всем, что это за шляпа.

Как только он рассказал об этом, над ним стали смеяться еще пуще. Потом все пили, ели сколько хотели.

Когда уже все наелись, напились, судья схватил свою засаленную шляпу и швырнул ее об пол:

— Ну что, господин трактирщик, в расчете?

— Какое уж там в расчете! — засмеялся трактирщик.

Поначалу-то он думал, что судья только шутит. Но когда увидел, что судья во второй, и в третий, и в четвертый раз швыряет шляпу об пол, то понял, что это уж не шутка. Тогда трактирщик сказал:

— Господин судья, ведь вы же не расплатились! Ни одного, ни единого форинта мне не дали!

Тут судья понял, что Петер обманул его и на этот раз.

«Ну постой, негодяй! — подумал судья. — Засажу же я тебя за решетку!»

И он с двумя жандармами пошел прямо к Петеру.

Петер уже издали увидел судью. Огромную кастрюлю, в которой варил гуляш, он вынес на крыльцо и поставил на большой чурбан. И стал гуляш помешивать ложкой, пробовать его.

Когда судья подошел и увидел, что гуляш в кастрюле варится без огня, он сразу же забыл и о коне и шляпе.

— Скажи, Петер, что это за кастрюля, в которой гуляш варится без огня? — спросил он, сам не свой от любопытства.

— Эх, господин судья, — ответил Петер, — без этой кастрюли мне бы и не жить! Не будь ее у меня, я давно бы уж помер с голоду. Она досталась мне от деда. В нее только накрошишь мяса с картошкой, подольешь воду, а уж сварит она сама.

— А ты не продал бы мне ее?

— Нет, господин судья, — ответил Петер, — я не стану ее продавать. Что бы сказал на это мой покойный дедушка?

— Да ведь я дам тебе за нее сто форинтов.

— Нет, господин судья, и не просите.

— Двести дам! Только продай мне ее.

— Ну, уж раз она вам так по душе пришлась, — сказал Петер, так и быть, за триста форинтов отдам. Сам уж проживу как-нибудь.

Судья не стал спорить и отдал Петеру триста форинтов сполна. Потом с помощью Петера он взвалил большую закопченную кастрюлицу себе на спину и заторопился домой.

Дома поставил кастрюлю посреди кухни. Прислуге велел начистить картошки, нарезать мяса и все это поставить варить посреди кухни, не разжигая огня.

Служанка даже вытаращила глаза от удивления.

— Да что ты глаза выпучила? Лучше делом займись! — закричал судья. — Вот увидишь сама, что получится!

Но они ничего не увидели: гуляш и не думал вариться!

Пристыженного судью обуял великий гнев. Он один побежал к Петеру, чтобы самолично засадить его за решетку.

— Ну, мошенник Петер, теперь ты пойдешь со мной, и я засажу тебя за решетку! Будешь знать, как обманывать меня! — кричал он.

— Да как же это я вас обманул! Не думал даже обманывать!

— А так, что кастрюля твоя вовсе и не варит! — крикнул судья.

— Да как же ей варить, господин судья? Вы ж сами видели, что она варит, если стоит на чурбаке. А его-то вы как раз и не купили.

— Так вот оно что...

— Конечно, господин судья, — ответил Петер.

— А за сколько ты мне его продашь?

— Его я отдам дешевле кастрюльки — без нее он мне ни к чему. Отдам за сотню форинтов.

Судья тут же отсчитал деньги, с помощью Петера взвалил себе чурбан на спину и, согнувшись под его тяжестью, понес чурбан домой.

Придя домой, судья поставил чурбан посреди кухни, а на него кастрюлю. Но жди он хоть до окончания века, гуляш его все равно бы не

сварился.

Теперь уже судья, окончательно понял, что его обманывали. И решил про себя: «Что бы у него ни было, что бы он мне ни показал, но, больше я покупать не стану».

Пошел судья к Петеру, а тот, завидев приближающегося судью, сказал своей сестре:

— Судья придет, мы с тобой будем браниться что есть мочи. Что бы я ни сказал, ты мне во всем перечь. Тогда я схвачу нож, ударю им себя в живот и умру. А ты скорей сними свистульку, которая лежит на верхней полке в шкафу, свистни ею три раза мне в уши, и я оживу.

Так все и вышло. Когда судья пришел, сестра и брат бранились меж собой, да так рьяно, что тот не мог даже словечка вставить. Тут Петер схватил нож и приставил его к своему животу.

Судья подскочил, хотел выхватить нож из рук Петера и крикнул ему:

— Что ты делаешь, Петер! Ведь так можно заколоть себя!

— А я и заколю! — ответил Петер.

И тут же пырнул себя ножом в живот. Подвязанный бараний желудок лопнул, и кровь залила парня. Тогда сестренка схватила свистульку и трижды свистнула ею в уши притворившемуся мертвым Петеру. Петер проворно вскочил и стал тереть себе глаза.

— О, как я крепко спал! — проговорил Петер. — Как я давно сплю!

— Спал бы ты до скончания века, если бы не эта свистулька! — сказала сестра Петеру.

— Петер, а что это за свистулька? — спросил судья.

— Эх, господин судья, если б не эта свистулька, меня бы уже давно не было на свете! Только я рассержусь — всю злость на себе вымещаю.

— Вот и я тоже! — сказал судья. — Когда мои слуги делают что-нибудь не по мне, я готов со злости даже себя убить. Ты не продашь мне эту свистульку?

Они сторговались на четырехстах форинтах. Судья взял свистульку, сунул ее в карман.

Забыв о коне, шляпе, кастрюле и чурбане, он вернулся домой радостный и довольный. Теперь-то уж он был спокоен! Он мог, разозлившись, сколько угодно вымещать гнев на себе, — эта свистулька всегда его воскресит.

Придя домой, он вызвал к себе своего кучера Яноша.

— Ну, Янош, послушай меня, — сказал судья. — Вот она, свистулька. Я поручаю ее тебе. Положи ее на буфет. Но чтоб, кроме нас, об этом никто не знал. Когда я на кого-нибудь сильно разозлюсь и ты увидишь, как я

вонзаю себе в живот нож, тотчас хватай эту свистульку и трижды свистни мне в ухо.

Шло время. Однажды Янош ослушался в чем-то судью. Судья рассердился, схватил нож, приставил его к своему животу.

Янош крикнул судье:

— Господин судья, да что это вы делаете? Еще, не ровен час, убьете себя!

Судья не стал его даже слушать и в гневе с размаху пырнул себя ножом в живот.

Когда Янош увидел, что судья упал, то никому ничего не сказал, а сразу вспомнил про свистульку. Он схватил ее и трижды свистнул судье в одно ухо, потом трижды свистнул в другое. Но он мог бы свистеть еще триста раз, потому что судья не очнулся и доньше.

Сказки Вьетнама

Перевод М. Ткачева и В. Карпова.

ТЯЖБА ЖАБЫ С НЕБОМ

Давным-давно случилось так, что дух Дождя забыл посылать на землю влагу. Люди недоумевали, чем занят Дождь и куда он запропастился: вот уже три года, как на землю не упало ни капли воды. День за днем, ночь за ночью солнце и луна накаляли землю: деревья, травы, побеги риса — все засохло, а земля затвердела и покрылась трещинами. Люди и животные умирали от жажды и зноя. Над всем живым нависла страшная опасность.

Те немногие животные, которые еще остались в живых, собирались около маленькой лужи — это была последняя сохранившаяся на земле вода. Днем и ночью слоны и тигры, буйволы и лошади, антилопы и дикие лесные свиньи, медведи, зайцы, собаки, лисицы, кошки, лягушки и другие твари шли к маленькой мутной луже, чтобы хоть несколькими каплями воды смочить пересохшее горло.

Однажды, после того, как звери получили свою каплю влаги, сошлись они все вместе и стали обсуждать, как спастись от неминуемой смерти и вернуть на землю жизнь. Спорившие распаялись с каждой минутой все больше и больше, но ничего придумать не могли. Наконец, после долгих пререканий, было решено отправить на небо посла, который должен был рассказать обо всем владыке неба Нгаук Хоангу и просить, чтобы он заставил духа Дождя заняться своими делами. Предложили собравшиеся в послы Зайца, ибо он был известен своей мудростью и хитроумием и, кроме того, тараторил быстрее всех зверей, поэтому быстрее всякого другого мог изложить суть дела. Заяц согласился со всем, что было сказано о его талантах, но быть послом все же отказался.

— Я предлагаю послать вместо себя Жабу. Она — мастер на всякие уловки и превосходит меня мужеством и отвагой.

Все собравшиеся одобрили предложение Зайца. Жаба сразу же согласилась быть послом, она потребовала только, чтобы вместе с нею отправились и были у нее под началом Лиса, Медведь и Тигр. Борьба, по ее словам, предстоит трудная и победить нужно во что бы то ни стало.

Слова Жабы звери встретили шумным одобрением, решено было включить в состав посольства Лису, Медведя и Тигра. Медведь и Лиса тут

же дали согласие, но Тигр, узнав, что он будет подчинен Жабе, вознегодовал и заявил перед всеми:

— Как это можно Жабу, жалкую и неприметную тварь, посылать главным послом к великому владыке неба Нгаук Хоангу. Если Жаба так жаждет возглавить посольство, то пусть она сперва докажет свои права на это. Пусть попробует она, подобно мне, дважды перепрыгнуть нашу лужу. Если она прыгнет дальше меня, то у меня не будет возражений, ибо это самое сложное испытание для посла.

Жаба согласилась. Тогда Тигр разбежался и гигантским скачком перепрыгнул на другую сторону лужи. Но когда он ступил на землю и высокомерно справился у зрителей, где его соперница, то услышал голос Жабы:

— Я уже здесь.

Тогда Тигр разбежался и прыгнул во второй раз еще дальше, чем в первый, и опять увидел Жабу, которая сидела далеко впереди и самодовольно улыбалась. А все звери хором приветствовали ее.

Дело же было вот в чем. Каждый раз, когда Тигр готовился к прыжку, Жаба вцеплялась в его хвост. Тигр, делая разбег, сильно размахивал хвостом, и Жаба, раскачавшись, перелетала далеко через лужу. Тигр не ожидал, что может проиграть, и поэтому никак не соглашался уступить первенство Жабе.

— Я владыка всех тварей! — ревел он в ярости. — Все животные обязаны приносить мне дань, которой бы я насыщался! Как смеешь ты оспаривать мои права?

Сказав это, Тигр взревел ревом, идущим из самого нутра, и из пасти его посыпалась шерсть антилоп, косуль, оленей и других животных, съеденных им за последнее время. Так Тигр думал утратить Жабу. Но она, не говоря ни слова, тоже стала отплевываться, и из ее рта полетели клочья рыжей шерсти, выщипанные из хвоста Тигра. Царь зверей изумился и задрожал всем телом, он не ожидал увидеть ничего подобного и, присмирив, не осмелился более возражать против того, чтобы Жаба возглавила посольство.

Послы тронулись в путь и через некоторое время добрались до Небесного дворца. У входа его висел большой барабан. По издавна установленному обычаю, каждый, кто желал предстать перед владыкой неба Нгаук Хоангом, должен был ударить в этот барабан и тем оповестить о своем приходе. Жаба велела своим спутникам спрятаться в кустах, что росли у дворца, и ожидать ее приказаний. Сама же она взобралась на барабан и начала неистово колотить в него. Услышав страшный стук, Нгаук

Хоанг приказал одному из младших духов пойти и узнать, в чем дело. Дух вышел из ворот и оглянулся кругом, но никого не увидел, только потом заметил он Жабу, сидевшую на барабане. Дух спросил, что она здесь делает. Жаба же, угрожая выпучив глаза, отвечала кратко, что у нее тяжба с небом. Тогда Дух пренебрежительно надул губы и спросил, из-за чего эта тяжба, но Жаба с раздражением отвечала, что будет говорить об этом только с самим Нгаук Хоангом.

Грубость и высокомерие маленькой Жабы стали известны владыке небес Нгаук Хоангу, он очень рассердился и приказал своим любимым небесным курам заклевать бесцеремонную Жабу и выгнать ее прочь. Но едва куры показались в воротах Небесного дворца, как Жаба подала знак Лисе, и та, выскочив из-за кустов, набросилась на них и стала душить одну за другой. А Жаба, подпрыгнув, с еще большим остервенением начала бить в барабан. Нгаук Хоанг, узнав, как пострадали его птицы, рассердился еще больше и приказал своему псу пойти и убить Лису. Но едва пес приблизился к барабану, как Жаба вызвала из кустов Медведя, и он одним взмахом убил собаку. Тогда владыка небес Нгаук Хоанг послал одного из своих стражников уничтожить Медведя. На этот раз Жаба вызвала Тигра, и он разорвал стражника, не оставив от него даже ногтя.

Нгаук Хоанг, видя, какой неожиданный урон понес он от такого маленького и ничтожного существа, решил во избежание новых неприятностей сменить свой гнев на милость. Он послал за Жабой одного из старших духов и, когда она во главе посольства вошла в тронный зал Небесного дворца, Нгаук Хоанг приветливо обратился к ней:

— Тетушка, скажите, какое дело заставило вас прибыть сюда?

Жаба подпрыгнула, уселась в предложенное ей кресло и повела речь о том, что владыка небес Нгаук Хоанг не уделяет должного внимания делам земли. Она рассказала об ужасной засухе, которая иссушила землю, о страшных бедствиях, постигших тысячи животных, которые должны бороться за глоток воды из мутной маленькой лужи, о смертельной опасности, нависшей над всем живым из-за отсутствия влаги, и еще о многом другом. Она просила Нгаук Хоанга поскорее послать дождь на землю.

Владыка неба Нгаук Хоанг подумал, расспросил кого нужно и понял, что дух Дождя давным-давно забросил свои дела и спит сладким сном на мягких белоснежных облаках. Тотчас же повелел он разбудить ленивого духа и приказал ему быстрее пролить над землей целительную влагу.

Перед тем, как Жаба собралась в обратный путь, владыка небес Нгаук Хоанг пригласил, ее к себе.

— Тетушка, — сказал он, — впредь, чтобы вам не приходилось утруждать себя, поднимаясь на небо, вы, когда будет нужда в воде, покричите мне об этом. И я, как только услышу ваш голос, сразу же пошлю на землю дождь.

Когда звери узнали, что Жаба вернулась на землю, добившись победы в столь сложном деле, и сам владыка небес величал ее «тетушкой», все преисполнились к ней уважения и страха. По этому поводу есть такой стих:

Жаба Нгаук Хоангу приходится теткой,
С ней даже Тигр обращается кротко,
гнева небес страшась.

А люди сведущие, услышав крик Жабы, знают, что скоро будет дождь.

СУД НАД ТИГРОМ

В далекие времена в одной деревне жила почтенная женщина, ей было за семьдесят. Она имела только одного сына, который был ее опорой и утешением. Однажды юноша отправился за хворостом и стал в джунглях добычей тигра.

Велико было горе почтенной женщины, много дней и ночей проливала она слезы. Сердце ее переполняла жажда мести. И вот в день, когда заседал суд, пошла она к наместнику провинции и потребовала, чтобы он наказал убийцу сына. Наместник выслушал ее и засмеялся:

— Я имею полномочия и власть судить преступных людей, но как могу я судить тигра!

Старая женщина зарыдала и еще настойчивее стала просить наместника наказать тигра. Видя ее отчаяние, наместник сказал:

— Хорошо, я согласен судить тигра и наказать его, но пусть кто-нибудь сумеет привести его на суд.

И тут вышел один из стражников, он торжественно объявил, что готов привести тигра на суд. Получив разрешение наместника, стражник важно удалился, провожаемый изумленными взорами присутствующих.

— Вот храбрый и достойный человек, — говорили люди.

И только хозяин харчевни, где стражник побывал незадолго до суда, знал, в чем дело, и молчал, таинственно улыбаясь.

Стражник же, выйдя из дворца наместника, направился прямо в джунгли. Однако не дошел он еще до леса, как вместе с хмелем,

выветрившимся из его головы, покинула его и отвага. Только теперь он понял, за какое дело взялся, и тут же повернул назад, благославляя небо, что ему не встретился тигр. Велико было удивление наместника и его свиты, когда стражник так скоро возвратился.

— Что же ты вернулся один, — спросил его наместник, — ведь ты был послан за тигром?

— О высокопочтенный, — ответил стражник, — я вспомнил, что не захватил твоего письменного приказа. А тигр, как-никак владыка леса и повелитель животных, его нельзя схватить просто так, без всяких формальностей, словно простого оборванца.

— Поистине мудрая речь, — сказал, улыбаясь, наместник, — вот тебе мой приказ. Я надеюсь, что тигр сразу же узнает мою подпись, и если он проявит такое неуважение к моему приказу, что в течение двух дней не явится на суд, то вина ляжет на тебя и ты получишь сто ударов по пяткам.

С этими словами наместник, смеясь, протянул стражнику пергамент с приказом, и тот удалился с тоскою в сердце.

Стражник отправился искать охотников, которые могли бы поймать тигра, но никого не соблазнили даже серебряные монеты. Так прошел целый день. Всю ночь не мог заснуть стражник и на рассвете вскочил, чувствуя сильный зуд в пятках. Это был последний день данного ему срока. Надев на себя доспехи и хорошо вооружившись, он сунул за пазуху приказ наместника и нетвердыми шагами отправился в лес. Вдруг увидел он между деревьями маленький храм и решил зайти в него, чтобы заручиться покровительством богов — на собственное мужество он не очень-то полагался. Не успел стражник окончить молитву, обращенную к божествам лесов и гор, как на пороге храма появился огромный тигр устрашающего вида. С шумом уселся тигр у входа. Стражник так и замер от страха, но, видя, что тигр не трогается с места, он осмелел и спросил:

— Тигр, не ты ли съел единственного сына почтенной женщины?

Под сводами храма нерешительный голос стражника прозвучал громко и внушительно, так что тигр вздрогнул от неожиданности. Видя, какое впечатление произвели на тигра его слова, стражник приободрился и важно сказал:

— Если ты повинен в этом преступлении, то склони передо мною голову, я свяжу тебя и отведу на суд!

Тигр кивнул головою в знак согласия и позволил стражнику связать себя. Важно зашагал стражник к городу, ведя за собой на веревке плененного тигра. Когда он шествовал по улице, ведущей ко дворцу наместника, его сопровождали восхищенные мальчишки и огромная толпа

любопытных.

Войдя в залу суда, стражник с достоинством поклонился наместнику и передал конец веревки в руки побледневшего начальника стражи, а сам отошел в сторону.

Наместник долгое время не мог прийти в себя и, наконец, сказал, обращаясь к тигру:

— С древних времен существует закон, повелевающий казнить убийц. Убитый тобою юноша был единственной опорой почтенной женщины, с его смертью она лишилась всяких средств к существованию. Посему на тебя ложится двойная вина. Но если ты обязуешься впредь кормить эту женщину и доставлять ей все необходимое, ибо она осталась без кормильца, то я помилую тебя и дам свободу.

Тигр кивнул головою в знак согласия. Тогда наместник приказал стражникам развязать его. Освободившись от веревки, тигр вышел из дворца и скрылся.

Почтенная женщина, услышав приговор наместника, закричала от возмущения и досады, ибо сердце ее было переполнено жаждой мести, но наместник удалился во внутренние покои, не слушая ее жалоб. У себя дома женщина горько плакала и рыдала, оглашая стенаниями и жалобами всю деревню.

Прошло несколько дней. Как-то на рассвете женщина, открыв дверь, споткнулась о тушу свежееубитой антилопы. Она разделала тушу и отнесла мясо на рынок, а на вырученные деньги купила себе риса и овощей. С этих пор тигр каждую ночь приносил к дому старой женщины животных, убитых им на охоте. А однажды тигр обнаружил в лесу клад и принес его почтенной женщине. Там были сосуды с золотыми монетами и сверток с драгоценными камнями. Тигр кормил осиротевшую мать и заботился о ней даже лучше, чем родной сын, и она понемногу привыкла к нему и полюбила как сына.

Когда тигр приходил с добычей ночью, он обычно оставался в доме старой женщины и отдыхал целый день. Он больше не тронул ни одного человека, и люди перестали его бояться. Они часто приходили к старой женщине, когда тигр бывал у нее в гостях.

Но через несколько лет почтенная женщина умерла. Соседи совершили погребальные обряды и похоронили ее. Долго-долго лежал тигр на ее могиле, его скорбное рычание напоминало стон. Потом он исчез, и никто больше не видел его.

ТЫ ТХЫК В ЦАРСТВЕ ВОЛШЕБНОЙ ФЕИ

Ты Тхык родился в провинции Тхань-Хол. В те времена страной правил мудрый и просвещенный король Чан Тхань Тон. Ты Тхык был сыном мандарина. Когда он достиг зрелого возраста, его назначили на пост начальника одного из уездов в соседней провинции Бак-Нинь.

Невдалеке от дома, где поселился Ты Тхык, находился большой буддийский храм, в саду его с незапамятных времен выросло величественное дерево мау дэн ^[17]. Когда весною мау дэн зацвел, со всей округи съезжались люди полюбоваться его диковинными цветами. С некоторых пор установился даже праздник, который так и назывался — «Праздник цветения мау дэна».

Однажды во время этого праздника буддийский храм посетила одна девушка лет шестнадцати. Все, кто успел взглянуть на нее, поразились ее необыкновенной красотой и стройностью стана.

Девушка, как и все, любовалась прекрасными цветами. Потом она подошла поближе к дереву и, взявшись за одну из веток, потянула ее книзу. Ветка хрустнула и, отломившись, упала к ногам растерявшейся девушки. Священное дерево мау дэн тщательно охранялось. Люди схватили девушку и потащили к городскому судье. Присутствующий на допросе Ты Тхык спросил ее, кто она и откуда. Он пожалел девушку и решил выручить ее. Тут же снял он с себя свой дорогой и красивый халат и отдал его в счет штрафа, который с нее взыскивался.

Благородный поступок Ты Тхыка стал известен всем. О доброте и великодушии молодого начальника уезда заговорила вся округа. Так, сам того не ожидая, Ты Тхык расположил к себе народ и завоевал глубокое уважение людей. Однако со своим начальством Ты Тхык не мог поладить. Как бы в отместку молодой мандарин получал порицание за порицанием, его обвиняли в излишней мягкости, в том, что он без должного рвения несет службу.

Но Ты Тхык не обращал внимания на эти несправедливые нападки. Всего себя отдавал он любимому занятию — сочинению стихов. Часы, проведенные над тетрадкой в полном уединении, были лучшими в его однообразной жизни. Он говорил самому себе:

— Нет, я не в силах больше заниматься тем, что я совсем не люблю... Укрыться бы в пустынном месте среди высоких гор, где протекает красивая река, где много зелени и цветов, и там отвести душу.

Эти мысли все чаще возвращались к нему и, наконец, молодой

мандарин отказался от поста начальника уезда. Он поселился в живописном уголке в горах Тонг Шона и построил там небольшой домик. Каждый день он совершал длительные прогулки.

Обычно во время этих прогулок Ты Тхыка сопровождал мальчик-слуга, который нес за ним дан бао, тетрадь для стихов и вино.

Выбрав удобное место, Ты Тхык усаживался, брал в руки дан бао, выпивал немного вина и начинал играть. Играя, он тут же сочинял стихи, в которых воспевал красоту родного края: горы Тинь Чо, пещеру Люк Ван, реку Лай, ее чудесное устье Нга.

Однажды, встав вместе с утренней зарей, Ты Тхык вышел из своего домика. Вдали виднелись воды морского залива Тхан Фу. Взору предстала восхитительная картина: над далекой синей полосой залива, словно в волшебном танце, плыли причудливые облака. Ты Тхык невольно сравнил их с тонкими трепещущими озерными лилиями.

Он спустился с горы, добрался до лодки и поплыл к заливу. Но только он достиг моря, как ветер разогнал облака, и чудесное видение исчезло. Перед Ним выросла высокая крутая гора, словно только что вынырнув из морской пучины. Ты Тхык оставил у подножия лодку и стал взбираться на гору. Прошло много времени, пока он достиг вершины. Перед ним открылся вид на окрестности. Дупла Ты Тхыка наполнилась радостью: он находился на самой вершине горы, а вокруг него плыли облака, позолоченные восходящим солнцем. Ты Тхык присел на большой камень, положил на колени свою дан бао и задумался. Затем, слегка тронув струны, он запел. Нежная мелодия затрепетала, словно птица, вторя звучным, как юное утро, стихам:

Показалось солнце из-за гор.
Чтоб чудесный выткать свой узор
Из лучей и нежных облаков.
Из растений дивных и цветов;
Чтоб рассыпать по ковру полей
Бирюзовый дождь своих лучей...
Вот уже кружится все вокруг,
Небо опрокинулось на луг.
Вдруг вдали качнулся над водой
Одинокий парус голубой.

Ты Тхык остановился на миг, далеко-далеко в море виднелся рыбацкий

парус и продолжал:

О скажи мне, парус, о скажи,
Где селенье Дао [\[18\]](#), укажи?
Там, как лотос, девушки нежны,
Там они, как розы, хороши!
О скажи мне, парус, о скажи?

Долетела ли сладкозвучная песня Ты Тхыка до лодки — неизвестно. Вдруг он заметил большую пещеру с темным широким входом. Ты Тхык встал, отложил в сторону дан бао и направился к таинственному входу. Но лишь успел он войти в пещеру, как каменная дверь с грохотом захлопнулась и стало совсем темно. Ты Тхык замер на месте, не зная, куда двинуться. Невольно его охватил страх. Он подумал, что теперь для него наступила смерть. Все же он решил идти вперед. Сделав несколько шагов, Ты Тхык увидел блеснувший вдалеке яркий луч солнца. Он обрадовался и пошел смелее. Наконец, показался выход. Ты Тхык вновь увидел горы, еще более зеленые, к ним вела широкая гладкая дорога.

Шел Ты Тхык, шел и вдруг с удивлением остановился: у самого подножия горы там и здесь виднелись красивые дворцы, утопающие в тени и зелени чудесных деревьев. Изумленный Ты Тхык озирался по сторонам и вдруг заметил двух девушек, одетых во все голубое, которые направлялись к нему.

— Новый жених пришел! — воскликнула одна из них. Обе звонко рассмеялись и бросились бежать. Потом они вернулись и сказали Ты Тхыку:

— О юный господин! Наша повелительница приглашает вас к себе в гости. Следуйте за нами.

И они опять звонко рассмеялись. Ты Тхык, не переставая удивляться, последовал за ними. Они шли по бесконечным извилистым переходам, сплошь выложенным золотом. Золото сверкало повсюду и слепило Ты Тхыку глаза. Миновав два огромных дворца, они очутились, наконец, в великолепной круглой зале. В глубине ее на возвышении сидела женщина, вся закутанная в белый шелк. По обе стороны трона стояли два длинных стола из ароматического дерева дан хыонг, разукрашенных причудливой резьбой, и несколько изящных скамеечек из того же дерева.

Ты Тхык на секунду остановился, пораженный дорогим убранством залы и величественной красотой женщины в белом шелке. Она сделала ему

знак, приглашая приблизиться. Ты Тхык подошел к трону и склонился в почтительном глубоком поклоне, а женщина в белом негромко заговорила. Ее голос, нежный и певучий, заставил его выпрямиться и взглянуть в прекрасное лицо волшебницы.

— О достойный юноша! — говорила Фея. — Вы много путешествовали, видели много чудес. Но знаете ли вы, где находитесь сейчас?

— О моя повелительница! — отвечал Ты Тхык с поклоном. — Я действительно объездил много земель, повидал множество чудесных мест, но таких великолепных дворцов я еще не встречал. Скажите мне, где я и с кем веду столь приятную беседу?

Женщина в белом улыбнулась и продолжала:

— Как! Вы не слышали о моих владениях! Так слушайте! Вы находитесь в шестой пещере священной горы Фи Лай. Всего пещер тридцать шесть. Эта гора никогда не стоит на одном месте, она беспрестанно кочует по морю, подгоняемая ветрами. Еще не было дня, чтобы Фи Лай задержалась на одном месте. С каждым новым порывом ветра священная гора отправляется в новый путь. Гора Фи Лай никогда не проходит там, где уже проходила однажды. В море — тысячи тысяч дорог, и Фи Лай каждый раз избирает новую. Вы не ощущаете ее стремительного бега по синим волнам, но никому еще не удавалось догнать летучую гору. И никто не видел хозяйки этой горы, которая сидит сейчас перед вами!

Волшебница в белом шелке вдруг умолкла, а затем, наклонившись вперед, мягко продолжала:

— Мое имя Нгуи. Я позволила вам пройти в мои владения, потому что я прочла на вашем юном лице великодушие и склонность к возвышенным раздумьям.

Госпожа Нгуи умолкла, а Ты Тхык снова склонился перед ней в глубоком поклоне. Затем волшебница отдала какое-то приказание прислужнице, и через минуту в залу вошла девушка невиданной красоты. Взглянув на нее, Ты Тхык сразу же вспомнил девушку, попавшую в беду во время «Праздника цветения мау дэна». Он не поверил сначала своим глазам, но это действительно была та самая красавица, так некстати обломившая ветку мау дэна.

— Это моя дочь, Зианг Хьонг! — сказала госпожа Нгуи, указывая на прекрасную девушку. — Вы спасли ее от наказания в тот злополучный день. Теперь я хочу отблагодарить вас. Я мечтаю, чтобы мужем моей любимой дочери был великодушный и мужественный человек. Мне кажется, что вы — такой человек, достойный юноша.

Ты Тхык упал на колени, сложил на груди руки и горячо поблагодарил хозяйку горы Фи Лай, горы Нежной Музыки, за высокую честь. Затем он подошел к улыбающейся Зианг Хыонг и протянул ей руку.

Той же ночью была их свадьба. Сверкающие дворцы заполнил народ: здесь были и феи, и волшебники, и добрые духи, прилетевшие на драконах с разных концов света. Тысячи слуг устанавливали столы невиданными яствами, огромными кувшинами с вином и разливали его по глубоким золотым чашам. Главный стол установили во дворце Зианг Куанг, во главе которого сидела сама госпожа Нгуи, а по правую руку Ты Тхык и прекрасная Зианг Хыонг.

Все были радостно возбуждены, ели, пили, а затем, когда зазвучала музыка, стали веселиться и громко славить госпожу Нгуи, добродетельного Ты Тхыка и его красавицу жену. Только на рассвете утомленные гости разошлись, пожелав госпоже Нгуи, Ты Тхыку и Зианг Хыонг вечного счастья.

С той поры Ты Тхык счастливо зажил на волшебной горе Фи Лай, кочующей среди моря. Он горячо полюбил прелестную Зианг Хыонг, которая отвечала ему самыми нежными чувствами.

Как и прежде, Ты Тхык слагал свои чудесные стихи, играл на дан бао и совершал прогулки по восхитительным окрестностям горы Нежной Музыки. Но теперь рядом с ним находилась Зианг Хыонг, не спускавшая влюбленного взора с благородного лица Ты Тхыка. Дни пролетали у них с быстротой полета ласточки. Расположившись в тени развесистых тутовых деревьев, наблюдали они за неутомимыми шелкопрядами или отдыхали в тенистой абрикосовой чаще, полной томительной прохлады, а то уходили в горы, наслаждаясь меланхолической музыкой, звучными стихами и взаимными ласками, которые расточали с необыкновенной щедростью. Когда же землю окутывала тьма и луна, повиснув над вершиной Фи Лай, разливала свой таинственный свет, они удалялись в аллеи волшебного парка и вслушивались в неповторимые ночные звуки, вдыхали неповторимые запахи ночных цветов. Затем, когда сон смежал глаза влюбленных, Ты Тхык брал Зианг Хыонг на руки и уносил в великолепный шатер, увитый изумрудным плющом и устланный пышным ковром кровавокрасных камелий. Здесь они оставались до восхода солнца, забываясь в сладчайших снах.

Так проходили их дни, не похожие один на другой. Казалось, счастью двух юных сердец не будет конца. Но однажды Ты Тхык, ласково проведя рукою по блестящим волосам Зианг Хыонг, сказал:

— Милая моя Зианг! Я давно покинул свой дом. Не скрою от тебя, что

я начинаю уже скучать по моей любимой родине. Прощу тебя, драгоценная Зианг Хыонг, разреши мне съездить домой повидать моих близких!

Зианг Хыонг с мольбой в глазах взглянула на любимого и с горечью покачала головой. Она не могла сказать ни слова, так поразило ее намерение Ты Тхыка покинуть ее.

А Ты Тхык, видя ее протестующий взгляд, поспешно добавил:

— Но ведь я пробуду дома всего несколько дней! Увижусь с братьями и друзьями и сразу же вернусь обратно к тебе, моя родная.

Тут Зианг Хыонг не выдержала и расплакалась. Сквозь слезы она с трудом проговорила:

— Я не желаю, чтобы из-за меня ты чувствовал себя в неволе. Мне так больно это сознавать! Одного я боюсь, что за этот год, как мы вместе, там, на земле, все изменилось. Ведь на земле время бежит быстрее, чем на горе Фи Лай: дни и месяцы мелькают там, проносясь с быстротой ночных падающих звезд... Я боюсь, мой милый, что ты не найдешь там того, что хочешь найти, и тех людей, которых хочешь проведать. Уверяю тебя, что на земле сейчас все не так, как было раньше!

Сказав это, прекрасная Зианг Хыонг вытерла слезы и пошла во дворец к своей матери.

Выслушав дочь, госпожа Нгуи сочувственно покачала головой.

— Странно, — сказала она, — почему вдруг он вспомнил о своем доме, о родине. Он только огорчает этим нас и тревожит свое сердце. Ну что ж, пусть пойдет, если ему хочется!

Ты Тхыку дали самую красивую колесницу, запряженную шестью быстроногими конями, и он, простившись с госпожой Нгуи и своей прелестной супругой, уехал. Прощаясь, Зианг Хыонг подала ему завернутое в шелковую материю письмо, сказав при этом:

— Обещай мне, что не распечатаешь письмо до тех пор, пока не приедешь в свой уезд.

Ты Тхык кивнул головой в знак согласия, и через миг его колесница исчезла.

Прибыв в родные места, Ты Тхык с удивлением осматривался по сторонам, не узнавая ни домов, ни людей, ни дорог. Там, где стояла старинная цитадель, теперь высился дворец, выложенный из неизвестного Ты Тхыку камня. Все вокруг было чужим, ничто не напоминало о днях, проведенных на земле.

Ты Тхык бродил по улицам города, всматривался в лица прохожих, но никого не узнавал. Тогда он пошел в родную деревню и обратился к самым древним старцам:

— Меня зовут Ты Тхык, — сказал он им. — Я был начальником здешнего уезда, но затем удалился от дел. Не объясните ли вы мне, почтеннейшие, что произошло здесь за время моего отсутствия?

Старцы удивленно переглянулись, потом задумчиво опустили головы. Так сидели они долго, попыхивая трубками, как бы вспоминая что-то. Наконец один из них сказал:

— Нет, юноша, мы не знаем и не помним человека по имени Ты Тхык. В здешних краях вот уже сто лет не было начальника уезда с таким именем. Ты, видно, добрый человек, что-то напутал, а мы должны ломать наши старые головы над твоими загадками.

А другой добавил:

— Не вознамерился ли ты, смелый человек, подшутить над нами! Еще никому в нашей древней стране не взбрело на ум смеяться над стариками. Бойся судьбы, которая покарает тебя за это!

Ты Тхык совсем растерялся. Он ничего не ответил, поклонился и ушел. Потом он заметил старика, такого древнего и высохшего, что его белые волосы и борода были похожи на пух аиста, а тонкая спина, казалось, просвечивала на солнце. Ты Тхык решил обратиться к этому старцу. Выслушав его с большим вниманием, старик дожевывал бетель, сплюнул в сторону и дребезжащим голосом сказал:

— Когда я был совсем маленьким и пас буйволов на той стороне реки, деревенские старики рассказывали, что лет за двести до того один молодец умел красиво слагать стихи и петь их в сопровождении дан бао. Тот человек был ровесником дедов этих стариков, его почитали в округе за великодушное сердце. Но однажды он исчез, совершая прогулку около залива Тхан Фу. Помнится, что этот человек носил такое же имя, как ты.

Сказав это, белобородый старик достал новую порцию бетеля и принялся снова жевать.

А Ты Тхык поблагодарил его и пошел прочь. Ему стало невыносимо грустно. Он собрался было вернуться на волшебную гору Фи Лай, но колесница, превратившись в птицу, уже улетела. На том месте, где она стояла, белело письмо Зианг Хыонг. Ты Тхык развернул его, и руки его задрожали. В письме было написано: «На волшебной горе мы любили друг друга. Но нашей любви пришел конец, и больше никогда не сойдутся наши пути».

Это были прощальные слова прекрасной Зианг Хыонг.

Ты Тхык спрятал письмо у самого сердца, переделался путником и вновь отправился в дальние странствия. Он пошел к горе Хоанг Шон, чьи зубчатые вершины до сих пор видны жителям провинции Тхань-Хоа.

Никто с той поры не встречал больше Ты Тхыка.

ЧУДЕСНЫЙ ЦВЕТОК

Жил некогда юноша по имени До Лам, был он одинок и холост. Поле До Лама лежало на горном склоне, и юноша от зари до зари гнул спину, разрыхляя мотыгой каменистую землю. Однажды солнце пекло особенно жарко, негде было укрыться от его палящих лучей, но До Лам продолжал работать, только пот ручьями тек по его лицу. Капельки пота падали на землю и в расщелины камней.

Прошло некоторое время, и вдруг среди камней поднялся прекрасный цветок. Его свежие зеленые листья тянулись к небу, а бело-розовые лепестки сверкали под ослепительными лучами солнца, как жемчужины, переливаясь всеми цветами радуги. Налетавший ветерок раскачивал цветок, и трепетание его лепестков звучало сладостно и мелодично, как далекая песня.

До Лам оторвался от работы и, опершись на мотыгу, огляделся вокруг.

— Что за чудо! — воскликнул юноша. — Здесь вырос необыкновенно прекрасный цветок, он умеет даже петь!

Каждый день выходил До Лам на свое поле, чудесные песни цветка облегчали ему работу. К концу дня, когда юноша уставал и работал из последних сил, пение цветка звучало особенно нежно и возвращало До Ламу бодрость. Мотыга его с силой врезалась в землю, и цветок пел громко и радостно, как звон веселых колокольчиков.

Как-то раз рано утром До Лам поднялся по склону на свое поле и увидел, что дикий кабан, пробегая по полю, наступил на стебель, и цветок беспомощно поник к земле. Юноша подбежал к цветку, поднял поврежденный стебель и проговорил:

— О чудесный цветок, здесь множество диких свиней, с тобой каждую минуту может что-нибудь случиться, лучше я отнесу тебя к себе домой, там ты будешь совершенно в безопасности.

До Лам осторожно выкопал цветок, принес домой, посадил в старую каменную ступку и поставил около окна.

По вечерам, вернувшись с поля, До Лам зажигал фонарь и начинал плести из бамбука шляпы, корзины и циновки. Аромат чудесного цветка наполнял хижину, песни его лились нежным потоком, и юноша чувствовал себя совершенно счастливым.

Однажды ночью, в пору благодатного августовского полнолуния, у

хижины До Лама засияли нежные мерцающие лучи, и лампа в хижине стала гореть еще ярче. Но юноша, опустив голову, работал и ничего не замечал. Вдруг на диковинном растении с треском лопнул бутон, и огромный цветок раскрыл свои розовые лепестки, а внутри его оказалась очаровательная девушка в белоснежных одеждах. Голосом, звонким, как колокольчик, она напевала сладостную песню. Серебристое сияние и нежное благоухание заполнили всю комнату, но До Лам по-прежнему ничего не замечал.

Внезапно пламя лампы вспыхнуло, как яркая молния, и девушка в белоснежном платье выпрыгнула из цветка. Ее алые губы улыбались подобно яркой цветущей розе, она подошла к До Ламу и положила руку на его плечо. Подняв глаза. До Лам замер, пораженный красотой девушки, а когда пришел в себя, то увидел, что диковинный цветок, посаженный им у окна, исчез.

До Лам и прекрасная девушка в белоснежном платье стали мужем и женою. С этих пор по утрам они вдвоем с радостной песней поднимались в горы и трудились в поле, а с наступлением темноты, веселые, возвращались домой, освещая себе путь фонариком. Вечерами До Лам, как и прежде, плел шляпы и циновки, а жена его вышивала, и работа спорилась в их руках.

В базарные дни До Лам складывал в корзины рис со своего поля, изделия из бамбука и вышивки своей жены и шел на рынок. На вырученные деньги он покупал все, что было необходимо для жизни, и дни у молодых супругов протекали счастливо и весело.

Через два года хижина До Лама превратилась в большой и красивый дом. В огромных плетеных корзинах, наполненных доверху, хранился отборный рис, в хлевах пережевывали жвачку буйволы, коровы и козы.

Богатство вскружило голову До Ламу, и всякое занятие, кроме созерцания собственных совершенств, он стал находить обременительным. До Лам больше не хотел обрабатывать землю, не желал он также и плести шляпы. Каждый день он брал клетку с птицами, кальян и отправлялся куда-нибудь гулять.

Когда жена просила До Лама продать на рынке рис и купить мотыгу, серп и нитки для вышивания, он покупал себе курицу, мясо, вино и, вернувшись, устраивал пирушку и ел до тех пор, пока не заболел живот.

Если жена просила До Лама продать на рынке рис, он говорил, что у него болят ноги, когда же она с наступлением темноты зажигала фонарик и предлагала До Ламу начать плести шляпы, он жаловался на слабость зрения и говорил, что не в состоянии разглядеть не то что бамбуковый

стебель, но даже собственную руку.

Однажды жена сказала До Ламу:

— Наша жизнь еще не так обеспечена, чтобы мы могли не трудиться.

Эти слова привели До Лама в бешенство, глаза его налились кровью. Бросив пренебрежительное — «хы!» — он не удостоил жену ответом и, взяв кальян и клетку с птицами, отправился на свою обычную прогулку.

Как-то раз жена До Лама одиноко сидела и работала при свете лампы, вдруг под окном с приятным треском распустился огромный розовый цветок. Из него вылетела чудесная птица с пестрыми, радужно блестящими перьями, с золотистыми крыльями и хвостом и, заглянув в окно, запела:

Цветок напрасно расцвел, благоуханный и нежный,
Лампа напрасно льет свет лучезарный свой,
Юноша стал, увы, грубым ленивым невежей;
Красавица, ты должна улететь на небо со мной.

Пламя лампы сверкнуло, как яркая вспышка молнии, чудесная птица влетела в окно и опустилась около прекрасной жены До Лама. Красавица села к ней на спину, и птица взмахнула золотистыми крыльями.

Шум крыльев разбудил До Лама, который давно уже спал на мягкой постели после обильного ужина. Увидав, что жена его улетает на диковинной птице, он соскочил с кровати и стремглав бросился за ними. До Лам протянул руку, чтобы схватить птицу, но в этот самый момент она стремительно вылетела в окно и исчезла, а в руке До Лама осталось только золотистое перо из хвоста птицы. Он смотрел на сверкающее перо и не знал, что делать дальше.

Впрочем, До Лам очень быстро успокоился. Теперь его никто не упрекал в безделье, и он совсем разленился. До Лам ел и пил почти целый день, а когда уже не мог больше сделать ни глотка, брал в руки клетку с птицами, кальян и отправлялся на прогулку.

Чтобы ни в чем не отказывать себе. До Лам каждый день что-то продавал на рынке. Через некоторое время продан был весь рис, а потом все буйволы, коровы, свиньи и козы. Он начал продавать даже свою одежду. В конце концов у него ничего не осталось, кроме последней циновки, которую он тоже решил отнести на базар. Когда До Лам поднял циновку, он с удивлением увидел, что под нею лежат две яркие картинки. На одной были изображены До Лам и его жена во время работы на поле, склон горы покрывал золотистый рис. До Лам с женой удовлетворенно смотрели на

зреющий обильный урожай. На второй картинке До Лам и его жена были изображены работающими при свете фонарика. До Лам плел, а жена его вышивала, дом был убран красивыми вещами, корзины до краев наполнены рисом, а в хлеву стояли буйволы, коровы и козы.

Перед глазами До Лама встала вся его прежняя жизнь, и сердце сжала тоска, а из глаз ручьями хлынули слезы, они капали на картинки, и картинки совсем намокли. Горестно сжав руки, он поднял к небу глаза, полные слез, и воскликнул:

— До Лам, До Лам! Ты сам виновник своего несчастья!

Оглядев свой опустевший, безрадостный дом, До Лам стиснул зубы от горя. Потом схватил кальян и, сломав его, швырнул в огонь, раскрыл дверцы клетки и, выпустив на волю сидевшего в ней соловья, тоже бросил в огонь.

На следующее утро До Лам взял мотыгу и отправился в горы. С того дня он каждое утро уходил в поле и трудился, не жалея сил, а вечером плел шляпы, сидя под старой лампой. До Лам трудился не покладая рук, днем и ночью.

Однажды попало ему в руки золотистое перо чудесной птицы. До Лам долго смотрел на него, потом, вздохнув, медленно разжал пальцы. Легкий ветерок подхватил перо, и оно, плавно кружась, опустилось в старую каменную ступку, что стояла у окна. Взглянув на старую ступку, До Лам вспомнил чудесный цветок и прекрасную девушку в белом, и слезы хлынули у него из глаз, они падали прямо в каменную ступку, ударяясь об ее выщербленные стенки.

Вдруг До Лам с изумлением увидел, что золотистое перо, лежавшее на дне ступки, исчезло, а вместо него появился гибкий цветочный стебель, на котором прямо на глазах поднимался к небу большой розовый бутон. Бутон начал распускаться, вся комната наполнилась благоуханием, зазвучала сладостная, чарующая песня:

Цветок чудесный расцвел, нежный струя аромат,
Лампа, как прежде, льет ровный и яркий свет.
Работает снова До Лам и дни и ночи подряд,
Девушка из цветка посылает ему привет...

Когда розовые лепестки огромного цветка раскрылись, До Лам, не спускавший с цветка глаз, с замирающим от волнения сердцем, увидел в середине его юную и прекрасную женщину в белоснежной одежде и, не

смея верить своим глазам, узнал в ней свою жену.

Лампа сверкнула, как яркая вспышка молнии, прелестная женщина в белом платье вышла из цветка и, спустившись на землю, подошла к До Ламу; она нежно улыбнулась, и глаза ее, слегка прищуренные, радостно блестели. До Лам, желая убедиться, что все это не сон, огляделся вокруг и увидел, что чудесный цветок исчез.

С этого дня До Лам и его прекрасная жена никогда больше не расставались. Каждое утро они поднимались в горы на свое поле и с песней работали там до заката солнца. А вечерами До Лам с женой сидели под яркой лампой, До Лам плел шляпы, жена его вышивала. И жизнь их была благоуханна, как цветок, и сладостна, как мед.

КАК ШЕСТЬ БОГАТЫРЕЙ ИСКАЛИ СЧАСТЬЕ

Давным-давно в одной деревне жила очень бедная семья. Было в ней только два человека: мать и сын. С малых лет сын — звали его Нонгом — должен был помогать матери. С утра до позднего вечера проводил он в поле. У них не было буйвола, и Нонгу самому приходилось впрягаться в соху. Тяжелая работа закалила юношу, в восемнадцать лет он стал самым сильным в деревне. Все уважали его за силу и трудолюбие.

Однажды Нонг сказал матери:

— Милая моя мама! Мы с тобой очень бедно живем. Так не может быть всегда. Разрешите мне пойти на поиски денег и риса. Я должен облегчить нашу жизнь и жизнь наших соседей.

Делать нечего, пришлось матери согласиться. Нонг собрал железные предметы, валявшиеся без нужды, отнес их в кузницу и выковал себе огромную железную палку. Затем простился с матерью и ушел.

Нонг направился на запад, так как почему-то думал, что столица находится к западу. А в столице, он слышал, можно достать много денег, золота и драгоценных камней.

Прошел месяц, а Нонг еще не достиг города. Позади осталось много рек и гор, трудных переходов, полных опасностей и неожиданных встреч. Однажды на дороге Нонг догнал пятерых юношей и присоединился к ним. Он сказал своим попутчикам, что идет искать счастья, и предложил не расставаться. Юноши охотно согласились, а вскоре и сдружились с Нонгом. Так, вшестером, и продолжали они путь в надежде найти призрачное счастье.

Новые друзья Нонга оказались людьми необычными. Подобно Нонгу,

обладавшему большой силой, каждый из пятерых юношей обладал каким-нибудь талантом.

Первый юноша был необыкновенно высокого роста и очень сильный. Он мог поднять зараз десяток деревьев в два обхвата. Раньше он частенько хаживал в лес, голыми руками рвал упругие лианы и выламывал кустарник, а затем огромные охапки взваливал на плечо и приносил в деревню на продажу. За ним так и укрепилось прозвище «Вак», что означает «Сильное плечо».

Второй отличался зоркими глазами. Он попадал в чуть заметную мишень и никогда не делал промаха. Одним словом, был он необыкновенно метким стрелком, за что и получил кличку «Ван» — «Стрелок».

Третий обладал легкими, словно кузнечные мехи. Он мог поднять целый тайфун, стоило ему лишь слегка надуть щеки и подуть. Он один в течение короткого времени мог отвезти шелуху от двадцати мер риса. За такую редкую способность он был прозван «Зе», то есть «Ветром».

Четвертый славился умением необычайно быстро ходить. При этом он ходил только одной ногой, а другую закидывал себе на плечо. Но мало кто мог поспеть за ним. Стоило же ему ступить на вторую ногу, он так стремительно уносился вперед, что даже четверка самых быстрых лошадей не могла его догнать. Звали его «Фи», или «Летун».

Наконец, пятый был наделен удивительной способностью делать вокруг себя тепло или холодно, и поэтому имел он имя «Нонг-Лань», или иначе «Тепло-Холод». Секрет Нонг-Ланя был скрыт в его волшебной шляпе. Стоило ему надеть эту шляпу на правый бок, как сразу же наступал страшный холод, но только он передвигал шляпу с правой стороны на левую, как становилось нестерпимо жарко. Нонг-Лань мог сделать такой холод, что кровь застывала в жилах, и такую жару, что люди сходили с ума. Но самым удивительным было то, что эта волшебная Шляпа подчинялась только воле своего хозяина и в других руках была совершенно безопасна.

Итак, шесть богатырей двинулись вперед в надежде отыскать богатства, а вместе с богатством и счастье. Их связывала настоящая дружба. Они все вместе преодолевали трудности, помогали друг другу советом. Часто подолгу приходилось им блуждать в джунглях, отыскивая дорогу. Иногда по три — четыре дня друзья не имели пищи и тогда делили поровну последний кусок. Каждый раз, когда на их пути встречались трудности, они говорили друг другу:

— Друзья! Если мы не преодолеем эту преграду, то мы умрем от голода и холода. Но не только мы умрем! Умрут и те, кто надеется на нашу помощь. Так смелее вперед, и мы достигнем цели.

Проходили дни, месяцы. Наконец, шесть богатырей добрались до стен столицы. «Вот он, город, где вдоволь и риса и денег!» — думал каждый из них, входя в городские ворота. Но скоро им пришлось разочароваться. Бродя по улицам, они на каждом шагу встречали бедных, изможденных, плохо одетых людей. Друзья были свидетелями того, как эти люди работая с утра до вечера, словно выючные животные, получали жалкие гроши. И богатыри отчаялись: «Видно, придется вернуться на с чем», — думали они.

Однажды перед королевским дворцом они увидели объявление. В нем сообщалось:

«Ее величество принцесса вызывает желающих состязаться с ней в беге. Обогнавший ее величество будет награжден: король отдаст за него свою дочь, принцессу, замуж. А проигравший будет казнен».

Не задумываясь, все шесть богатырей направились ко дворцу. Первым вызвался помериться с принцессой Нонг. На следующий день состязание началось.

Нонг пришел к установленному месту, огляделся по сторонам. На него были устремлены тысячи глаз. Толпа волновалась за судьбу неизвестного юноши, так как все заранее были уверены, что он проиграет. Вот уже несколько лет кряду король устраивал эти соревнования, но никому еще не удавалось обогнать принцессу, отличавшуюся на редкость быстрыми ногами. Десятки юношей, смелых и сильных, сложили свои головы, не добившись победы над королевской дочерью. Но Нонг думал о другом. Он знал, что он неповоротлив, зато был уверен в своей силе.

После оглашения условий рядом с Нонгом встала принцесса, и по знаку судьи состязание началось. Нонг, напрягая все силы, старался не отстать от резвой принцессы, ему на какой-то момент удалось даже обогнать ее на несколько шагов, зрители шумно выразили ему свой восторг. Но чем дальше, тем труднее было бежать Нонгу, и он думал уже о том, как бы не отстать от принцессы. Бег закончился без результата — принцесса и Нонг прибежали одновременно.

Спустя три дня соревнования были продолжены. На этот раз состязаться с принцессой вызвался Фи, Летун.

Согласно новому условию нужно было пробежать до колодца, расположенного в пятидесяти ли от дворца, набрать в кувшин воды и вернуться обратно.

Раздался звук гонга, и Летун с принцессой сорвались с места. Летун сразу же без труда обогнал принцессу и скрылся за поворотом. Он даже не увидел ее, когда обернулся, поэтому, добежав до колодца и набрав воды, он решил на обратном пути немного поваляться в траве у дороги. Летун

потянулся, сладко зевнул и захрапел.

А тем временем принцесса уже подбегала к месту, где спал Летун. Она заметила, что кувшин ее соперника полон воды. Быстро перелив воду в свой кувшин, принцесса повернула и бросилась бежать обратно.

А на высокой башне сидел стрелок и все это видел. Нужно было спасти Летуна. Взяв свой лук, Стрелок прицелился в комара, что сидел на кончике уха Летуна, и пустил стрелу. Стрела, пролетев десятка три ли, поразила комара, чуть задев ухо Фи. Но этого было достаточно, чтобы тот пробудился.

Вскочив, Летун увидел, что его кувшин пуст. Он схватил его и вновь побежал к колодцу. Добежав до колодца, он зачерпнул воды и поспешил обратно. На этот раз ему пришлось бежать изо всех сил. Под гул тысячи голосов Летун опередил принцессу и прибежал первым. Победа осталась за ним. Принцесса впервые проиграла.

Но дочь короля не пожелала выйти замуж за Летуна, так как тот был некрасив лицом и одет в лохмотья. Она со злостью разорвала на глазах у всех договор. Толпа возмутилась. Негодующие возгласы осуждали обманщицу.

Видя, что дело приняло такой оборот, король подозвал Летуна и сказал ему:

— Ее величество принцесса, к сожалению, не возымела желания выйти за тебя замуж. Но я великодушен и сделаю для тебя все, что бы ты ни пожелал.

— Пусть король даст нам золота всего лишь «на одно плечо» — предложил победитель.

Король охотно согласился, он решил, что на одном плече много не унесешь.

На следующий день шесть богатырей принесли огромный мешок и сложили в него все золото короля. После этого «Сильное плечо» легко взвалил мешок себе на спину и зашагал мимо королевского трона. Увидя это, король перепугался: шутка ли — все его богатство перешло к каким-то деревенским пройдохам. Но уговор уговором, ничего не поделаешь. Долго думал король, как вернуть обратно свое золото и, наконец, придумал. «Надо всех их убить», — решил он.

К вечеру было объявлено торжественное пиршество, на него в качестве гостей пригласили и шесть богатырей. В самый разгар веселья король и принцесса незаметно вышли из зала и приказали запереть дверь. Затем слуги подожгли зал. Но богатыри, почувствовав неладное, не растерялись. Богатырь Тепло-Холод надел свою шляпу на левую сторону, и

сразу же стало очень холодно, а богатырь Ветер принялся сдувать пламя, и огонь перекинулся на соседние королевские покои. Слуги, тушившие пожар, гибли в огне.

Когда король пришел посмотреть, что стало с шестью богатырями, он очень удивился, увидев всех шестерых по-прежнему за столом целыми и невредимыми: они всю уплетали царское угощение, запивая его вином. Сбитый с толку король вынужден был отпустить богатырей домой и приказал открыть им городские ворота.

Богатыри продолжали путь, но король не успокоился, он вызвал к себе самого надежного своего генерала и приказал ему догнать юношей и отобрать у них мешок с золотом. Генерал взял с собой целый полк солдат и пустился им вдогонку.

Но богатыри заметили погоню. Стоило солдатам приблизиться к друзьям, как невероятная жара свалила их с ног, и они не смогли дальше двигаться — это богатырь Тепло-Холод сдвинул свою волшебную шляпу на левое ухо. Однако через некоторое время полк снова стал настигать богатырей. И снова богатырь Тепло-Холод остановил солдат, напустив нестерпимый холод. С каждым днем полк становился все малочисленней, но генерал продолжал погоню. Когда в полку осталось всего около сотни человек, генерал приказал вложить в луки стрелы и начать стрельбу. Но из этого ничего не вышло: богатырь Ветер так подул, что все стрелы полетели обратно в солдат.

Генерал совсем растерялся. «Выхода у меня нет, — думал он. — Все равно король прикажет отрубить мне голову, если я вернусь с пустыми руками. Буду преследовать этих негодяев до конца». И сам бросился первым вперед. Однако богатырь Стрелок остановил его криком:

— Послушай, генерал, не пытайся отнять у нас мешок. Иди себе домой подобру-поздорову. А не послушаешь нас, я застрелю тебя. Я предупредил тебя заранее, никто не упрекнет: нас в злодеянии, если ты будешь упорствовать.

Но генерал пропустил эти слова мимо ушей.

Тогда Стрелок вставил в свой лук маленькую стрелу и прицелился в глаз генерала. Генерал закричал от боли, схватился за глаз и побежал обратно. Следом за ним повернули и остальные солдаты.

Так богатыри избавились от погони и весело зашагали домой. Встречая по дороге бедняков, они раздавали им куски золота, и те от души благодарили их.

Жители деревень выменивали золото на рис и одежду и славили богатырей как героев. Дружно зажили богатыри, как одна семья, они

любили друг друга, вместе работали и никогда не ссорились. Стали они родными братьями.

ЦИРКОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Однажды жители джунглей были встревожены необычайным шумом, доносившимся с поляны, где находилась лисья нора. Известно, что звери еще более любопытны, чем люди, и не успело смолкнуть эхо, как множество зверей и птиц собралось на поляну, чтобы узнать причину этого шума. Легконогие антилопы, прибежавшие раньше всех, стояли в первом ряду, а остальным приходилось подниматься на цыпочки, чтобы увидеть что-нибудь из-за их спин. Птицы заняли свои ветки и, конечно, дело не обошлось без криков и споров из-за лучшего места.

Когда, наконец, все утихомирилось, сотни любопытных глаз увидели на поляне совершенно поразительное зрелище. У лисьей норы были воткнуты высокие бамбуковые шесты, на которых развевались яркие флаги. Сама Лиса стояла у входа в нору, разукрашенную пестрыми цветами, в торжественной позе. Заметив, что шум и волнение среди зрителей улеглись, Лиса ударила в гонг и трижды торжественно воскликнула:

— Внимание! Внимание! Внимание!!!

Потом она принялась бить в барабан, время от времени троекратно повторяя этот клич.

Когда же любопытство зверей было доведено до высшего предела, Лиса перестала стучать в барабан и возгласила:

— Внимание! Внимание! Внимание! Сейчас в этой норе состоится необыкновенное цирковое представление! Черепахи будут состязаться в беге, белки покажут восхитительные танцы, соловьи дадут концерт, лягушки встретятся в кулачном бою! Торопитесь! Цена одного билета сто донгов, цыплятам и зайчатам вход бесплатный! Смотрите все необыкновенное цирковое представление!

Звери начали так тяжело вздыхать от огорчения, что в лесу поднялся ветер: еще бы, ведь ни у кого не было даже самой мелкой монетки.

— Сто донгов — это слишком высокая цена, — сказал Павлин, — даже если я продам все перья из моего пышного хвоста, я не наберу столько денег...

— Подумаешь, — фыркнул Попугай, — когда я по просьбе одного мандарина жил в золотой клетке на террасе его дворца, мне за каждое удачное слово дарили по серебряной монете, так что теперь я обладаю

несметными сокровищами. Стоит лишь мне слетать за ними, как я смогу водить вас всех в цирк до будущей луны.

Окончив речь, Попугай горделиво оглянулся вокруг, но ему давно уже никто не верил. Поэтому звери стали расходиться, понутив головы. Одна лишь маленькая золотистая Антилопа, которая больше всего на свете любила танцы, подошла к Лисе и робко попросила:

— Послушайте, почтенная тетушка, не разрешите ли вы мне одним глазком посмотреть восхитительные пляски, о которых говорили? Я постараюсь потом принести вам сто донгов.

— Ну, вот еще, — отвечала Лиса, — достань сначала деньги, а потом приходи в цирк...

Звери, понутившись, начали расходиться, и скоро на поляне не осталось никого, кроме маленького пушистого Зайчонка и Цыпленка, у которого только на днях начали расти перья. Оба они, конечно, никогда в жизни не видели цирка и даже не представляли себе, что это такое.

— Послушай, — сказал Цыпленок, — нам не нужно платить денег, давай сходим посмотрим цирковое представление в лисьей норе.

Сходим, — согласился Зайчонок.

И они побежали к норе. Лиса любезно пропустила малышей и сама вошла следом за ними, плотно затворив двери.

— Тетушка, — спросил Цыпленок, с трудом различая даже стены норы в полумраке, — скоро ли начнется представление?

— Не будет никакого представления, — отвечала Лиса, злобно усмехнувшись, — я заманила вас в пещеру, чтобы съесть. Вы такие толстенные, вкусненькие, у меня сегодня будет хороший обед.

Оба малыша остолбенели от изумления и страха, а Лиса, вдоволь насмеявшись над ними, сказала:

— Сейчас я пойду в лес за овощами и ароматными травами для приправы, обед у меня будет на славу...

И, облизываясь, она вышла из норы, закрыв двери.

— Кек! Кек! — заплакал Цыпленок. — Мне страшно, где моя мама?

— Замолчи, — сказал ему Зайчонок, в сердце которого оставалось еще немного мужества, — мы должны убежать отсюда до прихода Лисы...

— Как же мы сделаем это, — проговорил Цыпленок сквозь слезы, — ведь ты сам видел, что она очень голодна и вернется очень скоро, мы не успеем...

— Ничего, — ответил маленький Заяц, — давай рыть ход, мы еще успеем выбраться из норы. Нельзя только терять ни минуты.

И малыши принялись за работу. Цыпленок долбил землю клювом и

разгребал ее лапками, а Зайчонок рыл всеми четырьмя лапами. Время от времени они останавливались, прислушиваясь, не идет ли Лиса, и снова принимались копать быстрее прежнего. Вдруг слой земли над их головами с шумом обрушился, и пленники тут же быскочили наружу. Перед ними стояла маленькая Антилопа и с изумлением глядела себе под ноги. Оказывается, она все время бродила возле норы, надеясь хоть через какую-нибудь щелку посмотреть на чудесные танцы. Антилопа остановилась как раз над тем местом, где узники копали себе проход. Под ее тяжестью и рухнула земля, этим самым она помогла малышам выйти на свободу.

— Вот счастливцы, — сказала Антилопа, — вы попали в цирк...

— Да, — крикнули ей на ходу Зайчонок и Цыпленок, удиравшие во весь дух от этого страшного места, — мы действительно счастливцы, потому что не попали Лисе на зуб.

ВОРОН И ПАВЛИН

Когда-то очень давно и Ворон и Павлин имели совершенно белые перья. Однажды встретились Ворон с Павлиным на верхушке высокого дерева и повели между собой душевную беседу, а потом стали петь и танцевать. Утомившись, Ворон сказал:

— О почтенный Павлин! Смотрю я, многие среди нашего-пернатого народа имеют красивые и яркие одежды. Тетушка-Иволга одета в золото, болтун Попугай носит зеленое одеяние, а высокочтимая Чайка — вся в голубом. Их наряды красивы, поэтому и смотреть на их танцы приятно. Но мы с вами, почтеннейший, носим белые одежды, и поэтому наши танцы не привлекают взоров. Я думаю, что мы должны отыскать чудесное средство, чтобы расцветить наш наряд. Мы должны найти такие краски и так разрисовать свои перья, чтобы превзойти всех птиц.

Услыхав его слова, Павлин некоторое время сосредоточенно обдумывал их, а потом выразил свое согласие. И птицы полетели в разные стороны искать чудесные краски. Через несколько дней они нашли множество разных чудесных составов; и красок и снова встретились на той же верхушке. У них были теперь краски всех цветов: ярко-красная и изумрудно-зеленая, золотая и черная, голубая и фиолетовая. Павлин с Вороном развели краски и приготовились переокрасить свои одежды-Ворон, подумав, сказал Павлину:

— Сначала я разрисую вас, а потом уж вы меня, для того чтобы вы, имея образец перед глазами, сделали мой наряд, более красивым, чем ваш.

Этого требует справедливость.

Павлин согласился, и широко раскрыл крылья, чтобы Ворон мог разрисовать их. На каждом перышке Ворон нарисовал маленькое алое солнышко, обрамленное золотыми лучами. Это было поистине очень красиво. Тело и шею Павлина Ворон разрисовал зеленым отливом и синими цветами. Прошло полдня, и Павлин уже гордо выступал в своем пестром сверкающем наряде. Оглядев себя, он так обрадовался, что пустился в пляс, громко напевая веселую песню. А Ворон, глядя на него, также радовался, он представил себе свой новый наряд, который будет еще более ярким и сверкающим, чем павлиний.

К вечеру пришел черед Павлина разрисовать Ворона. Павлин изо всех сил старался сделать одеяние Ворона необыкновенным. Он сказал Ворону:

— Я сделаю вам, дядюшка, шею черной с изящными белыми полосами, оба крыла покрою золотом, а тело и спину — багровым и иссиня-черным.

Ворон, подумав, согласился, и Павлин начал намечать белые полосы на шее. Он весь отдался этому занятию, но вдруг внезапно визг свиньи и бой барабанов из соседнего селения заставил его вздрогнуть. Известно, что по природе своей Ворон жаден и прожорлив, услышав визг, он сразу догадался, что его ждет пожива, и подумал: «Несомненно, там готовится праздник с пиршеством, будет подаваться мясо свиньи, и я смогу наесться потрохов. Меня ждет славная добыча». И Ворон стал торопить Павлина:

— Ладно, почтеннейший, рисуй же поскорее, я тороплюсь, нечего там копать.

Но Павлин рисовал по-прежнему сосредоточенно и не торопясь. А свинья в это время завизжала еще пронзительней. И Ворон, услышав это, крикнул:

— Достаточно, о почтенный Павлин! Красивую одеждой не будешь сыт, смешай просто на моем теле самые яркие краски, и я буду доволен.

Павлин отвечал:

— Дядюшка, не торопите меня, потерпите немного, еще до темноты я закончу свою работу, а завтра в изумительном наряде вы отведаете потрохов, сколько вам угодно.

Но Ворон уже не слушал его, дрожа от жадности, он закричал:

— Мой наряд — это мой наряд, и он должен украшаться только соответственно моим желаниям!

И с этими словами он прыгнул прямо в стоявший ближе всех сосуд с черной краской, перевернулся и стремглав полетел в деревню. После этого купанья на теле у него не осталось, конечно, ни одного светлого перышка.

Павлин же, увидев жадность Ворона, перестал с тех пор с ним дружить. Встречая его, он всегда громко кричал:

— Позор! Позор!

ДРАГОЦЕННОЕ ЛЕКАРСТВО

Шел по дороге прохожий. Шел он издалека, сильно устал, был очень голоден, а в кармане у него не было ни гроша. Постучал он в первый повстречавшийся ему на пути дом и попросил у хозяйки что-нибудь поесть:

— Я умираю от голода, — сказал он, — денег у меня нет, но я могу заплатить тебе за еду более ценным, чем деньги. Я раскрою тебе секрет одного драгоценного лекарства, которое может исцелить умирающего. До сих пор я никому не говорил о своей тайне, но если я умру, секрет мой умрет вместе со мной и никто о нем не узнает. Покорми меня, и я расскажу тебе об этом чуде.

Хозяйка не заставила себя долго упрашивать и поспешила подать на стол. А когда гость насытился, подала ему перо, бумагу и сказала:

— Теперь пиши свой рецепт!

— О! Это очень нужное и драгоценное лекарство, — ответил на это прохожий, — я расскажу тебе, но записывать на бумагу не надо. Следуй за мной! Ты увидишь все сама!

Гость и хозяйка тут же вышли из дома и пошли по дороге. Спутник молчал, и хозяйка забеспокоилась:

— Ну, скоро ли мы придем?

— Осталось еще немного пройти. Ты все увидишь своими глазами, я дам рецепт в твои собственные руки.

Когда они подошли к полю, на котором созрел рис, прохожий остановился, вырвал один колосок и протянул его женщине:

— Вот и чудо, о котором я тебе говорил. Это лекарство спасает людей. Ведь подумай, если бы не было риса — я давно умер бы, не дожив до сегодняшнего дня.

Хозяйка оторопела: все оказалось таким простым, а она ждала чуда. Она смотрела на рисовое поле, как будто в первый раз видела его.

А человек продолжал:

— Верно я говорю? Это драгоценное лекарство спасло многих людей, постарайся и ты иметь его побольше.

Сказал так прохожий, поклонился женщине и опять зашагав по дороге.

Индийские сказки

Перевод Ю. Лавриненко, Р. Черновой, А. Зубкова, Ю. Плотникова, В. Крашенникова.

АППА-ДЖИ И СЛОНЫ

На юге Индии, в городе Виджаянагаре, жил некогда богатый купец по имени Бирчандра. У него было три сына. Купец дожил до глубокой старости, а когда настало ему время умереть, он позвал к себе сыновей и сказал:

— Мне пришло время покинуть вас навсегда. Богатство свое я не могу взять с собою, поэтому завещаю его вам. Все, что я накопил за свою долгую жизнь: драгоценности, деньги, земли, дом, скот — все оставляю вам троим. Поделите это добро между собой поровну. Есть у меня еще семнадцать священных слонов, очень умных и дорогих. Старший сын пусть возьмет половину всех слонов, средний сын — третью часть, а младший — девятую. Поделите слонов так, как я сказал. Смотрите, никогда никому их не продавайте, берегите и хорошо ухаживайте за ними.

Через несколько дней купец Бирчандра скончался. Сыновья похоронили отца с почестями, как этого требовали обычаи страны, и устроили богатый поминальный обед.

В назначенный срок братья поделили между собой поровну богатое наследство. Только слонов поделить не смогли. Ведь от семнадцатью слонами нельзя было отделить ни половину, ни одну треть, ни одну девятую долю. Братья советовались со многими людьми, но никто не мог им помочь. Тут старший брат вспомнил про советника Аппа-Джи Рао и спросил совета, — сказал старший брат. — Если уж и он не поможет нам, значит, наш покойный отец задал нам неразрешимую задачу.

На другой день братья взяли с собой ценные подарки и отправились в дом Аппа-Джи. Они подробно рассказали ему обо всем и попросили помочь им разделить слонов так, как завещал покойный отец.

Аппа-Джи внимательно выслушал их и сказал:

— Сейчас вы идите домой. Завтра я навещу вас и поделю слонов так, как завещал ваш отец.

На следующий день утром Аппа-Джи сел на своего огромного слона и прибыл к дому купца Бирчандра. Братья встретили его радушно с почетом.

Аппа-Джи попросил вывести во двор всех семнадцать слонов и выстроить их в один ряд. Просьбу его немедленно исполнили. Тогда Аппа-Джи сказал:

— Поставьте в этот ряд и моего слона.

Когда и эта просьба была выполнена, Аппа-Джи обратился к сыновьям купца:

— Теперь каждый из вас пусть возьмет из этого ряда столько слонов, сколько завещал отец.

Братья обрадовались. Еще бы! Ведь на их долю достанется еще один слон! Старший поскорее отсчитал себе половину: девять слонов, средний брат — третью часть: шесть слонов, а младший брат — девятую часть: двух слонов.

Когда животных поделили, Аппа-Джи спросил:

— Каждый ли из вас получил свою долю?

— Да, да! — ответили братья в один голос.

— Вот и хорошо! — сказал Аппа-Джи. — Ну, а мой слон так моим и остался.

С этими словами он взобрался на своего слона и отправился домой. Все были поражены мудростью и сообразительностью Аппа-Джи, а сыновья купца очень радовались, что трудная задача разрешилась так легко и просто.

КРОКОДИЛ И ОБЕЗЬЯНА

На самом берегу океана росло когда-то банановое дерево. Каждый год на нем созревало множество прекрасных плодов. На этом банановом дереве жила обезьяна.

Однажды вылез из океана огромный крокодил и улегся на теплом-песке под бананом. Увидела его обезьяна и сказала:

— Будь моим гостем, крокодил! Попробуй моих бананов. В мире нет ничего слаще этих плодов. Угощайся! — И тут обезьянка сорвала несколько самых лучших бананов и бросила их крокодилу.

Крокодилу бананы очень понравились. Часть он тут же съел, а два банана взял с собой и отнес своей крокодилихе.

Крокодилиха попробовала бананов и подумала: «Если обезьяна всю жизнь ест такие сладкие плоды, значит, она сама очень сладкая и вкусная. И наверно, нет ничего слаще обезьяньего сердца».

Подумала так крокодилиха и говорит крокодилу:

— Принеси мне обезьянье сердце. Если не принесешь — на глаза мне не показывайся!

Как ни уговаривал ее крокодил, ничего не помогло. Пришлось ему отправиться за обезьяньим сердцем.

Когда крокодил снова приплыл к берегу, обезьяна встретила его как старого друга. Угостила бананами, начала расспрашивать, понравились ли они крокодилихе.

— Спасибо тебе, обезьяна! — ответил ей крокодил. — Моя крокодилиха в жизни не пробовала ничего слаще твоих бананов. И теперь она хочет, чтобы ты пришла в гости.

— Но как же я приду к вам в гости? — удивилась обезьяна. — Ведь вы живете под водой, далеко от берега. А я всю жизнь провожу на вершинах деревьев.

— Не беда, — ответил ей крокодил. — Садись ко мне на спину, и я довезу тебя до нашего дома. А там у нас целый дворец — пойдешь куда захочешь, поселишься где тебе понравится.

Подумала обезьяна и согласилась. Набрала самых спелых бананов в подарок крокодилихе, села крокодилу на спину, и они поплыли.

Когда берег был уже далеко, крокодил вдруг рассмеялся.

— Чему ты смеешься? — спросила его обезьяна.

— Я радуюсь своей ловкости! — ответил крокодил. — Ведь моей крокодилихе захотелось съесть обезьянье сердце. Я-то боялся, что никогда тебя не поймаю, а ты сама полезла крокодилу в зубы!

Испугалась обезьяна. До берега далеко, плавать она не умеет. Что теперь делать? Спасенья нет.

Но потом подумала: «Только глупцы удивляются собственному уму и ловкости. Должно быть, и крокодил не умен». И решила она обмануть крокодила.

— Ох, бедный ты мой крокодил! — заохала обезьяна, — Ох, как мне тебя жалко! Ох, попадет тебе от крокодилихи? Что ж ты мне раньше ничего не сказал?

— О чем ты? — забеспокоился крокодил. — Что случилось?

— А то случилось, — ответила обезьяна, — что я оставила свое сердце на вершине бананового дерева. «Зачем, — думаю, — мне его с собой брать — еще промокнет!» Вот и осталось мое сладкое сердце на дереве. Ох, что ты скажешь теперь крокодилихе?

Огорчился крокодил:

— Что ж мне теперь делать?

А обезьяна говорит:

— Жаль мне тебя. Так и быть, поворачивай обратно. Я возьму свое сердце, а потом и поплывем в гости к твоей крокодилихе.

Обрадовался крокодил, повернул обратно. И вскоре он уже выполз с обезьяной на прибрежный песок.

Тут обезьяна соскочила со спины крокодила и мигом вскарабкалась на банановое дерево.

Долго ждал обезьяну глупый крокодил, потом стал кричать и звать ее. А обезьяна сидит себе на дереве да посмеивается.

— Если хочешь съесть обезьянье сердце, — наконец крикнула она крокодилу, — сначала найди обезьяну без головы!

— Ладно, — сказал крокодил. — Делать нечего, поищем. — И отправился на поиски.

Однако до сих пор крокодил не может найти обезьяну глупее себя.

ДОВЕРЧИВЫЙ ВЕРБЛЮД

В джунглях жил лев, и у него было трое слуг: медведь, шакал и ворона.

Однажды в лесу появился верблюд; забыл, должно быть, хозяин запереть его — вот верблюд и ушел в лес, да и заблудился.

Слуги льва поймали верблюда, привели к своему повелителю и предложили ему съесть верблюда.

Но лев сказал:

— Этот верблюд — чужеземец. Он у нас гость, и убивать его нечестно. Выделите ему долю еды, пусть он поживет с нами, а затем пойдет в свою деревню и расскажет другим, какой я добрый.

Слугам очень хотелось попробовать верблюжатины, но послушаться льва они не посмели. Так верблюд стал жить вместе с ними.

Как-то раз лев встретился То слоном и затеял с ним драку. Льву здорово досталось — он много дней не мог даже ходить на охоту. Льву и его слугам нечего стало есть, они худели с каждым днем. А верблюд объедал на деревьях листья и жирел.

Однажды голодный лев приказал своим слугам:

— Отправляйтесь сами побыстрее на охоту и притащите какое-нибудь животное. Если вы сегодня ничего не добудете, я умру с голода.

Слуги услышали такой приказ и стали советоваться, что делать. Медведь сказал:

— Если сегодня мы ничего не добудем, наш повелитель умрет. Кто нас

тогда будет кормить? Придется нам просить милостыню на большой дороге.

— Проще всего прикончить верблюда и накормить льва его мясом, — предложил шакал.

— Наш повелитель считает верблюда гостем и очень рассердится на нас, если мы его убьем, — вмешалась ворона.

— Не беспокойтесь, я это дело улажу, — предложил хитрый шакал.

Он отправился к льву и сказал ему:

— О наш повелитель, отец наш и кормилец! Мы обежали все джунгли, я добычи не нашли. Слон разогнал всех зверей. Я боюсь, как бы вам не стало плохо от голода. Давайте зарежем верблюда. Вы его съедите, поправитесь и тогда прогоните слона из ваших владений.

Лев выслушал шакала и сердито прорычал:

— Замолчи! Я лучше соглашусь умереть, чем так бесчестно поступить с нашим гостем.

Но шакал не сдавался:

— О повелитель! Конечно, было бы позорно зарезать верблюда. Но если он по своей воле принесет себя в жертву, тогда вы можете его съесть, и в этом не будет ничего плохого.

— Ну, это другое дело, — ответил лев. — Если верблюд сам себя принесет в жертву, я позволю себе съесть его.

Шакал отправился к своим друзьям, поговорил с ними, и они все вместе пошли к верблюду.

Шакал сказал:

— Друзья! Наш повелитель умирает с голоду. Наш долг — пожертвовать собой и спасти его. Я знаю, он откажется принять нашу жертву — он так любит нас, особенно верблюда. Но мы должны показать, как мы верны и преданы своему господину.

Верблюд поверил словам шакала. А медведь и ворона знали, чего добивается шакал, и потому сказали:

— Да, надо пойти и пожертвовать собой для нашего владыки.

И все они в слезах направились к льву.

Первой к нему подлетела ворона и закаркала:

— Повелитель, нам не было удачи в охоте, и мы не принесли вам пищи. Съешьте меня и утолите свой голод. Я охотно жертвую для вас собой.

Но тут к льву подбежал шакал и провыл:

— Разве вы утолите голод вороной? Лучше съешьте меня. Я с радостью приношу себя в жертву.

А медведь заревел:

— Разве вы когда-нибудь ели шакалье мясо? Оно не вкусное и плохо пахнет. Ешьте скорей меня. Я считаю за честь принести себя в жертву вам.

Верблюд видит, что все жертвуют собой, но лев никого и не думает трогать. Вот он и решил: «Предложу-ка я себя. Уж меня-то лев не съест — ведь я его гость».

Он подошел ко льву и промолвил:

— Уважаемый хозяин! Медведь намного меньше меня, и мясо у него не такое вкусное, поэтому съешьте лучше меня. Я по своему желанию и по своей доброй, воле жертвую своей жизнью.

Сказал так верблюд и ждет — вот сейчас лев откажется от его жертвы. Но лев прыгнул на верблюда и убил его. Наелся досыта верблюжатины и пошел спать. А остатки доели его верные слуги: медведь, шакал и ворона.

Но не долго радовались они. Когда лев снова захотел есть, он убил и медведя и шакала, а кстати и ворону. Ведь каждый из них предложил себя в жертву льву!

ЛЕВ, ВОЛК И ШАКАЛ

Однажды властитель джунглей — лев вышел на охоту. За ним бежал его старший слуга — жадный волк. За волком, опустив голову, бежал младший слуга — хитрый шакал.

Лев сначала загрыз зайца, затем козу, а затем уже корову? Разложил он перед собой добычу и задумался: кого же съесть раньше?

— Волк, как ты посоветуешь? — спросил он у старшего слуги. — Кого мне съесть прежде: корову, козу или зайца?

Волк хотел поживиться сам и потому ответил:

— О повелитель, я бы посоветовал вам съесть корову, а козу и зайца отдать нам.

Рассердился лев, когда услышал такой ответ, и тут же прикончил своего старшего слугу — волка. Затем лев спросил шакала.

— Ну, шакал, скажи ты, кого же мне съесть сначала?

Шакал почтительно ответил:

— О мой властелин, по моему скромному мнению, вам нужно сначала съесть корову, затем козу, а под конец уже зайца.

Льву понравился ответ шакала, и он принялся есть корову.

А когда съел всю, до последней косточки, так насытился, что на козу и зайца ему и смотреть не хотелось.

Лев подобрел после сытной еды и подумал: «Шакал — мой верный слуга, надо и ему дать поесть».

Он положил козу и зайца перед шакалом и сказал:

— Ты хороший слуга, возьми съешь все, что осталось.

Вот и вышло все так, как думал хитрый шакал. Он-то знал, что лев не съест больше одной коровы. А сытому льву не нужны остатки добычи — значит, они и достанутся шакалу, надо только подождать.

НАСТОЯЩИЙ ХОЗЯИН

Напали на один город враги. Богатые купцы — ведь они, считали себя хозяевами города — собрались, чтобы обдумать, как защититься от неприятеля.

Но всему миру известно: кто о чем, а купец всегда о наживе-думает.

«Вот случай выгодно продать товар» — подумал торговец, кирпичом и сказал:

— Нужно с четырех сторон обнести город кирпичной стеной — это будет самая надежная защита.

— Ну нет! — возразил торговец лесом. — Какая там кирпичная стена! Вот если поставить ограду из самых толстых бревен, уж тогда врагу никак не проникнуть в город.

— Ваши советы никуда не годятся! — закричал торговец хлопком. — Лучше всего обложить город тюками с хлопком. Посудите сами, разве можно разбить такие стены?

И много было еще таких корыстных предложений. Каждый торговец думал не о защите города, а только о том, как бы сбыть свой товар и заработать побольше денег.

Пока они спорили, враги ворвались в город.

Но тут поднялся настоящий хозяин города — простой народ — и прогнал врагов.

МУДРЫЙ ПОПУГАЙ

У одного купца долго жил попугай.

Однажды купец решил съездить в Бенгалию по торговым делам. Перед отъездом он собрал всех своих домочадцев и сказал:

— Я уезжаю. Говорите: что вам привезти в подарок из Бенгалии?

Каждый сказал, что бы ему хотелось получить, и купец обещал

исполнить все просьбы. Потом распрощался с семьей и уже собрался уходить, но раздумал и подошел к клетке попугая.

— А что привезти тебе? — спросил попугая купец.

— Я по твоей милости ни в чем не нуждаюсь, — ответил попугай, — но все-таки у меня тоже есть к тебе просьба. Если можешь ее исполнить, я скажу какая.

— Что же это за просьба? — спросил купец и улыбнулся. — Если смогу, постараюсь ее выполнить.

Тогда попугай сказал:

— В Бенгалии, недалеко от того места, куда ты едешь торговать, есть поле. На поле растет большое дерево, а на дереве гнездится множество попугаев. Прошу тебя, доберись до этого дерева и передай попугаям мой салам ^[19]! Потом скажи: «Мой попугай, что сидит в клетке, просит вас сказать, что вы, мол, свободно летаете по лесам и садам, а о тех, кто скорбит, и не думаете. Каменные у вас сердца! А когда вы в кои-то веки и подлетите к нам, пленникам, так только посмотрите на нас и опять улетаеете есть плоды. Если вы нащце поможете, мы так и умрем в клетках!» Пусть они тебе на это ответят, а ты передай мне их ответ. Этим ты окажешь мне великую услугу.

— Ладно, исполню твою просьбу! — сказал попугаю купец и записал его слова.

Приехал купец в Бенгалию, накупил товаров, а перед отъездом отправился на то поле, про которое ему говорил попугай. Смотрит — и верно: растет на поле огромное старое дерево, а на ветках его сидит стая попугаев. Тогда купец крикнул:

— Эй, попугаи! Мой попугай шлет вам свой салам!

Потом слово в слово повторил речь своего попугая. Но не успел он вымолвить последнее слово, как все попугаи замертво свалились с дерева на землю. Купец удивился. «Наверно, — думает, — эти дикие попугаи когда-то были закадычными друзьями моего попугая. Как услышали его салам, упали замертво».

Посмотрел он, посмотрел на мертвых попугаев, потом возвратился в город и стал собираться в дорогу.

И вот наконец он благополучно вернулся домой и оделил своих домочадцев подарками — каждому привез то, чего он просил. Только попугаю не привез ответа на его салам — побоялся огорчить его вестью о смерти друзей.

Тогда попугай сам спросил его:

— Разве ты, хозяин, не передал моего салама? Почему я не слышу

ответа на него?

— Салам твой я попугаям передал, — ответил купец, — но ответа на него не получил.

Попугай огорчился и спросил:

— Ну так расскажи мне, что ты видел в поле.

Волей-неволей пришлось купцу рассказать, как дело было.

— Дошел я до того поля, о котором ты мне говорил. Вижу — на дереве сидят попугаи. Но только я успел передать им твой салам, как вдруг они все как один замертво попадали с веток на землю. Вот почему мне нечего тебе передать.

Как только он это сказал, попугай пошатнулся и замертво свалился с жердочки на дно клетки.

Купцу было очень жаль попугая, и он подумал: «Напрасно я рассказал ему о смерти друзей!»

Взял он попугая за лапки и выбросил в окно.

А попугай вспорхнул и улетел!

Тут купец понял, что дикие попугаи не умерли — они только притворились мертвыми, чтобы научить попугая в клетке, как ему вырваться на свободу.

РАДЖА И ЛОДОЧНИК

В давние времена жил в Индии богатый и могущественный раджа.

Однажды раджа сильно заболел. Со всех концов великой страны съехались во дворец знаменитые лекари, но никто не мог помочь радже. Больной с каждым днем чувствовал себя хуже и хуже.

Как-то раз пришел во дворец один мудрый старец и сказал радже:

— Я могу вылечить тебя, но за это ты должен будешь дать мне ровно столько золота, сколько весит твой самый большой слон.

Раджа поклялся дать старцу после своего выздоровления ровно столько золота, сколько весит самый большой слон.

Через несколько дней раджа был здоров. Настал день расплаты со старцем. Но тут возник вопрос: где взять такие огромные весы, на которых можно было бы взвесить самого большого слона раджи и затем отвесить столько же золота? По указу раджи со всех концов Индии были созваны во дворец все мудрецы и ученые. Большую награду обещал раджа тому, кто придумает такие весы, на которых можно взвесить большого слона и золото.

Три дня и три ночи думали мудрецы и ученые, но так ничего и не придумали.

На четвертый день ко дворцу подошел какой-то бедняк и попросил доложить радже, что он один, без весов, может взвесить любого слона и затем отвесить столько же золота.

Дворцовая стража избила бедного человека и выгнала за ворота.

«Раз уж придворные ученые и мудрецы ничего не могли придумать, то что может сделать этот грязный нищий!» — рассуждали стражники.

Раджа услышал шум, вызвал к себе начальника дворцовой стражи и спросил, почему кричат во дворе.

— О великий раджа, — доложил начальник стражи, — только что приходил какой-то грязный безумец и заявил, что он один, без весов, сумеет взвесить вашего самого большого слона и затем ровно столько же отвесить золота. Это, конечно, обманщик. Ну, мы и прогнали его прочь со двора.

Раджа приказал немедленно вернуть и привести к нему того человека. Приказ был тут же выполнен.

Раджа приветливо встретил бедного человека, а затем спросил его, кто он и что ему надо.

— Я лодочник, — ответил незнакомец, — перевожу на своем баркасе людей с одного берега священной реки Ганг на другой и этим зарабатываю скудное пропитание моей семье. Можно легко и просто взвесить вашего большого слона, а затем отвесить ровно столько же золота.

— Как же ты это сделаешь? — спросил обрадованный раджа.

— Великий раджа, — ответил лодочник, — сейчас вы сами увидите. Прикажете только погонщику проводить вашего большого слона к берегу реки, где привязан мой большой баркас.

Раджа приказал погонщику слона выполнить просьбу лодочника. Сам он в сопровождении ученых и мудрецов также направился посмотреть это необычайное зрелище.

Вот привели слона на берег реки, и лодочник попросил ввести его на баркас.

Когда слон вошел на баркас, то баркас под огромной тяжестью слона погрузился почти до краев в воду. Лодочник взял мел, сошел в воду и провел мелом по наружному борту баркаса черту как раз в том месте, где вода касалась борта. Затем слона вывели из баркаса на берег, и лодочник сказал:

— Теперь прикажете погрузить в баркас золото?

Стали носить в баркас слитки золота и носили до тех пор, пока баркас

снова не погрузился в воду до белой черты на борту.

— Вот теперь золота столько же, сколько весит слон, — сказал — лодочник.

Все, кто видел это, были поражены сообразительностью и находчивостью бедного лодочника. А великий раджа приказал своему казначею выдать лодочнику в награду десять тысяч золотых рупий и пригласил его во дворец.

САНТУРАМ И АНТУРАМ

Жили два приятеля. Один — Сантурам — человек простой и добрый, другой — Антурам — хитрый и плутоватый.

Однажды Антурам занял у Сантурама сто рупий и обещал скоро вернуть долг.

Время шло, и сколько Сантурам ни просил, Антурам так и не вернул денег. Пришлось Сантураму пожаловаться судье. Но Антурам заявил судье, что не брал у Сантурама ни одной монетки.

Выслушав его, судья спросил Сантурама:

— А кто-нибудь видел, как ты давал Антураму сто рупий? Есть ли у тебя свидетели?

— Нет, — ответил Сантурам. — Я давал Антураму деньги в лесу, под большим деревом, и свидетелей там не было.

Но Антурам уверял, судью, что он знать ничего не знает: в лесу не был, никакого дерева не видел и денег не брал.

Тогда судья сказал:

— Вот что, Сантурам, пойди в лес, найди дерево, под которым ты давал деньги Антураму, и приведи сюда это дерево — оно будет твоим свидетелем.

Сантурам в недоумении спросил судью:

— Как же я приведу дерево, если оно не может ходить? И как же дерево будет свидетелем, если оно не может говорить?

Судья ответил на это:

— Всякое может быть, Сантурам. Я дам тебе записку, а ты сходи и передай ее дереву. Оно сейчас же придет сюда и будет твоим свидетелем.

Судья написал записку и отдал ее Сантураму. Сантурам отправился в лес, а Антурам остался с судьей.

Через полчаса после ухода Сантурама судья посмотрел в сторону леса и сказал:

— Сантурама все нет и нет. Должно быть, дерево находится далеко отсюда. Надо было заранее пригласить дерево в суд.

На эти слова судьи Антурам заметил:

— Многоуважаемый судья, сейчас Сантурам находится только на полпути к дереву. Ведь таким шагом, каким идет Сантурам, до этого дерева можно дойти только за час.

Ровно через два часа Сантурам вернулся и сказал:

— Господин судья, я положил вашу записку перед деревом, но оно даже с места не сдвинулось, и мне пришлось вернуться без свидетеля.

— Ты ошибаешься, Сантурам, — возразил судья. — Как только дерево получило записку, оно сразу пришло сюда и рассказало мне, как было дело. И вот мое решение: Антурам должен вернуть твои деньги и за обман отсидеть один год в тюрьме.

Антурам не ожидал такого приговора и взмолился:

— Почтенный судья! Я ведь все время был здесь и не заметил, чтобы сюда приходило дерево. Откуда же вы взяли, что дерево было здесь и выступало свидетелем?

Судья ответил на это:

— Эх ты, глупец! Ведь это твой язык выступил свидетелем вместо дерева. Когда вы пришли ко мне, ты сказал, что в лесу не был и никакого дерева не видел. Если это так, то откуда же ты мог знать, что через полчаса после ухода Сантурам находится всего лишь на полпути к дереву? Значит, ты знал, где оно находится. А это значит, что Сантурам сказал правду: ты взял у него деньги под этим деревом.

Так умный судья помог Сантураму вернуть свои деньги, а нечестного Антурама посадил в тюрьму.

ПРИДВОРНЫМ МУДРЕЦ

Когда-то, давным-давно, в одном городе жил бедняк, по имени Харидас. Он чинил старую обувь и на заработанные гроши едва кормился с женой и дочерью.

Как-то раз его жена пошла на базар купить кувшин для воды. Она вошла в лавку гончара и поздоровалась, но продавец даже не посмотрел в ее сторону.

В лавке гончара было много разных кувшинов, а на одной полке стояли самые красивые и самые большие. Жена Хари-даса облюбовала один из них и спросила, сколько этот кувшин стоит.

— Этот кувшин не для тебя, — пробормотал гончар. — Его уже выбрала жена самого мудреца при дворе раджи.

Жена Харидаса указала на другой кувшин.

— Этот кувшин оставлен для дочери придворного мудреца, — сказал гончар.

— Ну, тогда я возьму вот этот, поменьше, — робко сказала женщина.

— Этот уже продан сестре мудреца.

Так жена Харидаса выбирала один кувшин за другим, но каждый из них предназначался для родни придворного мудреца.

Пришлось бедной женщине ни с чем вернуться домой. Ей было досадно и обидно. Она громко проклинала и самого мудреца и всех его ближних.

«Был бы мой муж придворным мудрецом, и меня бы также почитали, — подумала она. — А почему бы ему не стать придворным мудрецом? Чем он хуже?»

И жена Харидаса решила, что ее муж обязательно должен стать придворным мудрецом.

Вечером Харидас вернулся домой и постучался в дверь. Жена приоткрыла ее, но в дом Харидаса непустила.

— Муж, ты должен стать придворным мудрецом! — сердито заявила она. — Тогда нам тоже будет почет.

— В уме ли ты, жена! Как же я могу стать мудрецом, да еще придворным! Ведь я не умею ни читать, ни писать.

— Это не мое дело, — сказала жена. — До тех пор, пока ты не станешь придворным мудрецом, я не впускаю тебя в свой дом.

Харидас хорошо знал упрямый нрав своей жены. Уж она не уступит!

Что делать Харидасу? Переночевал он у порога своего дома, а на другое утро намотал на голову старую белую занавеску вместо чалмы и уселся на углу многолюдной улицы. На этой улице обычно сидели мудрецы. Вот Харидас стал поджидать какого-нибудь простака, чтобы выдать себя перед ним за мудреца.

Скоро к Харидасу подошла старуха. Она вежливо поздоровалась с ним и сказала:

— Мудрец, вот уже несколько дней у меня болит голова. Если ты знаешь заклинания, которые помогут мне, прочти их скорее.

Харидас растерялся. Он не знал никаких заклинаний, даже от головной боли. И он выругал про себя жену: ведь это она заставила его взяться не за свое дело!

Старуха заметила, что Харидас шевелит губами — что-то шепает, и

подумала: «Мне повезло. Я, кажется, нашла хорошего мудреца: он еще только читает заклинания, а уж голова у меня болит меньше».

Тем временем Харидас собрался с духом. Он посадил старуху рядом с собой, провел рукой по ее морщинистому лбу и пробормотал несколько бессмысленных слов.

У старухи от радости, что нашла такого мудреца, голова и впрямь перестала болеть. Она поблагодарила Харидаса, заплатила ему деньги и, довольная, отправилась домой; и всем рассказала, как вылечил ее новый мудрец, какой он ученый, какие знает чудодейственные заклинания.

Скоро слух о новом мудреце разнесся чуть ли не по всему городу.

С каждым днем все больше людей обращалось к Харидасу за советами. Он заработал много денег и как-то вечером отправился домой. Но жена непустила его.

— Не нужны мне твои деньги, — сказала она. — Ты войдешь в дом, только если станешь придворным мудрецом!

Харидас печальный повернул от дома, долго бродил по улицам и незаметно очутился возле дворца раджи. Вдруг Харидас заметил, что ко дворцу на прекрасном коне подъехал сын раджи. Он соскочил с коня, бросил поводья и ушел.

Харидас и подумал: «А что, если увести коня и спрятать в надежном месте? Никто из мудрецов не догадается, где его искать. А я скажу! Вот тогда раджа и убедится, что я — настоящий мудрец».

Так Харидас и сделал.

Долго слуги раджи искали пропавшего коня. Придворный мудрец гадал, гадал и тоже ничего не мог сделать. Тогда позвали во дворец всех мудрецов города. Пришел и Харидас.

Спросили всех мудрецов — никто не сказал, где конь. Тогда вперед вышел Харидас и рассказал, где находится конь раджи.

Коня привели. Раджа щедро наградил Харидаса и отпустил его, а мудрецом при дворе все же не оставил.

Через некоторое время у раджи пропал драгоценный алмаз. Нигде его не могли найти и опять позвали Харидаса.

— Раджа, — ответил Харидас, — это очень трудное дело. Дайте мне подумать тридцать дней.

Раджа согласился и приказал поместить Харидаса в одну из комнат дворца.

Когда наступила ночь, Харидас долго не мог заснуть. Он ворочался с боку на бок, ворчал и вполголоса ругал себя за свой длинный язык.

«Ах, зачем я назвался мудрецом! — думал он. — Что мне теперь

делать? Где найти алмаз? Теперь меня засмеют и прогонят с позором».

И Харидас громко воскликнул:

— О джибх ^[20], настали для тебя черные дни.

А за дверью стояла и подслушивала одна из служанок раджи; звали ее Джибх. Она-то и взяла драгоценный алмаз! Служанка услышала, что Харидас произнес ее имя, и очень испугалась. Она упала перед Харндасом на колени и стала умолять пощадить ее.

Как Харидас обрадовался, что алмаз нашелся! Он пожалел служанку и сказал:

— Хорошо, я не выдам тебя, но только ты должна сделать вот что: ровно через двадцать девять дней закатай алмаз в хлеб и дай проглотить одному из гусей. У этого гуся надломи левое крыло.

Наступил тридцатый день. Раджа велел привести Харидаса.

— Мудрец, нашел ли ты алмаз? — спросил он.

— Да, я знаю, у кого искать алмаз, — ответил Харидас. — Прикажите провести передо мной всех ваших людей.

Раджа отдал приказ, и все, начиная с первого советника и кончая судомойкой, прошли перед Харидасом.

— Где же алмаз? — гневно спросил раджа, когда все прошли.

— Никто из ваших людей не украл алмаза, — ответил Харидас, — но я знаю, что вор находится во дворце. Прикажите провести передо мной всех ваших животных и птиц.

Перед Харидасом провели всех слонов, коней, мулов и верблюдов. Наконец начали проходить гуси. Харидас сразу заметил гуся с надломанным левым крылом и сказал:

— Алмаз украл вот этот гусь!

Гуся схватили, зарезали — и верно: в зобу нашли алмаз.

Раджа был очень доволен, наградил Харидаса дорогим подарком и хотел назначить придворным мудрецом. Но его советники предложили еще раз проверить мудрость Харидаса.

Раджа согласился. На следующий день он взял глиняный кувшин, посадил туда лягушку и кувшин закрыл. Затем он позвал Харидаса и спросил:

— Скажи, мудрец, что находится в этом кувшине?

Долго думал Харидас, но ничего ему на ум не пришло, и он тихо произнес:

— О Мендхак ^[21], не везет тебе в жизни, не быть тебе придворным мудрецом!

Он назвал себя «мендхак» потому, что в детстве отец ласково звал его этим именем.

Раджа и его советники услышали, что Харидас говорит о лягушке, и теперь уже не сомневались в том, что перед ними настоящий мудрец.

Так вот и стал Харидас придворным мудрецом.

САМАЯ УМНАЯ

В далёком озере жили три большие рыбы. Две рыбы жили вместе. Они считали себя самыми умными рыбами на свете, и поэтому одна из них звалась Тысячеумной, а другая — Стоумной. Обе эти рыбы проводили время в умных беседах и размышлениях.

В том же озере жила еще одна рыба. Она не считала себя самой умной и поэтому называлась Одноумной. Одноумная внимательно слушала беседы своих многоумных подруг и старалась запомнить все полезное.

Однажды к озеру пришли рыбаки. Они заметили, что в нем есть рыба, и решили на следующий день прийти с сетями.

И вот Одноумная сказала Стоумной:

— Подруженька, ты слышала, о чем говорили рыбаки? Завтра они придут сюда и начнут забрасывать сети. Нам нужно придумать, как спастись от их сетей. Не лучше ли убраться отсюда и укрыться в надежном месте?

Стоумная важно ответила:

— Зачем бояться пустых разговоров! А может быть, завтра рыбаки не придут. Они задумали злое дело, и за это не будет им удачи.

Тогда Одноумная задала тот же вопрос Тысячеумной. Но та хвастливо ответила:

— Не тревожься напрасно. В моей голове тысяча мыслей. Когда будет нужно, я придумаю тысячу способов спасения. Если завтра придут рыбаки, я спасусь сама и спасу всех вас. А сейчас не беспокойте меня.

— Хорошо вам, подруги мои! Вы такие умные и можете придумать тысячу разных способов спасения. А у меня только один ум, и я знаю только одно: чтобы спастись, нужно действовать.

И Одноумная вместе со всем своим семейством в ту же ночь перебралась из озера в реку.

На другой день к озеру пришли рыбаки и забросили сети.

Тысячеумная и Стоумная заметались из стороны в сторону и разными способами ловко увиливали от сетей. Но, как ни старались, обе попали в

сети рыбаков.

ШУТКА ПАСТУХА

Шла одна бедная женщина через лес. При дороге росло дерево, и на нем было много спелых, черных-пречерных слив. Женщина увидела сливы, и ей захотелось есть. А у того дерева пастух пас овец. Она подошла к пастуху и попросила его:

— Братец, я очень проголодалась. Заберись, — пожалуйста, на дерево и нарви мне слив.

Пастух взобрался на дерево и спросил женщину:

— Скажи, сестрица, ты каких слив хочешь: горячих или холодных?

Женщина ответила:

— А я и не знала, что на деревьях растут и холодные и горячие сливы.

Если так, нарви мне горячих.

Тогда пастух стал рвать сливы и бросать их на землю, в пыль.

А женщина поднимала сливы, сдувала с них пыль и ела.

Немного погодя она сказала пастуху:

— Братец, а ведь сливы-то не горячие!

— Если не горячие, то зачем ты дуешь на них? — улыбаясь, спросил пастух.

ЮНОША И РАДЖА

В одной индийской деревушке жила бедная вдова. С раннего утра до позднего вечера она гнула спину на своем маленьком клочке земли. Вдова выбивалась из последних сил, чтобы вырастить единственного сына; она жалела и берегла его и не давала ему заниматься тяжелым крестьянским трудом.

Зато сын вырос на славу. К пятнадцати годам юноша стал крепок и силен, как настоящий богатырь.

Однажды он шел по узенькой улочке своей деревушки. Вдруг видит — навстречу ему едет на слоне раджа со своей свитой. Едет прямо на него и не думает никуда сворачивать. Вот-вот растопчет слон юношу своими огромными ногами! Но юноша-богатырь не растерялся. Как только слон поравнялся с ним, юноша оттолкнул его левым плечом. Слон пошатнулся, да так, что раджа со свитой чуть не упали на землю. А юноша оттолкнул слона и спокойно прошел мимо.

Подивился раджа нечеловеческой силе юноши.

«Вот хорошо иметь такого слугу! Он бы не только прислуживал мне, но и охранял меня», — подумал раджа.

— Эй, молодец, — закричал он, — не хочешь ли быть моим слугой? Я буду одевать тебя и вдоволь кормить.

— Нет, — ответил юноша. — Не хочу быть твоим слугой — я хочу быть вольным, человеком.

Рассердился раджа на юношу. Задела его за живое гордость бедняка.

«Ничего, — подумал он, — ты горд, пока молод и силен. Но что станется от твоей силы, когда ты начнешь работать в поле? Вот тогда-то я с тобой и поговорю!»

С тех пор прошло несколько лет. Юноша уже давно работал в поле вместо матери. Тяжелый труд иссушил его тело, а постоянный голод подточил его богатырскую силу.

Как-то раз вечером он чинил крышу своей старой, покосившейся хижины. А мимо опять проезжал раджа. Он заметил юношу, но с трудом узнал в нем прежнего богатыря. Раджа приказал остановить слона и сказал юноше:

— Эй, молодец, пойдешь теперь ко мне в слуги? Работа легкая, есть будешь вдоволь и скоро станешь прежним силачом. Видно, ты теперь не такой гордец, каким был раньше?

— Нет, не пойду я к тебе в слуги, — ответил юноша. — Ты видишь — труд и голод лишили меня прежней силы, но они никогда не отнимут у меня любви к свободе.

НЕЛЕГКОЕ ДЕЛО

Говорят, как-то раз император Акбар захотел поговорить с Бирбалом [\[22\]](#). Акбар посылал за ним два или три раза, но Бирбал не являлся. Тогда император приказал схватить его и привести во дворец.

Когда Бирбала привели, Акбар гневно спросил:

— Что случилось? Я сегодня устал тебя звать. Чем ты был так занят, что не мог прийти ко мне вовремя?

Бирбал очень любил поспать, потому-то и опоздал. Но он боялся гнева императора и решил схитрить.

— О великий из великих! — сказал он. — Плакал мой ребенок, и я долго не мог его успокоить.

Акбар не поверил:

— Ты обманываешь меня. Дал бы ребенку то, что он хотел, он сразу бы успокоился. Для этого не нужно много времени.

— О мой повелитель! Вы, наверно, не знаете, как долго приходится успокаивать ребёнка, когда он плачет. Это нелегкое дело.

— Не верю. Был бы я на твоём месте — сразу заставил бы его замолчать.

— Мой повелитель! Если вы не верите мне, давайте я стану плакать, как мой ребенок, а вы попробуйте меня успокоить.

Акбар согласился. Бирбал уселся на ковер и заплакал. Акбар подсел к нему, погладил его по голове и сплосил:

— Сынок, почему ты плачешь?

Бирбал ничего не ответил и зарыдал ещё громче.

Тогда Акбар усадил его поближе к себе и ласково стал уговаривать:

— Не плачь, детка, не плачь! Скажи мне скорей, чего ты хочешь?

— Я хочу сладкого сахарного тростника...

Акбар приказал подать целую связку сахарного тростника и положил ее перед Бирбалом.

— Ну вот тебе и тростник. Возьми скорей тростинку, какую хочешь.

— Я не знаю, какая лучше, — опять захныкал Бирбал. — Выбери сам. Я хочу самую сладкую.

Акбар выбрал из связки самую хорошую тростинку и подал ее Бирбалу.

А Бирбал бросил ее на ковер:

— Не хочу эту! Она плохая! — И опять заплакал.

Акбар выбрал другую, потом третью. А Бирбал все плакал и отбрасывал тростинки. Наконец взял одну, а плакать не перестал.

Акбар не знал что делать.

— Не плачь, детка! — уговаривал он Бирбала. — Ведь я дал тебе самую сладкую тростинку. Почему же ты опять плачешь?

— Не хочу эту! На ней кожа, — всхлипнул Бирбал.

— А ты ее очисти и ешь скорей.

— Очисти мне сам, я не умею...

Акбар очистил тростник и сунул в руки Бирбалу. А тот все плачет.

— Не надо такую! Она большая, хочу маленькую.

Акбар поломал тростинку на маленькие кусочки, но Бирбал и тут не унялся. Он тер глаза кулаками и говорил:

— Положи все кусочки в мою шапочку.

Акбар выполнил и эту просьбу. А Бирбал схватил шапочку, выбросил кусочки тростинки и опять заплакал:

— Не хочу такие маленькие! Сделай из них большую, — просил он.

— Детка, ты хочешь, чтобы тростинка была, как прежде, целой? Но как же я могу это сделать? Возьми себе другую, целую, — ласково упрашивал его Акбар.

А Бирбал все плакал и приговаривал:

— Хочу, чтобы она была опять целой!

— Да, Бирбал, ты был прав успокоить плачущего ребенка — дело нелегкое, — сдался наконец Акбар и простил Бирбалу его опоздание.

ХВАСТЛИВАЯ ВОРОНА

На берегу моря, в большом красивом доме, жил богач. Над его домом каждый день кружила ворона. Она пристрастилась подбирать объедки, которые выбрасывали из кухни богача. Сын богача заметил ворону и, вместо того, чтобы помогать беднякам, стал кормить ее разными яствами.

Ворона постепенно привыкла к этому и стала часто прилетать за пищей. А через некоторое время вороне даже разрешили жить в доме богача.

Ворона растолстела и заважничала. Она стала с презрением относиться к своим бывшим подругам и считала всех остальных птиц недостойными ее.

Однажды на берег прилетела стая диких гусей. Ворона с гордым видом уселась посреди гусяной стаи. Она считала, что только вожак стаи мало-мальски достоин ее внимания, и обратилась к нему с такими словами:

— Вожак, давай полетим вместе, и я поучу тебя, как надо летать.

Гусь-вожак ответил:

— Ворона, не приставай к нам — мы бережем силы, чтобы без отдыха перелететь огромное море.

Ворона не унималась и продолжала хвастаться:

— Я знаю сто способов полета: уддин, авадин, прадин, дин, нидин, мандин, тирьягадин, видин, паридин, праядин, судии, абхидин, тахадйн, нирдин, атидин, диндин, сандинау-ду-индин и много других. А теперь расскажи, какие ты, гусь, знаешь способы полета.

Гусь спокойно ответил:

— Сестрица, я знаю только один способ: я всегда летаю напрямик. Если ты все-таки хочешь тягаться со мной, то давай полетим.

Гусь и ворона поднялись в небо. Гусь летел просто и прямо, а ворона вихляла из стороны в сторону и вертелась вокруг гуся, показывала все свои

способы. Гусь держал путь в море. Ворона продолжала лететь вместе с ним.

Так летели они долго и очутились далеко от берега, над морем.

Ворона не привыкла к далеким перелетам, устала и не могла больше лететь. Она упала в воду и стала отчаянно хлопать крыльями. Гусь подлетел к ней и спросил:

— Сестрица, а как же называется способ, которым ты сейчас летишь?

Но вороне было уже не до хвастовства. Всю спесь с нее сбило, и она могла только произнести:

— О великий гусь-вожак, спаси меня, я тону! Больше я никогда не буду хвастаться.

Гусь сжалился над вороной, опустился на море, вытащил ее из воды клювом и посадил себе на спину. Так он доплыл до берега, высадил ворону на землю, повернулся к ней и сказал:

— Ну, ворона, смотри вперед будь поскромней, не хвались, не важничай и не делай глупостей.

Ворона опустила от стыда голову и с жалким видом полетела прочь.

ТЕТКА ЛЕОПАРДА

Это случилось много-много лет назад. Луна как-то сбилась со своего пути и приблизилась к солнцу. На луне стало так жарко, что все лунные животные, чтобы не сгореть, стали прыгать вниз, кто куда.

И вот тогда-то на землю с грохотом свалился леопард. От сильного толчка задрожала земля, закачались горы и леса. А леопард так страшно зарычал, что перепугались все лесные звери и птицы.

Леопард упал прямо в открытое поле. Яркий, солнечный свет ослепил его; он ничего не видел вокруг и грозно рычал.

К счастью, в это время к леопарду подошла кошка.

— Перестань рычать, приятель, — сказала она. — Помни, что сюда могут прийти люди, которые не оставят тебя в живых.

— Ты кто такая? — спросил леопард.

— Я твоя тетка, хотя ты этого и не знаешь. — ответила кошка. — Я очень похожа на тебя. Правда, я немного меньше, по ничуть не хуже тебя. Послушай, так как ты сейчас ничего не видишь, то возьми мой хвост в зубы и иди за мной. Но только смотри не кусайся!

Леопард так и сделал и пошел следом за кошкой. Кошка привела его в тенистые джунгли. Там, в полумраке, леопард снова стал хорошо видеть; он

взглянул на кошку и с удивлением воскликнул:

— Ого! Я и не знал, что ты такая малюсенькая!

Кошка сердито посмотрела на леопарда и стала его бранить.

И леопарду пришлось снести эти оскорбления. Ведь на земле для него все было ново, и теперь он должен всему учиться у своей тетки кошки.

Скоро кошка научила леопарда очень многому. Леопард стал охотиться без ее помощи.

Как-то кошка лежала и спокойно отдыхала в тени деревьев. Леопард подошел к ней и спросил:

— Тетушка, всему ли ты меня обучила или осталось что-нибудь еще, чего я не знаю?

— Да, — ответила кошка, — я обучила тебя всему, что умею делать сама. Чего же ты еще желаешь?

Тогда леопард с недоверием посмотрел на кошку и сказал:

— А правду ли ты говоришь мне, тетка?

— Зачем мне тебе лгать, глупый? — ответила на это кошка.

«Раз теперь я все знаю, то тетка мне больше не нужна, и я могу ее съесть», — подумал леопард.

И он с яростью прыгнул на кошку. Но она мгновенно вскочила на дерево.

Когда кошка была на самой вершине, леопард задрал морду вверх и сказал:

— Тетка! А ведь лазить по деревьям ты меня не научила!

А кошка с усмешкой ответила:

— Глупец! Я тебя раскусила с самого начала. Если бы я научила тебя и по деревьям лазить, то сегодня ты съел бы меня.

ЛЯГУШКА И МУРАВЬИ

На болоте, в чаще джунглей, жила лягушка. Однажды она вышла погулять, незаметно сбилась с пути и заблудилась. Она долго искала, но никак не могла найти дорогу в свое болото. Вдруг она наскочила на большой муравейник. Сотни муравьев тотчас окружили лягушку и облепили ее сразу со всех сторон.

Лягушка очень испугалась.

— Дорогие мои, — сказала она муравьям, — как вам не совестно мучить бедную, старую лягушку! Ведь я не сделала вам ничего плохого. Я заблудилась и случайно попала сюда к вам.

Тогда муравьи успокоились, пригласили лягушку в свой муравейник, накормили ее вкусным обедом и угостили сладким медом.

После сытного обеда лягушка прилегла отдохнуть и сразу же заснула крепким сном.

На следующий день рано утром лягушка проснулась и ласково сказала одному из муравьев:

— Братишка, будь добр, залезь, пожалуйста, на эту акацию и посмотри, в какой стороне находится болото.

Муравей проворно вскарабкался на дерево, посмотрел в разные стороны и указал лягушке, где находится большое болото.

Лягушка поблагодарила своего друга и попросила его:

— Дорогой мой братишка, а не мог бы ты проводить меня туда? Когда мы придем ко мне домой, я угощу тебя отличным обедом. Пойдем со мной вместе.

На это муравей ответил:

— Спасибо, сестрица! Но ведь вчера все муравьи пригласили тебя на обед. Если ты хочешь отблагодарить нас, то и приглашай нас всех — мы, муравьи, живем дружно и все делаем вместе.

Пришлось лягушке пригласить к себе в гости всех муравьев.

И вот лягушка запрыгала по дороге, а за ней вереницей потянулись тысячи муравьев.

Наконец они добрались до болота.

Тогда лягушка сказала:

— Друзья, подождите меня здесь немножко, а я сейчас пойду приготовлю для всех вас обед и быстро вернусь.

И лягушка прыгнула в воду. Муравьи ждали ее, ждали, но лягушки и след простыл. Так они стояли около болота день, два, три, целую неделю, но лягушка не появилась.

Наконец муравьиная царица рассердилась и сказала:

— Мы умрем с голоду, если будем тут еще стоять и ждать эту жадную лягушку.

Она потуже затянула свой пояс и отправилась назад в муравейник, домой. И все муравьи тоже подтянули покрепче свои пояса и голодные двинулись в обратный путь.

С тех пор животы у муравьев так и остались перетянутыми.

СЛОН И КОЗЕЛ

У высокой горы, поросшей великанами-деревьями, жили слон и козел. Жили они дружно, пока не заспорили о том, кто из них может больше съесть. Слон глядел на козла с высоты своего-роста и говорил:

— Я сам вон какой большой и съем больше.

А козел упрямо бормотал:

— Нет, я съем больше, я съем больше, я съем больше!

Спорили они, спорили и решили проверить на деле, кто же из них съест больше.

Слон быстро подбирал своим хоботом траву, опавшие листья, ветки и большими охапками закладывал их в свое огромное брюхо.

Козел тоже сделал вид, что торопится съесть как можно больше. Он побегал взад и вперед и пощипал везде понемногу травы. А затем отбежал подальше, где почва была каменистая и трава не росла, взобрался на большой-пребольшой камень, не торопясь улегся на нем и принялся не спеша жевать свою жвачку.

Когда слон съел всю траву и ветки, которые росли поблизости, он подошел к козлу. Слон так набил травой свое большое брюхо, что еле-еле переставлял ноги. Увидел он, что козел лежит на камне и что-то жует, и спросил:

— Что это ты ешь?

Козел ответил:

— Видишь, я съел вокруг всю траву, сейчас ем этот камень, а потом съем и тебя.

Тогда слон подумал: «Раз козел съел всю траву и может еще съесть такой огромный камень, то он, пожалуй, съест и меня!»

Он испугался и пустился бежать, а козел продолжал жевать свою жвачку.

ОБЕЗЬЯНА И КОРШУН

Жил в Пенджабе один богач. Был у него единственный сын, и богач очень любил его. Однажды сын тяжело заболел. Долго болел юноша и наконец поправился, но стал немым и никогда не смеялся.

Сотни лекарей лечили сына богача, но все их старания были напрасны: юноша оставался нем и никогда не смеялся. С тех пор, кто бы ни заходил к богачу по делам, он прежде всего рассказывал о несчастной судьбе сына и спрашивал, нет ли средства вылечить его.

Однажды в дом богача зашел один старый факир. Богач рассказал и

ему о своем больном сыне и спросил, не знает ли факир, как вылечить его.

Старик факир на это ответил:

— Я ведь не лекарь, чтобы давать такие советы. Но, может быть, твоему сыну скучно в этом богатом доме? Отправил бы ты его жить в караван-сарай! Туда каждый день приезжают разные люди, приходят караваны с товарами со всего мира. Чего-чего только там не увидишь и не услышишь! Может быть, и твой сын увидит там что-нибудь такое, отчего сразу засмеется или заговорит.

Богач сделал так, как ему посоветовал старец. Снял подходящую комнату в одном караван-сараяе и поселил там своего сына и его слугу.

Каждый день во двор караван-сарая выставляли кресло и усаживали в нем больного. Подолгу сидел он и молча наблюдал за всем, что происходило. Так прошло много дней, но ничего поразительного не случилось, и юноша по-прежнему не смеялся и не говорил.

Как-то-утром он сидел, как обычно, в своем кресле. В это время в караван-сарай прибыл новый путешественник. Он снял комнату, уложил туда свои вещи и запер ее. Затем дал хозяину караван-сарая денег и попросил купить и зажарить для него курицу, а сам куда-то ушел.

Хозяин быстро ходил на базар и принес курицу. Отрубил ей голову, крылья и лапы и уселся ощипывать перья.

У этого хозяина была большая ручная обезьяна. Он привязал ее на цепь к дереву, как раз возле того места, где сидел и потрошил курицу.

Вдруг хозяин вспомнил, что ему нужно зачем-то опять сбегать на базар. Он положил курицу на блюдо, поставил блюдо на землю около обезьяны и сказал:

— Присмотри-ка за этой курицей. Я сейчас приду. — И отправился по своим делам.

Он ушел, а обезьяна осталась охранять курицу. Вдруг налетел коршун, вцепился когтями в курицу и улетел с ней в облака.

Обезьяна все это видела, но ничего не могла поделать. Ведь у нее не было крыльев, чтобы взлететь на воздух и вырвать курицу из когтей коршуна. Она вскочила, грозно махала волосатыми руками и кричала: «Кхоу, кхоу!» Но коршун не испугался и улетел с добычей. Обезьяна долго металась на цепи из стороны в сторону. Вдруг она быстро собрала все, что осталось от курицы: голову, лапки, крылья и потроха, и уложила все это на блюдо, где раньше лежала курица. Сама же уселась рядом и скромно опустила голову, будто заснула.

Другой коршун увидел куриную голову и крылья и камнем бросился вниз, чтобы схватить курицу.

Не успел коршун коснуться блюда, как обезьяна бросилась на него, схватила за горло и удушила. Потом потрепала немного, положила на блюдо и спокойно уселась рядом.

Вскоре возвратился хозяин и увидел, что вместо курицы лежит какая-то другая птица.

«Я ведь оставил курицу с отрезанной головой, — удивился он, — а у этой птицы голова на месте. И клюв у нее какой-то большой, черный и загнутый. Ведь крылья и лапы я отрезал — откуда же у нее появились эти большие крылья и черные когти? Я ведь оципал курицу — как же у нее выросли перья?»

Хозяин не знал, как объяснить эту загадку, и очень рассердился на обезьяну. Он схватил большую палку и замахнулся на нее.

А за всем этим происшествием внимательно наблюдал больной юноша. Вдруг он рассмеялся и крикнул содержателю караван-сарая:

— Уважаемый, не бейте эту обезьяну, она не виновата! Подойдите ко мне, я вам все объясню.

Хозяин подошел. Юноша дал ему денег и сказал:

— Сходите, пожалуйста, и купите себе другую курицу, а эту обезьяну отдайте мне. Мой отец уплатит вам за нее столько, сколько сами попросите.

Озадаченный хозяин воскликнул:

— Почтеннейший, расскажи мне, пожалуйста, в чем тут дело!

Тогда юноша стал подробно рассказывать ему о проделке обезьяны. А в это время пришел богач. Он увидел, что его сын смеется и что-то интересное рассказывает содержателю караван-сарая, и очень обрадовался.

А когда услышал, как обезьяна вылечила его сына, он за нее и ста золотых не пожалел отдать. И от радости устроил пир на весь караван-сарай.

Сказки Индонезии

Перевод В. Островского.

Сказки о хитроумном Канчиле

НАПРАСНЫЕ УСИЛИЯ КРЕСТЬЯНИНА

Канчиль попадает в ловушку

Вышел как-то раз Канчиль ^[23]из леса и увидел огород, где росли огурцы. Ему очень захотелось полакомиться, — он изнывал от жажды, а огурцов было много, и на вид они были сочные и вкусные. Канчиль сломал изгородь, окружавшую грядки, забрался в огород и начал вовсю уплетать огурцы. Надкусит один — отбросит в сторону, отгрызет кусочек от другого — за третий примется, и так он перепортил подряд все огурцы.

В это время появился крестьянин: он пришел взглянуть на свой огород, посмотреть, нет ли зрелых огурцов. Канчиль тотчас же юркнул в кусты. Увидев, что изгородь сломана, а все огурцы со следами чьих-то зубов разбросаны по грядкам, крестьянин онемел от гнева. Придя в себя, он воскликнул:

— О аллах, что случилось с моим огородом? Какой зверь погубил плоды моего труда? И съест-то ничего не съел, а только зря перепортил все огурцы. Ну что ж, остается только собрать их... Но пусть тот, кто натворил все это, дёржит ухо остро! Если он попадетсЯ мне в руки, ему несдобровать!

Очень огорченный, крестьянин пошел домой, неся в мешке огрызки огурцов, попорченные вредным Канчилом.

После этого он смастерил чучело, обмазал его сверху донизу липкой смолой и поставил прямо посреди огорода. Спустя некоторое время Канчиль вышел из кустов, в которых прятался, и снова отправился в огород, чтобы найти что-нибудь съестное.

Уже издали он увидел посреди грядок темную фигуру, напоминающую своими очертаниями человека.

Он быстро спрятался, испугавшись, что его заметят. Долгое время он

сидел, выжидая, но черная фигура продолжала оставаться на своем месте. Канчиль смотрел на нее, не отводя глаз, — упершись руками в бока, фигура стояла совершенно неподвижно. Канчиль подумал: «Если это человек, то почему же он стоит молча и не шелохнется? Видно, это все же не человек».

Выйдя из своего укромного уголка, он начал тихо подкрадываться к темной фигуре. Неожиданно налетел порыв ветра, и фигура зашевелилась, словно решила двинуться в путь. Увидев это, Канчиль снова испугался и стремглав понесся в кусты. И что же? Ждет Канчиль, ждет, а фигура ни с места — стоит себе, как прежде, упершись руками в бока, и не шелохнется. Тут уж он осмелел, подошел поближе и увидел, что это было всего-навсего чучело. Канчиль совсем успокоился и воскликнул:

— Эй, послушай! Ты человек или нет? Ты зачем сюда пришел? Вот я тебя сейчас отколочу как следует! Ты чего меня пугал, зачем заставил меня удирать и прятаться? Обманщик подлый! Ты всего-навсего чучело, а я-то думал, ты хозяин огорода! А ну-ка, хочешь, свяжи мне две лапы да побежим наперегонки! Кто кого обгонит? Если я отстану, можешь убить меня, пес ты этакий! Ну, чего ты молчишь? Давай, кто кого?

Канчиль совсем развеселился и начал скакать и резвиться вокруг чучела, обмазанного смолой. Ведь он не знал, что это ловушка. Весело прыгая то туда, то сюда, об нечаянно задел чучело, и его шерсть прилипла к смоле. Разозлившись, Канчиль изо всех сил ударил чучело в живот передними ногами, и они тут же приклеились. Он стал отчаянно вырываться, но; отодрать ноги было невозможно.

— Эй ты, негодяй! — воскликнул Канчиль. — Отпусти меня сию же минуту, а не то тебе будет плохо! У меня есть еще две ноги в запасе, и я пушу их в ход, да так, что тебе не поздоровится. Отпусти, говорят!

Тут Канчиль лягнул чучело левой ногой, и она тотчас же прилипла. Тогда он сказал:

— Лучше отпусти, а то я тебя сейчас правой ногой стукну!

Лягнул чучело правой ногой, и она тоже прилипла.

Увязнув в клейкой смоле всеми четырьмя ногами, Канчиль растерялся, — вырваться он уже не мог. Сколько он ни старался, все усилия были напрасны, потому что смола все больше и больше сковывала его. Вскоре он был покрыт смолой с ног до головы. И тогда ему стало ясно, что он попал в ловушку. Канчиль тяжело вздохнул и горько заплакал, а потом стал просить пощады у аллаха.

На следующий день крестьянин вернулся на свой огород, чтобы посмотреть на овощи. Не успел он прийти туда, как увидел, что в смоле увяз Канчиль. Крестьянин так обрадовался, что пустился в пляс и запел во

весь голос. Притоптывая ногами, он отстукивал палкой такт на спине и боках Канчили: ногой притопнет — палкой хлопнет, ногой притопнет — палкой хлопнет. Наконец крестьянин проговорил:

— Ну, брат, расправа с тобой будет короткая. Ты у меня навсегда запомнишь вкус огурцов! Ишь какой, не трудился, сил не тратил, а огород мой портить тут как тут! Ведь я эти грядки своим потом поливал! Если бы ты взял два — три огурца, я бы ничего не сказал. А ты все до одного попортил. Разве это не подлость? Ну так знай же: завтра я тебя заколю, из мяса твоего приготовлю жаркое, а кости брошу собакам.

Услышав эти слова, Канчиль очень опечалился и стал умолять, чтобы его простили и не убивали. Но крестьянин, не обращая никакого внимания на мольбы Канчиля, взял его в охапку и отнес домой. Там он рассказал жене и детям, как было дело и как ему удалось поймать Канчиля. Вся семья пришла в восторг. Крестьянин велел своей жене приготовить разные приправы к жаркому из Канчиля. На следующий день, в четверг, он собирался устроить торжественный обед.

— Мясо у Канчиля очень вкусное, — сказал крестьянин жене, — но у него довольно резкий запах; поэтому не забудь добавить к жаркому корневище куркумы [\[24\]](#), чтобы отбить этот запах.

Канчиля посадили в клетку, на которую сверху еще положили большой камень. А жена крестьянина вместе с детьми натирала кокосовые орехи и готовила приправы.

Что теперь было делать Канчилю? Как выбраться из клетки? Ведь жить ему осталось только одну ночь!

Канчиль в роли жениха

Всю ночь Канчиль не мог уснуть. На душе у него было тяжело, — он непрерывно думал о том, что с ним произойдет утром. Заливаясь слезами, Канчиль то и дело кричал, взывая о помощи. А во дворе у крестьянина жил пятнистый Пес. Он услышал крики и подошел к клетке. Увидев в ней Канчиля, Пес удивился и спросил:

— Как ты очутился здесь, Канчиль? Что ты тут делаешь?

Канчиль не растерялся и говорит:

— Ты что, оглох или ослеп? Разве ты ничего не знаешь?

— Да нет, я ничего не слыхал. В самом деле, Канчиль, скажи мне, почему ты здесь?

— Разве ты не знаешь, что жена твоего хозяина с детьми натирает

сейчас кокосовые орехи и нарезает тонкими ломтиками корневище куркумы?

— Знаю, конечно, но для чего они это делают?

— А для чего вообще люди натирают орехи и нарезают куркуму?

— Вообще-то для того, чтобы приготовить что-нибудь вкусное.

— Эх ты дурья твоя голова! Что же можно приготовить из кокосового ореха и куркумы? Подумай лучше хорошенько, пошевели мозгами! А то ты только лаять да глаза таращить умеешь!

— Я, правда, мало что понимаю. Поэтому я и не знаю, для чего нужны кокосовые орехи и куркума.

— Конечно, ты ничего не знаешь и не понимаешь. Твой отец и твоя мать — собаки, твои дед и бабка тоже были собаками. Ясно, что поступки людей — для тебя сплошная загадка.

— Ну, пожалуйста, Канчиль, объясни мне все это.

— Я могу тебе объяснить, но только это глубокая тайна. Ни в коем случае не говори никому ни слова. Ни одна травинка, ни один листок не должны об этом знать раньше времени.

— Уж я-то не проболтаюсь, можешь на меня положиться.

— Дело вот в чем: из куркумы сделают пудру для прекрасной девушки, дочери твоего хозяина, потому что она выходит замуж.

— Ах, как я рад! Если мой хозяин выдает дочку замуж, то уж, наверное, он зарежет много кур для угощения. Вот когда я всласть погрызу кости!

— Тебе только это и нужно! Ты ни о чем другом и не мечтаешь: лишь бы полакомиться да набить себе брюхо. Никакие заботы тебя не тревожат.

— А какие у меня могут быть заботы? Я тебя что-то не пойму! Хозяин выдает замуж свою дочку, а у меня должны быть заботы?

— Эх, сразу видно, что ты глупый Пес. Ты хоть подумал о том, кто ее жених?

— Да ты спятил, что ли? За кого же еще может выходить девушка, как не за молодого человека?

— Обычно так и бывает, но это особенная свадьба, потому что ее мужем буду я.

— Ах, Канчиль, как тебе повезло! Я с малых лет служу своему хозяину, и он не захотел; чтобы я стал его зятем. А ты только появился, и он уже берет тебя в мужа своей дочери. Ведь это несправедливо.

Дело вовсе не в том, что мне повезло. Тут совсем другая причина. Если хочешь, могу тебе сказать.

— Какая же это причина?

— А причина вот такая: на моей клетке пророк Сулейман начертал, что всякий, кто зайдет в нее — будь то зверь или человек, — станет мужем этой девушки.

— Ну, если так, то разреши мне забраться в клетку. Я очень хочу стать зятем крестьянина. Ведь я служу моему хозяину с малых лет. Уступи мне, Канчиль, а сам ты легко найдешь себе какую-нибудь другую жену.

— Что ж, если ты и впрямь так хочешь жениться, я могу тебе помочь. Кто хочет стать женихом, должен только залезть в клетку. Сбрось камень, который лежит сверху, и выпусти меня. А потом забирайся сюда сам!

— Хорошо, я сделаю все, как ты сказал.

Пес сбросил камень на землю и перевернул клетку. Дверца открылась, и Канчиль тотчас же выскочил на волю. Как только Пес залез в клетку, Канчиль закрыл ее и снова завалил камнем. И тут он радостно воскликнул:

— Желаю тебе удачи, Пес-жених! Всего хорошего! Сиди смирно, а я пошел!

С этими словами Канчиль выбежал со двора и помчался прочь без оглядки.

На следующее утро один из сыновей крестьянина вышел из дому и взглянул на клетку. И что же он увидел? В клетке сидел Канчиль... ростом с собаку. Мальчик стал громким голосом звать отца, чтобы рассказать ему о случившемся. Крестьянин поспешно выбежал на заднюю веранду, взглянул на Канчилю и убедился, что тот действительно очень вырос. Но, приглядевшись получше, он понял, что в клетке сидит не Канчиль, а пятнистый Пес. Крестьянин выгнал Пса из клетки и принялся избивать его палкой, да так сильно, что тот завыл от боли. А крестьянин со злобой приговаривал:

— Паршивый Пес, не понимает, кто друг, а кто враг. Щенком я его взял, растил, кормил, воспитывал, а что толку? Одни только беды от него! Того, кто сидит в клетке, он выпускает на волю, а сам залезет в нее! Видно, захотел, чтобы его зарезали на обед. Да только кому охота есть жаркое из собачатины?

Наконец крестьянин перестал избивать Пса и отпустил его. Тот с жалобным воем пустился наутек, — он боялся, что ему опять достанется от хозяина. Бежит он и думает: «Обманул меня этот подлый Канчиль. Ни одного слова правды не сказал, все — сплошная ложь. Ну, теперь мы с ним заклятые враги на всю жизнь. Если только он попадетсЯ мне в лапы, я его тут же загрызу в отместку за все беды, которые он мне причинил. Пусть сам я свалял дурака — ведь все знают, что звери на людях не женятся, — но я не позволю, чтобы надо мной так издевались».

НА РЫБНОЙ ЛОВЛЕ

Кабан отчитывает Канчиля

Удрав из дома крестьянина, Канчиль несся как на крыльях. Он даже ни разу не обернулся назад, опасаясь, что за ним гонится крестьянин с собакой. Он бежал к югу, по слоновьей тропе, и в пути ему приходилось преодолевать множество препятствий.

Неожиданно он повстречался с Кабаном. Тот посмотрел на него и вежливо сказал:

— Здравствуй, Канчиль. Ты очень торопишься, как я погляжу. Можно подумать, что у тебя важное дело.

— Так оно и есть. Я иду на речку рыбу ловить.

— Можно мне с тобой пойти?

— Рыло у тебя раздутое, нос у тебя расплющенный, как блин, и такая образина хочет пойти со мной. Ни в коем случае — ты только всю рыбу перепугаешь.

— Очень ты груб, Канчиль. Язык у тебя без костей, вот ты и болтаешь все, что взбредет в голову. Сначала на себя посмотри! Думаешь, ты очень красив? Носишься всюду как угорелый... И душа у тебя черствая — только попрошайничать любишь, а сам ведь никому ничего не дашь... А все потому, что ты злой и не думаешь о том, чтобы кому-нибудь сделать приятное. Очень уж ты заносчив! Что это, твоя река? Она принадлежит радже, и рыба в ней общая. Как же ты смеешь запрещать мне идти туда? Вот я тебе проткну брюхо клыком, тогда перестанешь важничать. А ну-ка, поговори еще, если тебе жизнь надоела!

Тогда Канчиль ласково ответил:

— Хорошо, Кабан, пойдем со мной. Возьми рыболовную сеть.

Тигр тоже хочет ловить рыбу

Канчиль продолжал свой путь вместе с Кабаном. По дороге они встретили Тигра.

— Куда вы так торопитесь? — спросил Тигр. — Какие у вас дела?

— Я иду на речку ловить рыбу.

— А можно мне пойти с вами, Канчиль?

— Ишь чего захотел. С ног до головы ты полосатый, пасть огромная и

страшная, усы торчат в разные стороны, глаза красные, как спелые плоды саги. Пожалуй, все рыбы разбегутся, взглянув на твою рожу. Нечего тебе за нами увязываться!

— Совсем обнаглел ты, Канчиль. Прежде чем говорить, надо все-таки думать, а не трепать без толку языком. Отвечать на вопросы надо вежливо, а не грубить, как ты! Так и головы лишиться недолго. Может, ты и в самом деле ко мне в брюхо угодить задумал? Едва ли! А раз так, то не болтай зря, а думай, что говоришь. Слова иной раз бывают острее кинжала.

— Ну ладно, пойдем с нами рыбу ловить. Только возьми вершу!

И для слона нашлась работа

Звери продолжали свой путь на юг втроем. Канчиль шел впереди, а Тигр и Кабан следовали за ним. Вскоре повстречался им Слон.

— Скажи мне, Канчиль, — спросил он, — куда вы все так торопитесь?

Канчиль грубо ответил:

— Своими вопросами ты нас только от дела отвлекаешь.

Мы идем на речку ловить рыбу.

— Можно и мне с вами, Канчиль?

— И ты хочешь за нами увязаться? Ноги у тебя толстые, как бревна, глаза узкие, как у свиньи, уши развесистые, как пальмовые листья, сам ты огромного роста. Если ты пойдешь с нами рыбу ловить, из-за тебя только тесно будет. Проваливай отсюда, да поживее!

Слон рассвирепел:

— Хочешь ты того или нет, а я все равно пойду. Будешь мешать, полезу напролом. Дерзить вздумаешь — убью тебя. Поговори мне еще — от тебя и мокрого места не останется!

Испугавшись, Канчиль ответил:

— Хорошо, Слон, пойдем с нами, но только тебе тоже придется работать: Ты запрудить реку, чтобы Тигру и Кабану, легче было ловить рыбу. Я буду распоряжаться, а вы все должны меня слушаться и не вздумайте мне перечить. Ну, пошли на речку!

Великан съедает всю рыбу

Добрались звери до реки, а рыбы в ней видимо-невидимо. Слон запрудил реку, а Тигр и Кабан начали вычерпывать воду. Канчиль сидел на

берегу и только распоряжался. Когда вычерпали всю воду, показалось дно, на котором билась рыба. Оставалось только собрать ее. Тигр и Кабан выволокли ее на берег и разложили на две кучки. Канчиль велел Кабану стеречь рыбу. А так как на четверых ее все равно не хватило бы, надо было продолжать ловлю. Канчиль, Тигр и Слон опять спустились к реке. Но только они ушли, откуда ни возьмись появился лесной великан. Кабан так и обмер от страха. А великан сказал:

— Эй, Кабан, чья это рыба?

— Моя.

— Ну, раз ты умеешь ловить рыбу, то отдай ее мне.

Кабан, трясаясь от страха, ответил:

— Эта рыба принадлежит не только мне.

— Я не знаю, кому она принадлежит, и меня это мало интересует. Я знаю одно: мне надо съесть ее всю без остатка. А если я не буду сыт, то я, может быть, и тебя съем в придачу!

Услыхав эти слова, Кабан совсем струсил, побежал к Канчилю и сказал ему, что лесной великан съел рыбу. Канчиль рассердился и воскликнул:

— Великан съел? А почему же ты не стеречь ее?

— Да я стеречь-стеречь, а он все равно съел. Сказал, что если не наестся, то и меня проглотит.

Канчиль сердито проворчал:

— Я был прав — нечего с таким рылом на рыбную ловлю ходить. Один только вред от тебя! Ну ладно, пусть теперь Тигр стережет рыбу. У тебя, Тигр, острые клыки, да и когти что надо. А мы с Кабаном и Слоном пойдем вычерпывать воду!

Тигр пошел туда, где сложили рыбу. Но, увидев великана, он струхнул и помчался к Канчилю. Прибежав, он сказал, что ему не под силу уберечь от великана рыбу. Канчиль очень удивился и спросил:

— Откуда у тебя такая трусость? Он, правда, клыкастый, но ведь ты тоже клыкастый, к тому же у тебя острые когти. Ты можешь вспороть ему брюхо и выцарапать ему глаза. Чего же ты струсил? Видно, храбрости у тебя только на козлят хватает. А еще полосатый с головы до ног. Теперь уж, Слон, твоя очередь стеречь рыбу. Ведь ты такой большой и сильный! А мы пойдем вычерпывать воду.

Слон пришел туда, где сложили рыбу, и увидел, что лесной великан молча и жадно пожирает ее. Съев все без остатка, великан ушел. Вернувшись к Канчилю, Слон рассказал ему, что вся рыба уже съедена. Канчиль очень рассердился:

— Что толку от твоей здоровой туши? Даже рыбу не сумел сберечь —

все великан сожрал! Глаза у тебя как щелки, оттого ты так глуп! Зря мы только воду черпаем — все равно всю рыбу великан съедает. Ни у кого из вас не хватает смелости прогнать его. Черпайте вы все воду, а я буду сам стеречь рыбу! Уж я-то справлюсь с великаном, — он не посмеет так поступать! Если ему хочется рыбы, пусть работает. А то он совсем обнаглел — есть любит, а работать не хочет. Ну, теперь берегись, жалкий великанище!

Канчиль вешает великана

Канчиль сел на кочку и стал стеречь рыбу, которую животные успели выловить. Ободрав кору с дерева вару, он разорвал ее на тонкие полоски и сплел их концами. Опясавшись этим лыковым жгутом, он привязал его к стволам соседних деревьев.

Вскоре показался великан. Он приближался прыжками — видно, хотел нагнать на Канчиля страх. Но Канчиль молча продолжал рвать кору на полоски и связывать их концами. Он даже не потрудился хотя бы разок взглянуть на великана.

Тот очень удивился, увидев Канчиля за этим занятием, и спросил, в чем дело. Но Канчиль продолжал молча трудиться. Тогда великан заискивающе проговорил:

— Пожалуйста, Канчиль, объясни мне, для чего ты это делаешь?

Канчиль сердито ответил:

— Не мешай работать, великан! Этим вопросам нет конца! Хоть ты и лесной великан, видеть ты ничего не видишь и слышать ничего не слышишь! Разве ты не знаешь, что сказал пророк Сулейман, владыка над всеми людьми, джинами, чертями, духами и великанами, владыка над всеми зверями и всеми живыми существами? Он сказал, что сегодня будет потоп. Ты, конечно, будешь смыт потоками воды. Так что перед смертью можешь полакомиться рыбой напоследок!

Великан заговорил ласковым, льстивым голосом:

— Канчиль, помоги мне. Посоветуй, друг, где мне спрятаться!

— Это просто, я готов тебе помочь, но недаром люди в старину говорили: за помощь великаны обязательно злом отплатят. Душа у лесных великанов черная, жестокости у них хоть отбавляй, доброту они не ценят, все на своем пути рушат и ломают, всех они ненавидят, делают подлости каждому встречному и поперечному, лучшего друга оставляют в беде. Любят они клеветать и сплетничать, чуть что — впадают в ярость, чужое

добро объявляют своим, а сами жадины. Нет у них ни стыда, ни совести, попрошайничать они всегда готовы, а сами никому ничего не дают — вот они какие, лесные великаны. Короче говоря, скряги они безжалостные и за добро всегда злом платят. Так что помощи от меня не жди! Ведь я знаю, что на мой добрый поступок ты ответишь какой-нибудь злобной выходкой.

Великан очень растерялся:

— Я больше не буду есть вашу рыбу. Послушай, Канчиль, ведь ты мне друг, правда? Пожалуйста, не думай, что я такой же, как и все великаны! Я ведь совсем другой. А тебя, Канчиль, я считаю своим родным братом. Я исполню все, что ты скажешь, и никогда в жизни не обману тебя.

— И тебе можно верить?

— А почему же нет, Канчиль. Ну, хочешь, я поклянусь, чтобы ты поверил?

— Это ни к чему. Если ты даже поклянешься, кто тебе помешает нарушить клятву? Но если ты в самом деле готов следовать моим советам, делай то же, что и я!

Великан тотчас начал рвать на тонкие полоски кору дерева вару и связывать их концами. Через некоторое время Канчиль сказал:

— Слишком тонкий получается жгут. Он наверняка порвется, если ты им обвяжешься. Посмотри, во сколько раз ты больше меня! Во столько же раз твой жгут должен быть толще моего.

Тут Канчиль изо всех сил рванулся сначала в одну сторону, потом в другую, но жгут из коры вару, которым он был обвязан, не разорвался. При этом Канчиль сам, конечно, старался не разорвать жгут.

— Посмотри на меня! — сказал он. — Вот видишь, мой жгут остался цел. А ведь ты такой здоровенный, куда больше слона! Тебя этот тоненький жгут не выдержал бы.

— Что же ты мне посоветуешь, Канчиль?

— Дурья твоя голова, то и дело ты задаешь вопросы, словно не видишь, как я занят. Найди корни потолще, скрути из них жгут покрепче и обвяжись им так, чтобы устоять перед натиском воды! Возьми, например, высокий ротановый тростник и сплети его втрое, наподобие каната, которым привязывают буйвола. Неужели ты еще не понял?

— Понял, понял!

— Ты должен сплести очень длинную веревку, гораздо длиннее, чем канат для буйволов! Сам подумай, какая тут длина требуется! А теперь взгляни вот на то высокое дерево сенгон, что стоит рядом с фикусом [\[25\]](#)!

Когда великан свил тройную веревку из ротанового тростника, он протянул ее от сенгона к фикусу. Между двумя деревьями он положил

бревно, чтобы сидеть было удобнее, а над бревном укрепил петлю. После этого Канчиль велел лесному великану испробовать крепость веревки. Великан встал на бревно, протянул руку кверху и ухватился за ветку фикуса, чтобы выпрямиться. Затем, обмотавшись веревкой, он просунул голову в петлю, чтобы держаться крепче.

— А ну-ка, попробуй посильнее дернуть, пока вода не подступила, — лопнет твоя веревка или нет? — серьезно сказал Канчиль.

Великан тотчас же повис всей своей тяжестью на веревке, но она была настолько прочна, что выдержала его вес. Великан обрадовался и сказал:

— Ну, теперь я уже ничего не боюсь, Канчиль веревка меня свободно выдерживает.

А Канчиль ответил:

— Ты рассуждаешь, как последний глупец. Ведь вся твоя сила во сто крат слабее напора воды. Попробуй-ка еще разок — рванись всем телом, да посильней! А потом подними руки и ноги кверху и повисни, ни за что не держась. Поддерживать тебя будет только петля на шее, но ты, конечно, не упадешь, потому что веревка очень прочная. Если же ты не веришь, что вода гораздо сильнее тебя, то убедишься в этом, когда тебя разнесет на куски.

Великан послушался Канчиля. Он опустил руки и прыгнул с бревна. Веревка резко натянулась, и в то же самое мгновение великан, обессилевший, повис без движения; руки и ноги у него обмякли, из раскрытого рта вывалился язык, а глаза вылезли на лоб, Канчиль пришел в восторг.

— Сдохни! — закричал он великану. — Больше не будешь жрать нашей рыбы! А ума у тебя не больно много, далеко тебе до меня!

Затем Канчиль позвал своих друзей и рассказал им, что он повесил великана. Увидев, что это действительно так, Кабан, Тигр и Слон очень удивились. Как это такому маленькому Канчилю удалось повесить такого большого великана? Все они стали бояться Канчиля и слушаться его.

Затем Канчиль велел Слону разделить рыбу. Тигр сказал:

— Весь улов надо поделить справедливо: кто побольше ростом, тот побольше и получит. А кто мал, тому и достанется самая малость.

Все животные согласились с Тигром, только один Канчиль не был согласен. Он с возмущением воскликнул:

— Эх ты, Тигр! Череп тебе за это проломить надо! Зачем ты предлагаешь такой дележ? Скажи по совести, кто убил великана? Тьфу, бесстыжие твои глаза! Как добычу делить, ты тут как тут, а работать не умеешь!

Тигр злобно огрызнулся:

— Вот что, Канчиль, хоть ты и умен, но скажи по чести: разве мало мы потратили сил, помогая тебе? Кто выловил столько рыбы, уж не ты ли? К тому же все остальные звери согласны со мной, один только ты хорохоришься и болтаешь лишнее.

Канчиль ссорит тигра с медведем

Увидев Тигра в такой ярости, Канчиль очень испугался, но виду не показал. Схватив всю рыбу, лежавшую перед ним, Канчиль бросил ее прямо в морду Тигру, воскликнув при этом:

— Вот тебе твоя доля! Можешь все сожрать!

После этого Канчиль поспешно скрылся. Тигру было очень больно: бросая рыбу, Канчиль засыпал ему глаза песком. Обливаясь слезами, Полосатый выл и ревел от боли. А когда боль утихла, он помчался за Канчилом. Канчиль еще не успел удрать достаточно далеко, и, хотя он бежал, напрягая все свои силы, Тигр чуть было не поймал его. В это мгновение Канчиль увидел огромное дерево с дуплом и подумал: «Ну, теперь-то я спасен», — и тотчас же забрался в дупло. Тигр подбежал к дереву и сказал:

— А ну, сдавайся, Канчиль! Теперь у тебя уже нет выхода!

— А, это ты. Тигр! — ответил Канчиль со смехом. — Большое-пребольшое тебе спасибо за то, что ты проводил меня сюда. А теперь отправляйся отсюда подобру-поздорову, потому что я очень устал и хочу отдохнуть!

Тигр совсем расвирепел от всех проделок и насмешек Канчиля. Он решил расправиться с ним раз и навсегда. Полосатый пошел за Медведем и, отыскав его, сказал:

— Я надеюсь, ты сможешь мне поймать Канчиля, который спрятался в дупле вон того дерева. Я больше не намерен терпеть его наглые выходки.

Медведь согласился помочь Тигру, и оба зверя пошли к тому дереву, где спрятался Канчиль. Канчиль, по правде говоря, не думал, что Тигр обратится за помощью к Медведю. Поэтому он испугался, увидев, что к нему приближаются оба зверя. Но он быстро сообразил, как надо себя вести, и, высунувшись из дупла, закричал:

— Ах ты бессовестный, изолгавшийся Тигр! Что же ты не выполняешь своих обещаний? Взял у меня в долг белого медведя и обещал вернуть белого, а сейчас подсовываешь черного и к тому же грязного. Не хочу я

такого брать, проваливай отсюда, да поживее!

Услыхав слова Канчиля, Медведь подумал, что Тигр обманул его для того, чтобы расплатиться за свои долги. Косолапый разъярился и набросился на Тигра, чтобы убить его. Звери начали драться, яростно насакивая друг на друга. Они сбивали друг друга с ног, царапались и кусались до тех пор, пока не начали истекать кровью. Наконец, измученные борьбой, хищники испустили дух.

А Канчиль был рад-радешенек, что оба его врага сдохли.

КАНЧИЛЬ В БЕДЕ

Канчиль обижает выдру

Жила-была Выдра, у которой был совсем еще маленький детеныш. Детеныш этот отправился как-то погулять без отца и матери. А Канчиль, пробежавший мимо, нечаянно растоптал его. Выдра, охваченная злобой, воскликнула:

— Ну, Канчиль, этого я тебе никогда не прощу! Мой детеныш погиб под твоими копытами! Ты только и знаешь что брыкаться да скакать, как трусливая лань, удирающая от охотника. Как мне отомстить тебе за смерть детеныша? Горло тебе надо перегрызть: горе за горе, жизнь за жизнь. Не желаю я с этим мириться. Я пожалуюсь самому пророку Сулейману, владыке мира! Куда бы ты ни сбежал, он тебя все равно отыщет! Если даже ты спрячешься в хвосте дракона, от пророка Сулеймана тебе все равно не уйти!

— Подожди, подожди, Выдра, не кипятись! Выслушай меня сначала! Если мне суждена кара, то я не стану убегать от нее. Но только разреши мне объяснить тебе, как все это случилось.

— Как же это случилось?

— Не потому я так быстро бежал, что вздумал порезвиться, и не потому, что испугался охотника. Дело в том, что я боялся попасть в сети.

— В какие сети? Не понимаю, о чем ты говоришь!

— Да вот Паук все время прядет паутину, и я испугался, как бы мне не попасть в его сети.

— И это правда?

— Вот если ты разберешься в этом деле, то увидишь, что так оно и есть.

— Ну, если это действительно так, то виноват во всем не ты, а Паук, и я во что бы то ни стало с ним расправлюсь. Все ясно! Побудь здесь около моего детеныша, а я пойду искать Паука.

Выдра обвиняет паука

Выдра отправилась на поиски Паука. Найдя его, она набросилась на него с бранью:

— Эй ты, негодяй, что же ты делаешь? Только и знаешь прядь свою паутину — остановиться не можешь. Даже Канчиль испугался, что попадет в твои сети! От страха он бросился бежать и растоптал моего детеныша. А все по твоей вине! Если бы ты не плел паутину, мой детеныш был бы жив! И все из-за тебя! Вот я тебя сейчас съем — отомщу за своего детеныша.

— Подожди, Выдра, успокойся сначала! Прежде чем съесть, выслушай меня: я тебе расскажу, почему я пряду паутину, и ты рассудишь, виноват я или нет! Нечего сразу приходить в бешенство!

— Что же ты мне хочешь рассказать?

— Это верно, что я пряду паутину, но вовсе не для того, чтобы поймать Канчиля. Да это ведь и невозможно: Моя паутина протянута под самыми облаками, а Канчиль ходит внизу, по земле. Разве он может попасть в мои сети? Конечно, нет! К чему же вся его беготня и прыжки? Так что ты ошибаешься: Канчиль всегда носится как угорелый, хотя его никто и не преследует. А все только потому, что сам Канчиль глуп. Я же тут совсем не при чем.

— Хоть твои сети и высоко над землей, но Канчиль все равно испугался. К тому же, что толку от твоих сетей? Ишь игрушку себе нашел!

— То есть, как это что толку? Очень даже много. Ведь Ястреб то и дело проносится под облаками и очень злит меня. Он словно хвастает, что умеет летать. Ему кажется, что он самый сильный. Вот я и развешиваю сети; если оп туда попадет, я его съем. А ты еще говоришь, что я себе игрушку нашел и что от моей паутины нет никакого проку. Вот теперь и рассуди сама, а беситься зря нечего.

Если хорошенько подумать, то это верно. Ты не виноват. Это все Ястреб бестолковый! Летает, летает неизвестно для чего, вот и разозлил тебя. Ну, будь здоров! А я пойду искать виновного.

Выдра обвиняет ястреба

Выдра отправилась искать Ястреба и, найдя его, накинулась на него с бранными словами:

— Ведешь ты себя, Ястреб, не так как все животные! Только и знаешь что летать под облаками! Паук рассердился на тебя и развесил паутину. Этой паутины испугался Канчиль, бросился бежать и растоптал моего детеныша! А теперь я тебя съем, чтобы отомстить за него!

— Подожди, Выдра, успокойся! Не надо сразу так злиться! Убить ты меня всегда успеешь, но сначала узнай, виноват ли я. Если я все время летаю, то это не спроста. Дело в том, что Лягушка непрерывно квакает, а это звучит, как музыка. Вот я и танцую в воздухе.

— Ну, если дело обстоит так, то виновата прежде всего Лягушка, потому что она квакает не умолкая. Будь здоров, а я пойду к Лягушке.

Выдра думает, что лягушка виновата

И вот Выдра отправилась разыскивать Лягушку. Найдя ее, она набросилась на нее с руганью:

— Эй, Лягушка, как же ты себя ведешь! Квакаешь, не закрывая своего уродливого рта, словно тебе платят за это! Твое кваканье Ястреб принял за музыку и начал танцевать, кружась в воздухе: это разозлило Паука, и он развесил сети: Канчиль очень испугался, что угодит в эти сети, пустился наутек и растоптал моего детеныша. Вот и выходит, что ты во всем виновата, — если бы ты не квакала, мой детеныш был бы жив до сих пор! Теперь мне ничего другого не остается, как съесть тебя!

— Успокойся, Выдра, не надо так легко впадать в ярость! Я квакаю только потому, что Улитка все время таскает за собою свой дом и при этом приплясывает, а плясать без музыки не годится. Вот я и квакаю.

— Ну, если так, то во всем виновата Улитка. Будь здорова, Лягушка, я пойду разыскивать Улитку.

Выдра сердится на улитку

Выдра отправилась разыскивать Улитку и, найдя ее, злобно набросилась на нее:

— Эх ты, Улитка, разве можно себя так вести? Ведь ни одно животное не поступает так, как ты. Все время таскаешь ты за собой свой дом и при этом приплясываешь! И днем и ночью ты непрерывно танцуешь, веселясь

сверх всякой меры! Для того и Лягушка квакает, чтобы тебе веселее было плясать.

А там и Ястреб пускается в пляс, услышав лягушачью музыку. Паук сердится на Ястреба и развешивает свои сети, чтобы поймать его. А Канчиль, увидев сети, очень испугался. Бросившись бежать, он растоптал моего детеныша. Вот и выходит, что виновата во всем ты. Если бы ты не носила свой дом на спине и не приплясывала при этом, был бы мой детеныш жив до сих пор. А сейчас, чтобы отомстить за него, я проглочу тебя вместе с твоим домом.

— Успокойся, Выдра, успокойся, не надо злиться. Кто много злится, быстро стареет. Я согласна принять кару. Не буду уклоняться от нее, если я и в самом деле виновата. Но прежде чем глотать меня, постарайся разобраться по справедливости, кто здесь виноват! Ведь я таскаю за собой свой дом и днем и ночью только потому, что боюсь, как бы не приключился пожар. Светлячок разгуливает с огнем днем и ночью, а дом у меня только один. Если бы ты могла запретить Светлячку разгуливать с огнем, я бы, конечно, не стала таскать дом на своей спине.

— Ну, если так, я вижу, что ты не виновата. Виноват во всем Светлячок. Будь здорова, я пойду к Светлячку.

Выдра обвиняет светлячка

Выдра отправилась искать Светлячка. Найдя его, она обратилась к нему со словами:

— Вот что, Светлячок, так вести себя не годится! Зачем ты днем и ночью разгуливаешь с огнем? Ведь ты пугаешь всех зверей, а особенно Улитку. Из боязни, что ее дом загорится, она таскает его всюду за собой да при этом еще приплясывает. Лягушка квакает, видя, как Улитка танцует со своим домом на спине. А Ястреб пускается в пляс в воздухе, услышав лягушачью музыку. Паук тотчас же развешивает сети, потому что злится, глядя на то, как танцует Ястреб. А Канчиль от страха пускается в бегство и убивает моего детеныша. Значит, во всем виноват ты. Если бы ты не пугал Улитку, разгуливая днем и ночью с огнем, детеныш мой и сейчас был бы жив. Ну, а теперь я тебя съем, чтобы отомстить за твое нехорошее поведение!

— Подожди, Выдра, сначала выслушай меня, не надо сразу так злиться! Ведь я не зря ношу с собой огонь днем и ночью. Не потому я это делаю, что мне с огнем поиграть хочется.

Я никого не хочу пугать, и меньше всего Улитку. Дело в том, что я живу у реки в темной норке на прибрежном склоне. И мне страшно, как бы норку не залило водой. Потому что Краб и днем и ночью подкапывается под мое жилище.

— Ну, если так, то в смерти моего детеныша виноват Краб. Будь здоров, а я пойду искать Краба!

Выдра приходит к крабу

Выдра тотчас же отправилась разыскивать Краба. Найдя его, она набросилась на него с бранью:

— Эй, Краб, ты причиняешь всем одни, огорчения. Все время ты подкапываешь под берег реки.

А ведь если он обрушится и запрудит реку, то она разольется. Светлячок из страха перед потопом днем и ночью носит с собой огонь. Улитка боится, как бы Светлячок не спалил ее дом. Вот она и таскает свой дом всюду за собой, приплясывая при этом. Лягушка непрерывно квакает от радости, глядя, как танцует Улитка. Ястреб пускается в пляс, слушая лягушечью музыку. Паук развешивает сети потому, что его злит Ястреб, Канчиль, опасаясь, что он попадет в сети Паука, пускается наутек и убивает моего детеныша. Вот и получается, что в его смерти виноват ты. Ведь если бы ты не подкапывался под берег, мой детеныш был бы, конечно, жив до сих пор! А теперь в наказание я тебя съем.

— Не надо сразу приходить в ярость, подожди минутку! Я тебе объясню, в чем дело. Я все время подкапываюсь под берег потому, что злюсь на Креветку, — она ведет себя не так, как надо. Где еще найдется животное, которое всегда носит помет на своей голове? Я злюсь на нее и поэтому все время подкапываюсь под берег, чтобы завалить ее землей.

— Ну, раз так, то ты, конечно, не виноват. Если же ты зря обвиняешь Креветку, то тебе не избежать моей мести. А теперь я пойду искать Креветку. Будь здоров!

Креветка говорит, что во всем виноват краб

Выдра отправилась разыскивать Креветку. Найдя ее, она накинулась на нее с грубой бранью. А затем рассказала ей все по порядку.

Креветка ответила:

— Послушай, Выдра, не надо так говорить! Ты на меня злишься совершенно напрасно. Ты, видно, веришь каждому слову Краба.

А ведь он говорит так только потому, что затаил злобу на меня. Вот ты хочешь убить меня, а ведь я этого совсем не заслужила. Я действительно ношу помет на голове. Но ведь это же мой собственный помет, а не чужой! Чего же Краб злится? Я не просила его помочь мне носить мой помет. Как мне ни тяжело, я его ношу сама. Я никогда не дразнила Краба, никогда ничего не просила у него в долг. За что же он на меня так сердится? Можешь пожаловаться самому пророку Сулейману, если хочешь, но я здесь совсем не виновата. Подумай над этим хорошенько и не обвиняй зря тех, кто ничем не провинился! Рассуди, кто из нас прав, а кто виноват — я или Краб, и убей виновного.

Выдра задумалась над словами Креветки и согласилась с тем, что та действительно ни в чем не виновата. Но справедливости ради она сочла нужным поговорить с Крабом.

И вот Выдра пошла разыскивать Краба. Найдя его, она сказала:

— Ты почему так злишься на Креветку? Ведь она тебе ничего плохого не сделала и никогда не просила у тебя никакой помощи. Помет, который она носит с собой, — ее собственный! Какое же тебе до этого дело? Она никогда не просила тебя помочь ей, никогда не требовала, чтобы ты носил ее помет вместо нее. А ну-ка, отвечай на мои вопросы, объясни, чем виновата Креветка!

Несколько раз подряд Выдра задавала Крабу эти вопросы, но он только молчал да слезы лил. Выдра рассвирепела, набросилась на Краба, схватила его своими острыми зубами и съела. Говорят, что до сих пор выдры кормятся крабами.

После этого Выдра вернулась к Канчилю, который стерег мертвого детеныша. Она сказала, что уже примирилась со смертью выдренка и довольна тем, что отомстила Крабу, который был во всем виноват. На этом кончается сказка о Выдре и Канчиле.

НЕБЛАГОДАРНОСТЬ

Канчиль просит быка помочь крокодилу

На самом берегу широкой реки росло покосившее дерево джавиджави. Ветви его нависли над рекой так низко, что в дождливое время

доставали до воды. У самого основания ствола было большое отверстие, похожее на пещеру. Корни дерева свешивались в реку, и многие из них были давно уже размыты водой. Ствол еле-еле держался на уцелевших корнях, так что даже смотреть было страшно. Люди не решались подходить к этому дереву. И только животные в жаркую погоду отдыхали там на песке, намытом рекой во время разлива. Когда Крокодил вылезал на берег, он пристраивался обычно между корнями дерева. Как-то раз, когда река разлилась, Крокодил забрался под дерево и заснул там, уткнувшись мордой в песок. А когда вода спала, он продолжал храпеть, не зная, что река снова вошла в свои берега.

Неожиданно налетел сильный ветер, дерево джави-джави закачалось и рухнуло, придавив Крокодила. Он проснулся в испуге и, напрягая все свои силы, попытался выползти из-под дерева. Но ствол такой тяжелый, что Крокодил никак не мог из-под него выбраться. От боли он застонал и стал звать на помощь.

А в это время к реке подошел Канчиль. По своему обыкновению, он собирался сначала выкупаться, а потом погреться на солнышке. Зверек вздрогнул от неожиданности, увидев рухнувшее дерево джави-джави, а под ним Крокодила, молящего о помощи.

Тут Крокодил заговорил ласковым голосом:

— Мой дорогой Канчиль! Ты всегда готов помочь ближнему, у тебя чистая душа и доброе сердце, преисполненное благородства! Ты пришел сюда как раз вовремя, спасти меня от смерти. Сжался надо мной, помоги мне выбраться из-под дерева джави-джави. Тебе будет нетрудно свалить этот ствол с моей спины, — ведь ты можешь призвать на помощь любое животное! Ни один зверь не ослушается тебя, все будут рады сделать то, что ты велишь!

Канчиль ответил:

— Подожди, имей терпение! Сначала выслушай меня! Ты заговорил так ласково только потому, что попал в беду и тебе угрожает опасность. Но в душе все равно остаешься злодеем. Расхваливая меня, ты поступаешь совсем как нищий, расточающий похвалы богачу за его щедрость. Он льстит напропалую — лишь бы выпросить что-нибудь. Так и ты с твоими льстивыми речами: хочешь уговорить меня, чтобы я тебе помог. Но я-то знаю твою подлую натуру. Ты никогда за добро не бываешь благодарен!

Крокодил продолжал:

— Не надо так думать, Канчиль! У меня и в мыслях не было льстить тебе. Ведь ты и в самом деле на редкость умный и ловкий. Кто не слышал о твоём великодушии, кто не знает, как ты любишь делать добро, как чуждо

тебе всякое зло!

— Твои сладкие речи только возмущают меня, и я верю тебе все меньше и меньше. Не нравится мне такая безудержная лесть! Я хорошо знаю, что наш долг помогать тем, кто попал в беду. Поэтому и тебе нужно помочь. Но имей в виду: я помогу тебе вовсе не потому, что ты наговорил мне приятных вещей. Все звери должны помогать друг другу, особенно в беде. Только поэтому ты и можешь надеяться на мою помощь. А теперь замолчи, хватит меня расхваливать!

И тут Канчиль отправился в лес за подмогой. Там он встретил Быка и сказал ему:

— У меня к тебе просьба, дружище Бык. Помоги Крокодилу, — на берегу реки его придавило дерево джави-джави, и он вот-вот околеет!

Бык ответил:

— Выполнить твою просьбу, Канчиль, все равно что самому в петлю залезть. Знаешь поговорку: «Шел налегке — взял булыжник на плечо». Зачем помогать Крокодилу? Пусть сдохнет! Так или иначе, ничего хорошего от него не дождешься! Все страдают от его жестокости, лжет он, не знает меры, — одним словом, с какой стороны на него ни взглянешь — сплошная подлость. Помогать ему — все равно что помогать злодею; хоть мы сами преступления не совершим, но уж подавно и ничего хорошего не сделаем. А злодей всегда за добро злом платит, такая уж у него натура. Как говорит пословица: «Я тебе меду, а ты мне — яду». Разве не так?

— Это все правильно, ничего не скажешь. Злодея в друзья брать нельзя. Но не забывай, что наш долг помогать ближнему, не ожидая никакой награды. А особенно благородно мы поступаем, когда приходим на помощь своему врагу, попавшему в беду. Если же мы помогаем только друзьям, то этим никого не удивишь, благородства тут особого нет. Так что послушайся меня, Бык, пойдем со мной и сделаем все что нужно, пусть это даже будет опасно для жизни. Сам я готов с радостью умереть, если это нужно, чтобы помочь ближнему. А еще больше я буду рад оказать помощь своему врагу.

Канчиль и Бык отправились в путь. Быку было жарко, и он искупался в реке. Потом они подошли к Крокодилу. Едва дыша, тот проговорил:

— Друг мой Канчиль, помоги мне скорее! Скажи своему приятелю Быку, чтобы он поднял рогами дерево джави-джави и освободил меня!

Канчиль ответил:

— Так он и сделает, но только ты сначала поклянись, что не отплатишь за добро злом, если Бык поможет тебе.

Крокодил воскликнул:

— Напрасно ты все это говоришь, Канчиль. Где это видано, чтобы за добро платили злом? Разве я на это способен? Не собираюсь я обманывать Быка, мне даже и не снилось такое. Разрази меня гром на этом месте, если я вру!

Тогда Канчиль сказал Быку:

— Ну, приятель, подними-ка это дерево!

А Бык ответил:

— Мне не под силу поднять такой большой ствол, к тому же он еще держится корнями в земле.

Канчиль обошел дерево со всех сторон и призадумался. Вскоре он нашел выход из положения.

— Я придумал легкий способ приподнять дерево. Стоит только подрывать все корни, уходящие в землю, как ствол сразу же свалится в воду, — ведь его больше ничто не будет удерживать. А ну-ка, Бык, подцепи рогами эти корни! Увидишь, как покатится дерево!

Бык подумал: «А ведь Канчиль прав». И тут он, не жалея сил, принялся за работу. Глаза у него налились кровью, и он с разбегу стал взрывать рогами землю, которая так и летела в разные стороны. Корни лопнули, и дерево джави-джави со всего размаху плюхнулось в воду с таким оглушительным треском, что рыбы в реке до смерти перепугались. Нижняя часть ствола взлетела кверху, и Крокодил облегченно вздохнул — на него уже больше не давил тяжелый ствол, и он был спасен от смерти.

Бык несет крокодила в реку

И тут Крокодил сказал:

— Послушай, Бык, я очень хочу, чтобы мы с тобой стали друзьями. Не думай, что я хуже Канчиля! Я тебе очень многим обязан. Как мне отплатить тебе за все? Ведь если бы не ты, дерево джави-джави раздавило бы меня в лепешку. А в лучшем случае я умер бы от голода. Ах, друг мой, я что-то очень ослабел. Прошу тебя, снеси меня в реку, а то я больше не в силах передвигать ногами!

А всем известно, что Крокодил, даже очень больной, попадая в воду, тотчас же оживает и набирается сил.

Услышав ласковые слова Крокодила, Бык решил исполнить его просьбу. Крокодил забрался на спину Быка, и тот поднес его к самой воде. Тут Канчилю стало не по себе — он очень испугался за Быка. Вскочив на большой камень, зверек стал внимательно следить за действиями

Крокодила.

Крокодил сказал:

— Пожалуйста, Бык, подтащи меня поближе к середине реки — взялся помочь, так уж помогай!

В душе Крокодил уже нарушил свою клятву и задумал расправиться с Быком.

Бык возразил:

— Я и так уже зашел в воду, а это для меня дело непривычное.

Крокодил ответил:

— Тебя просят немного пройти вперед, есть из-за чего шум поднимать!

Он уже готов был затеять ссору.

Бык сказал:

— Хорошо, я выполню твою просьбу... Ну вот, теперь я уже по горло в воде. Слезай, а то мне тяжело — я ведь очень устал, взрывая рогами землю. Да и не так-то легко таскать тебя на моей спине. Слезай, я хочу поскорее вернуться на берег!

Крокодил ответил:

— На берег хочешь? Иди, иди, я тебя не собираюсь держать! Только оставь здесь свой загривок, уж очень он мне понравился! На вид он жирный и вкусный, а я голоден — целых два дня ничего не ел. Небось сам знаешь! Раз уж ты меня пожалел, то жалея теперь до конца. Если ты не отдашь мне загривку, я не слезу с твоей спины. А начнешь буянить, тебе не поздоровится — я тебя на месте прикончу!

Услыхав слова Крокодила, Бык до смерти перепугался. Что было делать? Из реки выбраться не так-то просто, сопротивляться невозможно. «Не уйти мне от беды, — подумал Бык, — съест меня Крокодил». И проговорил со слезами:

— Ах, Крокодил, вспомни, сколько хорошего я для тебя сделал! Кто, как не я, с таким трудом выкорчевал дерево джави-джави? Что с тобой было бы, если бы я не стащил этот ствол с твоей спины? Неужели ты все забыл? А теперь ты хочешь съесть мой загривок. Разве я могу с ним расстаться? Да ведь это все равно что расстаться с жизнью! Будто ты не знаешь, что у меня только один загривок. Если ты его выгрызешь, то ведь новый не вырастет. Это только у ящерицы вырастает оторванный хвост. А я от этого умру.

— Загривок или жизнь — все одно. Придется тебе расстаться и с тем и с другим.

— Ну, если так, то ты идешь наперекор всем правилам и обычаям. Я

спас тебя от смерти, а ты хочешь погубить меня. Ведь со времен Адама и до сих пор такого еще не было, чтобы за добро злом платили.

— Насколько я знаю, дело обстоит совсем не так, а как раз наоборот. Кто делает добро, ничего хорошего не ждет — ему всегда злом платят. Так уж повелось с давних пор.

Что думает об этом лимас [\[26\]](#)

Бык совсем приуныл: он с Крокодилом по-хорошему разговаривает, а в ответ одни грубости слышит. Вскоре Бык увидел Лимаса, которого течение медленно относило вниз по реке, и обратился к нему со словами:

— Послушай, Лимас, остановись на минутку! Пожалуйста, разреши наш спор с Крокодилом. Разве правда, что надо платить злом тому, кто делает добро?

— Не могу я решить ваш спор. Я лучше расскажу о самом себе. Когда я стал Лимасом, Человек полюбил меня, мыл и чистил, на руках носил. Потом он наполнил меня вареной рыбой и стал держать в своем доме, заботливо прикрывая платком. Во время торжественного обеда в доме сельского старосты меня поставили на самое видное место. Когда же то, что хранилось во мне — рыбу и рис, — вся семья съела без остатка, Человек выкинул меня на улицу да еще поддал ногой. Я упал в реку, поплыл вниз по течению и оказался здесь. Судите же сами!

Крокодил воскликнул:

— Ну, Бык, довольно болтать! Давай сюда свой закрик! А то, если хочешь, могу тебя и вовсе задрать, чтобы полакомиться твоим сердцем!

Рассказ корзинки радует крокодила

Бык сказал:

— Подожди немного, вот по течению плывет Корзинка. Спроси, что она думает по этому поводу! Эй, Корзинка, обожди минутку, разреши наш спор с Крокодилом! Разве можно за добро злом платить?

И тут Бык рассказал все по порядку.

Корзинка ответила:

— Не мне разрешать ваш спор. Расскажу я лучше о себе. Когда я стала Корзинкой, один Человек продал меня другому за большие деньги. Мой новый хозяин ухаживал за мной и любил меня. Каждый раз, после того как

во мне парили рис, он тщательно ополаскивал меня, а когда я была чистая, он вешал меня на жердь или ставил на полочку. Вот так мне и жилось в доме у Человека. А когда я сломалась, меня выкинули в реку. Теперь я здесь. Судите же сами!

Крокодил сказал:

— Что тут еще обсуждать, Бык? Ведь я говорил, что за добро надо злом платить!

Быка огорчает рассказ рваной циновки

Бык сказал:

— Потерпи еще немного, Крокодил! Вон плывет Рваная Циновка, я спрошу ее, что она думает по этому поводу. Эй, Циновка, остановись на минутку! Разреши, пожалуйста, наш спор с Крокодилом. Разве в самом деле полагается за добро злом платить?

И тут Бык рассказал все по порядку.

Циновка ответила:

— Я не могу разрешить ваш спор, я лучше расскажу о самой себе. Когда я стала Циновкой, меня сразу же купил один Человек. Он уплатил очень большие деньги тому, кто сплел меня из тростника. Мой хозяин любил меня и всегда держал на своем ложе. Если на меня попадало хоть немного грязи, он мыл меня. Стоило дождю промочить меня, он вывешивал меня на солнце сушиться. Так я и жила. А когда я порвалась, мною стали пренебрегать. Из дома меня выкинули во двор. Куры топтали и пачкали меня, но теперь уже никто меня не мыл. Постепенно я стала расползаться, и меня выбросили в помойную яму. Там было мокро, грязно и жарко. А во время сильной грозы потоки воды смыли меня, и я попала в реку. Так я очутилась здесь. Вот и подумайте сами о моей судьбе!

Крокодил сказал:

— Чего же тут думать, Бык? Где ты еще хочешь искать справедливость?

Лань берется разрешить спор.

Лань не торопясь прогуливалась недалеко по берегу, словно она и не знала, что в реке Бык с Крокодилом. Вскоре Бык окликнул ее:

— Послушай, Лань, остановись на минутку! Разреши наш спор с

Крокодилом. Скажи, кто из нас прав?

Лань сделала вид, что испугалась, а потом, взглянув на Быка, воскликнула:

— Ах, это ты! Как я погляжу, ты с Крокодилом в чехарду играешь! Какие у тебя с ним дела? Почему ты вдруг стал искать справедливость?

Бык ответил:

— Я оказал Крокодилу услугу и не думал о вознаграждении. Я только хотел, чтобы он не оплатил мне злом.

И тут он рассказал, как все произошло.

Лань стала подавать Быку разные знаки, чтобы тот вынес Крокодила на берег. Она считала, что на суше ему нетрудно будет справиться с Крокодиллом, — тут сразу пригодятся острые рога! Но Бык никак не мог понять, чего от него хочет Лань. А она подумала: «Хоть я и подаю ему знаки, все это напрасно, — у него, видно совсем рассудок помутился». Потом она сказала:

— Подожди! Для того чтобы разрешить ваш спор, надо очень хорошо знать, как было дело. Поэтому одних объяснений мне недостаточно. Выходите из воды, и пусть Крокодил ляжет на прежнее место. Как только он это сделает, я смогу разрешить ваш спор, и тогда Крокодил съест загривок Быка, как положено по всем правилам.

Бык тотчас же вылез на берег, вытащив на своей спине Крокодила. Тот был очень рад — он не понимал, что Лань его перехитрила, и думал, что она согласится с ним точно так же, как Лимас, Кврзинка и Рваная Циновка.

А Лань сказала:

— Послушай, Бык, не спускай Крокодила со спины у самого берега, отнеси его на прежнее место!

Они пришли на прежнее место, и Крокодил слез со спины Быка.

— Крокодил, — спросила Лань, — ты лежал на спине, когда тебя придавило дерево джави-джави?

— Сначала на спине, а потом перевернулся и лег на брюхо, как сейчас.

— Бык, — сказала Лань, — взрой опять рогами землю и засыпь Крокодила. Пусть все будет так, как было с самого начала!

Бык забрался на холм и начал взрывать рогами землю. Лань тоже поднялась на холм и встала рядом с Быком. Потом она спросила:

— Ну, Крокодил, так было дело?

Крокодил сказал:

— Так! Кто же из нас, по-твоему, прав?

Лань только рассмеялась в ответ.

— Это подло с твоей стороны! — со злобой воскликнул Крокодил. —

Ты меня обманула! Сейчас же скажи Быку, чтобы он отнес меня обратно в реку!

Лань ответила:

— Вот он, Бык! Скажи ему сам, чтобы он отнес тебя. Раз уж тебе так хочется полакомиться его жирным заливком, попроси его сам. Если он согласится, ешь на здоровье!

Крокодил воскликнул:

— Да ты, Лань, совсем обезумела! А ну-ка, иди сюда, я тебе откушу голову!

Лань ответила:

— Откусишь, если на то будет воля аллаха. А я сейчас не то что умирать, но и стареть-то не хочу!

И тут Лань позвала Канчиля, который прятался неподалеку.

Когда он пришел, Лань сказала ему и Быку:

— А теперь пойдете отсюда! Не о чем нам больше разговаривать с этим чудовищем Крокодилом!

И все трое отправились в путь. Шли гуськом — позади всех Бык, охранявший друзей от опасности, а впереди — Канчиль, указавший дорогу.

Увидев, что животные уходят, Крокодил забрался на холм и пустился вдогонку за Быком. Бык сразу же обернулся и в ярости уставился на Крокодила. Глаза его налились кровью. Наклонив голову, он стал потрясать своими огромными острыми рогами. Он был очень страшен. Налетая с размаху на деревья, стоявшие по обочинам дороги, он принялся выворачивать их с корнем. Потом он воскликнул:

— А ну-ка, сунься, Крокодил, если у тебя хватит смелости! Давай сразимся не на жизнь, а на смерть, если ты и в самом деле готов выдержать кровавый бой! Где-где, а на твердой земле я тебя не испугаюсь!

Крокодил порядком струхнул, увидев разъяренного Быка и тотчас же нырнул в реку.

А Бык, Канчиль и Лань отправились обратно в лес. Они стали друзьями на всю жизнь и всегда ходили друг к другу в гости.

Китайские сказки

Перевод А. Гиттельсона, Ю Осина, Б. Рифтина.

ДАЙ-ФУ — ПРИНОСЯЩИИ СЧАСТЬЕ

Совсем недалеко от нашей деревни начинаются горы. Самую высокую из них называют Горой целебных трав. С нее сбегает шумный водопад; в долине он разливается спокойной рекой, дающей воду нашему селению. Склоны горы круты и обрывисты, подняться по ним нелегко. А добраться до вершины и совсем невозможно. Путь туда преграждают неприступные скалы. И все же один человек побывал там. Гору тогда называли иначе, а как, — теперь уже все позабыли, потому что случилось все это очень давно. Но о человеке, который поднялся на вершину, до сих пор вспоминают у нас. Да он и родом был из нашей деревни.

Но лучше рассказать обо всем по порядку.

Человек тот родился в самой бедной фанзе. А когда у бедняка появляется ребенок, он приносит с собою и радость, и печаль. Едва раздался первый крик новорожденного, отец склонился над ним и сказал:

— Дитя, дитя, ты родился себе на горе; всю жизнь тебе придется биться с нуждой.

Но мать улыбнулась и ответила:

— Зачем ты так говоришь! Посмотри, какая у него высокая переносица, какие большие глаза. Уже сейчас видно, что он будет умен и красив. Наверно, он принесет в наш дом счастье. Давай назовем его Дай-фу — Приносящий счастье.

И вправду, Дай-фу, когда вырос, принес счастье многим людям. А пока он был маленьким мальчиком, отцу и матери приходилось трудиться еще больше, чем раньше. Ведь в семье прибавился лишний рот. Часто по лицу отца стекал пот, а по лицу матери катились слезы; но оба они трудились, не разгибая спины. И хотя нередко сами они оставались голодными, для Дай-фу всегда находилась в доме горсть непросеянной муки или немного овощей. Отец и мать с любовью растили сына и ждали, что скоро он окрепнет и станет им помощником. Наконец они дождались — Дай-фу исполнилось пятнадцать лет.

В ту осень вся семья Дай-фу отправилась в дальнюю горную долину, чтобы заготовить на зиму съедобных кореньев и засушить ягоду. Там их

застал холодный осенний ливень. Маленькие горные ручьи набухли, заревели и заперли все выходы из долины. Только через три дня семья вернулась домой.

Дай-фу был молод; холодный дождь не повредил ему, но отец с матерью заболели. Они метались в горячке на истертой циновке и говорили в бреду слова, которых сами не понимали. Мальчик испугался и побежал на восточный конец деревни, где жил лекарь.

Лекарь сидел за высоким прилавком. Он еле взглянул на Дай-фу, словно тот был муравьем или букашкой, и отвернулся. А когда мальчик попросил лекарства для отца и матери, он ответил:

— Вся жизнь твоих родителей стоит дешевле, чем лекарство, которое может их вылечить.

Заплавав, Дай-фу бросился к другому лекарю, к тому, что жил на западном краю деревни. Но второй лекарь оказался не добрее первого. Он сказал:

— Когда болен бедняк, его незачем лечить — он поправится сам. Или умрет.

Дай-фу побрел в свою фанзу с пустыми руками. Вместо лекарства он подавал больным воду, укрывал их рваным одеялом, поправлял жесткую подушку, набитую опилками. Что еще мог сделать мальчик!

Через несколько дней умерла мать, а за ней и отец.

Сердце Дай-фу было полно горечью и гневом. Он говорил себе: «Вырасту большим, сам стану лекарем и буду лечить бедняков во всей Поднебесной».

Говорил он об этом и своим соседям, которые были немногим побогаче его родителей. Соседи давали сироте то лепешку, то чашку супа и, вздыхая, отвечали:

— Если в реке нет воды, в ней нет и рыбы. Если у бедняка нет денег, ему не выучиться грамоте. А из неграмотного не выйдет лекаря.

— Когда хлынут потоки с гор — и сухая канава превращается в реку. Я непременно стану врачом.

Видя упорство мальчика, соседи посоветовались между собой, и каждый дал для сироты, сколько мог. Самый старший из них отвел Дай-фу в город. Там он купил хорошие подарки и поднес их врачу, который держал лавку с лекарствами неподалеку от базарной площади. Врачу понравились подарки, и он согласился взять Дай-фу в обучение.

Как же учил старый лекарь своего ученика?

А вот как. Еще до зари он кричал ему:

— Вставай поживее: раздуй огонь в очаге, приготовь мне поесть!

После завтрака учитель опять кричал, не дожидаясь, пока Дай-фу доест его обеда:

— Вымой котел! Подмети пол! Наруби хворосту! Свари рис! Вскипяти чай! Да не забудь наполнить чаны водой!

Дай-фу трудился с раннего утра, когда на востоке только начинало светлеть, и до позднего вечера, когда в темном небе загорались звезды. В этот час учитель расстилал мягкий войлок, поверх войлока — несколько одеял и кряхтя ложился спать, не забыв приказать своему ученику, чтобы тот зорко охранял лавку.

Жизнь Дай-фу была нелегка, но мальчик не жаловался. Он убирал в доме, подметал пол, а его уши слушали, какие советы дает лекарь своим больным; он рубил хворост, разжигал огонь, а глаза его смотрели, из каких трав варит лекарь снадобья. Он сторожил лавку и при лунном свете выводил пальцем на земляном полу иероглифы, что были написаны на маленьких выдвигаемых ящичках шкафа с лекарствами, а в безлунные темные ночи, когда названия лекарств нельзя было ни прочесть, ни написать, он про себя тихонько твердил их наизусть.

Так прошел год, второй и третий. Дай-фу узнал все, что знал сам старый врач. Он умел теперь разгадать с первого взгляда, какая болезнь мучит больного и какое лекарство может ему помочь.

Он помнил, как пахнет каждая травка из ста сортов целебных трав, и знал, из какого растения готовят отвар, из какого — настой, из какого — мазь.

И вот однажды он сказал врачу:

— Травы, произрастающие на земле, должны лечить всех людей, живущих на земле. Вы, врачи, лечите только богатых, а я буду лечить только бедных. Завтра утром я уйду от тебя.

Старый врач презрительно усмехнулся и ответил:

— Если бы каждый нищий, которому вздумается, мог стать врачом и открыть лекарственную лавку, небо давно бы рухнуло. Но пока оно прочно висит над нами и крепко держит небесные светила.

Больше он не сказал своему ученику ни слова.

На следующий день Дай-фу навсегда покинул лавку врача. Сборы его были недолги, ведь все, что юноша накопил за три года, хранилось в его памяти.

Он весело зашагал по дороге и к закату пришел в родную деревню. Фанза его почти развалилась, циновки истлели; только и было у него теперь имущества, что треснувший котел. Однако Дай-фу не печалился, потому что приветливое слово дороже серебра и золота, а соседи встретили его

радостно. Они приняли юношу, словно родного, накормили и стали расспрашивать. Но когда они услышали, что Дай-фу вернулся таким же бедным, каким ушел, радость на морщинистых лицах соседей потухла, и они опустили головы. Потом самый старший из них, тот, что когда-то отвел Дай-фу в город, сказал:

— Сынок, сынок, даже самая искусная хозяйка не сварит кашу, не имея рису. Как же ты без лекарств думаешь излечивать болезни?..

Дай-фу ответил:

— Я думаю так: если хочешь сварить кашу, нужно достать рису.

Наутро, еще не успели и петухи пропеть, Дай-фу уже шел на северо-запад, по тропинке, ведущей в горы. В руке он нес плетеную корзинку.

Долго бродил он в горах, поднимался на высокие перевалы, спускался в глубокие долины. В одних местах он видел только голые камни, в других — пышно росли травы, но целебных среди них он не находил, сколько ни искал. Тогда Дай-фу решил взобраться на самую высокую гору, поросшую лесом, где никогда никто не бывал. По едва заметным тропам, протоптанным дикими зверями, он поднимался все выше и выше.

Тем временем закатилось солнце, вокруг быстро стемнело и над вершинами деревьев выплыла луна. Дай-фу огляделся по сторонам: на востоке — горы, на западе — горы, на юге — горы, на севере — тоже горы.

«Не ночевать же здесь! — подумал Дай-фу. — Вернусь домой. А завтра приду опять».

И Дай-фу повернул назад. Но все кругом теперь казалось ему другим. Серые камни под лунным светом стали белыми, красные стволы сосен — черными, а по земле протянулись длинные тени. Дай-фу пошел прямо, потом налево, потом направо, но тех тропок, по которым он добрался сюда, нигде не было видно.

В ночной тишине запел соловей. И сейчас же лес словно ожил. Зарычал тигр, завyli волки, залаяли лисицы, испуганно вскрикнул фазан и взлетел с уступа скалы.

А Дай-фу все не мог найти дороги вниз, и на сердце у него стало тревожно.

Вдруг мимо него легкой поступью, почти не касаясь земли, быстро прошла девушка в зеленой одежде. Дай-фу очень удивился — час поздний, глухой, место дикое; что делать здесь женщине! Всякий зверь может ее обидеть, всякая ночная птица испугать.

«Верно, она тоже заблудилась. Нельзя бросить ее одну, — сказал сам себе юноша. — Я пойду тихонько за ней и, если понадобится, помогу».

Так он и сделал. Скоро девушка вышла на лесную поляну, освещенную

луной. Тут она обернулась к Дай-фу и спросила:

— Зачем ты идешь за мной, человек?

— Я боюсь оставить тебя одну в этот глухой час среди дикого леса.

Девушка улыбнулась.

— Мне знаком тут каждый куст, каждая былинка, каждая птица и каждый зверь. Никто меня не обидит. А что делаешь здесь ты?

— Я ищу целебные травы, — ответил Дай-фу.

— У тебя, верно, больна мать или, может быть, жена?

Дай-фу покачал головой.

— У меня нет родных, я один на свете.

— Тогда, значит, ты хочешь набрать редких трав, чтобы продать их и разбогатеть?

— Нет, — сказал Дай-фу. — Мне нужны травы, чтобы лечить бедняков, которым нечем платить за лекарства.

— И что же, нашел ты травы?

— Корзинка моя пуста, — печально ответил Дай-фу.

Девушка в зеленой одежде засмеялась.

— А мне казалось, что сегодня луна светит достаточно ярко. Посмотри себе под ноги.

Дай-фу опустил глаза и вскрикнул от радости. Он увидел то, что искал. Горная арника, останавливающая кровь, поднимала свои оранжевые соцветия, похожие на маленькие плетеные корзинки; наперстянка, та, что излечивает болезни сердца, качала своими красными и темно-желтыми колокольчиками; выглядывали из листьев бледно-лиловые цветы красавки — она успокаивает самую сильную боль и спасает людей, съевших ядовитый гриб; с ползучего стебля свешивались белые, будто вылепленные из воска, цветы и красные ягоды лимонника. Его называют увейцзы — плод с пятью вкусами. Горсть ягод лимонника возвращает силы усталому, бодрость — ослабевшему. Росли тут и другие травы, помогающие от разных болезней.

Дай-фу с благодарностью взглянул на девушку, взглянул и не смог отвести от нее глаз, так она была прекрасна.

А девушка лукаво спросила его:

— Ну, разве не ярко светит луна?

Дай-фу ответил:

— Твое лицо сияет ярче, чем луна. Кто ты, девушка, и где живешь?

— Я живу здесь, на этой горе, и повелеваю всеми деревьями, кустами и цветами. Самое большое мое богатство — целебные травы. Я прячу их от злых людей и открываю добрым. Ты самый лучший юноша в Поднебесной,

и я позволяю тебе нарвать столько трав, сколько тебе нужно. Почему же ты их не рвешь?

Дай-фу с трудом отвел глаза от лица девушки и стал рвать цветы, листья и ягоды, выкапывать корни. Скоро корзинка его наполнилась.

Когда он разогнул спину, девушки в зеленой одежде уже не было. Невдалеке быстро бежал водопад, разбиваясь о камни на тысячу потоков, и каждый поток пел свою песенку «хуа-ла-ла, хуа-ла-ла». Прямо перед ним вздымались голые скалы, и луна будто катилась по краешку этих скал.

«Скоро луна совсем скроется за вершиной, — подумал Дай-фу, — как же я найду дорогу домой?»

И вдруг он увидел, что стоит на тропинке, такой ровной и гладкой, будто ее утоптали тысячи ног. Дай-фу удивился, — почему он раньше не заметил ее? Но долго думать не стал и пошел по тропинке. Вверх взбирался он много часов, а обратный путь ему показался совсем коротким и легким. Едва начало всходить солнце, Дай-фу был уже дома.

С этого дня дверь в фанзу Дай-фу никогда не закрывалась. Бедняки шли к нему со своими болезнями и горестями. Одному он помогал лекарством, другому — добрым словом, разумным советом. Часто его будили по ночам, и Дай-фу, забыв о сне, спешил к больному. Когда он приходил в самую темную лачугу, в ней будто становилось светлее. Люди с радостью говорили:

— Недаром родители его называли Дай-фу, он и вправду приносит счастье!

Не проходило и дня, чтобы Дай-фу за всеми заботами не вспоминал девушку в зеленой одежде. Ложась спать, он говорил себе: «Завтра утром я поднимусь на гору и, может, снова увижу ее».

Но наступало утро, и кто-нибудь приходил звать его к больному ребенку или умирающему старику. Так протекали дни за днями.

Однажды к молодому лекарю прибежал мальчик лет десяти и плача сказал, что отец его умирает. Дай-фу сейчас же пошел за мальчиком. В бедной фанзе на холодном кане, лежал худой, ослабевший от болезни человек. У него болело горло, он тяжело дышал и почти не мог говорить.

Дай-фу осмотрел его и понял, что жить бедняге осталось не больше недели. Чтобы утешить больного, он сказал ему несколько ласковых, ободряющих слов. Больной облегченно вздохнул, прикрыл глаза и задремал. А Дай-фу с жалостью поглядел на него и грустно покачал головой. В это время в углу фанзы послышалось всхлипывание. Это заплакал мальчик; он понял по опечаленному лицу молодого врача, что скоро останется сиротой. У Дай-фу сжалось сердце — вот так и он сам

плакал, когда умирали его отец и мать. Юноша принялся перебирать в памяти самые мудреные лекарства и вдруг вспомнил: есть такая редкая трава — горный чай! Только она и может вылечить больного.

«Я должен найти горный чай, — подумал Дай-фу. — Надо сейчас же идти в горы!»

Мальчику он сказал:

— Жди меня. Через несколько дней я вернусь с лекарством.

Дай-фу никогда не видел горного чая. Но у его учителя была старая книга с рисунками, которую тот всегда держал под замком. Все же один раз Дай-фу удалось быстро перелистать ее. Там-то и были нарисованы листики горного чая. Эта трава растет на голом камне, на самых вершинах высоких гор.

Три дня и две ночи Дай-фу бродил по горе, где росли целебные травы. В этот раз гора не таила от него, своего богатства — целебные травы и кустарники будто протягивали к нему цветы и ветви. Но Дай-фу проходил мимо, — ему нужен был только горный чай, а его-то он нигде не находил.

К вечеру третьего дня он вышел на поляну у подножия скал, стороживших подступы к вершине. Дай-фу подумал: «На вершине никто никогда не бывал. Может, там и растет горный чай».

Он поднял голову и с тоской посмотрел на остроконечную вершину, окутанную белыми облаками. Но она казалась недоступной: каменные утесы отвесно вздымались к нему; на них не было ни расщелины, чтобы поставить ногу, ни выступа, чтобы ухватиться руками. Дай-фу огорчился. Тут он услышал знакомый шум — «хуа-ла-ла, хуа-ла-ла». Это шумел водопад, падающий с самой вершины. Молодой лекарь вспомнил — на этой поляне он уже был раньше. Здесь говорила с ним девушка в зеленой одежде. Ведь она шэньсянь — волшебница. Если бы девушка захотела, она помогла бы ему сейчас.

Не успел Дай-фу подумать об этом, как закачались сосны, заревел водопад, покатались сверху камни и на поляну выскочил огромный полосатый тигр. Шерсть у него стояла дыбом, глаза светились точно раскаленные угли, пасть широко разинута. Тигр был очень страшен, но Дай-фу поклонился ему и сказал:

— Старший брат, тигр! Ты пришел, чтобы съесть меня. Но видишь ли, я должен вылечить одного человека, иначе его маленький сын останется сиротой. Если ты меня растерзаешь, кто же поможет больному?

И вдруг Дай-фу увидел, что тигр три раза кивнул головой и приник к земле, словно подставляя спину. Дай-фу сел на спину тигра и крепко ухватился за его шерсть. Тигр разбежался и взвился вверх — только ветер

засвистел в ушах Дай-фу. Не прошло и мгновения, как они оба оказались на вершине горы. Юноша спрыгнул на землю, а тигр незаметно куда-то исчез.

Дай-фу огляделся. Кругом цвели неведомые растения; на одних цветы были красные, как кораллы, на других — желтые, как золото, на третьих — голубые, как бирюза. Их листья, казалось, были вырезаны из зеленого нефрита. А среди высоких стеблей и пышной листвы Дай-фу заметил кустики горного чая.

Он уже нагнулся, чтобы нарвать его, но сейчас же поднял голову, потому что услышал за спиной смех, такой звонкий, будто ударили в крошечный серебряный гонг.

Дай-фу обернулся.

Перед ним стояла та самая девушка, которую он повстречал в лунную ночь на горе и которая столько раз снилась ему потом. Лицо ее было нежно, как цветок вьюнка с капелькам росы, а зеленая одежда яркой, словно листья после дождя. В руках девушка держала маленькую корзинку.

— Вот ты и пришел ко мне в гости, Дай-фу, — сказала девушка. — Ни один человек еще не поднимался так высоко, но я увидела, что ты смотрел на вершину, и попросила царя зверей, тигра, принести тебя сюда. Скажи, Дай-фу, зачем ты смотрел на вершину? Не потому ли, что хотел увидеть меня?

— С тех пор, как мы встретились в первый раз, не было в минуты, когда бы я не хотел видеть тебя, — ответил юноша. — Но не стану обманывать. Когда я смотрел на вершину, я думал о другом. Мне нужен горный чай, чтобы вылечить больного человека.

Девушка тяжело вздохнула.

— Что ж, Дай-фу, вот горный чай, нарви его.

Дай-фу нарвал целую охапку горного чая и сложил его в свою соломенную шляпу. Теперь ему оставалось только попрощаться с девушкой, но вместо этого он стоял и, как зачарованный, смотрел на нее.

— Почему же ты не идешь к людям? — спросила девушка.

— Мне трудно расстаться с тобой, — тихо сказал Дай-фу.

— И я не хочу расставаться с тобой, самый лучший юноша в Поднебесной. Оставайся здесь навсегда. Разве есть на земле место чудеснее этого?!

Дай-фу уже готов был согласиться, но потом покачал головой:

— Кто же будет тогда лечить бедняков?

Девушка снова заговорила:

— Шэньсянь может попросить человека только один раз. Подумай, Дай-фу, если ты скажешь — «нет», ты больше никогда не увидишь меня.

Ты останешься?

«Останусь!» — хотел крикнуть Дай-фу, но в ушах его прозвучал жалобный плач мальчика, и он сказал:

— Я должен идти.

Девушка посмотрела на него долгим взглядом.

— Вот как бывает! Я полюбила тебя, потому что в сердце твоём нет корысти и ты думаешь о других больше, чем о себе. Но теперь то, за что я тебя полюбила, разлучает нас навсегда. Мы больше не увидим друг друга. Возьми же от меня на прощанье эту корзинку. Когда тебе понадобится какая-нибудь целебная трава, ты найдешь ее на дне корзинки. Вспомни тогда обо мне.

Она взяла Дай-фу за руку, подвела к водопаду и сказала:

— Иди!

«Как же я пойду по бурным потокам?» — подумал Дай-фу, но увидел, что перед ним не водопад, а блестящая ровная дорога вниз.

— Прощай, Повелительница ста трав! — воскликнул Дай-фу.

— Прощай! — как звонкое эхо, откликнулась девушка.

Дай-фу спустился в долину, и застывший водопад снова стал быстрым потоком, зашумел и запенился.

Молодой лекарь поспешил к бедной фанзе, где его ждали больной крестьянин и мальчик. Он пришел вовремя — силы уже покидали больного.

Дай-фу быстро заварил горный чай и дал выпить умирающему. Тому сразу стало легче.

Через неделю крестьянин смог уже подняться, и маленький сын его больше не плакал.

Дай-фу жил в нашей деревне до глубокой старости. К нему приходили больные из близких и далеких селений, и Дай-фу ни одному больному не отказывал в помощи. Но он не мог забыть девушку в зеленой одежде и был всегда печален. Только когда он видел, как счастливо смеется мать над выздоравливающим от тяжелой болезни ребенком, на сердце у него становилось тепло, и он улыбался.

А гору с тех пор называют Горою целебных трав.

КАК ЗЕМЛЯ ПРЕВРАТИЛАСЬ В СЕРЕБРО

Ван Да любил хорошо поесть, любил поговорить с соседями, любил поспать, но не очень-то любил работать.

Пока были живы отец с матерью, Ван Да ничего не делал, а если и работал, так разве что палочками для еды. Но отец и мать умерли. Некому стало кормить Ван Да.

И все-таки за работу Ван Да так и не принимался. Он ходил в гости из фанзы в фанзу, и хозяевам приходилось из вежливости хоть чем-нибудь да угощать его.

Пришла весна. Фанзы опустели. С раннего утра по позднему вечера все трудились на своих полях.

Один Ван Да бродил по деревне. То пойдет на восточный конец селения и выпросит у сторожа кумирни кусок черствой лепешки, то на западный край — к хозяину винной лавки, который иногда давал ему остатки вина, недопитого другими. А пока Ван Да шагал с востока от кумирни — на запад к винной лавке или с запада от винной лавки — на восток к кумирне, он разговаривал сам с собой.

— Ван Да, хорошо бы вкусно поесть, — бормотал он. — Но, чтобы поесть, нужны деньги. А чтобы были деньги, надо разбогатеть. Вот если бы кто-нибудь сказал тебе, Ван Да, как это сделать!

В один прекрасный день, когда Ван Да брел, как обычно, из кумирни в винную лавку, на дороге ему повстречался старый крестьянин Чжао.

Чжао остановился и спросил:

— Ван Да, о чем это ты сам с собой разговариваешь?

— О важных вещах, — ответил Ван Да. — О том, что хорошо бы вкусно поесть. Но, чтобы поесть, нужны деньги. А чтобы были деньги, надо разбогатеть. Старина Чжао, не знаешь ли ты, как это сделать?

— Знаю, — сказал Чжао. — Видишь эту горсть земли с моего поля? Хочешь, я научу тебя, как превратить землю в чистое серебро?

Услышав это, Ван Да очень обрадовался и стал просить Чжао:

— Будь другом, научи меня поскорее!

— Ну, нет, не так-то это просто, — покачал головой старый крестьянин. — Каждый комок земли на поле надо не один раз перебрать руками, прежде чем он станет серебром. Хочешь научиться — иди жить ко мне в фанзу. Только с условием: что я тебе скажу, то и будешь делать. И на полдороге не останавливаться! Учиться — так учиться до конца. Согласен?

— Согласен, — ответил Ван Да.

В тот же вечер он перебрался к Чжао. А ночью ему приснилось столько серебряных монет, что и сосчитать было невозможно.

Как только большой белый петух взлетел на загнутый кверху конец крыши и громко закричал, старина Чжао разбудил Ван Да.

Ван Да послушно встал, хотя вовсе не привык вставать так рано.

Чжао даже не позволил ему как следует потянуться. Он принес две мотыги, — одну взял себе, другую дал Ван Да и повел его в поле.

В поле Чжао принялся взрыхлять землю, и Ван Да тоже стал взрыхлять землю. Так они поднимали и опускали мотыги до тех пор, пока Ван Да не натер мозолей.

— Старина Чжао, — сказал он, — я не хочу больше учиться превращать землю в серебро. Лучше научи меня, как превратить ее в медь. Это, наверно, легче.

— Хорошо, — ответил Чжао, — с этой минуты ты будешь превращать землю не в серебро, а в медь.

И он опять взмахнул мотыгой. Со вздохом поднял свою мотыгу и Ван Да.

На второй день и на третий Чжао таскал удобрения, а Ван Да приходилось не отставать от него.

Уже целую неделю Чжао учил бездельника Ван Да. У того от усталости ныла поясница, болели ноги, горели ладони.

Но старина Чжао покрикивал на него:

— Ван Да, вспомни наш уговор: на полдороге не останавливаться! Учиться — так учиться до конца.

И Ван Да ничего не оставалось, как продолжать учиться.

Прошло два месяца. Поясница у Ван Да уже не ныла, ноги-перестали болеть. Как-то, пропалывая рис, он сказал:

— Знаешь, Чжао, я, пожалуй, готов поучиться еще немного, чтобы превратить землю все-таки не в медь, а в серебро.

Старина Чжао согласился с Ван Да.

— Конечно, серебро лучше меди.

Наступила осень. В поле созрел рис. Чжао вместе с Ван Да собрали хороший урожай. Урожай продали и получили за него мешочек серебряных монет. Половину Чжао взял себе, половину отдал Ван Да. При этом он сказал:

— Теперь ты знаешь, что весь секрет в одном слове: «лаодун!» — «трудись!»

Получив деньги, Ван Да пошел на западный край селения к хозяину винной лавки. Хозяин увидел его и поморщился — опять явился этот бездельник за даровым угощением! Однако Ван Да швырнул монету на прилавок и важно потребовал чашку самого лучшего вина.

Хозяин подал ему вино и почтительно спросил:

— Уважаемый Ван Да, откуда у вас завелись деньги?

И Ван Да ответил:

— Это старина Чжао открыл мне секрет, как превращать землю в серебро.

Потом Ван Да купил у мальчика-разносчика десять лепешек и отправился на восточный конец селения к сторожу кумирни. Увидев его, сторож сказал:

— В плохой день ты пришел. Сегодня нечем тебя угостить.

— Ну, так я тебя угощу, — весело ответил Ван Да и положил перед сторожем десять свежих лепешек.

— Ты, я вижу, разбогател, — удивился сторож, — уж не нашел ли ты клад на поле, доставшемся от отца?

— Нет, этот клад я нашел на поле старины Чжао. В будущем году постараюсь найти клад и на своем поле. Для этого надо лишь помнить, волшебное слово — «лаодун!»

ЧИНОВНИК И МАЛЬЧИК

Состарился важный чиновник и решил стать помещиком, чтобы дожить остаток дней на покое. Он купил себе землю и построил большой дом на краю деревни. От нечего делать чиновник каждый день объезжал поля крестьян и то и дело давал им непрошенные советы.

Вот едет он однажды, видит — крестьянин прореживает на своем маленьком поле рис, а выдернутые ростки бросает на межу.

Чиновник остановил коня и начал смотреть. Смотрел, смотрел и сказал:

— Неправильно ты делаешь. Рвешь да бросаешь, рвешь да бросаешь. Нет того, чтобы сосчитать толком, что у тебя за день наработано. Вот скажи, — сколько ты вырвал ростков с утра до полудня?

Крестьянин разогнулся, утер рукавом пот с лица и ответил, усмехаясь:

— А ты, господин, можешь ли сосчитать, сколько твоя лошадь сделала сегодня шагов?

Чиновник рассердился и уехал домой.

И надо же так случиться, что через неделю поросенок того-самого крестьянина забежал в сад чиновника. Чиновник схватил поросенка за задние ноги и, как тот ни визжал, потащил в амбар и запер.

Вечером крестьянин пришел за своим поросенком. Узнав крестьянина, чиновник решил отомстить ему за дерзкий ответ. Он принялся кричать:

— Твой поросенок перепортил мне в саду больше деревьев, чем ты выдернул ростков на своем поле. Ты должен возместить мне убытки. Бери

поросенка и выкорми для меня, чтобы он был весом вон с ту гору. Да смотри, поскорее, а не то тебе-худо придется.

Крестьянин взял поросенка под мышку и, опечаленный, вернулся домой. Его маленький сын узнал о беде и говорит:

— Не горюй, отец. Я сам пойду к господину чиновнику.

И он отправился в дом чиновника.

— Что тебе нужно? — спросил его чиновник.

Мальчик вынул из рукава маленькие весы и сказал:

— Почтенный господин, ты приказал моему отцу выкормить свинью весом с ту гору. Но мы не знаем, сколько весит гора. Давай сначала взвесим ее.

Чиновник покраснел и ничего не мог ответить. Ему стало-очень стыдно, что даже маленький деревенский мальчик оказался умнее его. Поэтому он поскорее продал свой дом и переехал обратно в город.

ПРОДАВЕЦ МАСЛА И ВОЕНАЧАЛЬНИК

Стрелял однажды военачальник в цель из лука. А надо сказать, что слыл он отличным стрелком. Он нарисовал на дереве кружок и приготовил десять стрел. «Сао!» — пропела первая стрела и воткнулась в самую середину круга. Выпустил военачальник вторую стрелу, и та вонзилась рядом с первой.

Одна за другой летят стрелы в цель. Вот уже восьмая, вот девятая. Одна, последняя, стрела осталась у военачальника, а круг на дереве оцетинился девятью стрелами, словно спина дикобраза.

Наложил военачальник на лук последнюю стрелу, натянул и спустил тетиву. Но в круге торчат все те же девять стрел — десятая пролетела мимо и упала где-то в стороне.

— Девять из десяти! — воскликнул военачальник. — Можно ли желать лучшего!

Вдруг он услышал, что кто-то за спиной у него засмеялся. — Оглянулся военачальник, видит — это старик, продавец масла. Верно, давно он здесь — опустил с плеч коромысло, поставил на землю кувшины, полные кунжутного и конопляного масла, стоит и посмеивается.

Обидным показалось это военачальнику. Он сказал:

— Над чем ты смеешься? Неужели ты стреляешь лучше меня!?

— Нет, — ответил старый продавец масла, — я стрелять совсем не умею. Не моего ремесла это дело. Но посмотри, начальник...

Тут продавец взял пустую бутылку, положил на горлышко медную монету с квадратным отверстием посередине, потом зачерпнул из кувшина полную ложку масла, поднял высоко над головой и начал лить масло в бутылку. Тонкая струйка конопляного масла не колеблясь висела в воздухе, словно струна натянулась между ложкой и бутылкой.

Продавец вылил одну ложку и зачерпнул другую. Десять ложек влил он так в бутылку, не расплескав ни капли. Потом снял с горлышка монету и поднес к глазам военачальника. Монета была суха, струя масла не коснулась даже краев отверстия.

— Спасибо, старик, за то, что научил меня отличать совершенное от несовершенного. Теперь я не успокоюсь, пока не достигну истинного мастерства. Приходи на это место через год.

— Я приду, — ответил продавец масла, поднял на плечи коромысло с тяжелыми кувшинами и пошел своим путем.

А военачальник разыскал десятую стрелу, вытащил из дерева девять остальных и принялся снова стрелять в цель.

ЛИСИЦА И ПЧЕЛЫ

Эту правдивую историю я слышал от старого Тан Лин-цая, что живет в маленькой деревушке у самого подножия гор. Мне она показалась поучительной, поэтому я перескажу ее вам.

Далеко-далеко в горах, в густом лесу, в дупле старого дерева устроили себе гнездо дикие пчелы. Все лето они летали от цветка к цветку, собирая сладкий сок и душистую желтую пыльцу. Труды их не пропали даром, и к осени соты были доверху полны прозрачным душистым медом. Теперь пчелы могли не бояться холодной зимы, запасов хватит до следующего лета.

И все-таки большая пчелиная семья не знала покоя. Слишком много любителей дарового угощения ходило вокруг да около. Мед любили все — от лохматого лакомки медведя до крохотной серой мышки.

Но отведать пчелиных запасов еще никому не удавалось. Пчелы-сторожа зорко несли охрану, и каждый непрошенный гость встречал дружный отпор.

Три мышки, подобравшиеся к пчелиному гнезду, так и остались лежать под деревом, насмерть зажаленные пчелами. Сам медведь махнул лапой на дупло с его вкусными запасами и маленьким свирепым народцем, после того как ему пришлось с утра до вечера обмакивать распухший нос в

холодную воду ручья.

Не оставила своих затей только рыжая лисица. Сначала она делала широкие круги, потом все уже и уже; запах меда, будто веревочкой, притягивал ее к дереву. А когда лиса приблизилась к дуплу на расстояние десяти лисьих шагов, она остановилась и потянула носом. Тут запахло медом так сильно, что лиса больше не могла вытерпеть и напрямик побежала к дереву.

В тот же миг сторожевые пчелы подняли тревогу, в дупле загудело, и тысячи маленьких бойцов напали на грабителя. Плохо пришлось лисице. Если бы не густой мех да не лисья хитрость, тут бы ей и пропасть.

Но лисица всегда остается лисицей — хитрости ее хватило бы на всех лесных жителей.

Лиса повалилась на спину, лапы вверх, хвост в сторону, лежит, не шелохнется.

Покружились над ней пчелы, пожужжали — сдохла лиса, да и только. Пчелы спели победную песню и вернулись в свое дупло. Вернулись домой даже сторожевые пчелы.

— Сегодня можно и отдохнуть, — говорили пчелы друг другу. — Такого врага одолели! Сильнее нашего племени и на свете нет.

Порадовались и легли спать.

А лисица выждала, когда в дупле все утихнет, и подкралась к самому гнезду. Просунула в дупло хвост, повертела им и вытащила назад. Теперь ее пушистый хвост было и не угнать, он стал тонкий и некрасивый, но зато сладкий-пресладкий, липкий-прелипкий. Да еще вместе с медом пристало десятка три сонных пчел. Лиса слизала с хвоста мед и съела пчел. Потом снова просунула хвост в дупло, опять облизала мед и опять сунула хвост.

Так потихоньку-полегоньку хитрая лиса съела весь мед, а заодно и всех, кто его собирал.

Старый Тан Лин-цай рассказал мне все это, помолчал и добавил:

— Жалко пчел, такой дружный, работающий народец, а вот позволил съесть себя хитрой лисице. Ты расскажи про то, что слышал, другим, пусть побольше людей узнают эту историю и подумают над ней.

Такое ведь и с людьми может случиться.

КАК СЮЦАЙ ГАО ОКАЗАЛСЯ ПЕРВЫМ В СПИСКЕ

В давние времена в Китае жил юноша из рода Гао. Однако никто в городе не осмеливался называть его просто Гао, потому что он был не

какой-нибудь обыкновенный юноша, а очень умный. Несмотря на молодые годы, он уже успел сдать экзамены на первую ученую степень. А тот, кто сдает экзамен на первую ученую степень, получает звание сюцай. С тех пор все кругом, даже отец с матерью, именовали юношу не иначе как господин сюцай Гао.

Когда господин сюцай Гао проходил по улице, ему низко кланялись и почтительно уступали дорогу. И он вполне этого заслужил. Вот посудите сами.

Сюцай Гао прочел столько книг, что если б их собрать вместе, они не поместились бы и на большой телеге. Он исписал столько бумаги, что если б сложить все листы, на которых Гао выводил кисточкой иероглифы, они заняли бы половину просторной комнаты.

О чем бы ни зашел разговор, сюцай Гао к месту и не к месту приводил пять-шесть изречений из древних книг. При этом всякому было ясно, что он высказал лишь тысячную долю своих познаний.

Словом, сюцай Гао достиг такого совершенства, что умел длинно и скучно рассуждать о любом предмете. Вдобавок ко всему Гао обладал великим поэтическим даром, и стоило ему пройти семь шагов по комнате, как в голове его складывались звучные стихи, словно две капли воды похожие на стихи старинных поэтов.

С такой ученостью сюцаю Гао, конечно, ничего не стоило бы сдать экзамен и на следующую ученую степень. Поэтому, как только Гао узнал, что в главном городе провинции скоро будут экзаменовать на ученое звание цзюйжэня, Гао стал собираться в путь.

Проводить его пришли все родные. В один голос они говорили:

— Господин сюцай Гао! Ваше ученое имя наверняка будет стоять первым в списке. Как говорится в одном из ваших изречений: «Одним шагом вы подниметесь на небо, и тогда остальным будет далеко до вас!»

Соблюдая скромность, Гао только утвердительно кивал в ответ. Про себя же он думал: «С моими-то талантами да не получить степень цзюйжэня! Есть ли что-нибудь, чего я не вычитал в книгах!? Недаром гласит пословица: „Еще не вышел сюцай за ворота, а уже знает все дела Поднебесной. Право, пословица будто про меня сложена“».

И вот сюцай Гао прибыл в главный город провинции. Он сразу же отправился к большому зданию на площади, где уже толпились соискатели высокого звания цзюйжэня. Стражник обыскивал каждого входившего, чтобы тот не пронес с собой книг или заранее написанных сочинений. Когда дошла очередь до Гао и рука стражника коснулась его плеча, сюцай презрительно усмехнулся. Пусть обыскивают его, как хотят, он все равно

пронесет с собой тысячи мудрых книг и сотни ученых сочинений. Никакому стражнику их не обнаружить, потому что все они хранятся в голове Гао.

В маленькой комнате, где уже были приготовлены все принадлежности для письма, экзаменатор объявил сюцаю Гао тему сочинения, ученый юноша рассмеялся. Но так как вслух смеяться было невежливо, он смеялся про себя — на такую легкую тему он мог написать сочинение еще десять лет тому назад. Правда, тогда ему пришлось бы смотреть, как рука выводит на бумаге иероглифы. А сейчас он может это сделать и с закрытыми глазами.

Гао и в самом деле закрыл глаза и принялся размышлять.

«Если император выбрал такую тему, — значит, она трудна для других экзаменующихся. А если она трудна для других экзаменующихся, то он, Гао, напишет лучше всех. Экзаменатор прочтет его сочинение и удивится его талантам и познаниям. Он приколет к его халату знак отличия и поздравит с новым званием. Гао станет господином цзюйжэнем Гао. А это звучит значительно лучше, чем господин сюцай Гао. Но господин цзюйжэнь Гао звучит много хуже, чем господин цзиньши Гао. Чтобы достичь звания цзиньши, надо лишь сдать третий экзамен на третью ученую степень. Гао без труда сдаст и его. А если так, то почему бы ему не сдать и главные экзамены в императорской академии? После этого слава о нем, несомненно, дойдет до ушей императора, и сам император, дивясь его мудрости, внесет своей кисточкой имя Гао в список лучших ученых Поднебесной. Тогда Гао получит право носить красный халат с зеленой оторочкой и гулять в императорских парках. А потом император выдаст за него замуж свою дочь. Гао и тут нисколько не возгордится — истинному ученому подобает быть скромным. Пусть за него гордятся жители города, в котором он родился и который он осчастливит своим возвращением. Он не станет обставлять слишком пышно это событие. Восемь носильщиков понесут его паланкин и десять скороходов побегут перед паланкином, держа разноцветные фонарики. На каждом фонарике будет начертан его полный титул, чтобы Гао самому не пришлось его повторять. Впрочем, невежественным горожанам и не выговорить его полного титула. Но Гао не обидится; достаточно и того, что они станут называть его: „Господин императорский зять“. Гао украсит свой родной город великолепным дворцом, а над воротами повесит большой гонг. Народ станет толпиться на площади перед дворцом, надеясь хоть одним глазком поглядеть на прославленного земляка. И когда Гао захочется сказать какое-нибудь изречение или прочесть сложенные им прекрасные стихи, он выйдет к

народу. Чтобы возвестить, что первый ученый Китая сейчас будет говорить, слуги ударят в гонг. Гонг загудит, призывая толпу к вниманию... Данн! Данн...»

Тут и в самом деле загудело — «данн! данн! данн!» — только не у ворот дворца императорского зятя, а в здании, где шел экзамен.

Это означало, что время, отведенное для сочинения, истекло.

На следующий день господин сюцай Гао прочел свое имя в списке экзаменовавшихся. Оно, и вправду, стояло первым, но только... под красной чертой — в списке тех, кто не выдержал экзамена.

ЛЕПЕШКА И ХВОРОСТ

Послал как-то помещик батрака в город за хворостом. Поднял его на рассвете и сказал:

— Завтрака дожидаться не стоит, вот тебе лепешка, чтоб не проголодался.

И дал батраку туань — маленькую сухую лепешку.

— Этой лепешкой и воробья не накормишь, — сказал батрак, — ведь пока до гор дошагаешь да обратно доберешься, целый день пройдет.

— Дорога — не работа, — ответил Помещик, — а хворост собрать — недолгое дело. А что лепешка маленькая, так ведь она сухая. Размочишь ее в воде — она разбухнет и станет большой. Вот ты и наешься.

Батрак еще половины пути не прошел — ему уже досмерти есть захотелось. Положил он лепешку в рот и сам даже не заметил, как ее проглотил.

Вот пришел он в горы, отдохнул немного, затянул пояс потуже, чтоб не так сосало под ложечкой, потом подобрал три хворостины, сунул их под мышку и пустился в обратный путь.

К закату вернулся батрак домой.

Увидел помещик три хворостины и давай браниться:

— Ах ты, бездельник, лепешку съел, а хворосту принес столько, что и очага не растопишь.

— Так ведь он сухой, — ответил батрак, — ты размочи его в воде, хворосту и станет много.

Что мог ответить на это помещик?!

КАК ПТИЦЫ УЧИЛИСЬ СТРОИТЬ ГНЕЗДА

Однажды феникс созвал птиц, чтобы научить их строить гнезда. К нему явились ласточка, воробей, ворона, ястреб, рогатая сова и курица.

Феникс сказал:

— У каждой птицы должно быть гнездо. Но выучиться строить гнездо — нелегкое дело. Для этого нужно много терпения, иначе ничего не получится.

Не успел он договорить эти слова, как курица стала клевать носом и тут же уснула.

Не слушала феникса и рогатая сова. Она таращила на него круглые желтые глаза и с досадой думала: «У феникса слишком пестрые перья и слишком нежный голос. Разве такой красавец может чему-нибудь научить? Напрасно я протащилась сюда».

Тут сова громко захохотала — ведь совы всегда хохочут, если чему-нибудь недовольны — и улетела прочь.

Феникс между тем продолжал:

— Прежде чем строить гнездо, надо подумать, где его строить. Лучше всего выбрать на дереве ветку с тремя развилками.

Услышав это, ястреб сказал сам себе: «Оказывается, это совсем просто. Веток с тремя развилками сколько угодно. Я уже понял, что такое гнездо!»

Ястреб взмахнул крыльями и улетел.

А феникс — царь птиц — все говорил:

— Потом надо собрать прутья и, помогая себе клювом лапами, согнуть их и положить друг на друга...

Дослушав до этого места, ворона каркнула:

— Ка-гуа! Если все дело в крепком клюве и цепких лапах, то у меня будет отличное гнездо. Больше мне и знать ничего не надо.

И, каркнув еще раз, она улетела.

Феникс объяснял дальше:

— Но гнездо не обязательно строить на развилке ветвей — еще лучше свить его под крышей дома, где будут не страшны ни дождь, ни снег...

Воробей встрепенулся:

— Вот и хорошо! Полечу скорее в город, пока другие птицы не заняли все лучшие места под крышами.

Он так заторопился, что даже забыл чирикнуть на прощание.

Но феникс еще не кончил:

— После того, как выбрано место и прутья свиты, надо принести в клюве глины и хорошенько замазать все щели. Потом следует настелить внутри сухой травы и мягкого пуха. Вот тогда и получится прекрасное

жилище.

Феникс замолчал. Маленькая ласточка, дослушавшая его до конца, вежливо поблагодарила царя птиц и улетела. Улетел и феникс, осталась только мирно спавшая курица.

Через некоторое время курица проснулась, увидела, что рядом с ней никого нет, и сказала:

— Я, кажется, немножко вздремнула. Но, право же, это лучше, чем слушать пустые речи. Недаром говорится в пословице: когда феникс садится на насест, он делает это хуже, чем курица. Чему же он меня может научить?!

И, кудахтая, она отправилась восвояси.

Так курица и до сих пор не умеет вить гнезда. Она живет в курятнике, который строят для нее люди.

Не научилась строить гнездо и сова. Днем она спит в дупле, ночью сидит на ветке и хохочет. А хохочет она, потому что всем на свете недовольна.

Ястреб нашел толстую развилку на большом дереве и кое-как устроился там.

Ворона вьет себе гнездо. Но какое это гнездо! Толстые прутья торчат из него в разные стороны, ветер продувает его насквозь, дождь поливает сверху!

Воробей живет в щелях под крышами домов.

Только одна ласточка, которая внимательно и терпеливо выслушала все, что сказал феникс, умеет вить настоящее гнездо. Гнездо ласточки снаружи облеплено глиной, внутри выстлано сухой травой и мягким пухом. Ей не страшны ни дождь, ни ветер, и птенцам ее всегда тепло и уютно.

ЧЕТЫРЕ СКАЗКИ О МА ДАНЬ-БИ

Куриные яйца

Когда Ма Дань-би только выходил из своей деревни, в соседней деревне уже поджидали его. И это не удивительно, потому что молва о человеке движется быстрее, чем сам человек. Если конечно, этот человек чего-нибудь да стоит.

А стоил ли чего-нибудь Ма Дань-би? Вот об этом-то как раз толковали по-разному. Те, кто жил за высокими глиняными стенами, у кого амбары

полны рису, считали его самым пустым человеком. А те, кто еле перебивался от одного урожая к другому, говорили, что, если бы Ма Дань-би родился богатым, он мог бы сделаться первым министром.

Кто же такой этот Ма Дань-би? Да просто бедный крестьянин из провинции Чжэцзян. Такой бедный, что все его имущество могло бы уместиться в соломенную шляпу. Зато голова его была полна всяких выдумок, а язык был острее иглы для вышивания цветов.

Много историй рассказывают в Чжэцзяне о Ма Дань-би. Но не всему можно верить. А вот об одной его проделке стоит послушать, потому что это истинная правда, без капельки лжи.

Как-то шел Ма Дань-би по дороге, ведущей в главный город провинции Чжэцзян. Там у него было важное дело. А надо сказать, путь туда не короток, и к вечеру Ма Дань-би свернул переночевать на постоялый двор. Тут собралось уже столько народу, что люди лежали на глиняном полу, как хворостины в вязанке. Вместе с Ма Дань-би вошло еще несколько путников. Но им не то что прилечь — ступить было некуда.

Ма Дань-би оглядел комнату и увидел, что в дальнем углу расселся толстый торговец, с красным, как стручок перца, носом. Вокруг себя, словно на рыночной площади, он расставил корзины и ящики.

— Посмотрите, — сказал Ма Дань-би, — этот толстяк приготовил нам место.

— Только тебя и дожидается, — засмеялся один из путников. — Я его знаю: он ездит с базара на базар, торгуя куриными яйцами, и повсюду славится жадностью и сварливым характером.

— Все это очень хорошо, — ответил Ма Дань-би и стал пробираться между ногами и головами спящих к дальнему углу.

— Куда ты лезешь, черепаший сын! — закричал торговец. — Разве ты не видишь, что здесь сию я?!

— Конечно, вижу, — ответил Ма Дань-би. — Но если немножко раздвинуть великую стену твоих корзин, тут помещусь и я, и мои товарищи. Мы идем издалека и очень устали.

— Какое мне дело до тебя и до твоих товарищей! Я заплатил за ночлег и могу занимать столько места, сколько мне вздумается.

— Мы тоже заплатили за ночлег, — спокойно сказал Ма Дань-би и протянул руку к одной из корзин.

— Что ты делаешь?! — завопил торговец. — Не смей трогать корзину!

— Ай-я, что такое в твоих корзинах, что к ним и прикоснуться нельзя? Может, ты торгуешь мыльными пузырями?

— Какие там пузыри! — проворчал торговец. — В этой корзине

куриные яйца.

— Куриные яйца! — притворно обрадовался Ма Дань-би. — Чего же ты раньше мне не сказал? Мне как раз нужны куриные яйца. Не продашь ли их мне?

— А сколько ты даешь? — сразу оживился толстяк.

— Товар у тебя ценный. По серебряной монете за штуку — согласен?

У торговца от жадности заблестели маленькие глазки.

— Одну корзину возьмешь или две? — спросил он.

— Обе возьму, — ответил Ма Дань-би. — Только прежде чем платить, надо знать, сколько платить. Давай пересчитаем яйца.

— Где же мы будем их считать?

— Да вот хоть на этом столе.

— Что ты! — забеспокоился торговец. — Стол гладкий, яйца скатятся и разобьются.

— А ты обхвати стол двумя руками, они и не скатятся.

Так сделали. Торговец широко расставил ноги, обхватил стол руками, а Ма Дань-би вынимал из корзин одно яйцо за другим и клал на стол.

Когда обе корзины опустели и на столе выросла целая гора яиц, Ма Дань-би сказал:

— Очень много у тебя оказалось яиц. Считал, считал, даже устал. Ты поддержи яйца до утра, а я посплю.

Только теперь торговец понял, как надул его бродяга.

Но что же делать?! Чуть пошевелинешься — раскатятся яйца, попадают на пол и разобьются.

А Ма Дань-би раздвинул ящики и корзины, подозвал путников и сказал:

— Я же говорил, что этот почтенный человек уступит нам место. Ложитесь; друзья, мы тут прекрасно выспимся.

Давясь от смеха, друзья улеглись.

Толстяк принялся неистово браниться. Но усталым путникам это ничуть не мешало. Они прикрыли головы куртками и спокойно проспали до самого утра.

Кто лучше видит?

На северной дороге, ведущей в главный город провинции Чжэцзян, лежал небольшой городок. В нем и решил остановиться на ночь Ма Дань-би. Тут произошла с ним вторая история, в которой, как и в первой, тоже

все до последнего слова истинная правда.

Была в этом городе винная лавка, где часто собирались друзья, чтобы побеседовать за чашкой подогретого вина. Ма Дань-би, как известно, был человек веселый — любил послушать, любил и сам поговорить. Вот он и зашел в винную лавку.

Как раз в это время за столиком сидели три сюцай. Ма Дань-би присел неподалеку и стал слушать, о чем говорят ученые люди. К своему удивлению, он услышал, что ученые люди попросту хвастают друг перед другом.

Старший сказал:

— Какое у меня все-таки прекрасное зрение: когда лопается стручок, я за сто шагов вижу, куда раскатились горошины.

Самодовольно усмехнувшись, он отхлебнул глоток вина, хотел прикрыть чашку, чтобы вино не остывало, но промахнулся и положил крышечку рядом.

Другой сюцай сказал:

— Это что! Вот у меня глаза так глаза. За сто шагов я вижу, куда ползет муравей и что он тащит.

И он начал лить вино из чайника мимо чашки.

Третий сюцай, видно, решил оставить за собой последнее слово.

— У вас, конечно, неплохое зрение, — снисходительно проговорил он. — Но скажу, не хвастаясь, вам далеко до меня. За сто шагов я прекрасно вижу, как машет крыльшками летящая мошка.

С этими словами он потянулся к чашке, пошарил по столу и смахнул чашку рукавом халата на пол.

Ма Дань-би с удовольствием слушал этот разговор. Он немало побродил по свету и хорошо знал, что, хотя начищенная медная монета блестит не хуже золотой, она не становится золотом. Он тут же, не успев и глотнуть вина, придумал, как повеселиться самому, повеселить горожан и проучить трех ученых сюцаев.

Скрыв усмешку, он почтительно поклонился.

— Осмеливаюсь выразить вам свое восхищение. Такого зрения, как у вас троих, нет ни у кого во всей Поднебесной. Однако, если в горах растут три высоких дерева, какое-нибудь из них да окажется выше. Верно, и один из вас превосходит зоркостью двух остальных. Как раз представляется удобный случай это выяснить. Дело в том, что я купил винную лавку, в которой мы сейчас сидим, и заказал новую вывеску. Завтра в полдень я повешу ее на двери. Кто из вас сможет за сто шагов прочесть иероглифы на вывеске, тот и победит.

Сюцай с беспокойством заерзали на стульях. Но что им было делать? Они приняли предложение Ма Дань-би и даже попытались сделать вид, что очень обрадовались. Потом они сразу же ушли, ссылаясь на важные дела.

Ма Дань-би остался сидеть за столиком, потягивая вино. Он ждал, как рыбак, закинувший удочку, ждет, когда рыба клюнет. И правда, рыба скоро клюнула. В лавку вернулся младший из сюцаев. Осторожно, оглядываясь по сторонам, он приблизился к Ма Дань-би.

— Почтенный торговец, — сказал он вполголоса, — у меня нет никаких сомнений, что завтра я займу первое место. Однако всякий благоразумный человек стремится исключить случайности. Поэтому я все же хотел бы узнать, что будет написано на вывеске.

— Ах, господин сюцай, — ответил, вздыхая, Ма Дань-би, — негодяй мастер взял за вывеску целую серебряную монету, и теперь я так огорчен, что даже не помню, какие слова я велел ему написать.

Сюцай сразу понял, в чем дело, и из широкого рукава его халата прямо в ладонь Ма Дань-би выкатилась серебряная монета.

— Вспомнил! — радостно воскликнул Ма Дань-би. — На вывеске будет написано: «Что просишь, то получишь».

Довольный сюцай направился к двери. В дверях он столкнулся со вторым сюцаем, быстро входившим в лавку. Оба подозрительно посмотрели друг на друга и молча разошлись.

Второй сюцай присел на стул рядом с Ма Дань-би и заговорил:

— Выиграть завтрашний спор — для меня сущие пустяки. Но ученому человеку не пристало напрягать зрение, чтобы прочесть простую вывеску, оно ему нужно для чтения мудрых книг. Скажите мне, что написано на вывеске?

— Господин сюцай, вам, который так много учился, известно, что знания не даются даром. Не скрою, вас опередил ваш достойнейший приятель. Но он был скуп, дал всего одну жалкую серебряную монету, и я открыл ему только треть истины.

Второй сюцай тоже оказался понятливым, и Ма Дань-би сейчас же ощутил на своей ладони две серебряные монеты. Тогда он сказал:

— На вывеске написано: «Что просишь, то и получишь». А за то, что вы были так щедры, я добавлю — иероглифы эти будут позолочены.

Второй сюцай ушел, а Ма Дань-би остался ждать третьего. И, действительно, тот не замедлил явиться.

— Настоящим ученым приличествует неторопливость, — сказал, увидев его, Ма Дань-би. — Верно, ваши приятели преуспели в науках куда меньше вас. Они оба уже побывали здесь.

У третьего сюцая вытянулось лицо. Но Ма Дань-би поспешил его успокоить:

— Я честный торговец и поэтому лучший товар продаю тому, кто платит больше. Всего за три серебряных монеты вы узнаете все, что знают ваши друзья, а вдобавок и то, чего они не знают. Так вот, — продолжал он, опуская в карман три серебряные монеты, — во-первых, на вывеске написано: «Что просишь, то получишь», во-вторых, иероглифы позолочены, в третьих, они обведены узкой каемочкой красного цвета.

После беседы с третьим сюцаем ждать уже было нечего, и Ма Дань-би отправился спать.

Жители города прослышали об удивительном состязании, и задолго до полудня на площади перед винной лавкой собралась толпа. Все три сюцая в новых шелковых халатах явились точно в назначенный час.

Ма Дань-би отсчитал сто шагов от двери винной лавки и пальцем провел по земле черту.

Первым на нее ступил младший сюцай. Прищурился, он вгляделся вдаль и громко сказал:

— Я ясно вижу, что на вывеске написаны четыре иероглифа: «Что просишь, то получишь».

В толпе послышались смешки.

Второй сюцай, став рядом, тоже взглянул вперед и объявил:

— Я вижу не только надпись: «Что просишь, то получишь», но и позолоту на всех четырех иероглифах.

Смех в толпе стал громче.

Третий сюцай отошел на двадцать шагов дальше черты и небрежно сказал:

— Я вижу все, что увидели мои ученые собратья и вдобавок еще кое-что. Все четыре золоченых иероглифа обведены тонкой красной каймой!

Тут в толпе грянул оглушительный хохот. Сюцай растерянно посмотрели на Ма Дань-би. А Ма Дань-би сказал, низко кланяясь:

— Почтеннейшие, сегодняшнее состязание ничего не решило: вы все трое оказались так зорки, что увидели даже то, чего никто не видит. Я раздумал покупать винную лавку — поэтому на ней нет никакой вывески.

С этими словами Ма Дань-би, забренчав шестью серебряными монетами, повернулся к сюцаям спиной и ушел прочь из города.

А что Ма Дань-би сделал с шестью серебряными монетами, вы узнаете, если прочтете следующую историю.

Теплый кан

В старой пословице говорится: у жадного человека рот сладкий, а сердце горькое. Такой рот и такое сердце были у хозяина постоянного двора, того самого двора, что в тридцати ли от главного города провинции Чжэцзян. Дорога была проезжая, место людное. Ночевало здесь много разного народа — и крестьяне, и монахи, и богатые купцы.

Хитрый хозяин, чтобы побольше нажиться, завел у себя такой порядок: кто брал на ужин белую лапшу, тот спал на теплом кане, а кто спрашивал кашу из чумизы — это, как вы сами понимаете, были бедняки, — должен был спать на холодном земляном полу.

В тот вечер, о котором идет речь, подул северный ветер и принес с собой снег. Хозяин рассудил, что в такую погоду путникам не захочется ночевать в дороге. Значит, надо ждать гостей. И он поставил на огонь два котла. В одном варилась каша из чумизы, в другом булькала вода, приготовленная для белой лапши.

Скоро на дворе послышался топот копыт, потом отворилась дверь и в комнату вошло четверо. Наметанный глаз хозяина сразу увидел, что это были погонщики мулов.

Не успели они отряхнуть снег, как вошел еще один путник.

Оглядевшись, он сказал:

— Вот и я! Знаете ли вы, зачем бывает плохая погода? Да только затем, чтобы хорошие люди могли провести вечер у очага за приятной беседой.

Хозяин призадумался — новый гость был одет, словно простой крестьянин, а лицо веселое, будто в мешочке за поясом у него всегда бренчат деньги.

На всякий случай хозяин, сладко улыбаясь, заговорил:

— Располагайтесь, как дома, дорогие гости! Здесь вас ждет теплый ночлег и сытный ужин. За недорогую плату каждый из вас получит миску прекрасной белой лапши и местечко на кане.

— Что ты, хозяин, — ответил старик погонщик, — откуда у бедняков деньги на лапшу! Дай нам каши из чумизы, от нее сыт будешь не меньше, а стоит она недорого.

С лица хозяина исчезла приветливая улыбка.

— Ну так вот, — сказал он, — ешьте чумизу, а спать ляжете на полу. Придется вам немножко померзнуть, но таков у меня порядок.

— Да ведь кан у тебя никем не занят! — воскликнул пятый постоялец.

— Все равно, — ответил хозяин, — порядок есть порядок. Кто ест

белую лапшу, тот спит на теплом кане, а кто заказывает чумизу, ночует на полу.

— Ну тогда дай мне миску чумизы, — сказал постоялец, — да свари побольше лапши.

— Сколько изволите заказать, почтенный гость? — засуетился хозяин.

— А сколько можно получить за шесть серебряных монет?

— Двенадцать мисок!

— Вот столько и свари, — сказал постоялец.

— Чтобы съесть двенадцать мисок прекрасной белой лапши, надо заплатить за двенадцать мисок.

Постоялец вытащил шесть серебряных монет и швырнул хозяину.

Скоро перед каждым из гостей стояло по миске чумизы, а перед пятым, кроме того, еще и двенадцать мисок белой лапши.

Когда с чумизой было покончено, пятый постоялец подмигнул погонщикам, пошептался с ними и вышел во двор. Вернулся он не один. За ним, топая копытами, шел мул. Постоялец подвел мула к лапше, и тот, помахивая хвостом, дочиста вылизал все двенадцать мисок.

Погонщики громко хохотали, а хозяин стоял посреди комнаты и от удивления не мог выговорить ни слова. Опомнился хозяин только тогда, когда постоялец потянул мула к теплomu кану.

— Куда ты, бездельник, тащишь скотину?! — завопил хозяин неистовым голосом.

— Мул ел белую лапшу, — значит, ему и полагается спать на кане, — спокойно ответил постоялец.

— Да после этого никто и ночевать ко мне не заглянет! — кричал растерявшийся хозяин.

— Порядок есть порядок, ты сам говорил, — возразил постоялец, продолжая втаскивать упирающегося мула на кан. При этом мул бил копытами, и куски глины сыпались на пол.

— Послушай, друг, — чуть не плакал хозяин. — На этот раз я отменяю порядок. Спите все на кане, только уведи свою скотину.

— Вот это другое дело — проговорил постоялец и увел мула.

Четверо погонщиков, держась за животы от смеха, забрались на теплый кан. Влез туда, привязав мула во дворе, и пятый гость.

А кто он был, этот пятый, вам и говорить не надо. Вы, конечно, давно догадались, что это наш старый знакомый Ма Дань-би. Кто же, кроме него, сумел бы так ловко проучить жадного хозяина!

Если вы прочтете эту сказку, вы, наконец, узнаете, куда и зачем спешил Ма Дань-би. Но для того, чтобы это узнать, вам придется сначала выслушать другую историю — о том, как крестьянин Лю искал справедливости у важного начальника в главном городе провинции Чжэцзян.

Прадед отца Лю, живший в маленькой деревне на востоке провинции, владел небольшим клочком земли, которая хоть и скудно, по все же кормила его с семьей. Он засеивал поле и снимал с него урожай много лет. После его смерти земля перешла к сыну — деду отца Лю. Так земля переходила от старшего к младшему, пока владельцем ее не стал Лю. Сам Лю тоже трудился на ней уже двадцать лет. А на двадцать первом году случилась беда.

Приехали из города какие-то чиновники, остановились в доме помещика, переночевали там, а наутро стали ходить по полям и обмерять землю. И так удивительно они ее мерили, что добрая половина поля крестьянина Лю отошла к помещичьим землям. Напрасно Лю спорил с чиновниками, — они и слушать ничего не хотели, только обругали его. Потом почтительно попрощались с помещиком и укатили.

Лю бросился в уездный ямынь. Три дня он добивался, чтобы начальник выслушал его, а когда добился, то узнал, что решить такое запутанное дело может только главный начальник главного города провинции Чжэцзян.

Пришлось Лю отправляться в дальний путь. До главного города провинции он добрался, но не так-то легко было добраться до главного начальника. Целую неделю Лю кланялся писарю, пока не догадался сунуть ему в руку серебряную монету. Только после этого писарь пустил его в комнату, где сидел главный начальник.

Лю стал на колени и начал говорить:

— Господин начальник, у меня было небольшое поле. На этом поле трудился мой отец, мой дед, мой прадед, мой прапрадед...

— Довольно, — прервал его начальник, которому вовсе не хотелось слушать бедняка в изорванной одежде, — выкладывай свое дело живее!

— Так я же и говорю, — продолжал Лю, — все поле издавна было мое, но чиновники, приехавшие из города, сказали, что половина поля не моя, а...

Тут чиновник перебил его снова.

— Да ты, кажется, подаешь жалобу. А где же твои свидетели?

— Какие свидетели, господин начальник, когда все знают, что мой прапрадед, и мой прадед, и мой дед, и мой покойный отец... — удивился Лю.

Начальник рассердился.

— Ослиное ухо, да ведь ни твой отец, ни дед, ни прадед не придут сюда из страны предков. Если ты хочешь, чтобы я разобрал твое дело, приведи ко мне твоих соседей.

Лю пустился в обратный путь. Вернулся он в родную деревню и позвал к себе четырех соседей. Один из них жил напротив Лю, фанза второго стояла позади фанзы Лю, фанза третьего — справа, фанза четвертого — слева. Когда соседи собрались, Лю рассказал им обо всем.

Соседи ответили:

— Ты беден, и мы не богаче тебя — значит, должны помогать друг другу. Мы пойдем с тобой в город.

А самый старший из соседей сказал:

— Твое дело простое, но я уже стар и знаю — начальник может запутать его так, что и сам потом не разберется. Не позвать ли нам на помощь...

— Ма Дань-би! — подхватил младший из соседей.

— Верно вы говорите, — обрадовался Лю. — Пошлю-ка л к нему своего сына. Пока мы дойдем до города, подоспеет туда из своей деревни и Ма Дань-би.

И вот сын Лю отправился в деревню, где жил Ма Дань-би, а сам Лю с четырьмя соседями зашагал по дороге, ведущей в главный город провинции Чжэцзян.

Однако, когда путники доплелись до ворот каменного дома начальника, Ма Дань-би там не оказалось.

— Видно, сын не застал его, — с огорчением сказал Лю. — Ма Дань-би занятой человек. Бедняков на свете много, а Ма Дань-би один...

Они подождали до полудня и пошли к начальнику. Должно быть, писарь еще не успел истратить серебряную монету, полученную от Лю. Поэтому он был милостив и пропустил крестьян к начальнику, всего только обозвав их земляными червями и оборванцами.

Увидев Лю и его земляков, начальник нахмурился.

— Почему так мало свидетелей?

— Господин начальник, — отвечал Лю, — вы велели привести моих соседей, вот они и пришли со мной.

— Для того, чтобы разобрать жалобу, мне нужны твои соседи и соседи

твоих соседей. Потому что, если твои соседи подтвердят твои слова, то слова твоих соседей должны подтвердить их соседи.

— Смилуйтесь, господин начальник, — чуть не заплакал Лю. — Как же я смогу привести столько народу!

— Так и быть, — сказал начальник, — я позволяю тебе привести не всех соседей твоих соседей, а только по одному соседу каждого из твоих соседей. А так как мне надоело возиться с твоим делом, позаботься о том, чтобы все эти твои свидетели были здесь ровно через час и ни минутой позже.

— Но, господин начальник, — застонал Лю, — ведь до моей деревни три дня пути...

Начальник затопал ногами.

— Ты еще осмеливаешься возражать! Вон отсюда, пока я совсем не раздумал разбирать твое дело!

Лю и его земляки так испугались, что не успели опомниться, как очутились снова у ворот дома начальника. Тут они увидели не кого иного, как самого Ма Дань-би.

— Слишком поздно! — воскликнул Лю. — Теперь даже ты не сможешь мне помочь.

И Лю рассказал ему обо всем.

Ма Дань-би засмеялся.

— Все как нельзя лучше, а ты еще огорчаешься! Пойдем на базар, съедим по горячей лепешке, это займет не больше часа.

Ма Дань-би весело зашагал к базару. Лю и его землякам ничего не оставалось, как идти за ним.

Ровно через час они все уже стояли перед главным начальником.

— Сколько раз тебе нужно повторять одно и то же? — закричал начальник. — Я велел тебе привести соседей каждого из четырех соседей, а ты привел только одного.

Тут выступил вперед Ма Дань-би.

— Осмелюсь сказать, господин начальник, — заговорил он, — я живу дальше самого дальнего соседа Лю, даже не в той деревне. Так что мои показания понадобятся лишь в том случае, если вы захотите опросить всех жителей провинции Чжэцзян. А что касается вашего приказанья, то оно исполнено в точности. Все требуемые свидетели стоят сейчас перед вашей милостью.

— Как так? — удивился начальник.

— Очень просто, — ответил Ма Дань-би, — вы велели, чтобы пришли не только четыре соседа Лю с юга, севера, востока и запада, но и по соседу

каждого из этих соседей. Так и сделано. Вот спросим хоть Вана: кто твой сосед с севера?

— Чжан, — ответил Ван кланяясь-.

— А с запада?

— Чэнь.

— А с востока?

— Сюй.

— А с юга?

— Лю.

Ма Дань-би повернулся к начальнику и сказал:

— Теперь вы видите, господин начальник, что Ван пришел не один, а привел своего соседа с юга. Вот он перед вами. — И Ма Дань-би показал на Лю.

Начальник не знал, что сказать. С одной стороны, его как будто провели, с другой стороны, все было правильно. Поэтому он промолчал.

Ма Дань-би заговорил снова:

— Спросим теперь Гао: кто твой сосед с севера?

— Чэнь, — ответил кланяясь Гао.

— А с запада?

— У.

— А с юга?

— Цуй.

— А с востока?

— Лю.

Ма Дань-би поклонился начальнику и сказал:

— Вы можете убедиться, господин начальник, что и второй сосед, Гао, пришел не один, а привел своего соседа с востока. Вот он перед вами. — И Ма Дань-би снова показал на Лю.

Начальник вконец растерялся. А Ма Дань-би продолжал:

— Скажи ты, Цзяо, кто твой сосед с юга?

Но не успел Цзяо раскрыть рта, как начальник, у которого голова пошла кругом, замахал руками и закричал:

— Хватит, хватит! Я уже разобрался в жалобе. Пусть только свидетели подтвердят, что полем просителя Лю действительно издавна владел его род.

Дальше дело пошло без заминки. Слова просителя Лю подтвердили его соседи, а слова каждого из соседей подтвердил их сосед Лю.

Пришлось начальнику продиктовать писарю решение, в котором говорилось, что земля Лю принадлежит Лю.

Вот таков был Ма Дань-би. Недаром про него говорили бедняки, что

ума у неге хватило бы на первого министра. Разве не так?

ПОЧЕМУ СОВА КРИЧИТ ТОЛЬКО НОЧЬЮ

Пошел как-то пестрый лесной голубь прогуляться. Шагает он по тропинке и вдруг видит — навстречу ему бредет рогатая сова с большим узлом на спине.

— Куда это ты собралась, сестрица? — спрашивает голубь.

— Да вот, решила переселиться, — отвечает сова. Хорошее, просторное дупло было у меня на западе, а мышей да лягушек и не переест! Не знаю, что ждет меня на восточном краю леса. Боюсь, плохо там будет.

— Так зачем же ты переселяешься?

— От обиды, — сказала сова. — Людям, видишь ли, голос мой не понравился. Только запою — они браниться начинают: ну, говорят, опять заухала да заскрипела, до чего же противный голос, просто хоть уши затыкай! А мальчишки камнями швыряют, один раз чуть лапу мне не перебили. Вот и приходится на старости лет покидать насиженное место. Не лишать же себя удовольствия спеть песню, другую.

— А голос у тебя, сестрица, и вправду противный? — спросил голубь.

— Что ты! Голос у меня хороший, громкий, — ответила сова. — Да вот посуди сам.

Сова пошире разинула клюв и оглушительно закричала:

— У-гу-у, ух-у-ух!

Голубь даже подскочил.

— Да, — подтвердил он, — голос у тебя действительно громкий. Но вот, что я тебе скажу, сестрица: напрасно ты переселяешься. На востоке твое пение понравится не больше, чем на западе. Постарайся лучше научиться петь по-другому.

Подумала сова, подумала и говорит:

— Твоя правда! Попробую изменить голос.

И она повернула назад, к старому дуплу.

Но изменить голос оказалось совсем нелегко. Сова пробовала и так и этак. Пела она громко и тихо, протяжно и коротко, тоном повыше, тоном пониже... Однако, как ни старалась, сова, все получалось на один лад. Ей самой ее песни нравились, а другим — нет.

Вот сова и решила петь только по ночам, когда все крепко спят. Ничего другого ей не оставалось.

Так-то!

ЯО — МЯГКОЕ УХО

В деревне Яоцзячжуан жил крестьянин Яо Эр-бао, по прозванию Мягкое ухо. И так это прозвище к нему пристало, что даже собственная жена и та, кажется, позабыла его настоящее имя. А все потому, что Яо Эр-бао верил каждому услышанному слову. Кто бы что ни сказал, как бы над ним ни пошутил, Яо — Мягкое ухо все принимал за чистую монету. А охотников пошутить в деревне находилось немало.

Как-то Яо — Мягкое ухо рубил перед своей фанзой хворост. В это время мимо проходил сосед Чжан. Остановился он и стал смотреть. А Яо положил хворостину поудобнее, размахнулся пошире и ударил топором изо всех сил рядом с хворостиной по камню. Топор сломался.

Взял Яо в руки сломанный топор, посмотрел на него и говорит:

— Что же теперь с ним делать?

Чжан сейчас же ответил:

— Я б на твоём месте его съел.

— Да разве топоры едят? — удивился Яо — Мягкое ухо..

— Если поджарить на кунжутном масле — ничего вкусней нет на свете! Был бы я богатый, каждый день ел бы жареное железо.

И что б вы подумали? Поверил Яо — Мягкое ухо и принялся поджаривать топор. Целый час жарил на сковородке. Потом попробовал и сломал зуб.

В другой раз послала его жена в лавку за маслом для лампы. Взял Яо — Мягкое ухо кувшин и пошел. Не прошел и десяти шагов, как повстречался ему сосед, по имени Ли.

— Куда идешь, Яо — Мягкое ухо? — спрашивает Ли.

— Масло все вышло, нечем лампы заправлять. Вот жена и дала денег, чтобы я купила масла.

У соседа Ли глаза заблестели.

— Давай лучше на эти деньги вина выпьем, — сказал он.

Яо очень хотелось выпить стакан вина, однако он с сомнением покачал головой.

— А на что я масло куплю?

— Да зачем его покупать? — сказал Ли. — Заправь лампы кипятком, еще ярче будут гореть. Я всегда так делаю.

Услышав это, Яо — Мягкое ухо перестал сомневаться. До сумерек

просидел он с соседом Ли в винной лавке и очень приятно провел время. Перед тем как уйти домой, Яо заботливо наполнил кувшин кипятком, который выпросил у хозяина винной лавки.

Ох и досталось же Яо от жены, когда им обоим пришлось ужинать в темноте!

Так вот и смеялись над Яо шутники, до тех пор смеялись, пока сами не попались на ту же удочку.

А произошло это так.

Однажды отправился Яо — Мягкое ухо в город на базар. Часа через два прибегает назад. Лицо желтое, как воск, руки и ноги трясутся.

— Что с тобой? — спрашивает жена.

— Н-н-небо валится! — заикаясь, проговорил Яо — Мягкое ухо.

Не поверила жена, говорит:

— Как так валится? Не может этого быть.

— Тысячу раз правда, десять тысяч раз верно! Все в городе только о том и говорят. Да разве ты сама не слышишь? Вон грохочет: «хунлун, хунлун...» Это оно и есть.

Выглянула жена из фанзы. Небо ясное и чистое. А на юго-востоке и вправду грохочет: «хунлун, хунлун».

Заплакала жена. А муж ее утешает:

— Если начало валиться, ничем его не подопреешь. Небо — не камышовая крыша. Сегодня не задавит, так завтра уж не сдобровать! Слезами тут не поможешь. Небо упадет — все погибнет. Так давай съедим и выпьем все, что у нас есть. Ты начинай стряпать, а я побегу к брату Яо Сань-бао.

Яо Сань-бао сначала только посмеялся над Яо — Мягкое ухо. Потом прислушался: «хунлун, хунлун» — так и грохочет на юго-востоке! Схватился Яо Сань-бао за голову и помчался к своему тестю. Тесть рассказал племяннику, племянник — двоюродному брату. Родственники передавали новость родственникам, соседи — соседям. Не прошло и получаса, как страшная весть облетела уже всю деревню. Плач женщин и крики детей неслись из каждой фанзы.

Но вскоре все занялись делом. Та же счастливая мысль, что пришла на ум Яо — Мягкое ухо, осенила и других жителей деревни. Раз уж все равно небо валится, к чему беречь добро? Надо хоть последний день поесть досыта да повеселиться вволю.

Неподалеку от деревни Яоцзячжуан, на большом холме стояла маленькая школа. В эту школу дети ходили учиться писать и читать иероглифы.

На следующее утро, как и в каждое другое утро, учитель проснулся на рассвете и стал поджидать своих учеников. Ждет, ждет — не идут ученики. Вот и полдень, а детей все нет. Учитель очень удивился и решил отправиться к старосте, узнать — не случилось ли чего-нибудь в деревне.

Пришел он к старосте и видит — у плетня лежат свежие, только что содранные коровьи шкуры, в большом котле варится мясо. Тут же женщины пекут на пару лепешки. Разодеты все так, будто свадьбу справляют, а лица, как на похоронах. Глаза распухли от слез и красны, словно спелые персики.

Сам староста, тоже в новой одежде, стоял посреди двора и, задрав голову, глядел вверх.

— Что ты там увидел? — спросил учитель.

— Вот смотрю, успеем ли хоть поесть и выпить подогретого вина напоследок! — воскликнул староста. — Такая беда! Такое несчастье!

— Да что случилось?

— Как, господин учитель, вы еще ничего не слышали?! Небо валится! Не сегодня, так завтра всех нас задавит.

Учитель засмеялся.

— Небо — это воздух. Как же оно может свалиться? Кто это тебе сказал?

— Воздух или нет, — вам лучше знать, господин учитель. Только я собственными ушами слышал это от Ли Бао! — И староста опять заголосил. — Последние наши часы пришли! Такая беда! Такое несчастье!

— Да замолчи же! — прикрикнул учитель. — Пойдем к Ли Бао, узнаем, кто сказал ему такую глупость.

И они пошли к Ли Бао.

— Я слышал это собственными ушами от Лю Гао-цюаня, — ответил им Ли Бао.

Они пошли к Лю Гао-цюаню.

Лю Гао-цюань послал их к Ши Дань-по, Ши Дань-по — к Фын Шао.

Так они обошли почти всю деревню, пока, наконец, не добрались до дома Яо Эр-бао, по прозванию Мягкое ухо.

— Тысячу раз правда, десять тысяч раз верно! — принялся уверять их Яо — Мягкое ухо. — На юго-востоке уже начало валиться! Вчера я был на базаре, и мальчишка, который торгует круглыми лепешками, рассказал мне об этом.

Тогда учитель вместе с Яо — Мягкое ухо отправился в город искать мальчишку.

Долго разыскивать им не пришлось. Он сам подбежал к ним,

расхваливая во все горло свой товар.

Но учитель, вместо того, чтобы купить горячую круглую лепешку, принялся расспрашивать маленького продавца.

— Я слышал это собственными ушами от одного почтенного ученого человека вчера на базаре, — ответил мальчишка. — Почтенный ученый человек прогуливался со своим другом, а я шел сзади. Тут я услышал, как этот ученый человек сказал, что небо валится.

— Кто же был этот ученый человек? — спросил учитель.

— Тысячу раз прошу прощения, — сказал, низко кланяясь, маленький разносчик лепешек. — Это были вы, господин учитель.

— Ах ты лгун!.. — начал было разгневанный учитель, но вдруг запнулся, помолчал и расхохотался.

Вчера он и в самом деле прогуливался по базару с господином судьей Тянем. «Хунлун, хунлун!» — донеслось до них с юго-востока. Там прокладывали новую дорогу и взрывали скалы. Ему пришло в голову весьма удачное сравнение, и он поделился с другом: «Грохот стоит такой, будто небо валится!» Вот и все.

Пришлось учителю вернуться в деревню и объяснять всем и каждому, как плохо, когда у человека слишком мягкое ухо..

ИСКУСНЫЙ ШАХМАТИСТ

Жил когда-то в Китае шахматист. Он так хорошо играл в шахматы, что никто не мог его обыграть. Приезжали в его деревню игроки из других деревень, городов и даже из самого Пекина. И все проигрывали.

Ходы шахматиста были так хитры и так искусны, что никому не удавалось приблизиться к его королю. Шахматист загордился.

«Когда разбитая армия отступает, — размышлял он, — предводитель бежит с нею вместе. А когда войска побеждают, полководец спокойно стоит на холме, озирая поле боя. Так и мой король всегда стоит на своем месте. Зачем же мне, начиная партию, ставить на доску короля, а выиграв, опять снимать? Не прибить ли его раз навсегда гвоздем?»

Так он и сделал. Тут уж слава о нем пошла по всем странам. Сильнейшие игроки проводили за его доской целые часы, обдумывая, как бы пробиться к королю.

А шахматист только посмеивался. Он так привык к победам, что давно перестал обращать внимание на своих неудачливых соперников. Он видел перед собой только черные и белые квадраты доски да резные фигуры из

слоновой кости и черного дерева.

Где уж ему было заметить маленького мальчика из соседнего дома, который постоянно вертелся около шахматного стола и, затаив дыхание, следил за ходами шахматиста и его противников!

Год шел за годом. Мальчику исполнилось семь, потом восемь, потом девять лет, а шахматиста все еще никто не мог победить.

И вот однажды шахматист сидел перед своим домом. Он только что выиграл партию у игрока, приехавшего из дальней провинции, и теперь отдыхал. Вдруг он услышал тоненький голосок.

— Не соблаговолишь ли ты сыграть и со мною, господин великий шахматист?

В первый раз за много лет шахматист опустил глаза вниз и увидел мальчика. Он снизошел до того, что даже ответил ему.

— Иди побегай, малыш, — сказал шахматист, — ты еще слишком мал, чтобы постичь законы этой игры.

Мальчик скромно ответил:

— Но тебе открыта вся ее премудрость. Удели же мне хоть маленькую ее частицу.

— Ну, садись, — разрешил польщенный шахматист.

Не глядя на доску, он двинул пешку. Мальчик немного помедлил и тоже пошел пешкой.

— Ах ты, новорожденный теленок, — добродушно пошучивал шахматист, — как же ты не боишься тигра!.. — и не раздумывая, делал ход за ходом.

Вдруг мальчик сказал:

— Шах, почтенный учитель! Убери своего короля или ты проиграешь.

Шахматист взглянул на доску и вскрикнул. Король его и вправду был под угрозой. Мальчик сделал то, чего не удавалось никому из приезжих игроков.

Шахматист схватился за своего короля и хотел передвинуть его, но король остался неподвижным — ведь он был прибит к доске гвоздем.

Партия кончилась. Шахматист проиграл. Мальчик радостно засмеялся и убежал домой.

А шахматист, оставшись один, прикрыл рукавом халата доску и вытащил гвоздь, которым был прибит король.

БЕРЕЖЛИВАЯ ЖЕНА

У торговца кунжутным маслом, Цзяна, была очень бережливая жена. Каждый раз, когда ее муж уходил на базар, она потихоньку отливала немного масла из бочонка в глиняный кувшин, а кувшин прятала в погреб.

К середине зимы Цзян продал все масло, а к весне прожил все деньги, что выручил от продажи. И торговать нечем, и масла купить не на что. Поделился он горем с женой, а та отвечает:

— Не печалься. В погребе стоит кувшин, полный масла, — это я сберегла! Будет чем прожить до нового урожая.

Обрадовался Цзян и стал всем рассказывать о бережливости своей жены.

Услышал об этом Цай, который торговал календарями, услышала и жена Цая.

«Что ж, и я не глупее жены Цзяна», — подумала та и тоже решила помочь мужу.

Настал Новый год. Надо было снова купить календарей, да за старые еще долг не отдан. Совсем обеднел Цай.

— Денег у нас нет, — говорит он жене, — торговать нечем: как будем жить, — не знаю!

— Зато я знаю! — весело сказала жена и притащила целую корзинку припрятанных календарей.

— Вот, продай, это я сберегла.

Ничего не сказал Цай, только руками развел. Кто же купит прошлогодние календари?

ЧУДЕСНЫЙ ЗОНТИК

Петухи кричат не ко времени, дым стелется низко, ласточки летают у самой земли, солнце садится в сизые тучки, — значит, жди дождя. Утром трава покрыта росой, словно инеем, небо на закате желтое, как цветок тыквы, ночью звезды не мерцают, светят ровно голубоватым светом, — будет завтра ясный, солнечный день.

Все эти приметы и много других примет знал старый крестьянин Яо Пятый. Вы, может, удивитесь, почему его называли Пятым. Да очень просто, — в деревне было много Яо, и все они были родственниками. Вот их и называли по-разному, чтобы отличить друг от друга. Одного звали Яо Длинноносый, а почему так — и объяснять нечего. Другого звали Яо Ворчливый — это тоже понятно. Был там и Яо — Мягкое ухо; почему он так прозывался, мы уже рассказали в другой сказке. Если вы прочли ее, вы

это знаете. Если не прочли, прочтите — узнаете. Ну, а всех остальных Яо различали так: Первый, Второй, Третий, Четвертый, Пятый.

Но все это к делу не относится. Одно важно: что Яо Пятый хорошо знал приметы. Так же хорошо он знал, что не позже завтрашнего дня к нему явится помещик требовать арендную плату. Ведь у Яо Пятого, как и у многих крестьян этой деревни, своей земли не было. Приходилось арендовать ее у помещика. Помещику все равно: хорошо ли уродила земля или плохо — подавай ему плату, да и только. А Яо Пятому это было совсем не все равно. В этом году он собрал с поля мало зерна, отдать половину урожая помещику — самому есть будет нечего; не отдать — сгонит помещик с поля. А что делать крестьянину без земли?

Вот и стал Яо Пятый думать, как бы уплатить помещику и все-таки не платить, как бы не платить и все-таки уплатить. И что бы вы думали? Помогло Яо Пятому знание примет!

Вышел он вечером на улицу, взглянул на небо, посмотрел на запад, посмотрел на восток и понял, что завтра будет солнце, а послезавтра, пожалуй, дождя нужно ждать.

Яо Пятый вернулся в фанзу и принялся рисовать картину. Рисовал он не очень хорошо, но сразу можно было догадаться, что он нарисовал. Это был старик с длинной бородой; под мышкой старик держал большой закрытый зонтик. Кончил Яо свой рисунок, полюбовался и повесил на стену, прямо против входа. Потом лег спать.

Наутро явился помещик.

— Приготовил арендную плату? — спросил он у Яо Пятого.

— К сегодняшнему дню не успел, — низко кланяясь, ответил Яо, — но завтра я заплачу все сполна. Это так же верно, как то, что сегодня ясный день и почтенные люди, отправляясь в путь, держат зонтики под мышкой.

Говоря это, он незаметно толкнул ногой дверь фанзы. Она широко открылась, и солнечный луч упал прямо на картину.

— А это что за длиннобородая обезьяна? — спросил помещик.

— Ничего лучшего бедняк не может повесить на стену, чтобы украсить свою фанзу, — ответил Яо Пятый.

— Чем терять время на украшение фанзы, — сказал помещик, — ты бы лучше позаботился о том, чтобы в срок внести арендную плату. Если завтра в этот же час я не получу своих денег, тебе придется плохо.

Продолжая сердито ворчать, помещик отправился к другим беднякам — выколачивать из них последние гроши.

Приметы не обманули Яо. На рассвете подул ветер и зарядил долгий дождь. Но жадность не позволила помещику пересидеть дома непогоду. Он

поташился к своему должнику. Пока добирался, совсем промок и очень обозлился. Поэтому, как только помещик открыл дверь фанзы Яо Пятого, он сразу начал браниться.

— Не надо портить гневом здоровье, господин помещик, — сказал Яо. — Плату я уже приготовил, сейчас только пересчитаю деньги.

Яо зажег светильник, будто ему было темно. В фанзе стало сразу светлее, и помещик увидел ту же картину, изображавшую старика с зонтиком. Но что это!? Помещик протер глаза и взгляделся пристальнее. Так оно и есть — зонтик у старика раскрыт! Вчера светило солнце — и зонтик был закрыт, а сегодня на улице дождь — и зонтик раскрыт.

Да это волшебная картина! Она предсказывает погоду! И помещик решил, что не уйдет из фанзы Яо без картины.

А Яо между тем бормотал себе под нос, будто отсчитывал монеты.

— Восемь, девять, десять...

— Уважаемый Яо Пятый, — ласковым голосом заговорил помещик, — спрячь свои деньги — может, мы договоримся как-нибудь по-другому. — Яо повернулся к помещику, и тот продолжал: — Я знаю, что урожай у тебя в этом году невелик. Я готов пожалеть тебя и подождать с уплатой, если ты отдашь мне эту картину.

— Нет, — уклончиво ответил Яо, — с вашего позволения, я лучше оставлю картину у себя, а вам уплачу деньги.

Теперь помещику еще больше захотелось стать хозяином старика с волшебным зонтиком. Он сказал:

— Пожалуй, я и совсем простил бы тебе долг.

— И зачем только вам понадобилась эта длиннобородая обезьяна, как вы сами вчера назвали почтенного старца на моей картине? — стоял на своем Яо.

Помещик раззадоривался все сильнее.

— Я буду считать, что ты уплатил аренду за два года вперед.

— Боюсь, — упирался Яо, — что мне будет скучно по вечерам без этого старика.

Помещик потерял терпение, — отцепил от пояса коробочку с тушью и кисточкой, вынул листок бумаги и стал что-то быстро писать. Потом он показал листок Яо и проговорил:

— Мне не пристало торговаться с тобой. Вот расписка, где сказано, что ты уплатил аренду вперед за три года.

С этими словами он сунул расписку в руки Яо, сорвал со стены картину и быстро вышел из фанзы.

Яо проводил его до порога, вздыхая и охая, словно его разлучали с

родным братом.

Помещик прибежал домой и повесил картину на самом видном месте.

На другой день ветер разогнал тучи, засияло солнце. Едва проснувшись, помещик бросился к картине. Поглядел и затопал ногами от злости, — проклятый старик по-прежнему прикрывался зонтиком, хотя солнце светило вовсю.

В чем же дело? Да просто в том, что Яо Пятый хорошо знал приметы и нарисовал вторую картину. Вольно же было глупому помещику поверить, что картина волшебная!

После этого случая; если какой-нибудь чужой человек спрашивал про Яо Пятого, ему отвечали:

— Такого у нас в деревне нет. Вот все наши Яо: Яо Длинноносый, Яо Ворчливый, Яо — Мягкое ухо, Яо Первый, Второй, Третий, Четвертый. Да еще есть у нас Яо Хитрый.

САМЫЕ. КОРОТКИЕ СКАЗКИ О САМЫХ УМНЫХ ЛЮДЯХ

Как крестьянин ловил зайцев

Жил в нашей деревне крестьянин. Однажды он работал в поле, вдруг смотрит — бежит заяц. Верно, за этим зайцем гналась лисица, потому что он со страху ничего не видел перед собой. Налетел заяц с разбега на дерево и разбился насмерть.

Крестьянин подобрал его и принес жене. Мясо зайца они съели, а шкурку продали. Крестьянин сказал:

— Оказывается, ловить зайцев куда выгоднее и легче, чем пахать землю. Чтобы собрать урожай, надо трудиться с утра до ночи, а зайцы сами в руки лезут! Займусь-ка лучше добычей зайцев.

Решив это, крестьянин забросил поле и целые дни стал просиживать под деревом, поджидая зайцев. Но прошло четыре, пять дней, месяц, год, поле заросло сорняком, а второй заяц и не прибежал.

Что же вы думаете, взялся крестьянин опять за соху? Ничуть не бывало. Он и сейчас сидит под деревом и ждет зайца. Не верите — приезжайте к нам в деревню, сами увидите.

Мерка

Разорвались у одного человека туфли. Так разорвались, что и надеть больше нельзя. Решил он купить себе новые туфли.

Прежде чем отправиться в лавку, он измерил веревочкой длину своей ступни.

В лавке он выбрал пару красивых туфель.

«Теперь нужно узнать, впору ли они мне. Ну, да ведь я не какой-нибудь дурак, чтобы покупать туфли без мерки», — по-, думал он и стал искать веревочку.

Но оказалось, что веревочку-то он забыл дома. Тогда он поскорей побежал домой, схватил мерку и пустился обратно. Жил он очень далеко и, пока бегал взад — вперед, лавка закрылась.

Так и не удалось человеку купить туфли.

Если вам когда-нибудь тоже понадобится купить туфли, не забывайте мерку дома. А еще лучше обойтись совсем без нее. Проще ведь примерить туфли прямо на ногу.

Колокольчик

Захотелось хитрому вору украсть медный колокольчик, что висел на воротах соседнего дома. Он тихонько подобрался к воротам, протянул руку и дернул колокольчик. Колокольчик зазвенел, вор испугался и пустился наутек. Опомнившись, он подумал: «Я испугался звона; заткну ка себе уши, тогда мне не будет страшно».

Так он и сделал. Заткнул пенькой уши и снова пошел к воротам. Теперь он ничего не слышал и поднял такой трезвон, что из дому выбежал хозяин и отколотил его.

Долго потом удивлялся вор, — как же это хозяин узнал, что у него крадут колокольчик?

Утонувший меч

Один храбрый воин переправлялся через реку на лодке с двумя гребцами. Вдруг на самой середине реки меч, что висел, у воина на поясе, незаметно отвязался и скользнул в воду.

Воин сейчас же сказал гребцам:

— Запомните, что меч упал в воду с левого борта.

Они поплыли дальше. Когда лодка была уже недалеко от берега, воин

спросил:

— Так с какого же борта упал мой меч?

— С левого, господин, — дружно ответили гребцы.

— Остановите лодку, — приказал воин, прыгнул с левого-борта в реку и принялся нырять.

Скоро он устал и начал захлебываться. Гребцы еле втащили его назад в лодку.

Отдышавшись, воин стал бранить гребцов.

— Бездельники, вы, верно, все перепутали. Если бы меч-и вправду упал с левого борта, я давно бы нашел его.

— Но, господин, твой меч упал в воду не у берега, а посередине реки, — сказал один из гребцов.

— Ослиное ухо, — закричал воин, — неужели ты не понимаешь, что посередине реки слишком глубоко?

Нетерпеливый помещик

Разбогател один торговец и решил стать помещиком. Он купил землю, нанял работников и велел им засадить большое поле риса.

Через три дня пришел он на поле, смотрит — ничего не выросло.

Пришел через неделю — зеленые ростки только-только выглянули из земли.

Помещик подождал немного и опять отправился на поле. Ростки будто чуть повыше, но все-таки еще совсем маленькие.

Рассердился помещик — этак и урожая не дождешься! И решил он помочь росткам расти. Принялся ходить по рядам и каждый росток подтягивать вверх. До самого вечера трудился.

Вечером пришел домой и говорит жене:

— Дай-ка мне чего-нибудь посытней на ужин. Нароботался я сегодня! Целый день помогал рису расти!

Поел он и лег спать. А наутро вскочил чуть свет и говорит:

— Глупые крестьяне — дожидаются, пока рис сам вырастет. Ну, а я умнее, пойду опять на поле, помогу ему расти. Посмотрим, кто раньше урожай соберет.

Пришел на поле, а помогать-то нечему! Все ростки повяли.

Корейские сказки

Обработка В. Кучерявенко и Н. Хонза.

СОЛНЦЕ ВЗОШЛО С СЕВЕРА

На склоне горы Пектусан жили два брата по имени Син Тхэ Сун и Син Хон Сун. На своем маленьком клочке земли сеяли они немного гаоляна, риса, и росло у них одно-единственное дерево — вишня.

Пришло время сеять гаолян и рис, а семян у братьев — всего лишь одна маленькая чашечка.

Что делать? Пошел Син Тхэ Сун, старший брат, на юг — на заработки.

Идет, идет. До Алмазных гор дошел Син Тхэ Сун. Там в пути настиг его ливень. Стало темно. Он укрылся в пещере и под шум ливня заснул.

Много ли, мало ли спал, а только когда проснулся, увидел, что ярко светит солнце, в долине желтеют рисовые поля, дымятся светло-зеленые бамбуковые рощицы, среди сверкающих ручейков на полях белеют цапли, аисты.

Все тропинки оказались размытыми, и никак нельзя было сойти вниз. И побрел Син Тхэ Сун по горам. Идет день, другой, третий, а в долину спуска нигде не отыщет. И заметил Син Тхэ Сун, что он не спускается, а с каждым днем все выше и выше в горы поднимается.

Высоко в горах Син Тхэ Сун очутился среди долины и остановился пораженный: золото, серебро, драгоценные камни сверкали рядом с огромными скалами гранита, розового и золотистого мрамора, белого и зеленого нефрита...

— Сколько здесь сокровищ! — удивился Син Тхэ Сун.

Заметил он кусок железа и подумал: «Вот бы взять его — можно мотыгу сделать».

А белый голубь с ветки дерева и говорит ему:

— Бери всего сколько хочешь. Это — сокровища, что богачи у бедняков отняли. И жизни нет теперь в них: к ним добрая рука не касалась...

Подумал-подумал Син Тхэ Сун и взял кусок железа; уж очень хотелось ему иметь свою мотыгу.

А голубь опять говорит:

— Нарви цветов, Син Тхэ Сун.

И только сказал это голубь, как горы запламенели от цветов. Посмотрел Син Тхэ Сун вокруг, нарвал цветов, приник к ним лицом, глаза закрыл — сразу усталость исчезла, голод, пропал: такой силой жизни обладали цветы. И почувствовал он, будто летит, и от страха еще сильнее зажмурился. А когда, раскрыл глаза, увидел — находится он внизу на тропинке у бамбуковой рощицы. А рядом кузница, черная, закопченная. В глубине двери, в солнечном квадрате, стоит старый-старый кузнец, молоток перебрасывает из руки в руку, будто играет.

Поздоровался с ним Син Тхэ Сун, спросил, почему он не работает. Ответил ему кузнец:

— Давно нет заказов, народ совсем обнищал.

Син Тхэ Сун показал ему свое железо, рассказал о мотыге. Обрадовался кузнец, взял железо.

— Давай, я выкую тебе мотыгу.

А сам так радостно рассматривает железо, будто перед ним сокровище.

— Мне нечем платить, — ответил Син Тхэ Сун.

— Выкую бесплатно, — сказал кузнец.

Кузнец работает и рассказывает: «Несчастье в деревне, все в панике, в ливень произошел обвал и закрыл русло реки, и люди боятся, что поток воды вот-вот обрушится на деревню... Бегут кто куда, а куда от беды уйдешь?»

Син Тхэ Сун взял выкованную мотыгу и поспешил в деревню, где произошел обвал. Страшная картина предстала перед ним: огромные глыбы камня, обрушившись, закрыли русло реки. Над деревней, прилепившейся под обрывом, нависло, как в гигантской чаше, целое море клокочущей воды.

Син Тхэ Сун бросился к скале, заметив, что, если подрить ее, то она рухнет и вода пойдет по старому руслу. Он быстро начал подрывать скалу мотыгой, чтобы спасти деревню и людей.

Син Тхэ Сун работал, не чуя усталости. Люди, увидев смелого человека, нерешительно начали к нему подходить, а иные, взяв мотыги, стали помогать.

И вот Син Тхэ Сун ударил последний раз по скале и как другие быстро отскочил в сторону. Скала в тот же миг под напором воды рухнула, чуть-чуть не придавив Син Тхэ Суна.

С ревом рванулся из теснины в старое русло поток воды. Маленькие ручейки побежали в клетки риса, и поникший рис начал подниматься вверх. Люди радостно устремились к своим маленьким чибби.

Тогда Син Тхэ Сун отошел к бамбуковой рощице, присел в тени

отдохнуть. Смотрит — рукоятка отломилась от мотыги. Смотрит и глазам своим не верит: брал железо, мотыгу кузнец ковал из железа, а сейчас вместо мотыги в руках огромный кусок золота. В золото, там, где была рукоятка, вкраплен большой изумруд, такой прозрачный, словно это застывший гребень морской волны. И так далеко было все видно через него, будто далекое это находилось рядом.

Сидит Син Тхэ Сун, любит себя самоцветом. И не заметил, как к нему подошли заокеанские воины. Увидели они золото и драгоценный камень — жадно загорелись их глаза. Заковали они Син Тхэ Суна в колодки и цепи, отняли сокровище, а его самого бросили в сырое подземелье...

Шли годы...

А в это время младший брат Син Тхэ Суна — трудолюбивый Сун Хон Сун любовно ухаживал за вишней. И не знал и не ведал он, что его брат страдает в неволе, заточенный пришельцами из-за океана. Дерево быстро разрослось, поднялось высоко, закрыло своими ветвями всю фанзу, укрыло весь участок, и однажды утром оно все порозовело от раскрывшихся цветов. Никогда еще никто в Стране утренней свежести [\[27\]](#) не видел такой большой вишни, такого обильного цветения. А когда наступило лето, огромные ягоды вишен покраснели так, что издали казалось, будто это огромный сад, покрытый пурпурным шелком, а не одно-единственное дерево.

Однажды поутру прилетела стая синих птиц. Видно, долго они летели и сильно устали. Сели птицы на дерево и начали склевывать вишни.

Увидел птиц Син Хон Сун, хотел спугнуть их с дерева, да подумал: «Может, и мой брат голоден и его кто-нибудь покормит».

— Хватит, а то все вишни поедим; у юноши ведь ничего, кроме этого дерева, нет, — проговорила вдруг человеческим голосом одна из птиц.

А Син Хон Сун им и отвечает:

— Ешьте, ешьте. Мой старший брат Син Тхэ Сун ушел на заработки и скоро вернется. Мы на его деньги как-нибудь проживем.

— Спасибо, добрый юноша, — ответила птица. — А теперь послушай, что я тебе скажу: скоро придет к тебе большое счастье.

Син Хон Сун горько усмехнулся в ответ и покачал головой.

— Никогда еще не было, чтобы в Стране утренней свежести счастье приходило бы в хижину бедняка. Это так же невозможно, как невозможно, чтобы солнце взошло с севера.

— Встань завтра пораньше и посмотри на север, — проговорила птица.

Улетели синие птицы.

С вечера юноша забеспокоился, как бы не проспять восход. Но потом подумал: «Не просплю. Я ведь привык рано вставать». Лег Син Хон Сун и заснул.

Встал младший брат очень рано, когда была еще ночь. Вышел из фанзы и стал глядеть на восток, с нетерпением ожидая восхода. Но солнце на востоке не всходило.

И тогда посмотрел юноша на север.

Небо на севере посветлело, потом заалело. И вот с севера вошло солнце. Оно осветило горы, сады, рисовые поля, реки. А рядом с солнцем сверкала Полярная звезда.

Такого еще никто и не видел и не помнил в Стране утренней свежести.

Вошло солнце с севера. Вдруг зашелестел в ветвях вишни ветер, небо затянулось сплошными тучами, засверкали яркие молнии. А когда рассеялись тучи, снова засияло солнце. Деревья, кусты, цветы были в дождевых каплях.

Юноша оглянулся и увидел: вишневое дерево стало еще гуще, чем раньше, все его ветки покрылись блестящими вишнями и на каждой ягоде сверкала капля росы, а рядом росли яблоки, груши, азалии. Под деревом стояла девушка в платье, как бы вытканном из цветов вишен.

— Привет тебе, юноша! — сказала она. — Зовут меня Ок Хва. Я давно тебя жду...

Син Хон Сун начал рвать вишни и угощать девушку.

...От жгучих лучей солнца, что вошло с севера, заокеанские воины бежали без оглядки, бросая свое оружие, и пытались уплыть за океан. Но они сделали столько зла людям, что это зло, тяжелое, как огромные камни, утянуло их на дно океана.

В тюрьмах и подземельях распались запоры, плотные каменные плиты дверей раскрылись, и на свободу вышли все честные люди, заточенные чужеземцами.

Вышел из подземелья и старший брат Син Тхэ Сун. Он похудел и постарел от перенесенных страданий, голова его стала совсем седой. И вот перед ним промелькнула синяя птица, махнула крылом и тихо сказала:

— Смотри, люди радуются, но они могут потерять счастье, им многое еще не видно, у них нет такого чудесного камня-изумруда, через который видно далеко-далеко... Торопись, твоя помощь будет им необходима...

И Син Тхэ Сун быстро направился к младшему брату. В своем кармане он опять нашел кусок золота с изумрудом: вместе со свободой к нему вернулось и его сокровище.

Син Тхэ Сун поднес волшебный камень-изумруд к глазам и застыл

изумленный. Он увидел, что там, откуда только что поднялось солнце, сверкала Полярная звезда, трепетно вспыхивало северное сияние... Там был север... И вдруг он похолодел, взгляд его остановился на черной туче, что начала закрывать солнце. То была не туча, а крылатый дракон... Дракон пытался проглотить солнце... Син Тхэ Сун понял, почему торопила его птица...

Он обернулся, увидел старика-охотника, державшего стрелы и лук...

Быстро схватил Син Тхэ Сун лук, от костра поджег стрелу и пустил ее, огневую, в дракона...

Молнией — только от земли вверх — взвилась стрела и вонзилась в дракона.

Чудовище вздрогнуло, зашипело, рассыпалось и упало черным пеплом в море...

Только люди, не имевшие чудесного камня, не увидели за черными тучами страшного дракона. И не догадывались о подвиге Син Тхэ Суна.

Сокровище же свое Син Тхэ Сун отдал своему народу, чтобы люди могли так же далеко видеть, как видел и он. Он знал: если все делать для трудового народа, то и народ тебя не оставит в беде...

День этот был самым длинным, потому что много было счастья у всех честных людей.

И сколько Син Тхэ Сун ни шел по своей стране, повсюду он слышал радостные песни, музыку, счастливый смех, повсюду видел танцы, веселые улыбки на лицах. Гремели барабаны, пели флейты. И везде он слышал рассказ о том, что солнце в этот день над его страной вошло с севера. И ему вспомнилась старинная поговорка: «Как не прикажешь летящей птице, где ей сесть, так и солнцу не прикажешь, откуда ему всходить!». А вот нашлась же такая сила, что заставила солнце взойти с севера!..

Лишь те, кто не встал в то утро по привычке долго спать, до сих пор жалеют об этом: ведь они не видели, как солнце вошло с севера.

Син Тхэ Сун с младшим братом Син Хон Суном зажили дружно и свободно. У младшего много детей, он женился на девушке, что стояла в то утро у вишни. Дети быстро выросли, они — умные, храбрые, привычные к труду. Они любят свою родину, знают, как за нее постоять в грозные дни.

Дядя Син Тхэ Сун много чудесного рассказывает своим племянникам о том, как люди великой северной страны помогли корейскому народу сбросить чужеземное иго...

Люди говорят и сегодня о том, что солнце, вошедшее с севера, солнце особенное — то была освободительная, справедливая армия Советского Союза.

И в том великая правда.

БРАТЬЯ

Было это в наши дни.

Отправился корейский юноша Цой Нам Чен в Великий Китай, чтобы пополнить свое образование. Он знал, что в такой стране есть чему поучиться, это ему часто говорил отец, да и он сам много читал об этом в старинной книге.

И вот Цой Нам Чен пришел в Китай и зачарованный остановился, рассматривая уходящую в голубую даль изгибами среди желтых гор знаменитую Великую китайскую стену... День Цой Нам Чен шел вдоль стены, другой и увидел огромную колонну из молочно-белого нефрита... Колонна была десять шагов в поперечнике и возвышалась высоко-высоко, вся покрытая кружевом искусной вязи. Венчали ее вершину легкие белоснежные с распростертыми крыльями лебеди. Подножие ее обвивали тонко вырезанные драконы из черного и пурпурного гранита. Из пасти каждого дракона вырывалось пламя. Каменные языки пламени, охватывая колонну, поддерживали снизу бледно-зеленую плиту в пять шагов шириною и в десять высоту. На плите той высечены золотые иероглифы. Это были древние письма, но юноша Цой Нам Чен, хотя и с великим трудом, их прочел:

«... Китай в древности дал миру компас, чтобы не заблудиться мореходу в бурном и туманном море, охотнику — в густой тайге, путнику с караваном — в жаркой и беспредельной пустыне или степи; бумагу, чтобы мысли и опыт одних людей можно было передавать другим; книгопечатание, чтобы лучшее в жизни народов сберегать для потомков; порох — для взрыва каменных горных перевалов при создании дорог, для помощи людям в прорытии каналов и для защиты родины от вражеского нашествия; фарфор — что издает звук яснее звона серебра, золота и нефрита, чай — что поддерживает в человеке бодрость в пути и дома, в труде и отдыхе; шелк — для платьев и чудесных картин, которые на нем создали художники; лак — чтобы сохранить веками творения искусства; бумажные деньги — для удобства торговли; счета — для быстрых вычислений...

О! Кто и в какие века прочтет эти памятные письма, не унывай — не все еще сделано. Так же как после зимы придет опять весна, так — и для тебя найдется еще очень много работы...

Столько надо разгадать тайн на земле, столько сделать открытий для счастья людей. Иди же смело по этому трудному, но человеческому пути. И если ты сделаешь хотя бы маленькое открытие, благодарный народ этого не забудет никогда...»

И подумал Цой Нам Чен: мало ли чего нельзя узнать в Китае, стране народа, имеющего чудесные памятники трудолюбия и созидания — великолепные дворцы, такую стену, такие открытия, длиннейшие каналы, тысячетомную энциклопедию; в стране, где народ не ведал праздных дней и самое главное — выгнал богачей, создает новую жизнь, как это сделали еще раньше в великой северной стране.

А был юноша Цой Нам Чен любознателен и трудолюбив...

Идет Цой Нам Чен по китайской стране, а вокруг много-много людей работает, да так дружно — нигде не видел раньше такой работы. Люди копают землю, носят ее в корзинах.

Захотел он узнать: куда, зачем? Взял он корзину, набрал земли и пошел вместе с другими. И увидел он, что после ливней поднялась вода в реке, бурлит, в бешенстве рвет дамбы, вот-вот затопит долину, погубит посевы, сады, деревни, людей. А люди преграждают путь воде. Целый день работал юноша, устал и решил, что можно и отдохнуть. Но люди об отдыхе не думали, зажгли бумажные разноцветные фонарики и продолжали работать.

Засверкали молнии, пошел дождь, а труженики будто и не замечают этого.

И когда наступил новый день и воды в реке еще больше прибавилось, понял юноша, почему и ночью все работали: дамба поднялась выше, а вода покорно устремилась в море.

Но все-таки люди носили и носили землю. Лишь к исходу третьего дня сели они отдохнуть, развернули узелки, вскипятили чай. Зазвенели фарфоровые чашечки, замелькали палочки в руках, слышались шутки, и у всех счастье светилось в глазах. Лишь Цой Нам Чену, хотя он и был счастлив от работы, нечего было есть. Заметил это старик по имени Ли Мин-цай, подозвал его, разделил пополам свою пищу, одну половину оставил себе, другую отдал Цой Нам Чену. То же сделал и его сын Ли Вэнь-янь.

Поблагодарил их юноша и спросил:

— Почему вы так внимательны ко мне?

— Видно, издалека, из другой страны ты пришел, — сказал старик, — но не как гость пришел, а как брат: увидел беду, грозящую чужим для тебя людям, помогать стал. Значит, к труду ты привычен. И поступил ты по-братски. Вот тебя и принимаем мы как брата.

Старик допил чай и задумчиво промолвил:

— Народ, если он дружен, — непобедим. Видел, как покорно река потекла? А не будь этой дружбы — не сидели бы мы здесь, ничего не было бы тут, кроме разгулявшейся воды... Мудрый человек требует прежде всего от себя, ничтожный человек требует всего только от других...

И подумал Цой Нам Чен: «Надо запомнить навсегда эти мудрые слова». И еще подумал он, что это и есть начало учебы, ради которой пришел он в Китай.

На ночь старик Ли и его сын пригласили юношу к себе в дом. Старуха Ван Син-хуа, накормив всех, приготовила постели. А утром, проснувшись, Цой Нам Чен увидел возле постели свою одежду, чисто выстиранную и заштопанную так же хорошо, как у старика и его сына.

Рассказал Цой Нам Чен, что пришел он в Китай учиться. Старик Ли Мин-цай, помолчав, сказал:

— Идите вместе с моим сыном Ли Вэнь-янем учиться. Дружба поможет вам быстрее узнать все мудрости.

И они ушли. Далеко ушли, три года не возвращались.

Не раз в эти годы видели они Мао Цзэ-дуна, не раз беседовали с ним, и однажды сказал Мао юношам:

— Вот книги мудрейших из мудрых — учитесь по этим книгам правильно жить и работать! Учитесь и дружбе на примере жизни этих великих людей!

И еще прилежнее взялись юноши за учебу.

И в один из самых радостных и памятных дней побывали они в Пекине, на площади «Небесного спокойствия», и тут увидели, что такое настоящий праздник народа! Как молод был в тот день древний Пекин, как ликовал народ. Такой праздник всю жизнь будет помниться!

Вместе с другими людьми осмотрели они мраморные, нефритовые и фарфоровые дворцы, чудесные сады, озера, заросшие лотосами. И столько удивительного они увидели, что поняли: беспредельна сила трудолюбия мирного народа!

Древний Пекин многому их научил, каждый день узнавали они что-нибудь новое.

И когда прошло три года, и юноша Цой Нам Чен решил возвратиться к себе домой, в Страну утренней свежести. Ли Вэнь-янь пригласил его перед отъездом навестить отца — старого Ли Мин-цая, погостить у них, отдохнуть.

Радостно встретил их старик. Поворачивал, осматривал, улыбался, нескрывтно любовался, от удовольствия щелкал языком...

— Какие же вы молодцы! И не скажешь, кто из вас более пригож.

Быстро прошли дни отдыха, и вот наступил срок расставания. Цой Нам Чен и Ли Вэнь-янь ходили грустные, тяжело им было. Долго сидели они у озера, и вода отражала их печальные лица. За три года Цой Нам Чен и Ли Вэнь-янь многое узнали, научились трудолюбию, прямооте ума и сердца, чистоте души.

И они решили на прощанье побрататься. Написали Цой Нам Чен и Ли Вэнь-янь своей кровью имена свои на одежде, отрезали написанное и обменялись этими знаками, спрятав их у сердца.

Глядя на юношей, старик Ли Мин-цай понял, как велика их дружба. Тогда он достал молочно-белую нефритовую пластинку и при помощи шифера, огня и воды разделил ее на две равные доли.

— Возьмите. Теперь вы братья, — сказал он. — Чудесная эта пластинка. Стоит посмотреть на нее, как все сообщит она вам друг о друге. Если она останется такой же белоснежной, значит, у друга твоего все в порядке, если же случится у друга несчастье, то пластинка и это покажет...

По обычаям своей страны Цой Нам Чен низко поклонился старику Ли Мин-цаю, его жене Ван Син-хуа и их сыну Ли Вэнь-янню, как своим родным, поблагодарил за науку и теплоту дружбы и ушел к себе на родину.

Вот и корейские горы голубыми пиками встали перед ним, вот и родной город.

Хорошо зажил Цой Нам Чен, делился мудростью со своими соотечественниками.

И часто посматривал он на нефритовую пластинку, а она все ярче, все светлее становилась. Значит, и жизнь Ли Вэнь-яня становилась все лучше.

Помнил о своем друге и Ли Вэнь-янь. Он тоже часто посматривал на пластинку, и всегда она была чиста, как первый снег.

Но вот случилось страшное: пришли в Корею из-за океана американцы. Запылали деревни и города. Американцы убивали людей, грабили и разоряли Страну утренней свежести.

И в тот же день на нефритовой пластинке Ли Вэнь-яня выступили капли крови...

Понял Ли Вэнь-янь, что стряслась беда с его другом и братом Цой Нам Ченом. А разве можно друга и брата оставить в беде, без помощи?

Поклонился Ли Вэнь-янь отцу и, кликнув своих друзей, поспешил в Страну утренней свежести.

Вместе с Цой Нам Ченом они встали на защиту Кореи.

В дружбе и братстве — великая, необоримая, всесокрушающая сила.

Кто ту мудрость поймет, тот поймет все.

СМЕЛЫЙ ПАК ЧЕН ЧУ И ХВАСТЛИВЫЙ БОГАЧ

В глубокую старину, далеко в тайге, в огромной пещере над пропастью жил старый тигр. Сотни лет тигр охранял сокровища, скрытые в той пещере.

Неподалеку в селении жил смелый и сильный юноша Пак Чен Чу. Он любил девушку Ок Не, но был беден и не мог на ней жениться: не на что было купить свадебный подарок, положенный по обычаю.

Родители Ок Не, помимо ее воли, решили выдать девушку за богача, у которого было много риса, денег и самый красивый дом в селении. Сильно опечалился Пак Чен Чу, узнав, что просватана Ок Не. Задумал юноша отнять сокровища у тигра и сделать достойный подарок Ок Не. Взял юноша копье и отправился в тайгу.

Подошел он к пещере. Старый тигр, увидев юношу, зарычал и прыгнул на него, разинув свою страшную усатую пасть. Ухватив выставленное копье, тигр перекусил его. Тогда Пак Чен Чу руками стал душить чудовищного зверя. Однако сильный был тигр. Почувствовал Пак Чен Чу, что не выдержит...

Богач, заручившись согласием родителей девушки, перед свадьбой захотел показать ей якобы свои богатства. Повел он Ок Не в тайгу.

— Сколько идем — все мой лес, — говорил обманщик-богач.

Расхвастался он и не заметил, как дошли до того места, где Пак Чен Чу с тигром бился.

— Эй, в селенье сбегай, позови людей на помощь, убьем тигра, а то не одолеть, — крикнул юноша богачу.

Богач же хвастливо издали закричал:

— Зачем звать людей, убью я сам, зато шкуру, усы и хвост заберу себе...

Но, увидев огромного страшного свирепого тигра, своим ревом сотрясавшего угрюмые скалы, богач испугался, бросил Ок Не и в страхе попятился. Отступал, отступал да и полетел с обрыва в бездонное ущелье.

А Ок Не быстро подняла обломок копья и подала его Пак Чен Чу. Юноша поразил зверя. Тигр сделал предсмертный прыжок и угодил в пропасть. Там в черном ущелье они с богачом и погибли.

Пак Чен Чу и Ок Не сыграли свадьбу, а сокровища передали своему народу.

Поэтому народ и до наших дней поет о сильной любви юноши Пак Чен Чу и храброй Ок Не.

ДОСТОЙНЫЙ ПОДАРОК

Это было давно, много лет назад. Люди тогда не знали полного счастья; им неведомо было чувство любви... В то же время жил один храбрый и смелый юноша-охотник. Ему очень нравилась прекрасная девушка по имени Сунне. Юноша тоже пришелся по сердцу девушке. И решили они стать мужем и женой.

Задумал юноша сыграть свадьбу и ушел на поиски подарка.

По обычаю того времени юноша принес в подарок невесте драгоценный камень топаз, но самоцвет померк перед ее красотой и показался юноше нестоящим.

Ушел юноша за другим подарком. Много раз солнце всходило и вновь заходило, прежде чем он вернулся.

Принес юноша рубин. Принес и смотрит. Рубин показался ему бледным перед ее румянцем.

Тогда он пошел и собрал алмазы. Вернувшись, он встретил девушку Сунне в саду. Она стояла, распустив косы, до этого собранные в гладкий узел. Длинные черные волосы ее рассыпались по розовому шелку платья, доставая до мягкого ковра трав под ее маленькими ногами в зеленых башмачках. Она прильнула к цветущей ветке яблони. На ресницах и волосах Сунне дрожали искристые капли дождя.

Юноша достал из мешочка полную горсть собранных им алмазов и протянул ей. Алмазы отливали всеми цветами радуги, отбрасывая тоненькие нити лучей на цветы и травы. Лучи эти упали на ее волосы, на которых сидела золотая пчелка. Сунне глянула из-под дрогнувших черных ресниц на юношу.

Ее губы чуть вздрогнули в улыбке — алмазы поблекли, их сияние по сравнению с солнечным светом, как бы излучаемым Сунне, было ничтожно.

Юноша собрал все драгоценные камни земли, но достойного девушки подарка не было.

Услышал юноша от стариков, что в горах живет мудрец, который знает все на свете. Юноша ушел к нему за советом туда, к синему хребтам гор. Прежде чем солнце успело спуститься в вечно рокочущие воды моря, юноша пришел к ущелью, в котором росли березы — такие твердые, что спущенная с тетивы тугого лука стрела не могла вонзиться в них. Тут же росли и старые, с обгорелыми верхушками, корявые, дуплистые, обросшие мхом дубы. Красноватые лозы винограда и лимонника оплели ветки

деревьев и свисали с обрыва.

Долго шел юноша по этому ущелью.

С обрывистых стен с шумом и гулом ниспадали водопады, сверкая синими струями и белея пеной в темноте. Было страшно среди дикой природы. Вверху среди черных веток деревьев блестела голубая луна, и на колыхающихся листочках трепетали бледные пятна ее света. Ноги мягко ступали по шуршащим листьям, лишайникам, изредка хрустели сухие ветки. К ногам юноши сыпались зеленоватыми искрами светлячки. Он наловил их полную горсть и, любуясь мерцающими огоньками, думал о Сунне.

Всю ночь шел юноша, но вот деревья шелохнулись, точно о чем-то сразу все заговорили. Птицы запели, наполнив трелями, свистом воздух. По веткам, обросшим мхом, скользнули красноватые лучи солнца. Сорвав несколько красных кисточек лимонника, юноша положил их в карман.

Наконец он вышел в широкую долину, усеянную цветами. Приятный ветерок веял ему в лицо. Юноша пьянел от крепкого запаха трав и душистых цветов.

Высоко за зубцами гор виднелось синее небо. Травы были сизые от утренней росы, и за юношей оставался темный след.

Перейдя долину, он очутился возле пещеры. Юноша поднял камень и постучал о поросшие травами, испещренные письменами плиты. На стук вышел седой старик, борода его была всего из нескольких белых волосинок, длиной до самого, пояса. Он, прищурдсь, посмотрел на юношу.

Юноша рассказал зачем пришел и попросил совета.

И сказал ему мудрец:

— Вижу, очень нравится тебе девушка Сунне. Ты человек Настойчивый, если сумел сюда прийти. По силам будет тебе и большой подвиг. Правда, многие пытались совершить его, но безуспешно... Одни из тех смельчаков гибли в пути, не выдержав испытаний, другие, смалодушничав, возвращались, не достигнув цели. Слушай, на луне растет необычайное дерево очень большого счастья, и то дерево может принести на землю лишь честный и сильный человек. Дерево надо вырыть с корнями серебряной мотыгой. Этот подарок будет достойным и девушки и всех людей.

Отблагодарив старика за его совет, юноша ушел далеко в горы, где сдавленное камнями лежало серебро. Добыв серебра, юноша выковал из нее себе мотыгу и поднялся с нею на луну.

На луне росло всего одно дерево, юноша и начал его выкапывать. Долго он работал — мотыга почти вся стерлась, покрыв своей серебряной

пылью луну. Засияла луна, и потоки мягкого серебряного света хлынули на землю.

Когда юноша уставал, он съедал по несколько ягод лимонника, и бодрость и силы возвращались к нему.

...Взяв дерево, юноша вернулся на землю и подарил его девушке Сунне; то дерево было таким, что всякий, кто хоть один раз взглянул на него, навсегда воспламенялся чувством любви.

Встречая юношу, каждый смотрел на чудесное дерево. И матери, и отцы, и дети были счастливы, но больше всех рада была Сунне — подарок для нее был подарком для всех.

Новое чувство, еще не знакомое им, охватило юношу и девушку Сунне — поднимающее, зовущее чувство — оно и было любовью.

Был тот день праздником любви и счастья. И люди веселились. Зажгли цветные фонарики, смолу в медных жаровнях и в раскрытых пастях драконов, что украшали загнутые углы на крышах домов. Огни спорили со светом луны. Но луна была хороша...

Певцы слагали песни, славя любовь, подвиг юноши, красоту девушки. Вторя песням, гремели барабаны, трелями заливались флейты. Люди пели, у всех было легко на сердце. Говорят, что, видя эту радость людей, луна особенно сверкала в тот день, словно улыбалась.

С тех пор на земле появилось и существует то, чего людям, не хватало раньше, — появилась и существует любовь.

А то пятно на луне, которое мы видим, вот что значит.

Когда юноша пришел с деревом на землю, было время восхода. Солнце взошло, приветствуя дерево любви. Лучи солнца осветили дерево, тень упала на луну как раз в то место, где оно росло, и осталась там навечно в память о том времени, когда впервые на земле появилась любовь.

Вот почему влюбленные юноши и девушки так любят светлые лунные ночи.

С КАКИХ ПОР ДВЕРИ В ФАНЗАХ РЕШЕТЧАТЫЕ

В корейских фанзах двери напоминают решетку. Это вот после чего начали их такими делать.

Давно то было... Жил бедняк Ли Хон Дю. У всех бедняков плохая одежда, плохо был одет и Ли Хон Дю.

Ка-к-то раз вечером, после прополки рисовых полей, его жена Хвак Силь сидела в фанзе и нашивала новые заплатки на старую одежду мужа.

Шьет, а возле, на циновке, муж лежит. Лежит Ли Хон Дю, на тансо [28] играет сердечные песни, а жена так чудесно поет:

Гора на горе — тысячи вершин.
Вода с водой — течет река,
Цветы и травы, что растут на южных склонах гор,
Увидев моего любимого, приветливо кланяются.

Кажется, голубые звезды в темном небе застыли, слушая песню. В сопках эхо на песню отзывалось. Птицы защебетали. Из костра искры ввысь полетели, дымок заструился, отгоняя комаров. Через открытую дверь фанзы далеко видно.

Услыхал ту песню тигр; пришел, увидел — дверь фанзы широко открыта. Прыгнул и схватил Ли Хон Дю.

Хвак Силь была смелая. Вцепилась она в тигра, за уши да за шкуру крепко держится. Тигр в сопки бросился, а Хвак Силь крепко за тигра держится и кричит:

— Отдай моего мужа!

Тигр с перепугу Ли Хон Дю бросил, а Хвак Силь крепко держится, не может тигр сбросить ее. А она все кричит:

— Отдай моего мужа!

И на какую сопку ни взбежит тигр — везде слышит:

— Отдай моего мужа!

И в сопках эхо со всех сторон отзывается, куда ни взбежит тигр — везде слышит:

— Отдай моего мужа!

В деревне услышали крик и бросились в сопки на помощь.

Тигр сильно испугался. Все сопки показались ему наполненными страшным криком. С перепугу тигр умер...

Смелая же Хвак Силь, усталая, измученная, но счастливая, тихо пошла домой.

Увидели все возле дома раненого Ли Хон Дю и его измученную жену Хвак Силь, отнявшую у самого царя зверей своего мужа, и торжественно приветствовали ее.

Долго жила Хвак Силь, окруженная почетом и уважением, а когда она умерла, люди в центре поселка поставили памятник смелой женщине, а чтобы все могли узнать о ее подвиге, на памятнике выбили надпись: «Здесь жила смелая женщина Хвак Силь, чья любовь к мужу была сильнее страха»

смерти. Чтобы спасти мужа, она без оружия победила и повергла насмерть страшного тигра».

Однако с тех пор, чтобы тигры боялись заходить в фанзы, и делают двери решетчатые [\[29\]](#), ведь звери решетки боятся, к тому же через такие двери в жаркие дни свежий воздух в комнату проникает.

АИСТ, ЧЕРЕПАХА И ЗМЕЯ

В Корее почти в каждом доме можно увидеть картину или статуэтку с изображением человека; около него черепаха, у ног — змея, а выше их — аист.

...Это для того, чтобы человек всегда помнил:

Аист находится выше других потому, что у него самые длинные ноги и он дальше всех видит и всегда — и в древности и теперь — вовремя предостерегает человека о появлении чужеземного нашествия...

Черепаха по своей форме напоминает очертания Кореи... У черепахи же самый крепкий панцирь, похожий на щит.

Черепаха также всегда напоминает в рисунке клеток панциря очертания огорода, разбитого на множество грядок, а это значит, что корейцы должны всегда садить и сеять разные овощи и растения... Пойдет дождь — вырастет рис, будет засуха — вырастет брюква или другое растение, и люди всегда будут сыты.

Змея напоминает, что враги могут быть рядом и об этом не надо забывать.

Змея может греться теплом человека, но она может и убить человека своим ядом.

ПОЧЕМУ МОРЕ ШУМИТ

Море все время желает быть властелином, покорить землю. А люди, чтобы не допустить этого, делают молы, дамбы, каналы и покоряют море, не спрашивая, хочет оно того или нет.

Поэтому море вечно сердится и шумит, но все-таки покоряется человеку.

ЛАСТОЧКА

Жили однажды два брата. Старший, Нор Бу, был богатый и злой. Он

ненавидел всех людей, особенно бедных. Обижал слабых и калек, в колодцы соседей плевал и сор бросал. А больше всех обижал он своего младшего брата, Хын Бу.

А младший брат, Хын Бу, был человек бедный, но добрый, приветливый. Тесно и голодно было в его ветхом домишке, но жила вся семья дружно.

Однажды пошел Хын Бу к старшему брату попросить немного чумизы.

Старший брат, как только увидел Хын Бу перед своим домом, сразу догадался, что он пришел с просьбой. Набросился Нор Бу с бранью на своего младшего брата и прогнал его.

Хын Бу ни слова не сказал богатому брату и печальный вернулся домой.

Жена увидела, что пришел с пустыми руками, но не стала жаловаться и укорять мужа.

— Не горюй, когда-нибудь и мы будем жить хорошо, — ласково утешала она его.

Скоро пришла весна и появились первые ласточки. Одна ласточка стала вить гнездо под кровлей бедняка Хын Бу.

— Зачем ты лепишь гнездо под моей бедной кровлей? — сказал Хын Бу ласточке. — Она не защитит твое гнездо от холодного ветра. И ты не найдешь на моем дворе ни зерен, ни крошек.

Но ласточка слепила гнездо и вывела птенцов. Птенцы росли, а ласточка без устали добывала для них корм и весело щебетала.

Однажды удав подполз к гнезду и стал пожирать птенцов.

Хын Бу увидел это, закричал, застучал. Но было уже поздно: только один птенчик уцелел из всей ласточкиной семьи. Он выпал из гнезда, сломал себе ноги, но все-таки не достался удаву.

Бедняк Хын Бу подобрал птенца и стал лечить его. Из своего платья он выдернул нитки и перевязал сломанные ноги птенца. Жена Хын Бу сделала для птенца мягкое гнездышко и положила его в доме, в самом теплом месте. Дети Хын Бу досыта кормили птенца мошками.

Птенец скоро поправился, окреп и вырос. Осенью Хын Бу выпустил его на волю.

— Лети, ласточка! Лети зимовать в свою страну и будь счастлива, — сказал он.

Ласточка вспорхнула, покружилась, как бы прощаясь, над хижинкой Хын Бу и скрылась в синем небе.

Но ни одной ласточки она уже не встретила. Все они давно собрались

в стаи и улетели в теплые края, в страну, где зимовали ласточки.

Пришлось ей лететь одной.

— Почему ты так опоздала и прилетела одна? — спросили ее ласточки, когда она добралась до своей страны.

Ласточка рассказала обо всем, что с ней случилось, рассказала и о добром человеке Хын Бу.

Ласточки сказали ей:

— Надо отблагодарить такого хорошего человека. Прошла зима, и снова настала весна.

Ласточки вернулись в деревню, где жили братья Хын Бу и Нор Бу.

Хын Бу печальный сидел возле своего дома. Наступила пора сеять рис и чумизу, а у него не было ни земли, ни семян.

Вдруг прилетела ласточка, закружилась над его головой, защебетала свою веселую пёсенку и что-то уронила к ногам Хын Бу.

Очень удивился Хын Бу, когда увидел на земле обыкновенное семечко тыквы-кубышки. Он взял это семечко и посадил у своего дома.

Вся семья Хын Бу заботливо ухаживала за тыквой. Она быстро росла и скоро обвила стеблями всю крышу. Распустились три белых цветка, затем появилась завязь. К осени на крыше выросли три огромные бледно-зеленые тыквы. Хын Бу с женой радовались: все-таки это был свой урожай. Они не раз обсуждали, что сделают из тыкв.

Когда все три тыквы поспели, они их бережно сорвали и решили распилить, чтобы сделать кувшины для воды.

Только распилили первую тыкву — вдруг из нее появились всякие кушанья, такие вкусные, что во рту таяли, и как только съешь, все болезни исчезали.

Все сто болезней излечивались от этих кушаний — вот какие они были!

Распилили вторую тыкву — и посыпались из нее всякие одежды. Каких только одежд не было! Вся семья Хын Бу мигом оделась с головы до ног, а одежд стало еще больше.

Распилили третью — и вдруг перед ними заблестели груды золота, серебра, засверкали драгоценные камни.

Но самое удивительное — сокровища в тыквах не уменьшались, сколько их ни брали. Казалось, их становилось даже больше.

Теперь Хын Бу и его семья ни в чем не нуждались и были счастливы. Выстроили они себе новый, просторный дом под черепицей. Не забыли и ласточек: устроили на крыше уютные, загнутые по краям и кверху карнизы для их гнезд. Была теперь у Хын Бу земля, были сады. Его жена, и дети, и

сам он усердно работали, так как все они очень любили труд и к безделью не были привычны. Осенью крыша их дома краснела от перца и желтела от тыкв.

Счастливым Хын Бу охотно помогал всем беднякам, которые просили у него помощи.

Нор Бу, старший брат, от жадности и злости спать перестал. Как это так: нищий Хын Бу стал богатым? А тут еще его сварливая жена не давали ему покоя. И вот жена Нор Бу пошла к младшему брату, чтобы выведать, откуда у него такое богатство.

Она затряслась от жадности, когда вошла в новый, нарядный дом Хын Бу. Губы ее были крепко сжаты, глаза так и бегали, а голова вертелась из стороны в сторону.

Младший брат был простодушен, да и скрывать-то ему нечего было — он от души и поведал ей всю историю с ласточкой.

Жена Нор Бу чуть не лопнула от злости. Поспешно вернулась она домой и рассказала обо всем своему мужу. Прибавила при этом, каких трудов ей стоило все разузнать, так как Хын Бу зазнался и не то что в дом — и к дому близко ее не подпустил и ни под каким видом не желал сказать ей, откуда у него богатство. Но, несмотря на это, она все-таки все выведала. Тут она послала тысячу проклятий Хын Бу и его жене, и его детям.

Старший брат, Нор Бу, с нетерпением стал ждать наступления весны.

Вот и весна пришла. Опять прилетели ласточки. Под крышей дома Нор Бу ласточка слепила гнездо.

Вот появились в гнезде птенцы. Как-то раз ласточка улетела за кормом, и птенцы остались одни. Богач Нор Бу залез в гнездо и убил птенцов. Лишь одного птенца оставил Нор Бу, но переломал ему ноги... Потом стал птенца лечить. А когда вылечил, выпустил на волю и сказал:

— Лети, куда хочешь, только не забудь: ведь я тебя и лечил и кормил. За доброту мою ты должен щедро заплатить мне. Еще сделай так, чтобы Хын Бу опять стал бедняком, а богатство его перешло ко мне.

Улетела ласточка в свою страну. Там рассказала она обо всем ласточкам, и они решили наказать злого Нор Бу.

Вновь пришла весна. Прилетели ласточки в Деревню, где жили братья Хын Бу и Нор Бу.

Нор Бу давно уже сидел у своего дома. Ему не нужно было работать — на него работали другие. Сидел в своей сетчатой волосяной черной шапке с маленьким сплюснутым верхом, в белой шелковой кофте, с тесемками, в таких же белых, широких штанах, заправленных в богатые чулки. Нор Бу курил маленькую медную трубочку на длинном тонком чубуке. Лицо его

лоснилось, заплывшие жиром маленькие глазки закрывались от удовольствия. Нор Бу мечтал о новых богатствах.

Вдруг прилетела и закружилась ласточка, бросила перед ним семечко тыквы-кубышки и улетела.

Нор Бу дрожащими руками поспешно схватил семя и, озираясь по сторонам, чтобы никто не увидел, посадил его у своего дома. Вокруг привязал на цепи собак, чтобы никто не мог и подойти к ростку тыквы.

Очень быстро росла тыква. Так же как тогда у Хын Бу, она покрыла своими стеблями и листьями всю крышу дома, обвила все кругом.

Наступила осень; на крыше Нор Бу поспели три огромные тыквы. Нор Бу сорвал их темной ночью и стал распиливать. Тут же, вся дрожа от жадности, стояла его жена.

Распилил Нор Бу первую тыкву — поползли огромные, чудовищные гусеницы и принялись пожирать его поля и сады.

Не успел он распилить вторую тыкву — выскочили морские пираты, отобрали все богатства Нор Бу и быстро уплыли за море.

Нор Бу поспешно распилит третью тыкву — и вдруг из тыквы вырвалось страшное огненное пламя. Сгорели в этом пламени жадный богач Нор Бу и его злая жена.

Тут и сказке конец.

МЕДУЗА

На самом дне моря, в огромной пещере из цветных камней, обвитой водорослями, жил морской дракон — царь подводного мира. У него была красавица-дочь. Дракон сильно ее любил и баловал. Все морские жители день и ночь исполняли ее желания и капризы. То доставали ей из самых глубин моря жемчужины, перламутровые раковины, драгоценные камни, то собирали для нее морские орехи, то потешали ее играми и плясками.

Однажды дочь морского царя грызла орехи и любовалась плясками китов и дельфинов; загляделась на пляски да и положила в рот неочищенный орех. А морской орех — колючий, с шипами. Застрял орех в горле дочери морского царя.

Разослал дракон за лекарями всех морских рыб. Собрались все лекари подводного мира — не могут вытащить орех. Тогда акула, главный советник морского царя, вспомнила, что аист может вынуть орех. Но аист живет на земле. Посоветовала акула послать за аистом медузу. Голубая медуза тогда была высокая, проворная и хитрая. Умела не только плавать в

воде, но и бегать по земле. И были у нее тогда кости.

Послал морской царь медузу за аистом. Вышла она на землю и отправилась искать аиста. Нашла и говорит:

— Морской царь зовет тебя тащить орех из горла его дочери. Вытащишь — он наградит тебя по-царски.

Пошел аист с медузой. До моря дошел, воды испугался. А медуза уже схватила аиста, тащит в море.

— погоди, погоди! — закричал тогда аист. — Я не взял свой инструмент, не могу без него вытащить орех. Подожди меня здесь на берегу, я мигом слетаю.

Отпустила медуза аиста, а сама улеглась на песочке, погреться на солнышке. Ждала-ждала аиста, да и заснула.

Проснулась — нет аиста. Опять пошла искать, да не нашла.

Когда звезды и луна уже отразились в море, медуза возвратилась домой. Она тихонько опустилась на камни и хотела укрыться в свете лунного луча, голубого, как сама медуза.

Но морской царь узнал, что медуза вернулась без лекаря, разгневался и приказал наказать ее.

Киты и касатки стали бить медузу и так усердно били, что из медузы кости выскочили, и стала она похожа на плоскую лепешку.

Дочь морского царя увидела медузу без костей и так засмеялась, что морской орех сам выскочил из ее горла. Дракон обрадовался и приказал отпустить медузу.

Только с тех пор медуза так и осталась без костей. И на берег больше не выходит — не любит вспоминать, как упустила аиста. А если в шторм или в прилив волны выбросят ее на берег, она уже не может добежать до воды и высыхает под солнцем так, что от нее следа не остается.

ЧЕЙ ПОДАРОК ЛУЧШЕ?

У самого Восточного моря, в Долине роз, возле города Вонсана, жила очень красивая и умная девушка. Звали ее Ан Ран Дю. Полюбили ее трое юношей — трое друзей.

Ан Ран Дю долго думала, за кого же выходить ей замуж. Пошла она к старому мудрецу-предсказателю, что жил на перевале Черного дракона. Мудрец дал ей три золотые монеты и велел отдать их юношам. Пусть они купят ей подарки, и чей подарок будет лучше, тот и будет ее избранником.

Ан Ран Дю возвратилась домой, позвала юношей, вручила каждому по

золотой монете и сказала:

— Купите свадебные подарки. Чей будет лучше, за того я выйду замуж. Ждать буду год. Возвратиться вы должны все вместе, в один день.

Ушли все трое далеко — за Великую китайскую стену, за монгольские пустыни и степи.

Один купил чудесное зеркало. Если пожелаешь кого увидеть, посмотришь в зеркало — и в тот же миг увидишь, кого хочешь, и узнаешь, что он делает. «Всегда буду видеть Ан Ран Дю, а потом и она будет всегда видеть меня, где бы я ни находился», — подумал юноша.

Другой юноша купил волшебного верблюда. Стоило только сесть на этого верблюда — сразу очутишься там, где пожелаешь. Юноша решил, что лучшего подарка и не надо: ведь стоит только пожелать, будешь около красавицы Ан Ран Дю.

А третий юноша купил волшебное яблоко. Если заболеешь — съешь это яблоко и сразу будешь здоров. «Вдруг заболит Ан Ран Дю, — думал он, — тогда и пригодится мой подарок».

Собрались все юноши в условленном месте, рассказали друг другу о своих подарках. А как раз исполнился год с тех пор, как они ушли из родной страны. Юноши тосковали о красавице Ан Ран Дю и решили поглядеть в зеркало — увидеть ее и узнать, что она делает.

Посмотрели и побледнели — Ан Ран Дю умирала.

Сели они все трое на верблюда и в тот же миг очутились у дома Ан Ран Дю. Вошли в дом и стали у ее постели. Слезы потекли из глаз Ан Ран Дю, когда она увидела юношей.

— Принесли подарки, а зачем они мне теперь? — сказала она.

Тогда третий юноша подал ей яблоко и просил, чтобы она его быстро съела. Ан Ран Дю съела яблоко и сразу выздоровела. Попросила она каждого рассказать о себе и своем подарке.

Выслушала рассказы Ан Ран Дю и спросила:

— За кого же мне выходить замуж? Вы одинаково помогли мне своими подарками. Решайте сами.

Три дня и три ночи думали юноши... И ничего не решили. Ведь не будь яблока, как бы они спасли девушке жизнь? Но не будь зеркала, как бы они узнали о страшной болезни Ан Ран Дю? А не будь такого быстро бегающего верблюда, как бы они прибыли вовремя?

Тогда Ан Ран Дю решила сама:

— Если я сделаю выбор правильно, — сказала она, — то древний колокол, в который всегда звонили, когда надо было решать важное дело, зазвонит сам. Вы настоящие товарищи и друзья, вы все это доказали

своими подарками, и лишь вместе вы благодаря дружбе смогли спасти меня. Но я выйду за того, кто подарил мне волшебное яблоко. Вы, выбирая подарки, думали о себе, а владелец чудесного яблока думал только обо мне. Ваши подарки остались у вас, а он утратил свое яблоко. И я должна выйти замуж за него.

В тот же миг послышался в воздухе звон древнего колокола. И красавица Ан Ран Дю вышла замуж за юношу, подарившего ей яблоко. Ведь он думал о жизни девушки, а не только о том, чтобы ее скорее увидеть, или о том, чтобы скорее быть возле нее.

ЖАДНЫЙ ПАК

В давние времена жил в Алмазных горах жадный Пак. На что ни взглянет — все себе хочет взять.

Попался раз в его капкан бурундук, да не простой, а с серебряной шерстью. Схватил Пак бурундука — убить хотел. Вдруг заговорил бурундук человеческим голосом:

— Не убивай, выпусти меня. Дам тебе взамен серебра, сколько ты попросишь.

— Сделай так, чтобы все, к чему я притронусь, становилось серебром и чтобы никто, кроме меня, не мог это серебро взять, — тогда отпущу, — сказал жадный Пак.

— Будет по-твоему, — ответил бурундук.

Жадный Пак схватил капкан — стал капкан серебряным. Выпустил тогда Пак бурундука, домой поспешил.

К двери дома притронулся — серебряная перед ним дверь. В дом вошел, ковшик для воды схватил — стал и он серебряный. Снял башмаки, хотел их поставить у порога — и башмаки серебряные. Циновка на полу и та под рукой Пака в серебро превратилась. Жадный Пак совсем с ума сошел от такого богатства. Бегал, бегал — устал, есть захотел... Да вот беда: вся еда в серебро превращается. Чашечку с рисом взял — и чашечка, и рис, и палочки для еды сразу серебряными стали. Хочет Пак есть, да не может. «Как-нибудь потерплю, — думает жадный Пак, — зато богатство-то у меня какое! Все мне теперь завидовать будут».

И верно — нашлись такие люди, что Паку завидовали, да только недолго.

Стали все замечать, что толстый Пак день за днем все тоньше да тоньше становится. Скоро и совсем отощал. Слег жадный Пак в свою

холодную, жесткую серебряную постель, да и умер от голода и холода.

КАК КРЕСТЬЯНИН ЧЕЧЖУ СПАС

Это все случилось так давно, что тогда на свете не было еще наших дедов.

Захватили японцы корейский город Чечжу, начали разбойничать и похваляться.

— Мы теперь навеки здесь останемся. Никогда корейцам не отобрать от нас Чечжу.

Позвал тогда корейский король генералов и приказал им выгнать врагов.

— А если не выгоните, — пригрозил король, — я из вас мишени для стрелков сделаю. Тогда от вас хоть польза будет!

Поклонились генералы королю до земли и ушли. Сидят они по домам, все думают, как выгнать японцев из Чечжу. А город этот считался неприступным: его со всех сторон окружал колючий кустарник да такой густой и высокий, что ни один человек не мог продраться или перелезть через него.

Много дней думали генералы, как им выполнить приказ короля и спасти себя от смерти, да ничего так и не выдумали.

Тогда генерал Те Ион Чиль взобрался на пригорок близ Чечжу и стал высматривать: нет ли где прохода в стене из колючего кустарника.

Невдалеке от Те Ион Чили пахал На черном быке землю старик крестьянин. Генерал даже и не взглянул на него, но вдруг услышал, как крестьянин бранит быка:

— Долго ты будешь топтаться на одном месте? Ты ведь не Те Ион Чиль, чтобы бездельничать, когда надо действовать!

Генерал рассердился, подошел к старику и спросил:

— Как ты смеешь ругать Те Ион Чилия! Разве он не самый умный, не самый храбрый генерал у короля?

Крестьянин ответил:

— Если он такой умный и храбрый, почему же он не выгонит врага из Чечжу?

Тогда генерал закричал:

— Ты ослеп и не видишь, что город окружен колючей крепостью.

— А кто мешает полководцу уничтожить эту крепость? — спросил крестьянин.

— Болтун! — опять закричал Те Ион Чиль. — Крепость охраняется день и ночь!

Крестьянин не испугался гнева генерала и произнес:

— Если человек любит свою землю, он обязан знать, как защитить ее от врага!

— Значит, ты знаешь, как выгнать японцев из Чечжу? — насмешливо спросил генерал.

— Знаю, — ответил старик. — Пришли мне через пятнадцать месяцев сто воинов — и Чечжу снова будет корейским городом.

— Ты, верно, забыл, что скорее вернешь выпущенную стрелу, чем сказанное слово. Я пришлю тебе в указанный срок сто воинов. Но, если ты не прогонишь японцев, я прикажу сделать из твоей шкуры барабан!

И с этими словами Те Ион Чиль оставил крестьянина на поле, а сам поехал к королю. Когда генерал рассказал о хвастливом крестьянине, король долго смеялся, а потом подумал и сказал:

— Надо следить за этим хвастуном. А то он убежит и мы не сможем отрубить ему голову.

На другой день королевские шпионы все время кружились около чибби [30] старика. Вечером они доложили королю:

— Крестьянин весь день клеил какие-то маленькие бумажные мешочки.

На другой день шпионы снова доложили:

— Крестьянин опять с утра до вечера клеил маленькие бумажные мешочки.

Десять дней подряд докладывали королю о том, что крестьянин клеит маленькие бумажные мешочки.

А на одиннадцатый день шпионы доложили, что крестьянин безустали клеит бумажные змеи.

— Он сошел с ума! — сказал король.

Вскоре королю доложили о новой причуде старика: он собрал со всей деревни мальчишек и с утра до сумерек пускает с ними бумажных змеев.

Совсем рассердился король. Он хотел сейчас же отрубить старику голову, но Те Ион Чиль поклонился и сказал:

— Добрейший король, я обещал этому хвастуну ждать пятнадцать месяцев. Его голова никуда от нас не денется!

— Пусть будет по-твоему, — согласился король. — Только следи, чтобы этот плут никуда не сбежал.

Прошло лето, наступила осень; и казалось, что крестьянин совсем забыл о своем разговоре с генералом Те Ион Чилем. Он как ни в чем не

бывало занимался обычными крестьянскими делами: убирал урожай, чинил чиби, собирал в лесу хворост, вязал сети.

Незаметно наступила зима, а за ней и весна. Близился срок, назначенный крестьянином для взятия Чечжу. Все чаще и чаще стали появляться у его чиби королевские шпионы. Но старик делал вид, что не замечает их, и занимался своими делами.

В мае он вышел на пригорок, осмотрел со всех сторон крепость из колючего кустарника и вернулся в свою деревню.

У чиби он увидел королевского шпиона, усмехнулся и сказал:

— Передай Те Ион Чилю, что с наступлением девятой луны я буду ждать его воинов.

И вот наступила, наконец, первая ночь девятой луны. Сто лучших воинов, вооруженных крепкими луками, острыми стрелами и тяжелыми мечами, неслышно подошли к деревне, где жил крестьянин. Среди воинов был и палач. Король приказал ему привезти во дворец голову старика, если тот не сумеет выгнать из Чечжу врагов.

Крестьянин вышел к воинам и сказал им:

— Ползите за мной так тихо, чтобы и лесная мышь не услышала никакого шороха!

Воины поползли за стариком. Когда до колючей крепости оставалось не более половины ли [\[31\]](#), крестьянин шепотом приказал воинам не двигаться. Он отобрал десять самых ловких юношей, что-то негромко сказал им — и юноши быстро поползли дальше.

И вдруг, невдалеке от корейских воинов, сразу в десяти местах взметнулся огонь. Ветер раздул пламя и погнал его на колючую крепость. Пламя охватило со всех сторон кустарник, и огонь багровым столбом поднялся до неба.

— Мансе! Мансе [\[32\]](#)! — закричал крестьянин.

И корейские воины, перед которыми больше не было неприступной крепости, ворвались в Чечжу. Бой закончился скоро. Самураи были храбры, пока сидели в неприступной крепости. А как крепости не стало, они сразу сдались в плен корейским воинам.

Пленных было столько, что, пока крестьянин их пересчитал, — уже рассветало и в Чечжу прибыл король со своими генералами.

Король подошел к старику и спросил:

— Скажи нам, как достиг огонь до колючей крепости?

— Я приказал десяти юношам поджечь траву вокруг крепости, а ветер погнал огонь на крепость.

— Ты врешь! — закричал Те Ион Чиль. — Вокруг крепости не было никакой травы. А то бы я давно приказал поджечь ее и спалить крепость.

— А кто же тебе мешал посеять эту траву? — спросил крестьянин.

Генерал рассердился еще сильнее:

— Разве ты не знаешь, что японцы убивали каждого, кто приближался к крепости?!

Крестьянин ответил:

— Чтобы воевать, нужны лук, стрелы и меч. Но, чтобы хорошо воевать, нужно быть умнее и хитрее врага. Слушай же, как победил я врага.

Десять дней мастерил я бумажные мешочки и наполнял их отборными семенами трав. Еще десять дней делал я бумажные змеи. К этим змеям привязывал и мешочки с семенами и запускал их над кустарником. Змеи цеплялись за колючие ветви, семена падали, и ветер разносил их вокруг крепости. Весной семена дали всходы, а за лето выросла густая и высокая трава. Ее-то я и поджег сегодня ночью, когда подул ветер в сторону Чечжу.

Королевские генералы услышали рассказ старика и сердито воскликнули:

— Мы и сами могли до этого додуматься!

Старик поклонился и ответил:

— Легко срубить упавшее дерево, легко додуматься до того, что уже придумано.

И, сказав так, крестьянин отправился на берег конопатить свою лодку, оставив в Чечжу посрамленного короля и его генералов.

ЗОЛОТЫЕ БОБЫ

В одной провинции, там, где протянулась славная долина Гор, жила в стародавние времена бедная вдова. У вдовы был двенадцатилетний сын по имени Мун Сик. Тяжело жилось вдове. С утра до вечера работала она на поле богатого соседа. Сосед же был скупой и так мало платил вдове за ее труд, что бедная женщина всегда была голодная.

Мун Сик видел, как тяжело живет его матери, но не знал чем ей помочь. А вдова с каждым днем худела, слабела, и Мун Сик понял, что скоро его мать заболеет от непосильной работы и голода.

И тогда Мун Сик сказал себе: «Если бы матери не нужно было меня кормить, она не голодала бы так».

Подумав об этом, он решил пойти в город и продать себя в рабство, чтобы хоть немного облегчить тяжелую участь матери.

И однажды утром, когда мать ушла на поле богатого соседа, Мун Сик надел свою куртку, завязал в платок немного вареной чумизы и отправился в город.

Путь его лежал через большой дремучий лес. Долго он шел по лесным тропинкам, продираясь сквозь непроходимый кустарник, обходя болота, ища брода, чтобы не погибнуть в бурных реках.

Выйдя на небольшую полянку, Мун Сик вдруг увидел невдалеке от себя молодого красивого оленя. Олень не испугался мальчика, не бросился при виде его в лесную чащу, а стоял неподвижно и смотрел на Мун Сика.

Когда мальчик подошел к оленю, тот поднял переднюю ногу, точно ему было больно на ней стоять.

Мун Сик взглянул и сразу понял, о чем просил его олень. Огромная заноза глубоко вошла в ногу животного и причиняла ему боль. С такой занозой олень не смог бы убежать не только от тигра, но даже и от молодого волка.

Мун Сик встал на колени и осторожно вытащил зубами занозу из ноги оленя. Олень радостно поднял вверх голову, тряхнул огромными рогами и пошел в лес. Он шел не спеша, часто оборачиваясь, точно хотел убедиться, что мальчик от него не отстает.

А Мун Сик, и в самом деле, сам не зная почему, шел все время по следам оленя.

Наступил уже вечер, в небе светила большая желтая луна, а олень шел все так же не останавливаясь и не спеша. Мун Сик следовал за ним с большой осторожностью, потому что лес становился все гуще и гуще, а тропинка потерялась уже давным-давно. И вдруг, подойдя к зарослям папоротника, олень сделал прыжок и скрылся.

Мун Сик очень испугался. Он совсем сбился с дороги и не знал, в какую сторону ему идти, чтобы попасть в город.

Он подошел к зарослям, куда скрылся олень, и вдруг заметил светящийся цветок. Приблизившись к цветку, Мун Сик не поверил глазам: это был женьшень — драгоценный женьшень, который излечивает больных и даже стариков делает молодыми и сильными.

Не теряя времени, Мун Сик начал выкапывать свою замечательную находку. Мальчик был счастлив. Теперь ему не надо было продавать себя в рабство. Несколько глотков настоя женьшеня сделают его мать здоровой и сильной.

Выкопав корень, он поспешил к себе в деревню. Вдова была дома. Она лежала на старой циновке и тихо стонала. Казалось, жизнь вот-вот оставит ее.

Но, когда она выпила чашку целебного настоя, на щеках ее заиграл румянец, походка стала легкая, а руки в работе — быстрее и сильнее.

Однажды на рассвете, когда вся деревня спала, Мун Сик услышал тихий стук у дверей чибби. Он раскрыл дверь и увидел перед собой молодого красивого оленя.

— Это он! Это он! — закричал Мун Сик и бросился целовать оленя.

Мать Мун Сика тоже бросилась к оленю. Она не знала, как ей благодарить его за все, что он сделал для нее и для ее сына.

Когда из-за горы пробился первый луч горячего солнца, олень поднял высоко голову, повернулся и, сделав несколько прыжков, исчез.

Довольные встречей, Мун Сик и его мать хотели уже войти в чибби, как вдруг мальчик заметил на тобане ^[33] пять больших бобов. Как только он прикоснулся к ним, бобы сразу же стали золотые.

Хорошо зажили теперь Мун Сик и его мать. Олень приходил к ним каждый год, и всегда после его ухода они находили на тобане пять обыкновенных бобов. Но стоило Мун Сику к ним прикоснуться — и бобы превращались в золотые.

Богатый и завистливый сосед сразу же заметил, что бедная вдова больше не голодает, живет без нужды да еще другим помогает.

Стал богач следить за своими соседями и однажды на заре увидел все: как пришел к чибби Мун Сика олень, как на тобане появились пять бобов, как они превратились в золотые.

Потерял богач покой. Решил он украсть эти бобы. Дождался, когда вдова и ее сын ушли работать на свое поле, забрался в их чибби и начал всюду шарить. Долго искать ему не пришлось. Пять золотых бобов, покрытые шелковым платком, лежали на низеньком обеденном столике. Богач схватил бобы, сунул за пазуху и бросился бежать. Дома он вытащил золотые бобы и поднес их к глазам, чтобы насладиться блеском золота. Но, о чудо, — на его ладони лежали самые обыкновенные бобы, каких у каждого в огороде было без счету. Богач просто не верил своим глазам: ведь он отлично помнил, что бобы были золотые.

В ярости вор швырнул бобы на пол и завопил:

— Почему у Мун Сика простые бобы становятся золотыми, а у меня золотые становятся простыми?

И вдруг раздвинулось окно дома — и богач увидел оленя, Олень посмотрел на него гневными глазами и потом произнес:

— Потому что от прикосновения рук, которые умеют трудиться, простые вещи становятся золотыми. Руки же, которые не знают труда, превращают золото в золу.

И, сказав так, олень не спеша направился в лес. Богач схватил лук, стрелы, выскочил из дома и побежал за ним. Он решил выведать, где олень достает волшебные бобы.

Олень вошел в лес, оглянулся и увидел богача. Злодей натянул лук, прицеливаясь в сердце оленя.

— Говори, где хранятся волшебные бобы! — закричал богач.

Что ответил ему олень, — богач не слышал. Страшный гром пронесся по лесу, молния выбила из рук богача лук и повалила злодея на землю.

Когда богач очнулся, — оленя нигде не было. С горы спускался туман. Туман надвигался на богача и становился все гуще и гуще. Напрасно в этом тумане пытался богач найти путь в свою деревню. Он шел сам не зная куда, пока не услышал рядом с собой страшный рык тигра. Что было дальше с богачом, мы не знаем, потому что никто его с тех пор не видел. Наверное, его съел тигр. Ну и пусть. Такого не жалко.

КАК ЛЯГУШКА ТИГРА ОБМАНУЛА

В Алмазных горах Канвона жил тигр. Это был страшный тигр: огромный, сильный, хитрый и очень прожорливый. Крестьяне окрестных деревень прозвали его Хозяином гор.

Раз тигр сказал себе:

— Я всех сильнее, всех умнее, надоело мне жить вечно в горах.

И по узким крутым тропинкам Хозяин гор спустился в долину. В долине этой была большая деревня. Стал тигр кружить вокруг деревни и выискивать себе добычу.

Ночью, когда все заснули, Хозяин Гор ворвался во двор одного крестьянина, схватил молодого ослика и умчался к себе. Проснулся утром крестьянин, вышел во двор, — а ослика-то и нет. Посмотрел крестьянин на землю, увидел тигриные следы и понял, куда девался его бедный ослик.

На другую ночь Хозяин гор опять подкрался к деревне. Он еще накануне заметил в одном дворе стадо поросят.

И как только тучи прикрыли луну, тигр ворвался в свинарник, схватил самого жирного поросенка и поволок его в горы.

Утром жена крестьянина понесла поросятам пойло, смотрит, — самого лучшего поросенка нет. А вокруг следы тигра.

Загоревали крестьяне: перетаскает Хозяин гор весь скот, начнет на людей бросаться.

А в этой деревне жил молодой и смелый охотник. Узнал он, что тигр в

их деревне стал хозяйничать, и решил убить полосатого разбойника.

Взял охотник ружье и спрятался в кустах на окраине деревни. И только наступила ночь, как на тропе показался Хозяин гор. Притаился охотник, не дышит, боится спугнуть злодея. Но в это время подул ветер в сторону тигра, и тигр сразу учуял, что невдалеке прячется человек. Охотник и ружья поднять не успел, а он уже умчался к себе в горы.

Прибежал он в свою берлогу и расхвастался:

— Я хитрее человека. Не поймать ему меня!

Наступил вечер следующего дня. Снова тигр показался на горной тропе, что вела к окраине деревни.

И только он подошел к кустам, как из-за туч выглянула луна. Один из лунных лучей скользнул по кустам, и тигр увидел, как блеснул ствол ружья.

Не успел охотник прицелиться, а тигр уже был на вершине горы.

Улегся Хозяин гор в своей берлоге и начал смеяться над охотником.

— Вот глупец, этот человек! Вздумал перехитрить меня, Хозяина гор. Видно, не знает он, что я самый умный и самый хитрый! В следующий раз я его просто возьму и съем.

И на другой день, не дожидаясь вечера, тигр спустился в долину. Было еще светло и Хозяин гор шел осторожно, нюхая воздух, чтобы узнать, где спрятался охотник. Но, сколько ни нюхал тигр, он так и не учуял человеческого духа.

Тигр дошел до поляны, за которой начиналась деревня, огляделся вокруг, но ничего подозрительного не заметил. Он опять втянул в себя воздух, но и теперь не учуял человеческого духа.

«Ага! — подумал тигр, — видно, этот трусливый охотник догадался, что я решил его съесть, вот он и прячется».

И, подумав так, Хозяин гор хотел уже возвратиться в свою берлогу, как вдруг заметил невдалеке, на сухом валежнике кролика. Кролик, должно быть от страха, свернулся в клубок и лежал совсем неподвижно, даже не дышал.

Тигр издал тихий рык, ударил хвостом по круглым бокам, прыгнул на кролика — и провалился в глубокую яму.

Не успел Хозяин гор понять, что с ним случилось, а над его головой уже захлопнулась тяжелая бревенчатая крышка.

Только теперь догадался хвастливый тигр, что он попался в охотничью ловушку. Охотник выкопал глубокую яму, прикрыл ее ворохом веток, листьями и валежником, а сверху для приманки положил чучело кролика. Тигр прыгнул на кролика и сразу же оказался в глубокой яме.

Напрасно старался Хозяин гор выбраться из ловушки. Он ободрал до

крови себе все когти и вконец обессилел, но так и не смог вырваться на волю.

Всю ночь просидел тигр в яме. А утром он услышал над своей головой какой-то шум. Хозяин гор задрал морду и увидел наверху охотника.

— Ах, господин охотник, — простонал жалобным голосом тигр, — не убивайте меня! Я обещаю вам никогда больше не делать никому зла. Выпустите меня из ловушки, и я прикажу всем тиграм забыть навсегда дорогу к человеческому жилищу.

Охотник поверил тигру и опустил на дно ямы ствол гладкого дерева. Тигр вскочил на ствол и выбрался из ловушки. Как только Хозяин гор оказался рядом с охотником, он взмахнул хвостом и проговорил:

— Я просидел в этой яме всю ночь и очень проголодался. Придется мне тебя сейчас съесть.

— Что ты говоришь, неблагодарный! — закричал охотник. — Разве так поступают порядочные звери!

— Поступают! — рявкнул тигр.

— Вон сидит ворона на сосне, — сказал охотник, — спросим ее, справедливо ли так поступать.

И он спросил ворону:

— Скажи, может ли порядочный тигр съесть человека, который возвратил ему свободу?

Ворона свесила вниз голову, повертела ею во все стороны и прокаркала:

— Того, кто платит злом за добро, никто не смеет назвать благородным.

Тигр услышал этот ответ и прорычал:

— Ты глупая птица! Твое счастье, что мне не достать до тебя!

И, повернувшись к человеку, тигр предложил:

— Давай спросим у лягушки; как она скажет, так и будет.

А про себя тигр подумал: «Лягушка — не ворона, не посмеет она спорить со мной: ведь я ее могу раздавить одной лапой».

Пришли охотник с тигром к лягушке, что жила на большом болоте.

Лягушка только что кончила завтракать и была в очень хорошем настроении.

Выслушала она спор тигра с человеком и долго-долго сидела молча.

Наконец, когда тигр щелкнул от голода зубами, лягушка торжественно произнесла:

— Нелегко решить справедливо ваш спор. Для этого мне нужно самой посмотреть ловушку, в которую попал Хозяин гор.

И они все трое отправились к яме.

Лягушка заглянула в ловушку и сказала:

— Я должна знать точно, как глубока эта яма.

— Сейчас я сбегаю домой, — сказал охотник, — принесу из дома веревку и смерю глубину ловушки.

— Не согласен! — зарычал тигр: — вдруг ты не вернешься?

— Тогда ты съешь меня, — ответила лягушка. — Посуди сам: стану ли я рисковать жизнью ради незнакомого мне человека?

— Ну, хорошо, — проворчал тигр. — Только пусть он поскорее возвращается, я очень проголодался.

И он уселся под деревом.

Охотник не стал медлить. Он быстро зашагал к деревне и скоро живой и невредимый вошел в чибби.

Прошел час, а охотник не показывался.

Тогда тигр рявкнул:

— Ты обманула меня, пучеглазая! Но я самый сильный и самый хитрый. Сейчас я съем тебя, а ночью ворвусь в чибби охотника и съем его.

Лягушка сделала вид, что она очень испугалась, и тихо проквакала:

— Позвольте мне, господин тигр, взобраться к вам на спину. Я хочу посмотреть, не возвращается ли человек.

— Хорошо, — сказал тигр. — Залезай, но помни: если его через пять минут здесь не будет, — простись со своей жизнью!

С этими словами тигр распластался на земле, а лягушка, вспрыгнув ему на голову, сказала:

— Я попрошу вас, господин тигр, подняться на задние лапы, тогда я смогу увидеть даже чибби охотника. А чтобы, вам было легче стоять, — прислонитесь вот к этому дереву.

Хозяин гор так и сделал.

Но едва он встал на задние лапы и прислонился к дереву, как лягушка спрыгнула с его головы в дупло.

Оказавшись в безопасности, лягушка начала поносить тигра:

— Хвостун! Глупец! Простофиля!

Тигр так разъярился, что от злобы стал грызть кору дерева. Но этому дереву насчитывалось уже много сотен лет и оно было таким толстым, что его не могли обхватить и три человека.

Когда тигр увидел, что ему не свалить дерева и не добраться до лягушки, он разбежался, подпрыгнул изо всех сил и воткнул голову в дупло.

Лягушка сначала чуть не умерла от страха. Но напрасно она

испугалась: хотя тигриная пасть была совсем близко от нее, все же дотянуться до лягушки тигр не мог.

Тогда Хозяин гор решил разбежаться еще раз и прыгнуть сильнее. Но когда коварный тигр попытался вытянуть из дупла голову, оказалось, что голова его накрепко застряла в дупле.

Так и висел хвастливый Хозяин гор: морда в дупле, а туловище наружу.

Неизвестно, сколько бы времени он так провисел, но пришел охотник с ружьем и застрелил неблагодарного тигра.

На этом и сказке конец.

ОТЧЕГО ВОРОБЕЙ ПРЫГАЕТ

Когда-то воробьи не только быстро летали, но и очень быстро бегали по земле. Но однажды воробей случайно залетел в королевский дворец. А в это время во дворце шел пир. Король и его придворные сидели за столами, уставленными всевозможными яствами. Воробей вспорхнул на подоконник, свесил вниз головку и восторженно прочирикал:

— Какое отличное общество! Чирик! Какая честь взирать на такой пир!

И вдруг воробей увидел, что по королевскому столу ползает самая обыкновенная пчела и поедает сахарные крошки. Ах, как возмутился такой дерзостью воробей! Как раскричался, как расчирикался!

— Она разбойница! Она осмеливается вкушать от королевских яств ранее самого короля. Ее надо казнить за такую дерзость! Чирик!

На это пчела ответила воробью:

— Ты сам разбойник! Ты крадешь рисовые зерна, раньше чем человек успеет собрать урожай со своего поля!

— А ты крадешь у цветов нектар! — зашумел воробей. — Ты грабительница! Это знают все!

— Я тру-жжж-жусь, я тру-жжж-жусь, — жужжала пчела, — а ты жживешь чуж-жим трудом, чуж-жим трудом.

И так они долго спорили, но никак не могли сговориться. Тогда пчела сказала:

— Пусть рассудит наш спор человек: он — самое мудрое существо на свете.

И они полетели в соседнюю деревню, где жил в старом, покосившемся домике бедный крестьянин.

Крестьянин выслушал обоих и сказал:

— Права пчела. Ведь короли никогда не заботятся о своей пище. За них все делают другие. А крестьянин, прежде чем вырастит урожай, много и долго трудится. Значит, весь урожай до единого зернышка должен принадлежать крестьянину.

Рассердился воробей, что вышло не по его, нахохлился и погнался за перепуганной пчелой.

— Э, — сказал крестьянин, — да ты и верно разбойник! Чего доброго, ты еще заклюешь беззащитную пчелу. Сделаю же я так, чтобы она хоть на земле не боялась тебя.

И с этими словами он схватил злого воробья и связал ему ноги.

С тех пор воробей всегда ходит вприпрыжку и никак не может догнать на земле пчелу.

Монгольские сказки

Обработка Н. Ходза

О ПЕГОМ ЯГНЕНКЕ И ДОЧЕРИ НОЙОНА

Один арат имел двух дочерей красавиц. Старшую звали Наран, младшую — Саран. Когда старшей исполнилось пятнадцать лет, подарил ей отец золотую чашку. Когда младшей дочери исполнилось пятнадцать лет, подарил отец ей серебряную чашку.

Жили сестры дружно, в юрте их всегда было весело.

А неподалеку от них стояла юрта нойона. У нойона дочь была злая, завистливая. Отхон ее звали. Она вечно злилась, что дочери арата веселые, приветливые, что все любят останавливаться у их юрты, заходят к ним чаю попить горячего, с солью, с молоком.

Раз пришла Отхон в юрту арата, говорит:

— Возьми, Наран, свою золотую чашку; возьми, Саран, вою серебряную чашку, пойдем играть к реке.

Взяли дочери арата свои чашки, отправились к реке. Немного прошли, слышат: позади ягненок бежит, блеет:

— Мее-е! Мее-е!

— Какой гадкий ягненок! — говорит Отхон. — Его зарезать надо!

— Это наш пегий ягненок, — говорит Наран. — Он за нами всюду ходит, пусть и сейчас идет.

Пришли девушки к реке. Дочь нойона вытащила из-за пазухи деревянную чашку, сказала:

— Давайте бросать чашки в воду. Чья чашка раньше прибьется к берегу, тот дольше всех жить будет.

Бросили они свои чашки в реку. Золотая и серебряная потонули, а деревянная чашка Отхон плавает, не тонет.

Испугались Наран и Саран, что утопили подарок отца. Заплакали, домой идти боятся.

Дочь нойона говорит:

— Не плачьте. Сейчас пойду к вашему отцу, задобрю его.

Сестры вытерли слезы, сказали:

— Спроси отца, что ему дороже: чашка из серебра и золота или дочери.

Пришла Отхон к арату, спрашивает:

— Что тебе дороже: дочери или чашки из серебра и зо лота?

Арат ответил:

— Золота и серебра на земле много, дочерей же больше таких у меня не будет. Дочери мне дороже золота и серебра. Возьми мою лошадь у юрты, привези скорее дочерей моих домой.

Села Отхон на лошадь, приехала к реке, говорит дочерям арата:

— Старалась, старалась, не могла смягчить жестокое сердце вашего отца. Сказал арат: без чашек пусть домой дочери не приходят. Прислал он вам свою лошадь, чтобы ехали вы прочь от родной юрты.

Застонали дочери арата от горя; Отхон опять говорит:

— Я вас в беде не оставлю. Поеду с вами.

Села она на коня, посадила позади себя дочерей арата и поехала.

Следом за лошадью пегий ягненок побежал. Бежит, блеет жалобно:

— Мее-е! Мее-е!

— Пошел домой! — кричит Отхон. — Зарежу тебя, если не отстанешь!

Бежит ягненок, не отстает.

— Не тронь его, — говорят сестры. — Он к нам привык жить без нас не может.

Два дня скакал конь, на третий повстречался девушкам молодой батор в степи. Остановил батор своего коня, смотрит на Наран, не едет дальше.

Завистливая Отхон не выдержала, говорит:

— Я дочь богатого нойона, а это мои служанки. Хочешь, я тебе буду варить всегда пищу.

Показал батор на Наран, сказал:

— Хочу, чтобы она жила в моей юрте, чтобы пищу на очаге всегда мне готовила.

Тогда Отхон села на место Наран, ее на свое место посадила, и опять спрашивает:

— А теперь кому из нас пищу тебе готовить?

Снова показал батор на Наран.

— Глаза твои ослепило солнце! — крикнула Отхон. — У моего отца баранов и коров больше, чем песка в пустыне, а у Наран теперь даже юрты нет.

— Пусть мою судьбу решит стрела, — сказал батор. — У чьих ног она ляжет, та будет варить мне пищу, женой моей будет.

Отъехал батор на день быстрой езды, натянул тетиву, выпустил стрелу. Упала стрела к ногам Наран. Второй раз выстрелил — второй раз легла стрела у ног Наран.

Скрыла дочь нойона злобу, сказала:

— Наш конь устал, скачи к себе, готовься встречать невесту. К вечеру привезу я в твою юрту Наран.

Ускакал батор на горячем коне вперед, за ним не спеша Отхон поехала. Позади опять пегий ягненок бежит, не отстает. Немного не доезжая до юрты батора, увидела дочь нойона озеро, свернула к нему. Подъехала Отхон к крутому берегу, изловчилась и столкнула Наран в воду. Скрылась под водой бедная Наран.

Закричала, заплакала Саран, а Отхон грозит ей:

— Если откроешь батор у правду, — скажу, что это ты утопила свою сестру из зависти. Мне батор скорее поверит: мой отец самый богатый во всем княжестве.

Встретил батор их у юрты, спрашивает:

— Где моя невеста?

— Не захотела Наран жить в твоей юрте, — отвечает Отхон. — Воротилась к отцу.

Нахмурился батор.

Стала дочь нойона утешать его:

— Поселюсь я в твоей юрте, буду пищу тебе готовить, коров доить.

Стала жит дочь нойона в юрте батора, а Саран приказала пасти овец.

Каждый день пригоняла Саран свое стадо к озеру, куда злая дочь нойона сбросила Наран. Впереди стада всегда шел пегий ягненок. Пока овцы пили, Саран пела на берегу грустную песню:

Милая сестра моя, милая Наран,
Погубила тебя злая дочь нойона.
Тяжело мне жить без тебя на земле.
Выйди ко мне, дай обнять тебя!

Раз, когда Саран спела эту песню, из воды вдруг появилась Наран.

— Царь озера отпустит меня жить на землю, — сказала Наран, — только тогда, когда дочь нойона заблеет овцой.

— Бедная сестра! — воскликнула Саран. — Никогда дочь нойона не заблеет овцой, — значит, никогда ты уж не будешь жить на земле!

Однажды Отхон проезжала мимо озера и увидела, как Саран вызвала песней свою сестру.

На другой день дочь нойона сказала Саран:

— Сегодня я сама пойду овец пасти, а ты будешь коров доить!

Пригнала Отхон овец к озеру, села на берег, запела грустным голосом:

Милая сестра моя, милая Наран,
Погубила тебя злая дочь нойона.
Тяжело мне жить без тебя на земле.
Выйди ко мне, дай обнять тебя!

Не узнала Наран голоса Отхон, думала — опять сестра ее зовет. Вышла Наран из воды — Отхон ударила ее изо всей силы кнутовищем по голове. Скрылась Наран в озере, даже не услышала, как жалобно заблеял пегий ягненок.

Напрасно на другой день звала Саран свою сестру. Не появлялась больше Наран — должно быть, боялась, что ее опять зовет дочь нойона.

От тоски и горя Саран перестала есть, спать перестала.

Тогда пегий ягненок сказал ей:

— Не ходи больше пасти овец. Я их сам выведу в поле, вечером обратно приведу.

Стал пегий ягненок пасти овец. Месяц целый хорошо пас, потом пришел к Саран, стал просить:

— Скажи дочери нойона, что пегий ягненок хочет загубить стадо овечье, плохо пасет его: то в горы угонит, то в озеро заведет.

Сделала Саран, как сказал ягненок.

Говорит Отхон батору:

— Пойдем завтра незаметно за стадом, посмотрим, как ягненок пасти его будет.

Так и сделали. Стали следить за пегим ягненком батор и Отхон. И Саран приказали идти за собой.

Сначала пегий ягненок привел стадо в горы, где и травы-то не было никакой, а когда солнце встало над головой — погнал стадо к озеру.

Подошли овцы к берегу, ягненок пегий прыгнул в воду, стоит в озере не шевелится. И все овцы стоят на берегу голодные, тощие.

Закричал батор сердито:

— Совсем заморил пегий ягненок овец!

Отхон рада, что батор рассердился, говорит ему:

— Надо этого ягненка сейчас же зарезать, а то он все стадо твоё загубит.

— Как ты его зарежешь, когда он в воде стоит? Не полезу же я за ним в озеро!

— Я его выманю на берег! — сказала Отхон.

Подошла она к воде, начала подманывать ягненка.

Не двигается с места пегий ягненок.

— Какой упрямый! — говорит батор.

— Ничего! — говорит Отхон. — Я его сейчас обману.

Спряталась она в прибрежные кусты, кричит оттуда:

— Мее-е! Мее-е!

И только Отхон заблеяла, как прокатилась по озеру волна — и из воды показалась Наран.

Кинулись к ней батор и Саран, себя от радости не помнят. И пегий ягненок выбежал из озера, трется у ног Наран.

Увидела это Отхон, обмерла со страху и все блеет, остановиться не может:

— Мее-е! Мее-е!

Спрашивает батор у Наран:

— Где ты была? Почему не поехала в мою юрту?

Рассказала Наран батору все про дочь нойона. Батор рассердился, бросился в кусты, вытащил оттуда Отхон.

Дочь нойона хочет что-то сказать — только ни одного человеческого слова произнести не может. Откроет рот, а оттуда только:

— Мее-е! Мее-е!

— Смотрите! Смотрите! — закричала Саран, — Отхон в овцу превратилась!

И верно, дочь нойона на глазах у всех шерстью покрылась, на лбу рога показались, на обеих руках и ногах копыта выросли.

Стегнул ее батор плетью — бросилась Отхон-овца бежать в степь. Бежала, бежала, скрылась в траве. Больше ее никто не видел. Говорят, эту овцу волки задрали.

А Наран осталась жить в юрте батора со своей сестрой и с ягненком пегим. Вскоре к ним и арат приехал жить. Юрту свою рядом поставил. И все они были счастливы до конца своих дней.

ПОЧЕМУ ГОЛУБЬ СТОНЕТ, А ВОРОБЕЙ ЧИРИКАЕТ

Однажды голубь и воробей летели в Тибет. Немного до Тибета не долетели — сели отдохнуть на юрту чью-то. Посидели немного, отдохнули, хотели дальше в путь пускаться, вдруг услышали, какая-то женщина в юрте стонет.

Голубь говорит:

— Надо помочь человеку...

— А мне некогда, — отвечает воробей. — Я хочу посмотреть, как в Тибете ламы живут.

Сказал так, вспорхнул и полетел дальше. А голубь остался ухаживать за больной женщиной.

Прилетел воробей в Тибет, поселился в монастыре, стал смотреть, как ламы живут.

Через месяц встретились опять воробей и голубь, заговорили, а понять друг друга, не могут: голубь все время стонет: «гу-у, гу-у, гу-у». А воробей без усталости чирикает: «чик-чирик, чик-чирик, чик-чирик».

Это потому так получилось, что голубь не мог забыть стонов больной женщины, а у воробья в ушах все время звучали молитвы лам, которые с утра до вечера бормочут: «чик-чирик, чик-чирик».

Так до сегодняшнего дня не понимают друг друга воробей а голубь.

ОБМАНУТЫЙ ВЕРБЛЮД

В давние времена у верблюда росли замечательные рога, а у оленя рогов не было. Верблюд очень гордился своими рогами и вечно хвастался ими.

А больше всего любил он над оленем насмехаться. Встретит оленя и сразу же начнет дразнить:

— Не зверь, а урод какой-то! Смотреть противно на гололобого!

Раз под вечер, когда верблюд любовался на свое отражение в озере, из леса выбежал олень. Верблюд увидел его, опять хвастаться начал:

— Ни у кого нет таких рогов, как у меня! Мне даже як завидует!

Подошел олень к верблуду, склонил голову и сказал грустно:

— Пригласил меня в гости тигр. Как я пойду к нему такой некрасивый, с таким лбом голым! Дай мне, верблюд, свои рога на один вечер. Утром прядешь на водопой, я тебе их верну..

Дал верблюд оленю на вечер свои замечательные рога, олень и отправился в гости. Утром верблюд пришел к озеру — нет оленя. Стал верблюд пить, увидел свое отражение в озере — отдернул, голову вверх задрал: очень некрасивым себе показался без рогов.

«Скорее, — думает, — принес бы олень мои рога. А то мне на себя смотреть противно».

Сделал еще глоток-другой, опять задрал голову, стал оглядываться

направо, налево: не идет ли олень рога отдавать.

Весь день прождал зря, не явился олень, не принес рогов.

На другой день опять пришел верблюд к озеру, опять ждал оленя. Все время голову вверх задирает, чтобы не видеть свое отражение, да кругом оглядывался: нет ли оленя поблизости.

Только и на этот раз олень не появился. Потому что, когда он шел к озеру, за ним погнались свирепые волки.

Еле-еле спасся от них олень в соседнем лесу и остался там навсегда жить. Потому и не вернул рога верблюду.

Персидские сказки

Перевод Н. Османова, Р. Алиева и А. Бертельса.

О ДОЧЕРИ ПОРТНОГО И СЫНЕ ПАДИШАХА

Жил-был портной, и было у него три дочери. Пришел к нему однажды сын падишаха и говорит:

— Сшей мне кабу [\[34\]](#) из цветов.

Портной пошел к старшей дочери и сказал ей:

— Сегодня в лавку приходил шахский сын и заказал кабу из цветов. Как мне быть?

Девушка ничего не поняла и не смогла ответить.

Прошла ночь, настал следующий день. Портной пошел к себе в лавку, сел и стал думать. До вечера просидел он в раздумье, но так ничего и не решил. Этим вечером он пришел к средней дочери и рассказал ей о заказе шахзаде. Но она тоже ничего не поняла и не нашла никакого решения.

Прошла ночь. Днем портной опять отправился в свою лавку, опять думал до вечера, но так и не догадался, в чем дело. А вечером явился он к младшей дочери и рассказал ей обо всем.

Ответила она ему:

— Так ведь тут и думать нечего. Как только завтра явится шахзаде, скажи ему: «Чтобы сшить цветочную кабу, нужны ножницы, нитки и наперсток из цветов. Если ты дашь мне все это, то я сошью».

На четвертый день явился шахзаде. По ответу он догадался, что у портного должно быть три дочери. В первую ночь он советовался со старшей, во вторую — со средней, но те ничего не смогли понять. А в третью ночь он говорил с младшей дочерью, и это она придумала ответ.

И шахзаде влюбился в младшую дочь, еще не видя ее, и послал ее сватать.

Слушай же дальше. Дочь брата падишаха была помолвлена с шахским сыном. И вот до нее дошли слухи, что шахзаде посылает сватов к дочери портного. Она решила расстроить во что бы то ни стало это дело и стала допытываться, кто должен нести подарки от шахзаде к невесте. Узнала она, что шахзаде посылает девушке поднос со всевозможными яствами.

Обезумела принцесса от ревности, пришла к слуге, дала ему много денег и попросила:

— Съешь сам оттуда горсточку риса, крыло курицы и отпей немножко шербета!

Слуга выполнил ее просьбу, а потом понес угощение к дочери портного. Видит она: к блюдам кто-то притронулся. И решила девушка, что шахзаде прислал ей остатки своего ужина, не стала есть и ответила стихами:

На доньшке налит шербет,
А рису — горсти даже нет;
Прислали курицу без крыльев —
Таков, владыка, твой привет!

Сколько ни ломал шахзаде голову, не смог понять, что это значит.

На другой день он купил красивые башмаки и велел отнести их девушке. Дочь дяди узнала об этом, пришла к слуге, который должен, был отнести башмаки, дала ему много денег и попросила:

— Сначала надень сам эти башмаки, походи в них побольше, пусть изнасятся. А потом уж отнеси их ей.

Слуга так и сделал. Принес дочери портного изорванные башмаки, а девушка и надевать их не стала, вернула.

После помолвки дочь дяди стала подсылать к жениху людей, и те говорили шахзаде, что девушка, мол, никуда не годится. Так продолжалось до самой свадьбы.

И вот шахзаде и девушку ввели в брачный покой. Но он даже не взглянул на нее и лег спать. Утром новобрачная рассказала об этом свекрови. Та знала: в этот день ее сын поедет в сад желтых цветов. А было у него три сада: желтых цветов, красных цветов и белых цветов. Шахзаде каждый день гулял в одном из них, и на этот раз очередь была за садом желтых цветов. Свекровь сказала девушке:

— Садись на буланого коня и отправляйся в сад желтых цветов. Как подъедешь к саду, постучи в ворота. Откроет тебе шахзаде, ты попроси у него букет желтых цветов, и он даст их тебе. Как только получишь букет, — тут же поворачивай обратно и не говори больше ни слова.

Девушка так и поступила. Она села на буланого коня, поехала к саду желтых цветов и постучала. Шахзаде открыл ворота, а она говорит:

— Хочу цветов, хочу букет, живей, будь проворней!

Шахзаде пошел, нарвал букет желтых цветов, подал его девушке и хотел было заговорить с ней, но она вскочила на коня и ускакала.

На следующий день свекровь сказала:

— Сегодня, мой сын будет в саду белых цветов. Садись та белого коня, поезжай в сад белых цветов, постучи в ворота, шахзаде тебе откроет, а ты попроси букет белых цветов. Он сорвет цветы и даст тебе; смотри же ничего не говори и быстро поворачивай назад.

Девушка вскочила на белого коня, постучалась в ворота сада. Шахзаде открыл и вышел ей навстречу. Девушка и на этот раз произнесла:

— Хочу цветов, хочу букет, живей, будь проворней!

Шахзаде нарвал белых цветов, связал их в букет и отдал девушке. Хотел с нею заговорить, но она вскочила на коня и ускакала.

На третий день мать шахзаде сказала девушке:

— Сегодня садись на гнедого коня, отправляйся в сад красных цветов и постучись в ворота. Как выйдет мой сын, ты, как раньше, попроси букет красных цветов. Он даст цветы тебе, а ты скажи: «Мой пояс затянут слишком туго, я не могу развязать — разрежь его». Как принесет он нож, ты подставь руку под него, чтобы порезать палец. А как порежешься, закричи: «Ой, мой палец! Ой, мой палец!» Потом бери букет, садись на коня и скачи прочь.

Девушка так и сделала. Оседлала гнедого коня, поскакала к саду, постучалась, и шахзаде открыл ей ворота. Она произнесла:

— Хочу цветов, хочу букет, живей, будь проворней!

Шахзаде нарвал букет цветов и подал их девушке, а та говорит:

— Мой пояс затянулся слишком туго, и я не могу развязать узла. Возьми нож, разрежь пояс.

Шахзаде принес нож и хотел разрубить узел, но девушка подставила под нож руку и поранила большой палец. Закричала тут она:

— Ой, мой палец! Ой, мой палец!

Потом вскочила на коня и ускакала.

Когда вернулся шахзаде домой, девушка подняла крик:

— Ой, мой палец! Ой, мой палец!

Шахзаде поразился: понял он, что это крик той самой девушки, что приезжала в сад. А ведь шахзаде все эти ночи не спал из-за любви к девушке, которую увидел в саду! Он подошел поближе и посмотрел попристальней, видит: да, это та самая девушка, которая приходила в сад желтых цветов, в сад белых цветов и в сад красных цветов.

Заплакал шахзаде от радости и спросил:

— Девушка, что же все это значит?

Рассказала она ему обо всем, а шахзаде обнял ее и поцеловал.

И вот на семь дней и ночей украсили город и сыграли свадьбу.

Точно так же, как эта девушка и шахзаде достигли своих желаний, да исполнятся желания всех влюбленных.

КНИГА — ЗЕРЦАЛО МИРА

Было ли так или не было, а жил в былые времена в одной: деревне крестьянин с женой Сетаре. Рос у них один сын, мальчик по имени Бу-Али. Этот мальчик не занимался никаким делом, а только читал и писал. Отец и мать все время твердили ему: «У всего есть своя мера — нельзя так много читать и писать!» Но мальчик пропускал это мимо ушей и не поднимал головы от книг.

Не исполнилось ему и двадцати лет, когда умер его отец. Одна мать стала следить за Бу-Али и заботиться о нем. И вот однажды мать сказала ему:

— О сынок, глаза мои уже плохо видят, скоро я ослепну. Да и жить мне осталось недолго: пройдут два — три года, и меня не станет. Очень мне хочется найти тебе невесту и сыграть твою свадьбу! Скажи, кого ты хочешь в жены, я пойду и посватаю ее тебе.

— Ни одна из девушек, которых я видел и знаю, — ответил Бу-Али, — не имеет в моих глазах никакой цены, потому что все они — глупы и ничего не знают. Если ты хочешь, чтобы я женился, чтобы успокоилось твое сердце, — иди и посватай за меня дочь нашего падишаха. Я слышал, что она и красивая, и ученая, и смышленная!

— Сынок, что ты болтаешь? — взмолилась мать Бу-Али. — Падишах отдаст свою дочь тому, у кого по голове и шапка тому, у кого есть именье и богатство. Таких, как ты, он и близко не подпустит.

— У меня, — ответил Бу-Али, — богатства больше, чем у кого бы то ни было. Сокровища или деньги может украсть вор или им просто придет конец, но к тому богатству, что есть у меня, не подберется ничья рука, никакими силами нельзя его отнять у меня. Если же я отдам часть своего богатства кому-нибудь, то от этого оно не уменьшится, а умножится.

Словом, долго они препирались и спорили, и наконец Бу-Али уговорил мать и отправил ее во дворец падишаха сватать его дочь.

В саду перед дворцом лежали две большие каменные плиты. Тот, кто хотел видеть падишаха, приходил и садился на одну из этих плит. Один камень был предназначен для бедняков. Они собирались ко дворцу, садились на него, и падишах давал им деньги и одаривал их.

Другой же камень был для вельмож города, которые садились на него,

когда хотели повидаться с падишахом или же посватать его дочь.

Старуха пошла и села прямо на камень для вельмож. Увидел это падишах и решил, что она случайно села на камень вельмож. Он велел слуге:

— Иди, дай той старухе что-нибудь и скажи ей, чтобы она больше не садилась на этот камень. Если ей нужно что-нибудь от меня, пусть садится на камень для бедных. Разве она не знает, что этот камень для вельмож и богатых или камень для свах?

Старуха пришла домой и рассказала сыну все, что видела и слышала. Бу-Али и говорит:

— Почему ты не сказала падишаху, что пришла не милостыню просить, а дочь его сватать?

— Постеснялась, сынок, — отвечает старуха, — смелости не хватило!

— Возвращайся туда и скажи, для чего ты пришла! — сказал матери Бу-Али.

Старуха опять пошла и села на камень для вельмож и сватов.

Увидел это падишах, рассердился и спросил слугу:

— Разве ты вчера не дал денег старухе и не сказал, чтобы она не садилась на этот камень?

— Как не сказать? Сказал, — ответил слуга.

— Тогда пойди и спроси, — приказал падишах, — что ей надо и почему она сидит на этом камне?

Слуга подошел к старухе и передал ей все, что сказал падишах. А старуха отвечает:

— Я не бедная и пришла не для того, чтобы просить милостыню. Я пришла сватать дочь падишаха за моего сына!

Как услышал это падишах, разгневался и закричал:

— О Аллах, какие злосчастные дни настали! Каждый проходимец, каждый бродяга приходит сватать мою дочь за какого-нибудь голодранца и голоштанника!

И приказал слугам:

— Идите и прогоните старуху оттуда, побейте ее хорошенько, чтобы в другой раз не бесстыдничала и не дерзила!

— Избить старую слабую женщину — потерять свое счастье, — сказал падишаху его везир. — Лучше пригласи ее, поговори с ней и поставь трудные условия, как говорят, подбрось на ее дорогу такой камень, какого она не сможет поднять. Так ты и откажешь ей.

Падишах согласился, приказал привести к нему старуху и сказал ей:

— Я отдам свою дочь только тому, кто учение и мудрее всех, кто может

пришить небо к земле — кто знает «Книгу — зеркало мира»!

Старуха вернулась домой и рассказала все сыну. Бу-Али и говорит:

— Иди, скажи падишаху, что через сорок дней я пришью небо к земле и принесу ему «Книгу — зеркало мира».

— Допустим, что ты добудешь «Книгу — зеркало мира», и пришьешь небо к земле! — возразила мать Бу-Али. — Но скажи, откуда ты достанешь деньги? В твоём кармане должно быть хоть несколько монет, чтобы купить не только леденцов и сладостей, а ведь на свадьбе еще полагается осыпать деньгами невесту!

— Ничего, матушка, — отвечал Бу-Али, — что-нибудь придумаю!

На следующее утро Бу-Али вышел из городских ворот и направился в пустыню. Шел он несколько дней и ночей и наконец добрался до подножия одной горы. Он еще раньше знал, что на вершине этой горы сидит человек-див, который знает все премудрости и науки, и у него есть мудрая «Книга — зеркало мира».

Бу-Али взобрался на вершину горы. Человек-див в это время лежал под деревом. Человек-див увидел Бу-Али и спросил:

— Для чего ты пришел сюда?

— Я заблудился, — отвечал Бу-Али, — умираю от голода и жажды! Увидел я эту гору и деревья на ее вершине и решил: «Пойду-ка, напьюсь воды, может как-нибудь раздобуду немного хлеба, чуточку отдохну и приду в себя».

Див-человек поверил словам Бу-Али и сказал:

— Хорошо, сегодня можешь переночевать здесь, а завтра уйдешь!

Бу-Али согласился и проспал ночь там, на вершине горы. Когда наступил день, див-человек оказал Бу-Али:

— Днем я всегда сплю здесь. Если хочешь остаться здесь, — оставайся, а хочешь уйти — уходи!

— Сегодня уж я останусь здесь, — сказал Бу-Али, — а завтра пойду!

Див-человек тут же заснул. Бу-Али вошел в его комнату, взял из-под головы дива «Книгу — зеркало мира» — и начал читать. А в этой книге была бездна знаний и заклинаний. Он тут же запомнил одно из заклинаний, приложил его к делу и в одно мгновение, очутился у городских ворот. В это время див-человек проснулся и видит: нет книги! Оглядел он степь, но и там не нашел Бу-Али. Понял он, что юноша узнал одно из заклинаний и таким образом добрался до города, и отправился следом.

А Бу-Али пришел прямо к себе домой и сказал матери:

— Встань-ка и займись делом! Я сейчас превращусь в красивого оленя, а ты поведешь меня во дворец падишаха. Когда шахзаде увидит

оленя, он сразу захочет купить его. Ты продашь меня за пятьсот ашрафи, а этих денег хватит и на покупку леденцов и сладостей и для того, чтобы осыпать невесту золотом на свадьбе!

Мать Бу-Али сделала все так, как велел ей сын: взяла оленя и пошла ко дворцу падишаха.

И вот недалеко от дворца шахзаде увидел оленя и спросил старуху:

— За сколько продашь?

— За пятьсот ашрафи! — ответила мать Бу-Али.

Шахзаде тут же отсчитал пятьсот ашрафи, купил оленя, поручил животное одному из своих слуг и сказал:

— Иди и купи пять манов изюма! Я слышал, что олени любят изюм.

Слуга пошел, купил изюму, шахзаде набил им карманы и стал целыми пригоршнями кормить оленя.

А теперь послушай, что сделал див-человек. Он пришел в город и давай рыскать по всем углам, чтоб найти Бу-Али в любом облике, какой бы тот ни принял. Наконец див вышел на улицу, где находился дворец падишаха, и еще издали узнал в олене Бу-Али. А Бу-Али обернулся, увидел, что приближается див, и притворился, что ему хочется изюму. Ткнулся олень мордой в карман шахзаде, просунул туда голову и вдруг стал уменьшаться, пока его шея, ноги, туловище и хвост не очутились в кармане. Шахзаде растерялся, остолбенел от удивления, стоит и понять не может, как это могло случиться? А тут из его кардана выпорхнул вдруг воробей и взлетел в небо. Див сначала тоже растерялся: куда же это мог улететь Бу-Али и как его теперь найти? Потом превратился в ворона, взлетел в воздух, сел на дерево и стал оттуда высматривать, за карнизом какого дома скрылся воробей. А воробей, как только увидел ворона, полетел к своему дому, ударился оземь, принял человеческий облик, вошел в дом, взял «Книгу — зеркало мира» и отправился во дворец к падишаху. А тот день был последним из сорока условленных дней. Увидел падишах «Книгу — зеркало мира», удивился.

— Где, когда и как ты достал эту книгу? — спросил он Бу-Али.

Бу-Али все рассказал падишаху.

— Кому же, как не тебе, я могу отдать свою дочь! — воскликнул падишах.

И они устроили свадебное празднество: украсили на семь дней город, и все люди пили, ели и веселились.

Вот так и отдали девушку за Бу-Али.

А див-человек, который был все еще в облике ворона, как увидел, что Бу-Али не расстается с «Книгой — зеркалом мира» и не выпускает ее из

рук, понял, что ничего не сможет поделаться, и отчаялся. Он так и остался вороном, и с тех пор он сам и дети его живут на деревьях, на крышах домов. Они все ищут «Книгу — зеркало мира» и при этом каркают, но придумать ничего не могут!

Наша сказка пришла к концу, а желание ворона так и не исполнилось.

ЯРДАН КУЛИ-БЕК

Рассказывают, что как-то ночью шах Аббас ^[35]надел, по своему обыкновению, дервишское рубище, взял в руки кашкул и посох и отправился по улицам и базарам Исфагана посмотреть, чем занимаются его подданные.

Прошел он по улицам, походил по переулкам и решил: слава Аллаху, все в порядке — все люди спокойны, сыты, не знают ни горя, ни печали. Он возблагодарил бога и двинулся к шахскому майдану, что примыкал к Али-Капу ^[36]. Тут он заметил, что из щели под дверью одного дома поблескивает свет и раздаются приглушенные звуки бубна. Шах Аббас постучался в дверь.

— Кто это? — спрашивает хозяин.

— Дервиш.

— Милости прошу, любимец бога, — раздалось изнутри. — Добро пожаловать, принеси счастье в этот дом!

Шах Аббас вошел в дом, увидел: тесная комната, на полке горит лампа, на полу сидит слепая женщина и напевает вполголоса, а поодаль стоит глиняная миска с горошком и изюмом.

— Дервиш, — начал хозяин дома, — повеселись вместе с нами! Послушай, как поет эта женщина, полакомься этим горошком и изюмом.

И тут он стал бить в жестяной поднос, как в бубен, и это доставляло ему большое удовольствие.

Шах Аббас говорит:

— О муж! Объясни мне, кто ты такой? Чем занимаешься?

— Любимец бога, — ответил хозяин, — я холодный сапожник, работяга. Утром я отправляюсь в лавку у Харун-Велат, там я латаю и чиню обувь рабов божьих. Что бы мне ни дали за это — я беру с улыбкой и довольный говорю: «Аллах не обидит». В день я зарабатываю два — три пахнабада ^[37], а вечером покупаю хлеб, брынзу, горошек с изюмом, возвращаюсь к себе и зову эту женщину, чтобы она пела мне. Словом, я ни на что не жалуясь, так потихоньку и тяну свою лямку. Вот уже несколько

лет я занимаюсь этим делом и зарабатываю тем, что чиню людям обувь. Все, что заработаю, я проедаю, ничего не откладываю, и каждую ночь — хоть провались небо и земля — мы должны повеселиться.

— Хорошо, — сказал ему дервиш, — а если завтра шах Аббас запретит ремесло холодного сапожника, чем ты займешься? Как ты заработаешь денег на веселье?

— Во-первых, шах Аббас никогда не сделает этого. А если и сделает, то Аллах велик, и мы все равно будем веселиться.

Шах Аббас взял из своего кашкула плову, поел немного горошка с изюмом, простился с хозяином, прочитал молитву и вышел из дому.

А утром он первым делом запретил ремесло холодного сапожника и особо велел присмотреть, чтобы закрыли лавку его вчерашнего хозяина.

И вот сапожник остался без дела. Он сказал себе: «Да будет проклята твоя догадка, дервиш, ибо она исполнилась. Шах Аббас запретил ремесло, которым я занимаюсь десять, нет — пятнадцать лет. Ну, да ничего, если человек сметлив и не ленив, — он не останется без дела».

Он тут же продал инструмент сапожника, купил добротный бурдюк и стал водоносом. Не то семь, не то восемь раз он принёс воду для кофейни и пекарни и заработал в два — три раза больше, чем прежде. А вечером устроил веселье пуще прежнего.

Ночью шах Аббас снова надел дервишское одеяние и подумал: «Пойду-ка, посмотрю, что происходит в городе. Заодно загляну и ко вчерашнему знакомому».

Шах Аббас ходил, ходил по городу и остановился на той самой улице. Он решил, что бедняге-сапожнику не до веселья, ведь впервые за десять — пятнадцать лет жизнь его омрачилась.

Когда до дома сапожника осталось три — четыре шага, Аббас услышал шум веселья, который раздавался громче вчерашнего. Он закричал:

— Хозяин, примешь гостя?

— Во имя Аллаха, войди, — ответил сапожник. — Кто ты?

— Дервиш.

— Эх, любимец бога, — ответил сапожник, — ты предсказываешь беду! Твои слова сбылись. Сегодня утром отправился было я в свою лавку и хотел с именем Аллаха взяться за дело, как вдруг явились нукеры шаха Аббаса и сказали: «По указу шаха Аббаса ремесло холодного сапожника запрещено». И меня лишили ремесла моих предков. Дервиш говорит:

— Хоть ты и остался без заработка, но веселье — в полном разгаре! Что же ты сделал? Где раздобыл денег?

— Дервиш, — ответил сапожник, — ведь рабочий человек не пропадет. Я продал инструмент сапожника, купил бурдюк, взвалил его на плечи и заработал в два-три раза больше прежнего. И вот, взамен слепой певицы я пригласил другую — она, видишь, поет лучше. В квартале Джуйбаре я купил бубен, он заменил мне поднос. А вместо горошка с изюмом я купил пахлаву ^[38] и конфеты. Веселись, дервиш, — благородный муж не падает духом! Мне здорово повезло! Если бы я знал, то с самого начала стал бы водоносом. Жаль, что я так поздно узнал это! Как бы там ни было, теперь я буду носить воду и зарабатывать на жизнь.

Видит дервиш, правду он говорит: вместо слепой женщины поет зрячая певица, сам хозяин ударяет в бубен вместо подноса, а для угощения поставлены пахлава и конфеты.

— Ну, ладно, сапожник, — сказал ему дервиш, — а если завтра вздумает вдруг шах Аббас запретить ремесло водоноса, чем ты тогда будешь заниматься?

— Прошу тебя именем бога, дервиш, — отвечает хозяин, — не предсказывай дурного! Что ж, во-первых, я перестану носить воду, во-вторых, как я уже говорил тебе, хоть из-под земли да раздобуду деньги и буду веселиться. Но ради бога, прошу тебя, не говори так!

— Это я так, к слову, — успокоил его дервиш.

— Ты и к слову не говори!

В душе шах Аббас был доволен: слава богу, думал он, мои подданные живут неплохо, веселятся. Однако ему хотелось испытать сапожника, запретить и новое его ремесло. Взял он плова из своего кашкула, они поели вдвоем, шах Аббас съел одну конфету и ломтик пахлавы, прочитал молитву и ушел.

На другое утро он первым делом запретил ремесло водоноса и приказал особо следить за сапожником.

Не успел сапожник выйти на шахский майдан, как видит, что хватают водоносов и кричат:

— По велению шаха Аббаса в Исфагане запрещено продавать воду!

— Эх, зловещий дервиш, — сказал сапожник, — что ж ты предсказал? Ты обратил мой хлеб в известь, а мою пряжу — в хлопок!

Но потом он решил:

— Не надо сдаваться, можно еще что-нибудь придумать!

Взял сапожник палку с серебряным набалдашником, надел джуббу ^[39] наизнанку, чтобы отличаться одеждой от других людей, сдвинул шапку набекрень, подкрутил усы и пошел по улицам. Он решил выдавать себя за

шахского стражника и обманывать людей.

Себе он сказал:

— Я буду пугать мелких торговцев и лоточников и кричать: «Здесь нельзя торговать, там тоже нельзя, уходите отсюда!» А у каждого из них есть семья, жена и дети, и они будут вынуждены задобрить меня, чтобы я оставил их в покое.

Но потом поразмыслил сапожник и говорит: «Нет, это не годится! Они тогда не смогут арендовать лавки, а если лишить их мелкой торговли, то они станут или давать взятки, или воровать, или попрошайничать. И выйдет так, что по моей вине увеличатся взяточничество, воровство и попрошайничество. Что же делать?»

Думал он, думал и, наконец, решил: «Буду-ка я штрафовать под видом шахского стражника жителей, выбрасывающих на улицу мусор или выливающих в арыки помои. И доброе дело сделаю, и себе на хлеб заработаю!»

Пошел он бродить по глухим переулкам, а сам смотрит: как заметит, кто-нибудь высыпал мусор или вылил помои, сразу же хватает его за шиворот и кричит:

— Зачем ты выливаешь на улицу помои, такой-сякой? Живо пойдем к шаху Аббасу!

А люди пугались его странного вида, да к тому же он еще говорил от имени шаха Аббаса. Все принимались его умолять и упрашивать, давали ему несколько пахнабадов, чтобы он только оставил их в покое и не водил к шаху Аббасу. Если же один из ста набирался храбрости спросить: «А ты кто такой?» — он отвечал:

— Кто я такой? Я — фарраш, фарраш-баши ^[40]шаха Аббаса!

И тогда человек начинал перед ним извиняться и прославлять шаха:

— Какой он заботливый! Он так радуется о подданных, что даже следит за чистотой улиц!

Но вернемся к сказке. До вечера сапожник раздобыл таким способом три-четыре тумана, а вечером задал целый пир. Купил сластей, напитков, приготовил шашлык, пригласил музыканта, певца и танцовщика.

Настала ночь, и вновь шах Аббас вышел в город. Покончил он со своими делами и отправился к дому сапожника. Слышит, что там пируют и веселятся, остановился перед дверью и закричал:

— Хозяин, гостя не примешь?

— Во имя Аллаха, входи, сделай милость!

Вошел шах Аббас. Хозяин узнал его и говорит:

— Любимец бога, как ты предсказал, так и приключилось. Не успел я

утром приступить к делу, как на улицы высыпали фарраши с криками: «Шах Аббас запретил продавать воду». Ну, да мне теряться не к лицу, надо зарабатывать на жизнь. И стал я выдавать себя за фарраш-баши шаха Аббаса и обманывать людей. И вот, благодаря слепоте и темноте людей я сегодня пирую и веселюсь пуще прежнего, так как раздобыл много денег. Но я уже все израсходовал — ведь я не печальной жизни просил у бога! Слава Аллаху, до сих пор все было хорошо! Все, что я зарабатывал днем, я проедал ночью. И теперь, видишь, я не без дела. А тебя попрошу, сделай милость, не предсказывай дурного!

Дервиш ему в ответ:

— А если ты схватишь кого-нибудь за шиворот, а он возьмет, да и согласится пойти с тобой к шаху Аббасу, что тогда ты будешь делать?

— Это невозможно, — ответил хозяин.

Прошла ночь, утром шах Аббас велел нескольким дюжим фаррашам переодеться и приказал:

— Идите, и как увидите этого сапожника, начинайте выбрасывать мусор. Если он будет угрожать вам и потребует идти к шаху, то соглашайтесь.

Они так и поступили. Высыпали на улицу мусор, подскочил сапожник и стал кричать:

— Почему вы выбрасываете мусор на улицу? Живо, идем к шаху Аббасу!

— Пошли, — отвечают те.

Видит сапожник, что злое предсказание дервиша сбылось и на этот раз. Двинулись они в путь. По дороге сапожник и так и сяк старался помириться, но фарраши не дали ему это сделать. У Али-Капу видит сапожник, что они не желают отступить, и говорит:

— На этот раз я прощаю вас, но больше не делайте этого!

— Нет, мы всегда будем выбрасывать мусор!

— Ну что ж, идите восвояси, — ответил сапожник.

— Нет, не пойдем!

Сапожник сам хотел было улизнуть, но его не пустили и повели к шаху Аббасу.

— Дружище, как тебя звать? — спросил его шах.

Сапожник хотел ответить: «Курбан ^[41], Кули-бек», но язык у него заплетался, и он пробормотал:

— Ярдан Кули-бек.

Шах Аббас засмеялся и ответил:

— Коли хочешь быть фаррашем, то будь им в моих покоях. До самого

вечера сиди здесь!

По обычаям того времени ему дали саблю в драгоценных ножнах, и он повесил ее на пояс. Шах Аббас до самого захода солнца не отпускал его, чтобы он ничего не смог заработать, а вечером сказал:

— Теперь ступай, а завтра утром явись на службу. Жалованье же получишь в конце месяца.

Сапожник вышел из дворца и стал размышлять: «Этой ночью мой пир под угрозой».

Подумал, подумал да и продал за десять туманов клинок сабли, а взамен его заказал столяру деревянный. А сам стал готовиться к пиршеству: пригласил музыкантов и шутов, купил всякие яства.

А шах Аббас был уверен, что этой ночью сапожник не сможет пировать. Подошел он к его дому и вдруг слышит: на всю улицу раздается шум пиршества. Шах Аббас подумал: «Ведь у него же ничего не было?»

Вошел он внутрь, а Ярдан Кули-бек воскликнул:

— Как ты сказал, так и случилось!

— На что же ты закатил такой пир? — удивился дервиш.

И Ярдан (Кули-бек рассказал ему обо всем. Тогда дервиш спросил:

— А если завтра шах Аббас прикажет тебе обнажить меч и отрубить голову разбойнику, как ты вывернешься?

— Опять ты за свое! У шаха есть на то палач.

И вот прошла ночь, настало утро, и сапожник отправился во дворец, на службу к шаху Аббасу. Шах велел ввести преступника, а потом приказал:

— Ярдан Кули! Отруби ему голову.

Побледнел Ярдан Кули, но не растерялся и ответил:

— Да буду я жертвой за тебя, не убивай этого невинного человека!

— Нет, он виновен, отруби ему голову!

— Да буду я жертвой за тебя, — умолял Ярдан Кули. — Я человек богобоязненный, не стану я убивать невинного!

— Я приказываю тебе! — закричал шах Аббас.

— Ты-то приказываешь, но и я свои обязанности знаю, — возразил сапожник.

Шах настаивал, а Ярдан Кули увиливал. Только видит он — не отстанет шах, поднял голову и взмолился:

— О боже, Ты знаешь своих рабов. Этот муж, я уверен, невиновен. Если он виновен — то пусть погибнет, а если нет — преврати мой меч в деревянный. О Аллах!

С этими словами он выхватил саблю и сказал:

— Да буду я жертвой за тебя! Видишь, я верно угадал: он невиновен.

Засмеялся шах Аббас и рассказал, как все было. Он сделал сапожнику драгоценные подарки и отпустил его домой.

ТРИ АХУНДА

Шли по дороге три ахунда [\[42\]](#), а навстречу им ехал всадник. Поздоровался он с ахундами, а они заспорили. Первый говорит:

— Всадник поздоровался со мной!

Второй кричит:

— Нет, он меня приветствовал!

А третий твердит:

— Меня!

Такой подняли крик, а переспорить друг друга не могут. Догнали они всадника и спрашивают:

— Эй, всадник! Скажи, которого из нас ты приветствовал?

Всадник ответил:

— А того, кто всех глупее.

Опять заспорили ахунды, так как каждый считал себя глупее другого. Тогда всадник предложил:

— Расскажите-ка про самые глупые ваши поступки, чтобы я мог определить, который из вас глупее.

Они согласились, уселись в кружок и давай рассказывать о совершенных ими глупостях.

Первый сказал:

— Когда я был сельским учителем, я часто чихал. Дети при этом говорили: «Будьте здоровы, мулла». Я же вынужден был отвечать каждому ученику в отдельности: «Спасибо» или: «И тебе того же». Но это было слишком длинно, и я предложил детям: «Когда я чихну, вы все вместе хлопайте в ладоши».

Дети обрадовались, и после этого каждый раз, когда я чихал, ученики хлопали ладоши вместо того, чтобы говорить: «Ахунд, будьте здоровы», и я обрел покой.

Но вот случилось как-то, что в колодец упал цыпленок. Я обвязался веревкой, а другой конец ее велел держать детям. При этом я наказал им:

— Если со мной, не дай бог, что-нибудь случится в колодце — тащите меня наверх.

Начал я спускаться. Как только опустили меня до середины, я чихнул. И что же? Дети не захлопали в ладоши! Я кричу: «Вытаскивайте меня!»

Выбрался я из колодца и давай лупить детей да приговаривать:

— Почему вы не хлопали в ладоши, когда я чихнул?

Дети стали кричать и плакать:

— Учитель, мы же держались руками за веревку!

Но это не убедило меня, и я их здорово поколотил. Потом привязал опять веревку к поясу и снова стал спускаться в колодец. По воле неба на середине пути я опять чихнул. Тут дети выпустили веревку и стали хлопать в ладоши, а я упал в колодец и сломал ногу. И вот теперь вы сами видите: на одну ногу я хромаю. Это все с тех пор.

Второй начал:

— Я тоже был сельским учителем. Однажды я сидел на краю бассейна и совершал омовение перед молитвой. А в воде виднелось мое отражение. Я решил, что это вор переоделся в мои одежды и спрятался под водой, поджидая темноты, чтобы обобрать меня. Обернулся я к ученикам и приказал: «Сложите свои книги и возьмите каждый по палке. Вор в моем облике спрятался в бассейн. Я разденусь, нырну в бассейн и поймаю его, а вы внимательно следите. Как только он высунет голову из воды — бейте его палками».

— Дети сложили свои книги, взяли по палке и стали дожидаться вора, а я нырнул в воду. Только хотел я вынырнуть, дети давай колотить меня палками. Не вытерпел я палочных ударов, снова нырнул, но стал задыхаться и опять попытался вынырнуть и вылезти из бассейна. Но дети и на этот раз накинулись на меня с палками, крича: «Дай ему как следует! Бей его! Бей!»

— Вижу: умирать приходится, убьют меня дети. На счастье жена моя Сакине, да простит Аллах грехи ее отца, прибежала и спасла меня от учеников.

Стал рассказывать третий:

— И я тоже был сельским учителем. Сижу я как-то, обучаю детей, и настроение у меня прекрасное. Вдруг один из учеников говорит мне:

— Что-то, господин ахунд, вы сегодня бледны. Может, вы больны?

А другой добавил:

— Вы очень похудели.

— И глаза у вас запали, — вставил третий.

Так каждый что-нибудь да находил. Я поверил им и говорю: «Ведь верно, я с вечера чувствую себя плохо».

И в ту же минуту помутилось у меня в глазах. Дети с помощью жены отнесли меня в спальню и уложили. Так пролежал я до полудня, а в полдень принесли обед, но я есть не стал из-за болезни. Мало того —

отказался даже и от ужина. Утром чувствую, что ослаб от голода. Посмотрел по сторонам, вижу: в нише стоит миска, а в ней лежит одно куфте ^[43], оставшееся с вечера. Поглядел я кругом — никого нет. Я скорей вскочил с постели и сунул куфте в рот. Но в тот самый момент в комнату вошла жена. С перепугу я заложил куфте за щеку. Взглянула жена и спрашивает:

— Почему у тебя щека опухла?

А я ей в ответ:

— Не знаю. С вечера очень болела, а теперь вот опухла.

Жена вышла и вскоре вернулась с лекарем. Тот посмотрел и сказал:

— Опухоль созрела, надо вскрыть.

Жена говорит:

— Так зачем же медлить?

И лекарь разрезал мне щеку и извлек оттуда зерна риса, куски мяса И многое другое. Он показывал это всем со словами:

— Посмотрите, как созрела опухоль. Если бы этот чирей не вскрыли сегодня, то он загноился бы и заставил его страдать.

Теперь у меня на щеке, как вы сами видите, шрам. По собственной глупости поверил я ученикам, слег и претерпел столько страданий, да и лицо у меня обезображено. Вот теперь и скажи, кто глупее — я или один из них.

Всадник посмотрел на всех троих и сказал:

— О Аллах! Вы — самые глупые люди на свете, и мое приветствие было предназначено всем вам!

Да не накажет нас Аллах глупостью и не пошлет нам в спутники глупцов!

УПРЯМЕЦ

Было ли так или не было, а жили-был и давным-давно муж с женой. Жена была женщина расторопная, работающая, а муж — лентяй и бездельник. Из-за его лени у них целый день были опоры да ссоры.

Пришла как-то жена к мужу и говорит:

— Эй, муж! Нельзя же с рассвета до захода солнца сидеть дома сложа руки. Хоть бы на улицу вышел! Ничто-то тебя не тревожит!

— Нечего мне делать на улице! — отвечает муж. — Отец оставил мне несколько коров и овец, и пастухи приносят мне от них молоко, сыр и шерсть. Мы с тобой проедаем это и живем себе припеваючи. А с делами по

дому — стряпней, стиркой, уборкой — ты справишься.

Закричала тут жена:

— Неужели я должна еще и телку поить? Не буду я больше этого делать! Иди сам пои свою телку, будь ты неладен!

— Так зачем же я брал тебя замуж?

— А за тем, чтобы я занималась домом, чтобы за тобой ухаживала, а не за телкой.

Тут муж ей говорит:

— Нет, не так. Я взял тебя, чтобы ты во всем мне повиновалась. А если тебе не нравится, — поднимись на крышу да и спрыгни вниз. Ведь недаром наши предки говорили: «Муж — маленький бог для жены». Что бы муж ни приказал, жена должна исполнять все беспрекословно.

— Ведь это они говорили о мужчинах, а не о такой тряпке, как ты! — воскликнула жена.

И так этот спор о телке затянулся, что в конце концов они порешили: на этот раз поит телку жена, а завтра — тот, кто раньше заговорит.

На другой день утром жена встала, убрала постель, подмела двор, приготовила завтрак и не промолвила при этом ни словечка. Проснулся муж и съел завтрак тоже без единого слова. Видит жена: останется она дома — не выдержит, поневоле заговорит с мужем. Она накинула чадру и отправилась к соседке, не заперев дверей. А муж остался дома один. Он встал, вышел за дверь и сел на скамью.

Пришел нищий и попросил кусочек хлеба или монету. Сколько ни просил, никакого ответа не получил. Он стал говорить громче, попросил милостыню во имя Аллаха. Видит нищий: дышит мужичина, но не отвечает. Удивился он, почему этот человек ничего не говорит? И подумал: «Наверное, глухой». Подошел ближе и давай кричать совсем громко — никакого ответа! Решил нищий: «Конечно, глухой!»

А лентяй тем временем думал: «Жена подслала его, чтобы заставить меня заговорить, а потом прийти и сказать: „Иди скорей, пои телку“. Пусть небо упадет на землю или земля провалится, я все равно не заговорю!»

А нищий решил, что он еще и немой, вошел внутрь, поставил на пол котомку, наложил туда хлеба и сыру и потом пошел своей дорогой. Муж видел все это, но ничего не сказал — не хотелось ему поить телку.

После нищего пришел цирюльник. Увидел его на скамейке и спросил:

— Побрить тебе бороду или сделать прическу, как хвост у утки?

Но муж ничего не ответил. Тогда цирюльник провел бритвой по оселку, сбрил ему наголо бороду и остриг его. А потом протянул руку за платой, но ничего не получил. Несколько раз он просил заплатить, но так и

не дождался ответа. Наконец цирюльник говорит:

— Не притворяйся немым, оплати мой труд!

Опять никакого ответа. Тогда он сам сунул руку в карман мужа, вытащил деньги и вышел.

Не успел цирюльник выйти, как пришла машшате. Увидела, что человека только что брили, села, выдернула ему остатки волос, а потом окропила розовой водой, нарумянила и тоже вышла.

В это время мимо дома проходил вор. Заглянул внутрь и видит: сидит на скамье женщина в мужской одежде, с обрезанными косами и накрашенная. Подошел вор поближе и спросил:

— Душенька-хатун ^[44]! Почему ты не закрыла дверь и сидишь без чадры? Почему тебе обрезали косы?

Видит: не отвечает она. Подошел еще ближе и тут понял, что это не женщина, а мужчина, с которым сыграли какую-то шутку. Стукнул его два по голове ладонью и крикнул:

— Горе тебе! Почему не отвечаешь на вопросы?

А муж садит себе и думает: «Знаю, знаю! Вас подслала жена, чтобы я заговорил и пришлось бы мне телку поить. Не такой уж я дурак, чтобы клюнуть на такую удочку!»

Видит вор: что ни говори, что ни делай — тот не промолвит ни словечка. Осмотрел он комнаты, собрал все, что полегче да подороже, взвалил на плечи и был таков:

А телка? Послушай, что было с ней.

Она совсем истомилась от жажды в своем хлеву. Наконец рогами сбила засов с двери, выбежала во двор и замычала. А муж сказал про себя: «Эта подлая жена подучила даже телку, чтобы заставить меня заговорить. Я ни с кем не заговорил до сих пор, не стану и с ней говорить».

Тут подроспела жена, увидела телку во дворе. А телка ткнулась ей носом в подол и стала просить пить. Посмотрела жена на мужа и не узнала его. Она решила, что это муж привел вторую жену. Подошла поближе и спрашивает:

— Эй, женщина! Кто разрешил тебе входить сюда?

Тут муж обрадовался, закричал:

— Ты проиграла, ты проиграла! Иди живей, пои телку.

Жена, наконец, узнала мужа, смотрит — борода его сбрита, лицо нарумянено.

— Прах тебе на голову! Что с тобой? Кто так разукрасил тебя! Кто побрил? — закричала жена.

Она дала ему пару оплеух, напоила телку и вошла в дом. И что же она

видит: сундуки стоят, будто выпотрошенные. Поняла она, что здесь были воры и утащили все. Закричала на мужа:

— Ты что, заснул или умер? Почему не подал голоса?

— Ни мертв я не был, и не спал, — отвечает муж, — а просто знал, что подсылала их ты, чтобы я заговорил и стал поить телку.

— Позор на голову такого упрямца, — закричала жена. — Ты бы из упрямства пустил на ветер все имущество и честь! А еще радуешься, что не должен поить телку. Хоть Расскажи, когда ушел вор и в какую сторону?

— Он ушел полчаса тому назад, а в какую сторону, я не знаю.

Пошла жена искать вора, а телка за ней.

На улице женщина спрашивает ребятишек, которые там играли:

— Не видели, куда пошел человек, который вышел из этого дома с ношей на спине?

— Как же, видели! Он отправился за город.

Жена потянула телку за веревку и пошла, куда ей указали. Прошла она немного и заметила на дороге человека с нужными ей приметам. Узнала она вора, торопливо догнала его и перегнала. А вор видит: женщина с телкой обогнала его. Он крикнул вслед:

— Сестрица, далеко путь держишь?

— Я из другого города. Домой возвращаюсь.

Тогда вор спросил:

— Что ты так спешишь?

— Я одна, — отвечает женщина. — Хочу дотемна добраться до караван-сарая, чтобы не ночевать в пустыне. Будь у меня кто-нибудь, кто бы мог обо мне позаботиться, я шла бы поспокойней, не стала бы мучить себя и телку.

— Если хочешь, пойдем вместе, — предложил вор.

— Что ж, я согласна.

Пошли они вдвоем, разговорились. Женщина давай вертеться и строить глазки, а вор спрашивает:

— Сестрица, ты замужем?

— Если бы у меня был муж, я бы не странствовала с этой телкой одна по пустыням.

Так они разговаривали, и стал вор свататься. И они решили: как придут в город, пойдут к кадию и поженятся.

Шли они так вместе, развлекались беседой и перед заходом солнца добрались до какого-то селения. Тут вор и говорит женщине:

— Давай назовемся мужем и женой и переночуем в доме кедхуды.

А женщина отвечает:

— Прекрасно! Только мужем и женой мы станем лишь после заключения законного брака.

Вор согласился, и они отправились в дом кедхуды. Тот их принял, постелил им постели, и после ужина они легли — вор в одном углу, а женщина — в другом.

В полночь, когда вор захрапел, женщина поднялась и пошла в кладовую кедхуды. Принесла оттуда муки и замесила тесто. Потом наложила теста в башмаки вора и кедхуды, вышла во двор, вывела из хлева телку, нагрузила на нее украденные вещи и двинулась назад — домой.

В это время жена кедхуды проснулась, услышала скрип ворот и разбудила мужа:

— Ворота заскрипели, вставай-ка! Уж не воры ли эти наши гости?

Кедхуда встал, хотел обуться, чтобы выйти и посмотреть в чем дело, но ноги его прилипли к тесту. Он еле отлепил ноги от башмаков, выскочил босиком во двор, видит — ворота раскрыты настежь. Вернулся он в дом, смотрит на постели гостей: муж спит, а жены нет. Он стал кричать:

— Эй, дяденька!

Вор от крика проснулся, спрашивает:

— В чем дело?

— Твоя жена испортила мою обувь, открыла ворота и скрылась. Не знаю, украла она что-нибудь или нет.

Вор отвечал:

— Нет, она не воровка. Но на нее иногда находит, она выкидывает подобные шутки.

Но тут он посмотрел и видит: его ноша исчезла. Понял, что она украла ее. Сказал он кедхуде:

— Пойду-ка я, догоню ее. Встретится еще с вором или каким-нибудь негодяем, заберет он у нее телку, а ее возьмет себе в служанки!

Начал было обувать башмаки, но тоже завяз в тесте. Не хотелось ему, чтобы кедхуда обо всем догадался, он ничего не сказал, с большим трудом выбрался из дома. попрощался с кедхудой, потом очистил башмаки и двинулся в путь.

А между тем рассвело. Женщина уже прошла половину пути — целых семь переходов сделала. Вор вышел на большую дорогу и давай прибавлять шагу! Посмотрел вперед и увидел вдали женщину с телкой, а она оглянулась и тоже заметила его. Стало ей страшно, и говорит она телке:

— Эй, телка! Я затеяла все это из-за тебя. Если вор догонит нас, он меня растерзает, а тебя заберет — ты меня больше и во сне не увидишь! Прощу тебя, покажи, что такое твой гнев, проткни живот вора своими

рогами!

И она повернула голову телки назад:

Тут она отвязала веревку и подтолкнула телку. Вор подбежал, а телка нагнула голову, покосилась на него, отступила назад, потом как бросится на него, как поддаст рогами — так он и полетел на землю.

Женщина обрадовалась, расцеловала телку в морду, и пошли они домой. Добрались засветло — звезды еще на небо не вышли. Вошли они в дом, а муж, такой же раскрашенный, как вчера, сидит себе на скамеечке и все еще ни с кем словом не перемолвился.

Увидела телка мужа, посмотрела на женщину, отошла назад, разбежалась — хотела и его боднуть, как того вора.

Но жена заслонила мужа и сказала:

— Эй, телка! Как бы там ни было, мы — одно целое, как верх и подкладка у одежды. Он хоть упрям, но сердце у него доброе.

И телка подняла голову и отправилась в свой хлев. А муж с того дня стал и кормить и поить ее. И телка выросла в корову и принесла им достаток.

О БЕСПЕЧАЛЬНОМ И БЕЗЗАБОТНОМ

Сказку, которую вы сейчас услышите, сложили в давние времена, лет двести тому назад, когда мужчины носили высокие меховые шапки, а женщины — чадру.

В одном городе жили два приятеля. Они постоянно были вместе и всегда знали все друг о друге. Каждый день они хоть пазок да виделись и расспрашивали один другого о здоровье и делах, а если случалось так, что один из них целый день был очень занят и: не мог пойти к другому, тот шел разыскивать приятеля в его лавку на базар или домой и узнавал о его здоровье.

У одного друга была жена, полон дом детей и много забот. Когда он по вечерам возвращался домой, его окружали сыновья и дочери, прыгали, смеялись, радовались, веселились и целовали отца.

Другой же был один-одинешенек, как говорят в народе, бобыль: ни жены, ни детей, ни родных у него не было. Когда наступал вечер, он час-другой бродил одиноко по улицам, слегка уставал, съедал кусок хлеба с сыром и шел домой. Дома он сидел некоторое время в углу, нахохлившись, как сова, и думал, потом ложился спать. Женатый, многодетный друг жил весело и его потому прозвали «Беспечальный». Одинокого же звали

«Беззаботный».

Однажды случилось так, что Беспечальный целый день не видел Беззаботного. Когда наступил вечер, он пошел к нему на дом, но сколько ни стучал в дверь, никто ему не открыл. Беспечальный подумал: «Наверное, мой друг отправился погулять за город денька на два и завтра вернется».

Но назавтра тот не пришел, послезавтра тоже не пришел, после послезавтра тоже не пришел и вообще долго не появлялся. Беспечальный очень огорчился и все думал о том, почему его друг не приходит, куда он делся и что с ним случилось. «Боже мой, боже мой, — говорил Беспечальный про себя, — я не выполнил долга дружбы! Если бы с самого начала я уговорил его завести жену и детей, он не стал бы бродить одиноко, не был бы таким бездумным и беззаботным! Где же мне его теперь найти?»

Сколько он ни искал, кого ни спрашивал, нигде не находил Беззаботного. В конце концов он отчаялся и потерял всякую надежду найти его.

Прошло три или четыре года, и о Беззаботном все забыли. Но вот однажды поздно вечером кто-то сильно постучал в дверь дома Беспечального. В это время дети как раз подняли веселую возню, расшумелись, раскричались и стука сперва никто не услышал. Но сам Беспечальный все-таки услышал и сказал дочке:

— Эй, Зиннат! Там кто-то стучит в дверь. Пойди посмотри, кто это так поздно пришел.

Зиннат пошла к двери, немного постояла, потом открыла и сейчас же бросилась обратно к отцу, да со страху зацепилась за порог и шлепнулась. Беспечальный пошел к дочери и говорит:

— Что с тобой, Зиннат? Почему ты упала? Вставай! Абулькасем, сынок, пойди теперь ты, посмотри, кто там пришел!

Абулькасем вышел, сейчас же прибежал обратно, еле дух переводит и говорит:

— Там дядюшка Беззаботный стоит!

Беспечальный рассердился:

— Что же ты его заставил ждать на улице? Пойди, окажи: «Пожалуйста в комнаты!» Дети! Да захватите же лампу, осветите ему!

Когда дядюшку Беззаботного ввели в дом, увидели, что он чем-то напуган, тяжело дышит. Беспечальный сперва не обратил на это внимания и, обрадованный новой встречей, сказал:

— Брат ты мой дорогой! Где ты был, что делал, где пропадал целых три или четыре года?

Тот ответил:

— Сперва посмотри, заперта ли входная дверь, потом закрой дверь в комнату, а если хочешь, чтобы я был совсем спокоен, пойдем, спрячемся в погреб, и там я решусь тебе рассказать о своих злоключениях.

Беспечальный сказал:

— Входная дверь заперта, наш дом — место надежное. Успокойся же, ты можешь говорить все, что хочешь!

Тогда Беззаботный так начал рассказ:

— Брат мой! Утром того дня, с которого мы не виделись, я вышел погулять и увидел на той стороне улицы женщину. Лицо ее было плотно закрыто чадрой. Я почему-то пошел за ней, и она вдруг обернулась, приоткрыла наполовину чадру и посмотрела на меня. Тут я увидел ее лицо и должен тебе сказать, брат мой, она оказалась очень красивой. Да что там красивой! Ее лицо просто ослепляло, как солнце! Мне нечего скрывать, что когда она посмотрела на меня, я тоже посмотрел на нее. Тогда она сказала:

— Господин! Я должна вас кое о чем попросить.

Я бросился к ней и говорю:

— Что прикажете, госпожа? Я готов сделать для вас все, что вам будет угодно!

Она говорит:

— Я попрошу вас вот о чем. Пойдемте сейчас вместе к судье, и вы там скажете, что я ваша жена и вы хотите со мной развестись. А за труды вы получите десять туманов.

Я подумал: «Она дает мне десять туманов, и если я пойду к судье и скажу ему пару слов, от этого ноги у меня не отвалятся и язык не отсохнет». И я тотчас же пошел с ней к судье и сказал ему:

— Господин судья! Вот моя жена. Я не желаю ее больше держать в доме и хочу с ней развестись.

Судья нас тотчас же развел, мы попрощались и собирались уже уходить, как вдруг женщина вынула из-под чадры спеленутого грудного младенца и сказала:

— Господин судья! Прикажете ему, пусть он возьмет своего ребенка и его воспитывает.

Судья ответил:

— Да-да! Ребенок по закону остается у мужа. Возьмите его.

Я покраснел, побледнел, но сказать, что ребенок не мой и что все это обман, не решился. Поневоле взял невинного младенца на руки и вышел вон. Пришло мне тут в голову оставить этого ребенка около мечети, а самому уйти. Дошел я до какой-то мечети, положил потихоньку младенца на каменную скамью у ее дверей и пустился бежать. Но тут из мечети

выскочили два человека с палками в руках и завопили:

— Ах ты такой-сякой! Бога ты не боишься! Который раз подкидываешь здесь детей! Ведь это ты пятого уже тут оставил!

Вздули меня палками, потом принесли большую корзину, положили в нее пятерых младенцев, взвалили корзину мне на плечи и сказали:

— Убирайся к черту в пекло, чтоб духу твоего здесь не было!

Ой-ой! Что мне было делать с теми детьми? С одной стороны, жалко, этих невинных младенцев, а с другой стороны, мне-то что с ними делать? Сколько ни думал, ничего сперва не мог придумать.

В конце концов догадался: пойду-ка я к женской бане, оставлю там корзину с младенцами, а сам уйду. Женщины будут выходить из бани, и те, у которых нет детей, по одному их из корзины и разберут. Ходил я, ходил и в конце концов отыскал женскую баню на окраине города. Хорошенько осмотрелся и, когда увидел, что никто за мной не следит, снял корзину с плеча, поставил на землю и пустился наутек. Вышел из города и целый день шел, пока к вечеру, голодный и усталый, не дошел до какой-то деревни. Никого я там не знал, к кому можно было бы пойти переночевать, а стало очень холодно. Бездомный и несчастный, бродил я среди хижин и каких-то развалин по деревне, пока не набрел на какой-то купол, похожий на крышу бани. Тут я в темноте споткнулся и провалился в какую-то дыру. Там было совершенно темно, и я стал ощупывать все вокруг себя руками, чтобы понять, куда я попал. Вскоре я понял, что-попал в совсем неплохое место. Это погреб, и ледник, где хранят продукты. Но так как было очень темно, я не мог сразу найти что-нибудь подходящее и поесть. Я оставался там до утра. Утром через отверстие в крыше проникли лучи солнца и стало совсем светло. Я разыскал сухой лаваш, масло и яйца и поел, сколько мог. Потом решил выбраться оттуда, потому что в любую минуту кто-нибудь мог войти и застать меня там. На всякий случай набрал в шапку яиц и осторожно надел ее на голову, рассовал по карманам хлеб, выковырнул из чашки куоок масла, которое стояло на льду и застыло, я сунул его за пазуху. После этого решил поскорее выбраться наружу. Подошел к двери, заглянул в замочную скважину и увидел: погреб примыкает к дому, а в доме никого нет, только старуха сидит и греется около жаровни как раз у дверей погреба. Я открыл дверь, хотел пройти мимо старухи, но со страху не догадался поздороваться. Старуха сказала:

— Пойди-ка сюда! Ты чего же это не здороваешься? Не любите вы, молодые, старых! Иди сюда, присядь.

Сердце у меня заколотилось, я растерялся и поневоле сел. Просидел две-три минуты у жаровни, и масло у меня за пазухой от тепла растаяло и

потекло. Старуха решила, что я вспотел, взяла меня за полу и говорит:

— Сними кафтан, чего ты закутался!

Тут кафтан раскрылся, она увидела масло и закричала:

— Прах тебе на голову! До чего человек дошел, масло уже ворует!

Вскочила и ударила меня кулаком по голове. Яйца у меня в шапке разбились, и желтки и белки потекли по лицу, по шее, за шиворот. Я обозлился, вскочил, пнул ее в бок, отпихнул в сторону и убежал из дома. Бежал, пока не прибежал к ручью. Несмотря на холод, вымыл лицо и голову, постирал одежду и повесил ее сушиться на солнце. В это время к ручью подъехал всадник. Он хотел пить, а с коня сходить ему не хотелось. Вынул он из кармана чашку, дал мне и говорит:

— Набери-ка мне воды, я попью.

Я пошел набирать воду, чашка выскользнула у меня из рук, и ее унесло течением.

Всадник разозлился, соскочил с коня и вытянул меня плетью. Тай он меня отхлестал, что я без сознания упал на берегу ручья. Прошло два или три часа. Я очнулся, открыл глаза и увидел: ко мне подъехал другой всадник, совсем еще молодой, и остановился около меня. Я тут же вскочил и вежливо его приветствовал. Он меня спросил:

— Дядюшка! Почему вы лежали здесь без сознания?

Я ему все от начала до конца подробно рассказал. Он меня пожалел и говорит:

— Садись позади меня на коня, я тебя отвезу к себе.

Помог мне взобраться на лошадь и привез в свой город.

Привел к себе в дом, принял хорошо, познакомил с женой. Куда ни пойдет — всюду берет меня с собой, очень хороший человек оказался.

Он много охотился, и я всегда был на охоте при нем. Однажды поехали мы на охоту с борзой собакой и соколом и заехали в деревню, которая была в двух фарсангах от того города. Владелец той деревни был с моим благодетелем в дружбе и прямо силой оставил его у себя переночевать. Когда стало моему благодетелю неудобно дальше отказываться, он мне сказал:

— Садись на коня и поезжай домой, скажи, чтобы там обо мне не беспокоились. Борзую и сокола возьми с собой и смотри, чтобы с ними ничего не случилось. Если деревенские собаки набросятся на борзую, ты сойди с коня и спусти ее с поводка, она сама с ними лучше справится.

Сказал все это и отпустил меня. Я проехал всего семь или восемь шагов, когда деревенские собаки завидели борзую и бросились к ней. Я видел, что они вот-вот ее схватят и растерзают, но почему-то поленился

сойти с коня, и собаки разорвали борзую на клочки. Проехал я еще два — три шага, и тут сокол, который сидел у меня на руке, стал бить крыльями. Это мне скоро надоело, я его схватил и сунул в переметную суму, чтобы он меня не беспокоил. Когда я приехал домой, увидел, что сокол задохнулся в суме. Жена моего хозяина, как обо всем этом узнала, говорит:

— Эх ты, что же это ты натворил?

Отвечаю:

— Ей-богу, не понимаю, почему так получилось.

Она говорит:

— Ладно, сейчас помалкивай, мы тебя как-нибудь выручим.

На следующий день к вечеру жена хозяина пошла готовить для него ужин. У нее был грудной ребенок, она дала его мне и сказала:

— Покачай его, пока я приготовлю ужин для мужа, он вот-вот должен приехать.

Только я взял ребенка на руки, он начал плакать, потом разорался так, что я уж не мог терпеть. Стал я думать, как мне его успокоить. Вспомнил: старухи, чтобы дети не плакали, дают им опиум. Ничего плохого не предполагая, вынул из кармана коробочку с опиумом и дал ребенку немного проглотить. Ребенок тут же умер. В это время пришла его мать — кормить. Увидела, что он мертв, закричала:

— Горе мне! Ты убил моего ребенка!

Как она это закричала, я со страху упал в обморок. Женщина увидела, как сильно я напуган, и пожалела меня, сказала:

— Ужасно, конечно, но что ж поделаешь! Я вот только не знаю, как сказать об этом мужу.

Короче говоря, наступил вечер, приехал мой хозяин и прежде всего пошел к ребенку. Жена ему говорит:

— Я ребенка к тетке отправила, пусть там побудет.

А он спрашивает:

— Тот парень-то приехал?

Она отвечает:

— Да.

Тогда он меня позвал и спросил:

— Борзую и сокола довез в целости?

Видит — я молчу. Тогда он говорит:

— Приведи-ка их обоих.

У меня язык точно к гортани прилип. Да продлит бог жизнь-его жене, прибежала она тут и как могла выручила меня из той беды. Но муж все еще был сердит и сказал:

— Я его прощу только при том условии, если он сегодняшнюю ночь до утра проведет без сна. У нас корова больна, вот-вот сдохнет, и лошадь моя очень устала. Пусть он до самого утра не спит, и каждый час задает лошади корму. А если увидит, что корова совсем издыхает, пусть ее зарежет, чтобы мясо не пропало. Лампу ему с собой дай, пусть с лампой сидит.

Я согласился, взял лампу и пошел в хлев. Полночи я просидел, а потом стал клевать носом. Проснулся от хрипа, вскочил, растерялся, схватил нож, чтобы резать корову, да зацепился за лампу, она упала и погасла. В темноте подошел к корове, зарезал ее и спокойно лег спать. Утром, как рассвело — проснулся, посмотрел: господи помилуй! Я, оказывается, лошадь зарезал, а корова сама издохла. Ну, думаю, нельзя мне больше здесь оставаться. Ушел я оттуда и с тех пор три с половиной года перехожу из города в город, из деревни в деревню и нигде не нахожу себе места от страха. Все боюсь, не дай бог, тот человек меня разыщет. Сегодня вечером пришел я сюда, а сейчас я боюсь, что он вот-вот появится и схватит меня за ворот...

Сказке нашей конец.

ПАДИШАХ, СУДЬЯ И ДЕРВИШ

Было так или не было, а кроме бога никого не было. В давние времена в некоем городе жил судья, на вид очень праведный. Все были о нем хорошего мнения и полагали, что ни одна мать никогда не производила на свет такого правдивого, честного, умного и проникательного сына, как он. Такие воздавали судье почести, что он понемногу стал всему этому верить, считать себя выше всех божьих творений и жене стал говорить:

— Положение судьи — это для меня мало. Такому человеку, как я, подобает быть везиром шаха и вести все дела государства.

Жена ему отвечала:

— Желания человеческие безграничны, но ты должен довольствоваться своим уделом и не вытягивать ноги дальше края своего ковра. Выбрось лучше из головы все эти пустые мечты о том, чтобы стать везиром, и займись своими делами.

Но судья, который в мыслях залетал высоко, не обращал внимания на советы жены и с каждым днем все больше лелеял мечту о положении везира. Он искал случая встретиться шахом и сообщить ему о своем желании в надежде на то, что шах исполнит его просьбу и даст приказ о назначении его везиром.

Поскольку судья знал, что шах переодетый выходит по ночам из

дворца в город, чтобы разузнать, как живут его подданные, он решил его подкараулить и рассказать ему о своем намерении. Однажды ночью судья остановился в нескольких шагах от дворца падишаха и стал ждать. Когда прошла первая ночная стража, шах вышел из дворца в одежде дервиша, с посохом в руке. Судья подошел к нему, низко поклонился, поздоровался и поцеловал шаху руку. Шах так сказал судье:

— О судья! Что ты делаешь в такое позднее время около моего дворца? Почему ты не дома?

Судья, не выдавая своего волнения, обратился к шаху:

— О падишах, средоточие вселенной! Я всегда поздним вечером иду молиться и в это время возвращаюсь домой. Этой ночью, когда я поверял свои тайны и нужды господу всевышнему, меня охватил экстаз и я впал в беспамятство. В этом состоянии я увидел ангела, который мне сказал: «О судья! Знай, что шах нуждается в везире благочестивом, правдивом, чистом, все схватывающем на лету, способном управлять. Поскольку ты обладаешь всеми этими качествами, иди сейчас же к шаху и откройся ему, чтобы он дал тебе пост везира и положение страны и жизнь народа от того улучшились бы!»

— Только я пришел в себя, я тотчас же направился ко дворцу и вот встретил вас, о средоточие мира!

Шах был человеком опытным и хорошо разбирался в людях. Он пристально посмотрел судье в лицо и подумал: «Этот человек большой мошенник и плут. Он воображает, что сможет обмануть меня своей ложью и захватить в свои руки управление страной. Он не знает, что везиру нужны черты характера и свойства, которых я, сколько ни смотрю, не нахожу в нем».

Подумав это, шах обратился к судье:

— Послушай, судья! Ангел сказал тебе правду, я действительно нуждаюсь в везире знающем, заботящемся о делах государства и благоденствии народа. Но прежде чем назначить тебя на этот высокий пост, я должен испытать твой ум и твою проницательность.

Судья почтительно ответил:

— Да будет на то воля падишаха. Цари всегда знают, что есть благо для страны.

Тогда шах сказал:

— Раз я так решил, пойдем сейчас походим вместе по городу, посмотрим, как живут подданные. Ты должен только закрыть лицо, чтобы тебя никто не узнал.

Судья закрыл лицо и пошел за падишахом. Они ходили по улицам и

базарам, и шах всюду лично проверял ночную стражу, которая должна была нести караул и охранять покой и безопасность горожан. Имена всех тех, кто или не выполнил свой долг, или спал, или был пьян, шах записывал, чтобы назавтра их наказать. Если он слышал, что из какого-нибудь дома доносился плач голодных детей, он ставил на дверях этого дома знак, чтобы завтра прислать сюда своих людей и вызвать во дворец хозяина дома. Бедным, нуждающимся и безработным он давал денег или работу, вдовам и сиротам устанавливал определенное содержание.

Долго ходили так шах и судья, пока не пришли к какому-то полуразвалившемуся дому. Шах вошел внутрь. Там на полу у стены горела свеча. В ее свете сидел растрепанный дервиш и молился. Шах его приветствовал и сел рядом с ним. Дервиш сперва почтительно встал, но потом снова сел. Шах его спросил:

— Как твои дела, дервиш? По твоему лицу видно, что ты очень устал и расстроен. Разве три на девять у тебя не получилось?

Дервиш тяжело вздохнул и сказал:

— Нет, почему же, три на девять получилось. Больше того, и девять на три получилось.

Тогда падишах сказал:

— Хорошо, как же оно получилось?

Дервиш ответил:

— Да вот, как видишь.

Шах очень огорчился, вынул из кармана сколько-то денег, дал дервишу и сказал:

— Возьми и истрать, но если... тогда.

Тут дервиш схватил шаха за руку, поцеловал и говорит:

— Разве я безумец!

Судья, который стоял на улице и не входил внутрь, слышал весь этот разговор, ничего не понял и подумал: «Наверно, шах не в своем уме. Иначе он не стал бы говорить дервишу такую бессмыслицу».

Между тем шах встал, попрощался с дервишем, вышел к судье из развалин и сказал ему:

— Я иду во дворец, а ты иди домой и отдохни. Я подумаю о том, чтобы назначить тебя везиром.

Судья радостно пошел, домой и по дороге думал о разговоре шаха с дервишем: «О чем же они все-таки говорили?»

„Разве три на девять не получилось“, „Если... тогда“, „Разве я безумец“. Что все это может значить? В этих словах, должно быть, заключена какая-то тайна. Шах что-то важное сказал дервишу, а дервиш

ему ответил. Какой же я олух, что не могу разгадать их слова! А впрочем, пойду-ка я завтра утром в те развалины к дервишу. Тогда и разгадаю эту загадку».

Придя домой, судья лег в постель, но заснуть не мог. Он все время думал о падишахе и дервише, повторял их полные скрытого смысла слова и ничего не мог понять. Потом он принялся считать про себя и смотреть на звезды, чтобы как-нибудь провести время. Когда ночь, наконец, кончилась, наступило утро, судья оделся и, не позавтракав, вышел из дома. Он сейчас же пошел к вчерашним развалинам и, когда пришел, увидел, что дервиш совершает намаз. Он подождал, пока тот кончит молиться, и спросил дервиша:

— Я слышал, что к тебе ночью заходил какой-то дервиш, и вы с ним обменялись тайными словами. Например, он тебе сказал: «Разве три на девять не вышло?» А ты ему ответил: «Нет, почему же, три на девять вышло. Кроме того, еще девять на три вышло». Он еще сказал: «Если... тогда», — а ты ему ответил: «Разве я безумец?» — Каков смысл этих тайных, фраз?

Дервиш ответил:

— Эх, судья! Это очень ценная тайна, и знать ее не входит в твои обязанности. Это тайна самого падишаха.

Судья сказал:

— Я — судья города и обязан узнавать обо всем, всеми мерами!

Дервиш ему в ответ:

— Я не понимаю, что ты говоришь. Но если ты хочешь понять смысл тех фраз, дай мне тысячу золотых ашрафи, а иначе не трудись, ничего не выйдет.

Судья видит: угрозы тут не помогут, говорит:

— Будь покоен, завтра я принесу тебе тысячу ашрафи.

Пошел он после этого домой и в суд уже в тот день не ходил, все думал, откуда ему взять тысячу золотых ашрафи для дервиша. В это время шайтан шепнул ему на ухо одну мысль. Он обрадовался, встал, пошел, открыл сундук, вынул оттуда запечатанный печатью кошелек, разрезал угол кошелька ножом и высыпал оттуда тысячу золотых ашрафи. Глаза его при виде золота заблестели, он всыпал в кошелек вместо золотых монет тысячу фальшивых свинцовых монет, позвал слугу и велел ему привести самого искусного штопальщика в городе. Через полчаса слуга привел штопальщика, и судья ему сказал:

— Заштопай этот кошелек так, чтобы совсем не было заметно, что его разрезали.

Штопальщик сказал: «Слушаюсь» — и сел за работу. Кошелек после его штопки оказался таким же, каким был с самого начала. Судья хорошо ему заплатил, отпустил его и положил кошелек со свинцовыми монетами в сундук. А тысячу золотых ашрафи он завязал в платок и на следующий день пошел разыскивать дервиша. Отыскал его и отдал ему деньги. Дервиш взял деньги вместе с платком, в который они были завернуты, положил их под изголовье, кашлянул и сказал:

— Послушай, судья! Знай, что тот человек в одежде дервиша был сам падишах. Раз в год он надевает эту одежду и приходит ко мне. В этом году он увидел меня очень печальным и спросил: «Разве три на девять не получилось?» — то есть разве в году ты три месяца не отдыхал, а девять месяцев не работал? Я ответил: «Нет, почему же, три на девять получилось и даже девять на три получилось», — то есть три месяца я отдыхал, а остальные девять месяцев тоже не работал. Когда падишах спросил: «Хорошо, как же оно получилось?» — я ответил: «Да вот, как видишь». После этого шах собрался уходить, подмигнул в ту сторону, где ты стоял, и сказал: «Если... тогда» — то есть: если городской судья спросит у тебя, что все это значит, ты ничего ему не говори, тогда только скажи, когда получишь с него большую сумму денег. — Тут я ему ответил: «Разве я безумец!»

Судья выслушал все это, облегченно вздохнул и, опустив голову, пошел домой. Случайно в этот день как раз вернулся из путешествия тот купец, который несколько месяцев назад оставил судье на хранение кошелек с тысячью ашрафи. Купец пришел к судье и потребовал свой кошелек обратно. Судья вынул кошелек из сундука и отдал купцу.

Купец пришел домой, вскрыл кошелек и увидел: вместо золотых ашрафи там одни свинцовые кружочки. Тяжко вздохнул и опять пошел к судье. Говорит ему:

— Я оставил тебе на хранение золото, а ты мне вернул свинец!

Судья и бровью не повел, говорит ему:

— Я твоего кошелька не трогал, как ты мне его дал, так я и положил в сундук. А когда ты пришел, я его тебе отдал.

Купец понял, что судья забрал себе золото и далее с ним разговаривать бесполезно. Огорченный, вышел он из дома судьи, пошел прямо во дворец падишаха. Рассказал купец шаху всю историю с судьей. Шах сказал:

— Успокойся, ты получишь свою тысячу ашрафи, но с тем условием, что больше к судье не пойдешь и никому обо всем этом рассказывать не будешь.

Купец поцеловал падишаху руку и ушел. Падишах сейчас же разрезал

кинжалом свой кафтан, позвал раба и сказал:

— Я разрезал свой кафтан. Сейчас же приведи мне самого искусного штопальщика, чтобы он мне его заштопал.

Раб пошел и привел того самого штопальщика, который штопал для судьи кошелек. Штопальщик пришел и заштопал кафтан падишаха так, что никто не смог бы разобрать, где было разрезано. Тогда падишах взял кошелек купца, показал штопальщику и спросил:

— Этот кошелек тоже ты штопал?

Штопальщик вывернул кошелек на левую сторону, рассмотрел и говорит:

— Да я. Вчера судья позвал меня к себе и попросил заштопать этот кошелек, который был разрезан.

Тогда шах послал двух своих телохранителей к судье и велел ему передать, чтобы он тотчас явился во дворец для вручения приказа о назначении его на пост везира. Судья обрадовался, надел свои лучшие одежды и отправился вместе с телохранителями во дворец. Когда они пришли к шаху и судья увидел штопальщика и кошелек, он побледнел, и сердце у него упало. Он понял, что покров с его тайны снят, штопальщик успел все рассказать падишаху и отпираться ему нельзя. Тут судья тяжело вздохнул и упал к ногам падишаха с мольбой:

— О средоточие вселенной! Прости меня, прости мне мою вину! Я совершил непоправимую ошибку!

Шах сказал ему:

— Эх, судья! Я хотел тебя испытать, посмотреть, достоин ты поста везира или нет. Слава богу, представился этот случай, и сам ты теперь знаешь, что ты недостоин не только поста везира, но и поста судьи. Ведь для судьи первое условие — это правдивость и верность. С сегодняшнего дня ты больше не судья, ступай и проведи остаток жизни в молитвах, кайся перед всевышним в твоём проступке.

Потом шах отдал приказ взять из казны тысячу ашрафи, вложить в кошелек и послать купцу.

А судья пришел домой повесив голову и к вечеру умер от горя.

ГЛУПАЯ НЕВЕСТКА И СВЕКРОВЬ

Жили-были свекровь да невестка. Как-то свекровь говорит невестке:

— Пойди, примеси из погреба муку! Надо замесить тесто и испечь хлеб.

Вошла невестка в погреб, задела ногой за горшок и разбила его. А коза, что стояла у двери погреба, как раз заблеяла. Невестка упала перед ней на колени и стала со слезами умолять:

— Ради Аллаха, не говори свекрови, что я разбила горшок!

Видит свекровь, что невестка долго не идет, пошла сама за ней. А у той уж от слез глаза распухли.

— О чем ты плачешь? — спрашивает свекровь.

— Да вот, я разбила горшок, а коза все поняла. Я попросила ее никому не говорить об этом, но она мне ничего не ответила, наверное, хочет рассказать об этом мужу.

Свекрови стало ее жалко, и она стала тоже просить козу никому не говорить о горшке.

А меж тем, пока они занимались козой, в дом забрался вор, утащил все добро, но у самых ворот столкнулся с хозяином. Тот отколотил вора, отобрал свои вещи и принес их домой.

Вышел он во двор — во дворе пусто, а из-за деревьев доносятся рыдания. Подошел он ближе и видит: у матери и у жены глаза заплаканные, а сами они даже охрипли от плача. Испугался он и спрашивает:

— Что случилось? Почему вы плачете?

— Если я скажу тебе, ты не прогонишь жену? — спросила мать.

— Нет.

— Так твоя жена разбила горшок. Сначала об этом узнала коза — упрашивали мы ее, упрашивали не говорить тебе, но не помогло.

— Ладно, сами-то вы сказали, — перебил он их. — Ухожу я от вас, не хочу жить с такими дурами!

И он отправился в другой город. Взял кусок смолы, ходит по улицам и кричит: — Продаю сахарную смолу!

Видит, открылась какая-то дверь, из нее выглянула женщина и дала ему за смолу ашрафи. Понял он, что женщина глупая, раз вместо шахи уплатила целый ашрафи, и говорит ей:

— Есть у тебя еще ашрафи? Принеси все и забирай всю смолу.

Женщина обрадовалась и принесла не то восемь, не то девять ашрафи и забрала всю смолу. А он подумал: «Она глупее моей жены!»

Оттуда он направился в другой город. А погода стояла жаркая, и захотелось ему пить. Проходил он мимо одного дома и увидел в открытые двери людей, сидящих под навесом:

— Добро пожаловать, — говорят ему.

Он вошел и попросил напиток. Хозяйка велела дочери:

— Возьми кувшин, принеси из родника холодной воды и дай напиток

этому юноше.

Та взяла кувшин, пошла к роднику, села под тутовым деревом и стала рассуждать сама с собой: «Этот юноша хочет жениться на мне. Возьмет меня в жены, я забеременею, у меня родится сын. Сын вырастет, а я больше не буду ходить по воду, буду посылать сына. Он придет сюда, увидит тутовое дерево, взберется на него, да вдруг свалится и разобьется. То-то я горевать буду!»

Тут стала она рыдать и рвать на себе волосы.

Прошло два часа, а девушки все нет. Пошли за ней. Приходят и видят, что девушка сидит у ручья и причитает: «О сыночек, сыночек мой!»

Мать, отец и сестры спросили ее:

— Что случилось? Почему ты плачешь?

— Как же мне не плакать? Сын мой упал с дерева и разбился насмерть!

— Какой сын?

— Да тот самый, которого я рожу от этого мужа.

И она стала рассказывать:

— Он, наверное, пришел сватать меня. Выйду я за него замуж, родится у меня сын. Как вырастет он, пошлю его за водой, влезет он на дерево за тутовыми ягодами, свалится и разобьется. И я останусь без сына!

Сказала она это — и опять в слезы. Тут посланные говорят:

— В самом деле правда, — и сами стали плакать и причитать.

Тут гость сказал:

— Вот дураки-то! Пойду-ка я к своим — они умнее других.

Надел он свои башмаки и вернулся домой.

ЛИСА И ПЕТУХ

Было ли так или не было, а жил-был старый петух. Не раз попадал он в лапы лисы, но всегда ему удавалось как-нибудь схитрить, и он уходил от нее живым. И вот клевал он как-то за селом зернышки и вдруг видит — крадется к нему лиса!

До села далеко, не добежишь. Только и успел петух взлететь на стоявший рядом старый вяз. Лиса подошла к дереву и говорит:

— Эй, петух! Почему ты, как увидел меня, взлетел на дерево?

А петух ей отвечает:

— А ты что, хотела бы, чтобы и подбежал и обнял тебя?

— Конечно! Разве ты ничего не знаешь? Падишах разослал по всем

улицам и базарам глашатаев и велел им кричать: «Во всем моем государстве ни одна живая душа, ни один зверь не смеет обижать слабого. Да будут впредь волки и овцы пить воду из одного родника, а соколы и голуби жить в одном гнезде». И ты теперь должен спуститься ко мне, мы вместе пойдем гулять.

— Гулять хорошо компанией, а не вдвоем, — ответил петух. — Подожди немножко, пусть подбегут те звери, что несутся сюда, словно вихрь. Тогда все вместе и погуляем.

Лиса тут спрашивает:

— Что это за звери? Какие звери?

— Похожи на волков, только уши и хвосты длинней.

— Может быть, это овчарки?

— Наверно, они!

Решила лиса, что это овчарки, и пустилась наутек. А петух ей вдогонку кричит:

— Почему же ты удираешь?

— Потому что я не люблю иметь дело с овчарками.

А разве ты не говорила, что падишах повелел всем зверям не обижать слабых?

— Так ведь овчарки были в степи и не слышали шахского указа. Они могут разорвать меня на куски.

Сказала лиса это и скрылась.

ГЛУПЫЙ МЕДВЕДЬ

Увидел как-то медведь во сне, что удалось ему раздобыть три жирных куска. Проснулся он утром и отправился на поиски этих кусков — вдруг сон сбудется! Вдруг заметил медведь вдали козленка, направился к нему, а козленок видит, что не убежать ему, не растерялся, подошел к медведю и низко ему поклонился.

— Да знаешь ли ты меня? — спросил его медведь.

— Конечно, — ответил козленок. — Все знают ходжакедху. А я тем более, ведь я был придворным певцом твоего отца.

— Так спой же и для меня, — попросил медведь.

Козленок начал громко бляеть, и пастух услышал. Прибежал он с овчарками, отдубасил медведя дубиной, да еще собаки покусали его — еле-еле он убежал.

Пошел медведь дальше, — а навстречу ему два барана. «Съем-ка я

их», — подумал медведь.

Позвал он баранов, видят те, что бежать невозможно, сговорились и подошли к медведю.

— Мы очень рады, — говорят они, — что станем едой ходжакедхуды.

И давай бараны спорить, кого раньше медведю съесть. Наконец один предложил:

— С разрешения ходжакедхуды мы сразимся на рогах.

А победителя пусть он съест, первым.

Выбрали они в судьи медведя, отступили на пятьдесят шагов, да как ударят с размаху медведя рогами под бока! Бедняга упал замертво, а когда пришел в себя, то баранов и след простыл.

Часа два медведь отлеживался под деревом, потом встал и пустился в путь. А навстречу ему верблюд. Медведь подумал: «Это лучше всего, и жирнее, и мяса больше».

Закричал он во весь голос:

— Эй, верблюд! Остановись, я видел во сне, что должен съесть тебя.

— Салам алейкум, ходжакедхуда, — ответил верблюд.

— А ты откуда меня знаешь? — спросил медведь.

— Кто же тебя не знает, — отвечал верблюд. — А я в особенности, я ведь гонец твоего отца. Я вот и сейчас несу тебе послание от отца.

— Где же оно?

— Написано у меня на копыте, — ответил верблюд.

Медведь присел, чтобы прочитать послание, а верблюд так лягнул его в грудь, что он отлетел на десять шагов и лишился сознания. Только перед заходом солнца медведь пришел в себя и понял, как нужно было толковать свой сон.

КАК МЫШКЕ ХВОСТ ПРИШИЛИ

Было так или не было, а жила-была одна старуха. Жила она в своем домишке не то, чтобы в достатке, а так, только что с голоду не помирала, у соседок не побиралась. Как-то раз сидела она дома. В это время из своей норы вылезла мышь и побежала к водоему, воды попить. Напилась она воды, побежала назад, да зацепилась хвостом за метелку, которая стояла у водоема. Растерялась мышка, начала взад-вперед метаться, а хвост-то у нее и оторвался. Мышь подобрала свой хвостик, пришла к старухе и говорит ей:

— Госпожа, голубушка, пришей мне хвостик!

— Что ты, — отвечает старуха, — у меня ни иголки нет, ни нитки, да и не мое это дело. Забирай свой хвост, да ступай-ка лучше к скорняку, пусть он пришьет его тебе.

Мышь забрала свой хвост и пошла к скорняку.

— О скорняк, — сказала она, — пришей мне хвост.

Скорняк ответил:

— У меня нет нитки, иди-ка к прядильщику, возьми у него нитку, принеси ее мне, и я пришью тебе хвост!

Мышка отправилась к прядильщику и говорит ему:

— О прядильщик, дай мне нитку — нитка для скорняка, чтобы он стежок за стежком пришил мне хвост!

Прядильщик говорит:

— Ступай-ка ты к попугаю, возьми у него яйцо, принеси мне, чтобы я его съел, набрался сил, — тогда я ссучу из хлопка нитку и отдам ее тебе!

Мышь отправилась к попугаю и сказала:

— Попугай, дай-ка мне яйцо для прядильщика. Прядильщик отдаст нитку — нитка для скорняка, чтобы скорняк пришил мне хвост!

Птица отвечает:

— Иди-ка ты к хлеборобу, возьми у него для меня проса, съем я просо, снесу яйцо и отдам его тебе!

Мышка отправилась к хлеборобу и говорит ему:

— Хлебороб, дай-ка мне проса — просо для попугая, попугай отдаст яйцо — яйцо для прядильщика, прядильщик отдаст нитку — нитка для скорняка, чтобы скорняк пришил мне хвост!

Хлебороб ответил:

— Иди возьми у цыгана решето, принеси и отдай мне, я просею обмолоченное зерно и отдам тебе твоё просо!

Мышь прибежала к цыгану и сказала:

— Цыган, дай мне решето — решето для хлебороба, хлебороб отдаст просо — просо для попугая, попугай отдаст яйцо — яйцо для прядильщика, прядильщик отдаст нитку — нитка для скорняка, и скорняк пришьет мне хвост!

Цыган отвечает:

— Ты должна принести мне жилы, чтобы я изготовил тебе решето. Иди-ка ты к козлу, попроси у него жилы, принеси мне, и тогда я изготовлю решето и отдам тебе!

Мышка отправилась к козлу и сказала:

— Козел, дай мне жилу — жила для цыгана, цыган отдаст мне решето, — решето для хлебороба, хлебороб отдаст просо — просо для

попугая, попугай отдаст яйцо — яйцо для прядильщика, прядильщик отдаст нитку — нитка для скорняка, и скорняк пришьет мне хвост!

Козел сказал:

— Иди возьми у земли травы и принеси мне, я съем траву, отдам тебе жилу!

Мышь пошла к земле и сказала:

— Земля, а земля, дай мне травки — травка для козла, козел отдаст мне жилу — жила для цыгана, цыган отдаст решето — решето для хлебороба, хлебороб отдаст просо — просо для попугая, попугай отдаст яйцо — яйцо для прядильщика, прядильщик отдаст нитку — нитка для скорняка, и скорняк пришьет мне хвост!

Земля сказала:

— Иди возьми у кяриза [\[45\]](#) воды, принеси ее мне, и тогда я зазеленею и отдам тебе траву!

Пришла мышь к кяризу и сказала:

— Кяриз, дай мне воду — вода для земли, земля отдаст траву — трава для козла, козел отдаст жилу — жила для цыгана, цыган отдаст решето — решето для хлебороба, хлебороб отдаст просо — просо для попугая, попугай отдаст яйцо — яйцо для прядильщика, прядильщик отдаст нитку — нитка для скорняка, и скорняк пришьет мне хвост!

Сжалился кяриз над несчастьем мышонка с оторванным хвостом и полил землю водой. Земля дала траву, козел съел траву и отдал кишку для жил, а из жил цыган изготовил решето, хлебороб просеял через решето просо, а птица съела это просо и снесла яйцо, прядильщик съел яйцо и ссучил нитку, а скорняк пришил той ниткой мышке хвост.

Тут мышка обрадовалась, стала приплясывать да песенки распевать, а потом убежала в свою нору.

ЛИСА — ШЕЙХ

Было так или не было, кроме бога никого не было. Жила-была лиса, большая плутовка. Всегда-то она хитрила, всегда окольными путями бегала — говорят, даже кишки в брюхе у нее и те не прямо шли, а вкривь да вкось петляли. Всю свою жизнь она только и делала, что разными хитростями ловила птиц и поедала их. Постепенно все звери узнали ее и перестали ей верить. Как заметят ее издали — бросаются прочь, пока не убегут на целый фарсанг. Видит лиса, плохо ее дело. Села она в уголок и начала думать, как быть. Думала, думала и придумала: переменю-ка я обличье!

Однажды вечером, когда солнце уже заходило, шла лиса мимо разрушенной обители. Видит, что какой-то ахунд отложил в сторону свой посох, абу ^[46] и чалму и совершает у речки омовение перед молитвой. Бросилась лиса, схватила абу, чалму и посох и убежала. Ахунд спохватился, начал бегать, искать, а лисы нет — как будто она в воду превратилась и ушла в землю.

Лиса прибежала домой, одела чалму на голову, абу наинула на плечи, а посох из эбенового дерева взяла в лапы. Смотрит на себя, глазам не верит — словно сто лет она этим делом занимается.

На следующий день вышла лиса из дома в таком облачении. Кто ни увидит ее — палец от удивления прикусывает: «Что это лиса в таком обличье разгуливает? Какую она еще хитрость придумала?»

А. лиса идет себе важной поступью, по сторонам не оглядывается, вид у нее благочестивый: смотрит вниз, спину гнет, кланяется тем, кто из окон и с крыш глядит. Тут навстречу ей один из деревенских петухов. Завидел петух лису, остолбенел от удивления, невольно остановился, поздоровался, а лиса в ответ кланяется. Петух немного осмелел и подошел поближе, но не особенно близко.

— Господин шейх лиса, — спрашивает петух, — что это за плутовство и хитрость?

— Нет, — отвечает лиса, — это не плутовство. Аллаху все известно, пусть и вам будет известно, что я больше не прежняя лиса. Я сама знаю, сколько грехов я совершила, сколько невинных, безобидных птиц, петухов и зайцев лишила жизни. Вот теперь я и решила на старости лет покаяться, на закате жизни стать благочестивой, поклониться Аллаху, может он простит меня и приберет к себе!

Услышал петушок эти слова от лисы, обрадовался и говорит;

— Да пошлет Аллах каждому старость, подобную твоей!

Оставил петух свои дела и пошел за лисой. Тут послышался голос чавуша ^[47], призывавшего людей отправиться в паломничество. Смотрят петух и лиса, появились всадники и пешеходы, люди в паланкинах и просто на вьючных мулах. Все они шли в Божий дом ^[48].

Лиса выдавила из себя горестный вздох и говорит:

— О петух, прощай и прости меня. Мне в душу запала мысль о паломничестве, хочу я пуститься в путь с этим караваном, отправиться к святым местам и там покаяться как полагается!

Услышал петух эти слова, страшно обрадовался, так что от радости сахар его сердца чуть не растаял. Сказал он себе: «Слава Аллаху, мы

дожили до того, что увидели благочестие и покаяние лисы!»

Затем петух обратился к лисе и сказал:

— Я ведь тоже не безгрешен, я передумал много всяких тварей: тараканов, саранчи и червяков. Пойду-ка и я с тобой в паломничество! А то, если здесь останусь, хозяин все равно зарежет меня — ведь через два — три дня праздник, вот меня и изрубят на плов!

— Воля твоя, — говорит лиса, — я тебе ничего не говорю, хочешь иди, хочешь нет.

— Нет, нет, — сказал петух, — пойду!

Пустились лиса и петух вместе в путь. Шли они, шли, вдруг навстречу им волк. Увидел он лису в чалме, а за нею петуха и остолбенел от удивления. Потом подошел к ним и спрашивает:

— Что это ты, зачем так облачилась?

Лиса рассказала волку то же, что петуху, а потом и говорит:

— О волк, послушайся меня, пойдем вместе — и тебе это паломничество будет полезным!

Тут подмигнула она волку, а он почуял, в чем дело, и говорит:

— Что ж, это хорошо, я ведь не лучше тебя — сколько я разорвал овец, баранов и ослов!

Отправились они дальше втроем. Прошли немного и встретились с одним ослом. Увидел их осел и тоже удивился. А он был в дружбе с лисой и потому подошел прямо к ней и давай ее спрашивать. Лиса сказала ему то же самое, что говорила петуху и волку.

Раз такое дело, — воскликнул осел, — я тоже с вами! Мой хозяин меня совсем замучил: с утра до ночи заставляет меня тяжести таскать, а вечером даже соломы досыта не дает.

Словом осел присоединился к ним, и пошли они вместе. Шли они, шли и наконец встретились с медведем. Медведь, который знал и волка и лису, увидев их, остолбенел от изумления. «Что это случилось, — думает, — что петух с лисой, я волк с ослом спокойно и мирно, как ни в чем не бывало, шагают по дороге?»

— Что это такое? — спрашивает медведь.

Лиса ответила ему так же, как и всем остальным, а потом добавила:

— Идем в паломничество, а пропитание дневное посылает нам сам Аллах!

— Неплохо было бы и тебе пойти с нами, пойдем-ка вместе! — сказал медведю волк.

Словом взяли они с собой и медведя. Тут попался им по дороге боевой баран. Спросил он у лисы то же, что остальные спрашивали, услышал, что

все идут к святым местам каяться в своих грехах, и говорит:

— Я тоже пойду с вами. А то мой хозяин сегодня утром привел мясника и хотел продать меня ему, чтобы тот меня зарезал.

Словом, и баран пустился в путь.

Шли они, шли до тех пор, пока не стемнело. Тут добрались они до одного разрушенного караван-сарая. Шейх лиса говорит:

— Давайте переночуем здесь, а завтра пойдем дальше!

Осел, петух и боевой баран заняли одну комнату, а медведь, лиса и волк — другую. Когда наступила полночь, волк сказал:

— Господин шейх лиса, мы проголодались! Подумай-ка об этом, позаботься о нас!

— Потерпите немного, — ответила лиса, — когда наши соседи заснут, всех их съедем. Осел — медведю, баран — тебе, а петух — мне!

— А что же будет с твоим покаянием? — спрашивает ее медведь.

— Ничего, — отвечает лиса, — мы их вместе с покаянием съедем.

А в другой комнате осел говорит петуху и барану:

— Будьте начеку! Они сейчас советуются друг с другом, как бы съесть нас. Спать нельзя. Нужно бодрствовать!

Через некоторое время лиса сказала:

— Вы побудьте здесь, я пойду, уведу петуха и съем его, а потом пойдет медведь, а после него — волк!

Лиса пошла в другую комнату. Но осел крепко запер за ней дверь и так лягнул лису в ногу, что она сразу охромела. А тут баран ткнул рогом лисе в живот, а петух прыгнул ей на голову и выклевал один глаз. После этого осел открыл Дверь и вытолкнул полуживую лису на улицу.

Лиса с разбитой ногой, выклеванным глазом и распоротым животом кое-как дотащилась до медведя и волка.

— Ну как, наелась? — спрашивает медведь и волк.

— Да, только вас недоставало, уж так вкусно было! — говорит лиса. — Теперь ваша очередь, идите по одному, покушайте и приходите обратно!

— Очень хорошо! — обрадовались медведь и волк.

Пошел волк, но осел, баран и петух разделались с ним так же, как с лисой. Тогда волк понял, чем «наелась» лиса, но и виду не подал. Словом, и медведь, как говорят, не остался без обновки: дошла до него очередь, осел, баран и петух и его хорошенько отделили.

Пока они этим занимались, наступило утро. Петух вылетел из комнаты, взобрался на дерево и начал петь. Из деревни пришли несколько человек. Увидели они медведя, волка и лису, бросились на них с палками —

из тех и дух вон.

А трое паломников разошлись кто куда. Петух пошел к одной старушке, над ее курами верховодить, баран остался в стаде старосты деревни, а осел отправился в конюшни муллы.

Сказка наша кончилась, а ворона до своего гнезда не долетела.

ВОРОНА И ЛИСА

Было ли так или не было — свила себе ворона гнездо на вязе в лесу. Там она решила вывести птенцов, выкормить, вырастить и научить их летать.

Прошло немного времени, и ворона снесла не то пять, не то шесть яиц. Двадцать один день она высиживала и согревала яйца, а на двадцать второй вылупились птенцы.

Стало у вороны дел по горло: что ни день — надо ей лететь то в одну, то в другую сторону и пищу птенцам доставать. Скоро воронята подросли, покрылись пушком и научились щебетать.

А неподалеку обитала лиса-плутовка. Услышала она писк птенцов и решила:

— Вот и корм для меня!

И стала она придумывать всякие хитрости, как бы сожрать хоть пару птенцов. Достать до гнезда она не могла — высоко. Порыскала лиса кругом и нашла за селом старую войлочную шапку, а у садовника украла тупую пилу.

И вот как-то утром, пока ворона еще не вылетела из гнезда, лиса подошла к дереву и давай его пилить.

Ворона еще издали увидела лису. Когда раздался скрип пилы, она высунулась из гнезда и спрашивает:

— Что все это значит?

— Да ничего. Я — лесник и хочу свалить это дерево.

Ворона и говорит ей:

— Да ведь на этом дереве — мое гнездо, а в нем — птенцы.

А лиса отвечает:

— Ты провинилась, свив без спросу гнездо на моем дереве и высидев птенцов. Сейчас я свалю это дерево, будешь впредь знать, что везде есть хозяин.

Ворона стала умолять лису:

— Подожди несколько денечков, пока птенцы вырастут.

— И часу ждать не стану! — отвечала лиса.

Вороне ничего другого не оставалось, как просить и упрашивать.

— О лесник! Не делай меня несчастной, мне некуда деваться. Дай отсрочку на два — три дня, пока птенцы научатся летать — тогда я оставлю дерево.

— Этими речами ты меня не разжалобишь, — говорит лиса. — Мое дерево — когда захочу, тогда и свалю.

Препирались они, препирались и порешили, наконец, что за отсрочку на два — три дня ворона сбросит лисе одного птенца.

Горько оплакивая свою судьбу, ворона сама сбросила своего птенца. Лиса-плутовка сожрала вороненка и пошла домой. Очень она была довольна, что уловка ее удалась. Ей казалось, что так она сумеет съесть всех птиц, свивших гнезда в лесу.

На другой день к вороне в гости прилетела соседка-сорока. Увидела она, что ворона пригорюнилась, и спросила:

— Что случилось?

Рассказала ей ворона обо всем, а сорока ей в ответ так говорит:

— Ну и глупа ты! Никогда лесник не будет валить цветущее зеленое дерево. Как придет он в следующий раз, покажи мне его. Посмотрю-ка я, что это за лесник!

А лиса на другой день опять взяла пилу, надела войлочную шапку и отправилась к дереву. Не успела она подойти поближе, как ворона полетела к сороке. Посмотрела та с дерева, оглядела «лесника» хорошенько и говорит:

— Эх, глупая! Ведь это хитрая лиса. Не бойся войлочной шапки и тупой пилы, это не лесник. Лети к себе, и если будет она грозиться свалить дерево, то отвечай: «Что ж, пили!» Разве под силу лисе свалить такое крепкое дерево? Его сможет перепилить только сильный дровосек острой пилой с двумя ручками.

Вернулась ворона в гнездо, а лиса уж приставила пилу к стволу. Посмотрела ворона вниз и говорит:

— Кто ты и что делаешь?

— Я лесник. Хочу свалить это дерево. А ты поживей отправляйся-ка отсюда вон.

— Мое гнездо здесь, и никуда я не пойду, — отвечала ворона. — Никакой ты не лесник и ничего не сможешь сделать. А хочешь свалить дерево — что ж, пили!

Видит лиса: переменилась ворона со вчерашнего дня. Вчера она плакала и умоляла, а сегодня дерзкой стала. Поняла лиса, что кто-то научил

ворону, и говорит:

— Я оставляю тебя в покое с одним условием: выдай мне, кто тебе сказал, что я не лесник и не смогу перепилить дерево?

Ворона сглупила и выдала сороку.

А лиса решила: «Уж покажу я этой сороке, да так покажу, что сказки об этом сложат».

Прошло несколько дней. Влезла лиса в лужу и вымазалась вся в тине, а потом отправилась к дереву, где было гнездо сороки, и растянулась, как мертвая. Любой, увидев ее, сказал бы: «Она мертвая».

Сорока несколько раз пролетала над ней, но лиса даже не шелохнулась. И сорока подумала: «Нет сомненья, она сдохла. Выколю-ка я ей глаза».

Подлетела она к лисе, клюнула ее сначала в бок. Лиса и бровью не повела. Сорока села ей на голову и собралась было выклевать глаза, но тут лиса цап ее зубами. Видит сорока, плохо дело и говорит лисе:

— Ты, конечно, можешь растерзать меня, ведь я учу всех этих птиц уму-разуму. А если бы я дружила с тобой, то научила бы тебя ловить каждый день по две птицы. Будешь мне другом — научу тебя таким делам, что заживешь припеваючи.

Лиса подумала: «Это мудрая сорока, дружить с ней выгод-ЭД но. Подружусь-ка я с ней и начну каждый день ловить пару ворон».

А сорока продолжала:

— Ладно, думай. Но если хочешь дружить, то поклянись ясным солнцем, светлой луной и владыкой леса.

Лиса раскрыла было пасть, чтобы поклясться, а сорока взлетела на дерево. Так лиса была посрамлена хитростью сороки.

На другой день сорока созвала всех птиц в лесу, и сговорились они уничтожить лису. Когда та спала на берегу озера, целая стая птиц налетела на нее и давай клевать. Лиса растерялась, свалилась в озеро и пошла ко дну. И поныне, когда я рассказываю эту сказку, она еще не выбралась из воды.

Польские сказки

Перевод Н. Белинович и К. Дунина-Борковского.

ЧУДЕСНАЯ ЯБЛОНЯ

Жила на Карпатах крестьянка. Был у нее единственный сын Владислав.

Как-то раз крестьянка пошла в лес по ягоды. Набрала она полный глиняный кувшин лесной малины и собралась было домой. Глядь, на пеньке старушка в узорном кунтуше ^[49]сидит и жалобно просит:

— Дай, милая, мне малинки лесной! А я за это удружу — твоему сыну путь к счастью укажу.

Жалко было крестьянке ягоды отдавать. Но уж очень хотелось счастья для сына, она и протянула старушке кувшин.

Старушка малину всю до последней ягодки съела, губы вытерла и говорит:

— Запомни: если твой сын найдет дело по душе, то он станет и тебе любезен, и сам счастлив, и людям полезен.

— Какое же дело моему Владиславу по душе будет, бабушка? — спросила крестьянка.

Но ей никто не ответил. Старушка исчезла.

На том месте, где она сидела, только ящерица мелькнула хвостиком и спряталась. А глиняный кувшин сам собой доверху наполнился спелой малиной.

Поняла крестьянка, что видела она не простую старушку, а волшебницу.

Думала она, думала, как найти для сына работу по душе — ничего не могла придумать.

Повстречала крестьянка портного и спросила его:

— Какая, пан портной, лучшая работа на свете?

— Лучшая работа — портновская, — отвечал он.

Отдала крестьянка Владислава в ученье к портному. Стал мальчик учиться нитки в иголки вдевать, ножницы подавать, утюги греть.

Вот месяца три пролетело. Пришла крестьянка в город навестить сына. Мастер им не нахвалится — и работающий Нальчик и толковый. А сам Владислав невесел.

— По душе ли тебе, сынок, портновское дело? — спрашивает мать.

А сын в ответ:

— Нет, матушка, не по душе. Мы для богачей-бездельников шьем жупаны ^[50]из золотой парчи, а бедняки раздетые ходят.

Испугалась мать, как бы не посадили сына за такие слова в темницу, взяла его за руку и пошла от портного прочь.

Идут они по дороге, а навстречу сапожник шагает, песню поет. Остановила его крестьянка и спросила, какое ремесло самое лучшее.

— Сапожное, — отвечает сапожник. — Мы горя не знаем, людей обуваем.

Отдала мать Владислава в ученье к сапожнику.

Месяца два пролетело. Соскучилась мать и пришла сына навестить.

Сапожник Владиславом не нахвалится. А сам Владислав невесел.

Мать его спрашивает:

— По душе ли тебе, сынок, сапожное дело?

А сын в ответ:

— Нет, матушка, не по душе. Мы богачей-бездельников в сафьяновые сапоги обуваем, а бедняки-труженики босиком ходят. Я все думаю, как бы наоборот сделать.

Испугалась вдова, как бы за такие слова не посадили в темницу Владислава, взяла его за руку и вышла с ним на улицу.

Многих спрашивала крестьянка, какое ремесло лучшее на свете. Всякий свое хвалил.

Видит крестьянка — мимо рыцарь едет. Подошла женщина к нему и спросила, какое ремесло самое лучшее.

Рыцарь остановил коня, подумал и сказал:

— Самое лучшее ремесло — оружейника. Он кует легкие сабли, тяжелые мечи и острые пики. Отдай сына в ученье к оружейнику.

Отдала крестьянка Владислава в ученье к оружейнику а говорит:

— Довольно я с тобой мучилась. Если тебе и оружейное дело не по душе, отдам тебя в подпаски — деревенское стадо-пасти.

Вот месяц пробежал, другой, третий. Зима миновала. Снег почернел. Капель зазвенела.

Однажды утром кто-то весело постучался в хату. Крестьянка открыла дверь — руками всплеснула. На пороге с котомкой за плечами стоит Владислав. Снял он с плеч котомку и сказал:

— Матушка, отдай меня в подпаски! Оружейным делом я заниматься не буду. Оружейнику, нашему хозяину, все равно, для кого оружие делать — для нас или для врагов. А я не хочу, чтоб поляков теми саблями били,

которые я выковал. Лучше я в подпаски пойду.

И пошел Владислав в подпаски. Пасет скот, песенки поет, на свирели играет.

Как-то раз видит Владислав — над ближним лесом дым столбом поднимается. Побежал туда Владислав — и что же! Вокруг белого камня огонь пылает, а по камню большая ящерица бежит.

Пожалел пастух ящерицу, протянул ей свой посох. По этому посоху, словно по мосту, выползла ящерица на зеленый лужок, ударилась о землю и превратилась в старушку.

— Идем, сынок, идем, пастушок! Ты мне удружил — и я тебе удружу, счастьем награжу.

— Не могу я от стада отойти. Боюсь, на коров волки нападут, — отвечает пастух.

— Не бойся, — говорит старушка. — Пока ты у меня в гостях будешь, мои внучки-ящерицы стадо постерегут.

Пошел пастух следом за старушкой в большую темную пещеру.

Хлопнула старушка в ладоши — сразу стало светло. Увидел Владислав, что стоит в пещере два открытых сундука, оба полны драгоценных камней. В одном рубины лежат — от них струится красный свет, в другом сапфиры — от них льется голубой свет. Посреди пещеры растет яблоня, а на ней золотые яблоки.

Говорит старушка Владиславу:

— Возьмешь сундук с рубинами — самым красивым человеком будешь. Возьмешь сундук с сапфирами — самым важным и богатым будешь. Яблоню возьмешь — останешься бедняком, но зато станешь сам счастлив, матери любезен и людям полезен. Будет у тебя яблоня, — будет и дело, что тебе всего больше по душе.

— Какое же это дело, бабушка? — спросил Владислав.

Говорит старушка:

— Яблоня эта не простая. Каждое утро она цветами покрывается, каждый вечер созревают на ее ветвях золотые яблоки. Яблоки эти от любой болезни исцеляют. Только лечить надо даром.

— Дай мне, бабушка, яблоню! — говорит Владислав.

Махнула старушка рукой. Яблоня зашевелилась, отряхнула корни от земли и пошла за подпаском. Идет переваливается...

Посадил Владислав яблоню под своим окном и не стал хорошего дела откладывать: нарвал золотых яблок, пошел по Деревне, всех больных накормил яблоками. Все сразу и выздоровели. Выздоровел дровосек, которому перешибло спину сосной, встала с постели даже столетняя

старуха Люцина, а ее никто и не помнил здоровой.

И полетела по Карпатским горам молва о мальчике, что стадо пасет, золотыми яблоками от всех болезней лечит, а денег ни с кого не берет.

Однажды ехал по горной дороге король. У короля был насморк. Лекарь-немец лечил — не вылечил, доктор-француз не исцелил, врач турецкий только рассердил.

Говорят слуги королю: так и так, здесь живет пастух, который лечит золотыми яблоками.

— Апчхи! — отвечал король. — Апчхи! Везите меня к пастуху.

Поехал король к пастуху. Гонца вперед послал — предупредить, что сам король к пастуху едет лечиться.

Подъехал король к хижине Владислава, и в это же время принесли к пастуху умирающего зверолова, которого медведь помял.

А на дереве осталось только одно яблоко.

— Лечи меня! — закричал король. — Я тебе по-королевски награжу. Зверолов подождет!

— Нельзя ждать зверолову — он умирает, — сказал Владислав и дал зверолову золотое яблоко.

Съел яблоко зверолов и выздоровел.

Разгневался король, расчихался. Не захотел до завтра ждать, когда новые плоды вырастут, и отдал приказ золотую яблоню из земли выкопать и в дворцовом саду посадить.

Стали яблоню выкапывать.

Как живая стонала яблоня, корнями упиралась, ветками своими королевских слуг Хлестала. Скрутили ее канатами, положили на телегу и повезли во дворец.

Пошел Владислав к пещере, позвал старушку-ящерицу, попросил дать другую яблоню.

— Другой золотой яблони у меня нет, — сказала старушка. — Дам я тебе разноцветные груши. С их помощью ты старую яблоню вернешь. Но сначала отведай сам эти груши и пойми их свойства.

Съел Владислав зеленую грушу. Вдруг на лбу у него выросли рога. Съел он красную — рога отвалились. Съел синюю — вырос огромный нос. Съел желтую грушу — нос стал таким, как прежде.

Взял Владислав разноцветные груши и пошел во дворец пленницу-яблоню выручать.

Придворные паны увидели разноцветные плоды и закричали:

— Ах, какие красивые груши! Продай нам!

— Эти груши не продаются. Берите даром какие хотите, — отвечал

Владислав.

Взяли король и придворные паны синие и зеленые груши, стали есть. Вдруг подняли крик — у кого длинный нос, у кого рога выросли. У короля рога были похожи на олени и торчали из короны. А вельможные паны задевали носами друг друга. Поняли они тут, что пастух обманул их. Кинулись к нему, закричали:

— Спаси нас! Бери что хочешь!

— Хорошо, — отвечал Владислав, — я вам помогу. Но за это отдайте мне золотую яблоню.

Дал Владислав королю и придворным красные и желтые груши. Принялись они жевать — исчезли тотчас же рога и длинные носы.

Побежал Владислав в сад, где за серебряной решеткой росла золотая яблоня. Она стояла вся черная, будто обугленная.

— Ох, моя яблонька, ох, моя красавица, что ж ты увяла и засохла в королевском саду? — спросил Владислав.

А яблоня человеческим голосом отвечала:

— В неволе засохла, в неволе увяла, на воле опять расцвету.

Стряхнула яблоня землю с корней и сама пошла за Владиславом на Карпаты. И пока шла яблоня домой, на ветках ее появились листья и зацвели цветы.

В деревне, где жил Владислав, яблоня снова встала на свое место, и в тот же вечер созрели золотые плоды на ее ветках.

Владислав опять стал лечить тружеников.

Был он сам счастлив, матушке любезен и людям полезен, потому что дело пришлось ему по душе.

КОРОЛЬ-МУЖИК

Жил да был в зеленой пуще крестьянин, Мешко-мужик. Силой он своей славился — с одной рогатиной на медведей ходил.

Было у него трое сыновей. Старшие, свинопасы, умниками себя считали, а меньшего брата, Янека, дурачком звали.

Жил Мешко-мужик небогато. Как-то раз осталось у него До урожая три каравае хлеба, три гроша денег, три луковицы да окорок.

И случилось так, что напорол меньшей сын Янек в лесу ногу и вернулся домой. А дома-то никого не было.

Увидел Янек, что по дороге идет женщина и плачет, а за ней ребята плетутся. Спросил Янек женщину, откуда она идет.

Рассказала женщина, что на их местечко напал король Страшной горы Бимбаши, все сжег, разорил. Кто из людей убежать не успел, тех Бимбаши в полон угнал. Она с детьми спаслась, и вот есть им нечего.

Пожалел Янек женщину с ребятами, отдал им три караваев хлеба, только маленький колобок в печке оставил.

Видит Янек — идет по дороге воин. На костылях идет, стонет. Спросил Янек, куда он идет, почему стонет.

Рассказал воин Янеку, что дрался он с Бимбаши на поединке. Совсем было победил, да проклятый Бимбаши ударил его отравленным мечом.

— Не горюй, — промолвил Янек, — иди в Гнезно. Там живет знаменитая лекарка. За два гроша она продаст тебе траву-кестовинку, и та волшебная трава разом исцелит твои раны.

— Ох, нет у меня ни красного золота, ни белого серебра, ни черной меди — не на что мне волшебную траву купить! — отвечал воин и побрел дальше по дороге.

А Янек — в хату, открыл разрисованный сундук, достал холщовую тряпочку, где гроши были завязаны, догнал воина и отдал ему деньги.

— Ты, — говорит, — за родную землю сражался. Помочь тебе — это счастье.

Только вернулся Янек в хату, как увидел — идут добрые молодцы, за плечами луки, за поясом мечи. Идут они биться с Бимбаши. Зазвал их Янек во двор, подал им окорок, чтоб добрые молодцы поели да сил набрались.

Воины окорок съели, Янеку спасибо сказали и на битву пошли.

Вернулся из леса Мешко-мужик со старшими сыновьями, с огорода мать Репиха пришла. Села семья ужинать, а есть нечего. На столе одни луковицы лежат.

Янек не стал таиться, все родителям рассказал.

Рассердился на Янека Мешко-мужик. А братья-свинопасы вскочили, закричали, палками стали колотить Янека, из хаты выгонять.

— Мы люди умные, мы свиней пасем, мы добро бережем! Уходи из нашего дома!

Пошел Янек куда глаза глядят. На лесной тропинке догнала Янека матушка Репиха.

Поцеловала она Янека на прощанье, отдала ему последний колобок, последний грош и последнюю луковку, — Янек попрощался с матерью и пошел через зеленый лес.

Шел Янек всю ночь, шел день. К вечеру добрался он до лесной опушки, сел у холодного ручья, умылся, воды напился, достал колобок и луковку, чтобы поесть. Глядь, старик идет, тащит на веревке кота и собаку.

Спросил Янек старика, куда это он кота и собаку тащит.

— Веду к живодеру. За их шкуры он даст мне два гроша, — отвечает старик.

Отдал ему Янек последний грош, стал просить, чтобы старик уступил ему кота и собаку. Взял старик медный грош, ржаной колобок и потребовал еще луковку в придачу. Все взял и ушел. А Янек подтянул потуже пояс и сказал коту и псу:

— Ну, панове, прошу прощенья, кормить мне вас нечем. Сами себе добывайте еду.

Кот замыкал, а собака стала быстро рыть землю. Вырыла ямку, подняла голову и залаяла.

Янек заглянул в ямку, увидал там витое кольцо с красным запыленным камнем. Вынул Янек кольцо, родниковой водой обмыл, стал его полой сермяги ^[51]вытирать и говорит псу:

— Эх, дружище, ни к чему мне твоя находка — мне нужна хата да обед богатый!

Не успел Янек это сказать, как перед ним прямо из земли выросла белая хата под черепичной крышей. Вошел Янек в хату, а там нет никого. Стол накрыт, на столе — пироги, гуси жареные и клецки в горшке.

Догадался Янек, что кольцо это волшебное.

Сел Янек за стол, сам поужинал, собаку и кота накормил и лег отдохнуть на пуховую постель. Да не спится Янеку! Все глядит он на кольцо. Потер он перстень и сказал:

— Стой, белая хата, вечные веки, голодных угощай, путников в гости приглашай!

И сейчас же птички слетели с крыши, зачирикали, полетели звать путников. А Янек пошел дальше. Кот и собака — за ним.

Шел он, шел и пришел в бедный городок. Отправился Янек на рынок работу искать. Смотрит, люди на рынке не продают, не покупают — только плачут.

Стал Янек спрашивать людей, что за беда у них приключилась. А горожане говорят:

— Ой, течет беда, что вода! Бимбаши, король Страшной горы, на нас войной идет. Все соседние города и местечки спалил, горожан угнал — полонил, храбрых воинов всех зарубил.

Глядит Янек — едет по городу колесница. Перед колесницей глашатаи ^[52]скачут, а в колеснице сидит маленький, старенький король. Корона ему все время на самый нос съезжает — видно, велика. Рядом с королем сидит

такая красавица, что даже в сказке о ее красоте не скажешь, только в песне споешь. Косы черные, длинные, брови соболиные. У Янека сразу сердце застучало, и не мог он от королевы глаз отвести.

Говорят люди Янеку: короля зовут Гвоздь, а красавица — его дочка, Мармушка Гвоздиковская. Такая гордая — кто ни сватается к ней, она всем отказывает. Полюбил ее Бимбаши, решил город разорить и жениться на королевне.

Тут глашатаи закричали:

— Его величество король Гвоздь обещал выдать свою дочь Мармушку за того, кто спасет город от Бимбаши!

Три раза кричали глашатаи, но никто не выходил на зов... Сидит Мармушка, сердито брови хмурит. Король уже хотел ехать дальше, как вышел белокурый Янек, в сермяге, с тростниковой дудочкой за поясом, а за ним — пестрый кот и старый пес.

— Я спасу город от Бимбаши, — сказал Янек, — только король Гвоздь, сдержи свое слово и выдай Мармушку за меня замуж.

Старый Гвоздь при всем народе поклялся, что если Янек разобьет Бимбаши, то он отдаст ему свою корону и руку прекрасной Мармушки.

Янек кликнул пса и кота и вышел за городские ворота. В поле, где колосилась пшеница, он потерял красный камень на: волшебном перстне и сказал:

— Пусть каждый колосок пшеницы в война превратится!

И сразу колосья превратились в уса́тых русских воинов.

Красное солнце скрылось за лесом, настала ночь. Двинул Янек свое войско на врага. Встретилось войско Янека с войском Бимбаши. Бились они до рассвета, и когда засияла заря, побежал Бимбаши. А Янек превратил воинов снова в колосья и пошел к королю.

Обрадовался старый Гвоздь, велел на Янека надеть королевскую красную мантию, подбитую белым мехом с черными хвостиками. У других королей мантия подбита горностаем. Но король Гвоздь жил бедно, и все знали, что мантия подбита обыкновенным зайцем. И корона, которую Гвоздь с радостью снял со своей головы и надел на Янека, была не золотая, а медная.

Но, что ни говорите, Янек стал королем и мужем Мармушки.

Старый Гвоздь начал разводиться цыплят, а Янек — царствовать. Но ведь он был мужик, поэтому и царствовал по-мужицки.

Янек сам взялся за работу и всем приказал трудиться. А пестрый кот и старый пес бегали по королевству, следили за тем, как работа идет. Если кто-нибудь сложа руки сидел, они сейчас же докладывали королю-мужику.

Янек шел к лентяю, учил его пахать, сеять, косить или железо ковать.

Новые законы не понравились придворным богачам, а больше всего Мармушке.

— Ах, Янек, — молвила однажды Мармушка, — что бы сказал твой отец-король, если бы увидел, как ты заставляешь работать знатных вельмож!

Рассмеялся Янек:

— Мой отец не король, а бедный мужик. Он весь век спину гнет и бездельников не любит.

Мармушка не поверила, стала спрашивать, откуда Янек, мужицкий сын, взял войско. Янек все рассказал без утайки и показал волшебное кольцо.

Как услышала Мармушка, что муж ее простой мужик, заплакала.

Она так гордилась своим родом, который шел от больших Гвоздей и мелких Гвоздиков! Увидел Янек ее слезы и говорит:

— Ну, жена, вижу — ты бездельница, все время плачешь. Отправляйся завтра утром на кухню варить борщ.

Не умела Мармушка стряпать. Да и обидно ей было, что она, королева, должна работать. Едва Янек заснул, Мармушка сняла с его пальца кольцо и опять горько заплакала. Жалко ей Янека: ведь он такой красивый и добрый! Но вспомнила про стряпню и стала тереть красный камень, приговаривать:

— Отнеси Янека в башню, что стоит средь синего моря. Пусть живет он в белой башне, где нет ни окон, ни дверей.

Взметнулся вихрь, понес Янека в большую башню, что стояла на скале среди синего моря.

Проснулся Янек. Глядит — перед ним на столе кувшин с водой и ломоть хлеба. На пальце нет волшебного кольца, рядом не видно кота и собаки. И понял Янек, что попал в беду.

Но не знал Янек, что в это время верные кот и пес думали, как им разыскать и спасти своего хозяина.

Пес всю землю и воздух обнюхал и почуял, что Янек находится за синим морем. А кот увидал кольцо на пальце Мармушки.

— Ой, пан кот, не раздобыть нам кольца! Ведь его Мармушка днем на пальце носит, на ночь в рот кладет, — говорит пес.

Пестрый кот в ответ:

— Ой, пан пес, вы слишком простодушны, поэтому и считаете это дело невозможным. Я сам добуду кольцо.

Кот принялся душить мышей. Мыши перепугались и стали просить кота помиловать их.

— Добро, панове, — сказал кот, — я пощажу вас, но раздобудьте то кольцо, которое Мармушка на ночь в рот кладет.

Мыши стали спорить, как добыть кольцо. Прошло много Дней. Они все спорили.

А Мармушка в это время плакала о Янеке и потихоньку начала учиться готовить обед.

Она то и дело терла волшебное кольцо, посылала в башню копченые колбасы да пироги с яблоками. Даже свой портрет, где она была нарисована в фартуке возле очага, послала она Янеку.

Обрадовались ясновельможные паны, когда узнали об исчезновении короля-мужика. Но Мармушка сказала:

— Безделье — баловство. От безделья в голову лезут глупости. Живо идите работать!

Ясновельможные паны испугались, выбежали из дворца и принялись за работу. А Мармушка пошла на птичий двор, к старому Гвоздю, и все ему рассказала.

— Милая дочка, — отвечал старый Гвоздь, — если ты так горюешь о муже, то не лучше ли его вернуть во дворец?

— Ой, — заплакала Мармушка, — этого нельзя сделать! Янек отнимет кольцо и отправит меня в башню.

А между тем мыши надумали, как добыть кольцо.

Вы ведь помните, что ночью Мармушка держала кольцо во рту?

Стали мыши бегать возле кровати Мармушки, испугалась она, вскрикнула. Кольцо упало на ковер, мыши подхватили его и отдали коту.

Пестрый кот вместе со старым псом побежали на морской берег. Пес прыгнул в море, кот сел к нему на спину и крепко зажал зубами перстень.

Плыли они день и ночь. Наконец показалась белая башня.

Пес от радости залаял и спросил кота:

— Цел перстень?

— Цел! — ответил кот и выронил кольцо.

У подножия белой башни кот признался во всем старому псу и стал клясться, что он добудет перстень.

Сел кот на камень, принялся ловить рыбу и бросать на берег. Взмолились рыбы, стали просить помиловать их.

— Достаньте мне со дна морского перстень с красным камнем, — отвечал кот, — не то всю рыбу из моря выловлю.

Бросились рыбы искать перстень и сразу отыскали его.

Кот опять зажал перстень в зубах и полез на верх башни. Добрался он до крыши. Там через трубу увидел Янека, прыгнул к нему и прямо на

ладонь Янека положил волшебный перстень.

Янек надел кольцо, потер огненный камень и сказал:

— Хочу я вместе с моими друзьями — котом и псом попасть на опушку, где стоит хата-избушка, что голодных путников угощает, бездомных встречает.

И сейчас же ветер подхватил старого пса, пестрого кота и короля-мужика, пронес их над синим морем, над желтым полем и опустил прямо на зеленую опушку, на порог белой хаты.

Вошли они в хату. Смотрят — сидят люди за столами, обедают. Сел Янек в сторонке, тоже за еду принялся, а сам на людей поглядывает.

Старик с длинными усами зачерпнул ложку борща и сказал:

— Если бы королева Мармушка умела так вкусно стряпать, мы не потеряли бы нашего короля-мужика. Эх, жаль, жаль короля Яна!

Вдруг слышат они, кто-то скачет. Подъехал всадник к белой хате, соскочил с коня, вбежал в дом и крикнул:

— Беда! Король Бимбаши опять пошел войной на Закричали люди:

— Кто спасет от Бимбаши польскую землю?

— Где наш добрый Янек?

— Где король-мужик?

— Здесь я! — сказал Янек.

Выбежал Янек в поле, потер огненный камень и превратил колосья пшеницы в усатых русских воинов с длинными пиками. И повел свое войско на Бимбаши.

Долго бились они. Победил Янек Бимбаши, снова превратил воинов в колосья и вернулся в столицу. Вошел во дворец. Бросилась Мармушка к Янеку, но вдруг остановилась и заплакала:

— Простишь ли ты меня, милый Янек?

Улыбнулся Янек:

— Вытри слезы, Мармушка, поедem к моим родителям. Пусть порадуется Мешко-мужик, на тебя поглядит. А матушка Репиха тебя работать научит.

ЗОСЯ И ЯНИНА

Жила-была когда-то в горной деревеньке жадная богачка, хитрая Янина. Старых и малых в округе она провела, в зеленой пуще лисиц обманула и самого пана волка заставила поплакать.

Дом у Янины был черепицей крыт, ворота дубовые, ставни тесовые, в

подвалах бочонки с вином и окорока копченые, а в амбарах зерна полным-полно.

Рядом с богатым домом Янины стояла бедная хатенка черным камышом покрыта, гнилым бревном подперта. И жила в этой хатенке вдова Зося и семеро ее детей. А есть-то им было нечего: в подвале — только мыши, а в амбаре пусто.

Под самый Новый год простушка-хлопотушка Зося в амбар пошла, метелочкой по сусекам муку подмела, в ларе наскребла, из последней муки каравай испекла.

А в соседнем доме, у Янины, дверь настежь, дым коромыслом. На всю улицу пахнет вареным и жареным. Музыка играет, гости пляшут краковяк.

Под вечер, когда метель, словно белая птица, полетела, вышел из лесу дряхлый старик.

Елки и березы ему в пояс поклонились, медведь проснулся, вылез из берлоги и руку деду лизнул.

Старик в деревню пошел, добрался до высокого крыльца, и стал просить богатую хозяйку:

— Ясная панна, позвольте мне переночевать в вашем доме!

— Уходи, откуда пришел! Мой дом открыт для богатых гостей! — закричала Янина и крепко захлопнула дверь — Чуть старику бороду не прищемила.

Ничего не сказал старик, только вздохнул и пошел в соседнюю хатенку, к бедной Зосе. Он открыл дверь, как раз когда хозяйка горячий хлеб из печи вынимала.

Не успел старик слово вымолвить, как Зося воскликнула:

— Пожалуйте к печке, добрый гость, здесь вы отогреетесь! Прошу! Садитесь ужинать. Только еда у нас простая: хлеб, да картошка, да меда ложка — давно к празднику; берегу.

Поблагодарил старик хозяйку, погрелся возле печки, сел за стол. Начался новогодний ужин — да какой веселый!

Старик на потеху ребятам то рычал мѣдведем, то лисицей лаял, то шмелем гудел, то соловьем щелкал. За потехой время незаметно прошло.

Наступила ночь, старик уснул за печкой. А рано утром в путь собрался.

Зося схватила со стола последнюю горбушку хлеба — ничего не жаль для хорошего человека! — сунула в мешок старику. Тот ласково улыбнулся и сказал:

— Все, что ты начнешь сегодня утром делать, хозяйка, не окончишь до заката.

Удивилась Зося такому пожеланию, но не стала переспрашивать.

— Я приду сюда через год. Не говори обо мне никому! — Я сказал старик и скрылся, будто растаял среди белой метельной мглы.

Зося подошла к столу и руками всплеснула. За столом семеро детей, все есть хотят, а еды-то нет! Последнюю горбушку Зося отдала старику. Что будешь делать?

Да тут, по счастью, вспомнила Зося, что у нее в сундуке лежит тонкий белый холст.

Богатая Янина давно собиралась этот холст купить, да уж очень дешево давала. Тогда не соглашалась Зося, а теперь вздохнула, открыла пестрый сундучок, где лежал холст, и решила холст смерить, а потом и продать.

Стала Зося мерить холст. Мерит его, мерит, а смерить не может. Как молочный ручей, течет из сундучка белый холст.

Позвала Зося на помощь ребят. Ребята прибежали, стали матери помогать. Мерят холст, мерят, а смерить никак не могут.

Уж от холста тесно в хате стало. Холст, как снежные сугробы, на полу лежит, а полотняный ручей течет и течет из узорного сундучка...

Позвали ребята на помощь соседок.

Красное солнце к полудню пошло.

Зося мерит холст, ребята мерят, соседки помогают. Мерят холст, мерят, а смерить не могут.

А солнце к закату покатилося.

Уже и во дворе стало тесно. Вышли люди на улицу.

Зося холст мерит, ребята мерят, соседки помогают. Мерят холст, мерят, а вымерить не могут.

Красное солнце за горы закатилось.

Пестрый сундучок захлопнулся. Сели наземь Зося, ребята и соседки. Кончилась работа — измерили холст.

На девяти соседских подводах отвезла Зося в город свой тонкий широкий холст, на ярмарке холст продала. В деревню вернулась — новый дом себе поставила. Хозяйство завела — кур, поросенка, корову купила. Стала жить не широко, но с достатком. И такой же осталась доброй, работающей, приветливой, как и прежде: друзей угощала, соседям помогала, зла никому не делала.

Зосе никто не завидовал — все на ее житье радовались. Только жадная Янина, как лисица хитрая-прехитрая, как лисица рыжая-прерыжая, день и ночь голову ломала — все думала и никак надумать, угадать не могла, откуда у Зоей столько тонкого холста взялось.

Прошла весна красна, лето пролетело, и снова зима в ворота вкатила.

Поехала Янина в город Краков. Пошла в аптеку и купила разговорный порошок.

Янина размешала порошок в горячем вине, вино в кубок налила, ветчину и медовые лепешки на стол поставила и послала ребят за соседкой.

Зося пришла в гости, поклонилась, за стол села, отведала угощенья. И развязал ей язык разговорный порошок — все как есть поведала Янине о старике.

Как только ушла Зося, жадная Янина стала самой себе кулаками грозить:

— Я всех лисиц обманула, пана волка до слез довела, а волшебного старика в дом не догадалась пустить! Ну, да ладно, теперь я все верну себе.

Вот утром под Новый год хитрая Янина велела своим батракам со двора уйти. Не хотелось ей, чтоб они старика увивали. И гостей в этот день звать не стала. А своих ребят попала за околицу караулить старика.

Смеркаться начало, метель полетела, как белая лебедь.

Ребята в дом вбежали, кричат:

— Мамка, старик из лесу вышел!

Янина сейчас же детей за стол посадила, дала каждому в руку по куску хлеба с салом, велела держать в руке, но не есть. Сама на улицу выбежала, старика встретила, с почетом к дому повела:

— Пожалуйте ко мне, ясный пан, отдохните, добрый гость!

А добрый гость нахмурил брови, спрашивает, отчего хозяйка с прошлого года подобрела.

— Так это же не я была! — отвечала хитрая Янина. — Прошлый год моя сестра вас встретила. Мы с ней лицом друг на друга, как две капли воды, похожи, а сердца у нас разные: у сестры — злое, у меня — доброе.

— Ну, каково сердце, такова и награда, — сказал старик и в дом вошел.

А Янина тут же у своих детей вырвала из рук ломти хлеба с салом, подала старику. Он съел ломоть, выпил воды и лег спать за печкой. А рано утром, до рассвета, старик собрался в путь.

На прощанье старик сказал Янине:

— Что начнешь делать сегодня утром, не кончишь до заката.

И ушел, будто растаял в предутренней мгле.

А Янина к сундуку побежала. Не холст мерить она хотела, а тонкое сукно заранее приготовила. Бросилась Янина к сундуку, да второпях ведро задела, воду пролила.

Воды в доме больше нет, а дети пить просят.

Схватила Янина ведро, по воду пошла. Набрала воды, понесла полное

ведро домой, да на пороге споткнулась, разлила воду. Опять она к колодцу идет, опять ведро домой несет, а дотащить не может.

Солнце к полудню поплыло.

Кликнула Янина на помощь ребят. Вот с ней ребята ведро несут, несут, у порога разольют — донести не могут.

Солнце за полдень поплыло.

Кликнули ребята на помощь соседок. Янина, ребята, соседки ухватились за ведро. Несут ведро, несут, а на пороге разольют — дотащить не могут.

А солнце к закату идет.

Кликнули соседки на помощь Зоею. Зося ведро взяла, ни одной капли не пролила, в дом к Янине внесла, в уголок поставила.

И в ту же минуту красное солнце закатилось. Поздно было жадной Янине мерить тонкое сукно.

Идут мимо дома люди — смеются над Яниной; бегут лисицы — хохочут; сам пан волк бредет — во весь рот ухмыляется.

А Зося, простушка-хлопотушка, в свою хату воротилась, села с гостями и ребятами за стол, и начался тут праздничный пир.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРОШЕНИЕ

В деревне, неподалеку от помещичьей усадьбы, жил да был бедный крестьянин. Всего-то добра у него было — одна корова. Как-то раз она забралась в барский клевер. Увидел ее помещик, загнал в хлев, схватил нож и тут же прирезал скотину.

Жена уговорила бедняка пойти к помещику, попросить его заплатить за убитую корову. Пошел крестьянин. Еще больше рассердился помещик, приказал слугам разложить мужика на скамье и всыпать ему десять плетей.

Воротился домой избитый мужик, обо всем жене поведал.

— Давай напишем прошение королю. Он-то нас справедливо рассудит, — сказала жена.

— Как написать? — говорит муж. — Кабы я грамоту знал!

Думал, думал он и надумал.

Раздобыл большую доску, гладко остругал ее, вырезал на ней свою избу и усадьбу помещика. На доске видно было, в каком месте корова залезла в панский клевер, и место, где помещик зарезал ее. Под этим рисунком мужик вырезал лавку, а на ней самого себя, а сбоку десять черточек.

Привязал бедняк доску с прошением себе на спину и отправился прямо к королю.

Дорога проходила через большой лес. Повстречал мужик в лесу охотника и обратился к нему:

— Доброго здоровья, пан!

— Спасибо. Куда бредешь, человек? — спросил охотник.

— К королю. С жалобой на моего помещика.

— А чем он тебя обидел?

Мужик снял со спины доску и показал свое прошение. Охотник посмотрел — ничего не понял.

— Да здесь все ясно сказано! — удивился мужик. — Вот здесь моя хатенка, здесь панская усадьба и клеверное поле, а вот здесь моя корова забралась в клевер, здесь помещик ее зарезал. А вот здесь лавка и десять черточек — это десять плетей, что мне слуги по приказу пана вlepили.

— Все теперь понятно, — сказал охотник. — Ступай к королю, он тебе обязательно поможет.

Уехал охотник, а крестьянин пошел дальше, совсем не подозревая, что охотник-то был сам король Ян.

Пришел мужик в королевский замок. Впустили его в большой, пышно убранный зал, где король восседал на золотом троне, в окружении двенадцати министров. На голове его сверкала золотая корона, с плеч спускалась алая мантия.

Подав крестьянин доску первому из министров и попросил:

— Прочитайте, ваша милость, про беду, причиненную мне помещиком.

Глядел, глядел на доску первый министр, ничего не понял. Не поняли и другие министры. Хотели выгнать мужика, но король приказал дать прошение ему. Первый министр передал доску второму, второй — третьему, и только двенадцатый вручил ее королю. Король велел мужику приблизиться.

— Вот здесь твоя хата? — спросил король мужика.

— Истинно здесь, паночек!

— А здесь панская усадьба?

— Здесь, здесь.

— Твоя корова залезла в панский клевер?

— Залезла, паночек, залезла.

— А пан ее зарезал?

— Зарезал, паночек, зарезал.

— Ты отправился к помещику с прошением и получил за это десять

плетей?

— Да, ясный паночек, ровно десять, истинная правда.

В восторге от догадливости короля крестьянин одобрительно похлопал его по плечу и радостно воскликнул:

— Вот это голова! Не кочан капусты, как у вас!

И он бросил презрительный взгляд на всю дюжину королевских министров.

Король Ян, довольный, что оказался умнее своих министров, сказал крестьянину:

— Ступай теперь домой, а я уж позабочусь, чтобы тебя впредь не обижали.

Вскоре помещик получил бумагу от короля, где было приказано построить мужику новую избу, конюшню, хлев, овин, купить корову и добавить к этому большой кусок земли.

Мужик с женой не раз смеялись над помещиком.

При этом мужик частенько говорил:

— Король Ян — мудрый король: сразу прочитал мою жалобу. Министры только рты разинули, ничего не поняли. И зачем король их кормит, раз они даже читать не умеют?

ПОСПЕШИШЬ — ЛЮДЕЙ НАСМЕШИШЬ

Задумала тетушка Черепаха пироги печь. Хватилась — нет дрожжей.

— Проснись-ка, Черепахович, полно тебе спать! Сбегай к куме Зайчихе, попроси дрожжей.

Черепахович промычал что-то спросонья, заспанные глаза чуть приоткрыл и недовольно спросил:

— Чего тебе?

— Сбегай, говорю, к куме Зайчихе за дрожжами...

— Сроду никуда я не бегал. Вот сходить могу, — пробормотал Черепахович. Сел, подумал и, кряхтя, осторожно полез с печи.

— Ты бы поживей, горе мое черепашьё! — торопила тетушка Черепаха.

— К чему такая спешка? Недаром говорят: «Поспешись — людей насмешишь».

Пока он слезал, пока сунул ноги в валенки, пока надел зипун да напялил на голову шапку — недели как не бывало.

— И чего ты топчешься? Шел бы скорее — время-то не ждет.

— Да вот кушак засунул куда-то, не найду никак.

— Так и знала! — воскликнула тетушка Черепаха и сама принялась искать пропажу.

А черепашья работа известна: пока искали — еще неделя миновала.

Вот Черепахович опоясался, поднял воротник, занес ногу через порог, за ней другую — дело на лад пошло.

— Смотри не мешкай, гостей ведь на пироги позвала!

— Знаю, знаю...

— А посудину захватил?

— Эх, совсем из ума вышло... Поддай-ка сюда, неохота возвращаться.

— Вот был бы тут Заяц, он бы живо обернулся! А ты все топчешься на месте, как медведь у пасеки, — сказала тетушка Черепаха, протягивая посудину для дрожжей.

— Подумаешь, невидаль какая — Заяц! Прыг-шмыг — вот и вся доблесть. А я, как-никак, хозяин с достатком: куда ни приду, всюду своя крыша над головой. Это понимать надо!

Приладив поудобнее посудину за пазухой, Черепахович надвинул шапку на самые глаза и отправился к Зайчихе.

Ушел, а тетушка Черепаха радуется: поедят гости вдоволь пирогов вкусных, поджаристых, с капустой, с лучком да с грибами!

И занялась приготовлением начинки.

Совсем стемнело, пора бы уж воротиться Черепаховичу, а его нет как нет.

Так и не пришлось званым гостям отведать черепашьях пирогов.

Вот и день прошел, другой настал — нет ни дрожжей, ни Черепаховича.

Год прошел, другой и третий. Сгинул Черепахович, как топор в проруби.

— И куда-то он запропал? Хоть бы далеко послала, а то — рукой подать... — раздумывала тетушка Черепаха.

Прошло еще четыре года.

«Дай-ка, — думает тетушка Черепаха, — сбегаю на околицу, посмотрю».

Накинула платок, к двери двинулась — глядь, Черепахович по улице идет, спешит-торопится, дрожжи в посудине глиняной несет, крепко к груди прижимает — не уронить бы.

— Ну, наконец-то! — обрадовалась тетушка Черепаха и скорее распахнула дверь.

Не прошло и часу, завернул Черепахович в свой двор, подошел к

двери, у порога остановился передохнуть.

Отдышался, стал перелезать через порог. Одну ногу перетащил благополучно, да рваным валенком другой зацепился и растянулся во весь рост. Голова уже в избе, а ноги еще за дверью. Посудина вдребезги разбилась, дрожжи по избе потекли.

— Эх ты, скороход! Семь лет нес, до избы не донес! Зря только время потерял!

— Да-а-а... — заворчал Черепахович. — Говорил я тебе — не торопи, хуже будет. Так оно и вышло! Не зря говорится; «Поспешись — людей насмешись»...

Румынские сказки

Сказки румынских писателей И. Истрати, А. Рупя и Т. Константинеску, г. Кэрин, Ф. Мугур.

Перевод Д. Шполянской и В. Нейштадта

КОЗА И КОЛОКОЛЬЧИК

Коза получила в подарок от хозяина серебряный колокольчик. Он очень ей понравился, потому что чудесно звенел. Пошла она колокольчиком хвастаться. Прыгала, скакала, головой мотала, чтобы колокольчик беспрерывно звенел-позванивал. Забрела она в лес. Стала продираться сквозь колючий кустарник, зацепилась колокольчиком за колючку — он повис на ней.

Принялась коза кустарник упрашивать:

— Отдай мой колокольчик, отдай мой серебряный!

— Сама повесила — сама и снимай, — отвечает кустарник.

— Ах, вот ты каков! Ну, я накажу тебя!

Пошла коза к старой пиле:

— Пилушка-пила, помоги мне! Взял кустарник у меня колокольчик серебряный и не отдает. Спили кустарник!

— Ох, матушка, стара я стала, зубы притупились. Не спилю.

— Ах, вот ты какова! Ну, я накажу тебя!

Пошла коза к огню:

— Огонь-огонек, помоги мне! Взял кустарник у меня се ребряный колокольчик и не отдает. Пошла я к старой пиле, прошу кустарник спилить, а она говорит: «Не спилю, зубы притупились». Сожги ее, огонек!

— Зачем мне сжигать пилу, когда у нее и вправду зубы притупились! Не сожгу.

— Ах, вот ты каков! Ну, я накажу тебя!

Пошла коза к ручью:

— Ручей-ручеек, помоги мне! Взял кустарник у меня серебряный колокольчик и не отдает. Пошла я к старой пиле, прошу кустарник спилить, а она говорит: «Не спилю, зубы притупились». Пошла я к огню, прошу пилу сжечь, а он говорит: «У нее и вправду зубы притупились. Не сожгу». Залей огонь, ручеек!

— Зачем же мне его заливать, если он старуху пожалел! Хорошо

сделал. Не залью.

— Ах, вот ты каков! Ну, я накажу тебя!

Пошла коза к волам:

— Волы-волы, помогите мне! Взял кустарник у меня серебряный колокольчик и не отдает. Пошла я к старой пиле, прошу кустарник спилить, а она говорит: «Не спилю, зубы притупились». Пошла я к огню, прошу пилу сжечь, а он говорит: «У нее и вправду зубы притупились. Не сожгу». Пошла я к ручью, прошу огонь залить, а он говорит: «Хорошо огонь сделал. Не залью». Выпейте ручей, волы!

— Ручей правильно говорит, — ответили волы. — Не выпьем.

— Ах, вот вы каковы! Ну, я накажу вас!

Пошла коза к волку:

— Волк-волчище, помоги мне! Взял у меня кустарник серебряный колокольчик и не отдает. Пошла я к старой пиле, прошу кустарник спилить, а она говорит: «Не спилю, зубы притупились». Пошла я к огню, прошу пилу сжечь, а он говорит: «У нее и вправду зубы притупились. Не сожгу». Пошла я к ручью, прошу огонь залить, а он говорит: «Хорошо огонь сделал. Не залью». Пошла я к волам, прошу ручей выпить, а они говорят: «Он правильно поступил. Не выпьем». Съешь волов, волк-волчище!

— Нет, — говорит волк, — сыт я. Да и не люблю с волами связываться, еще на рога угодишь. Пошла прочь, пока тебя самое не задрал!

— Ах, вот ты каков! Ну, я накажу тебя!

Пошла коза к ружью:

— Ружье-ружьецо, помоги мне! Взял кустарник у меня серебряный колокольчик и не отдает. Пошла я к старой пиле, прошу кустарник спилить, а она говорит: «Не спилю, зубы притупились». Пошла я к огню, прошу пилу сжечь, а он говорит: «У нее и вправду зубы притупились. Не сожгу». Пошла я к ручью, прошу огонь залить, а он говорит: «Хорошо огонь сделал. Не залью». Пошла я к волам, прошу ручей выпить, а они говорят: «Он правильно поступил. Не выпьем». Пошла я к волку, прошу волов съесть, а он говорит: «Пошла прочь, пока тебя самое не задрал!» Застрели волка, ружье-ружьецо!

— Не могу, — ответило ружье: — не заряжено я.

— Ах, вот ты каково! Ну, я накажу тебя!

Пошла коза к мышам:

— Мыши-мыши, помогите мне! Взял у меня кустарник серебряный колокольчик и не отдает. Пошла я к старой пиле, прошу кустарник спилить, а она говорит: «Не спилю, зубы притупились». Пошла я к огню, прошу пилу сжечь, а он говорит: «У нее и вправду зубы притупились. Не сожгу».

Пошла я к ручью, прошу огонь залить, а он говорит: «Хорошо огонь сделал. Не залью». Пошла я к волам, прошу ручей выпить, а они говорят: «Он правильно поступил. Не выпьем». Пошла я к волку, прошу волов съесть, а он говорит: «Пошла прочь, пока я тебя самое не задрал!» Пошла я к ружью, прошу волка застрелить, а оно говорит: «Не заряжено я». Изгрызите ружье, мыши!

— Нет, — ответили мыши, — у ружья дерево очень твердое, еще зубы поломаешь. Не будем грызть.

— Ах, вот вы каковы! Ну, я накажу вас!

Пошла коза к коту:

— Котик-коток, помоги мне! Взял у меня кустарник серебряный колокольчик и не отдает. Пошла я к старой пиле, прошу кустарник спилить, а она говорит: «Не спилю, зубы притупились». Пошла я к огню, прошу пилу сжечь, а он говорит: «У нее и вправду зубы притупились. Не сожгу». Пошла я к ручью, прошу огонь залить, а он говорит: «Хорошо огонь сделал. Не залью». Пошла я к волам, прошу ручей выпить, а они говорят: «Он правильно поступил. Не выпьем». Пошла я к волку, прошу волов съесть, а он говорит: «Пошла прочь, пока я тебя самое не задрал!» Пошла я к ружью, прошу волка застрелить, а оно говорит: «Не заряжено я». Пошла я к мышам, прошу ружье изгрызть, а они говорят: «У ружья дерево очень твердое, еще зубы поломаешь. Не будем грызть». Поймай мышей, котик-коток!

— Нет, — говорит кот, — я для тебя и когтем не пошевелю. Сколько раз ты мне рогами грозила! Выпутывайся теперь сама, матушка!

— Ах, вот ты каков! Ну, я накажу тебя!

Пошла коза к хозяину:

— Хозяин-хозяин, помоги мне! Взял кустарник у меня серебряный колокольчик и не отдает. Пошла я к старой пиле, прошу кустарник спилить, а она говорит: «Не спилю: зубы притупились». Пошла я к огню, прошу пилу сжечь, а он говорит: «У нее и вправду зубы притупились. Не сожгу». Пошла я к ручью, прошу огонь залить, а он говорит: «Хорошо огонь сделал. Не залью». Пошла я к волам, прошу ручей выпить, а они говорят: «Он правильно поступил. Не выпьем». Пошла я к волку, прошу волов съесть, а он говорит: «Пошла прочь, пока тебя самое не задрал!» Пошла я к ружью, прошу волка застрелить, а оно говорит: «Не заряжено я». Пошла я к мышам, прошу ружье изгрызть, а они говорят: «У ружья дерево очень твердое, еще зубы поломаешь. Не будем грызть». Пошла я к коту, прошу мышей поймать, а он говорит: «Я для тебя и когтем не пошевелю. Сколько раз ты мне рогами грозила! Выпутывайся теперь сама, матушка!» Побей

кота, хозяин.

Рассмеялся хозяин:

— Зачем же, глупая, кота бить? Пойдем, я тебе сниму колокольчик.

Снял колокольчик и сказал:

— Сама ты за колючку зацепилась. Никто тебя не обижал, а ты на всех наговариваешь. Сварлива ты больно, коза! За это я тебя накажу и не дам тебе больше колокольчик.

И не дал. Пошла коза с горя траву щипать. Прыгала, скакала, головой мотала — но раз колокольчика нет, то и звенеть нечему.

ВОЛШЕБНОЕ ЯЙЦО

Жили когда-то дед и баба. Жили они очень бедно. Не было у них ничего, кроме одной-единственной курицы. Да и курица как снесет яйцо, так и пропадает оно куда-то.

Так и шло день за днем. Загоревал дед. Однажды решил он последить за курицей. И вдруг он увидел, что курица снесла яйцо, а оно сейчас же и покатилося по дороге, и катилось все быстрее и быстрее. Дед побежал за ним и уже совсем было его схватил, но яйцо, видно, было волшебное, потому что как только дед взял его в руки, оно сказало:

— Отпусти меня, дед, а то потом пожалеешь.

Дед его отпустил.

Отправилось яйцо в путь. Катилось, катилось... И вдруг — гоп! Повстречался ему Рак:

— Куда ты идешь, Яйцо?

— Иду куда надо. Пойдем со мной рядом!

— Пойдем! — сказал Рак, и пошел за Яйцом.

Шли они, шли и встретили Мышонка.

— Куда идешь, Яйцо? — спросил Мышонок.

— Иду куда надо. Пойдем со мной рядом!

— Пойдем! — сказал Мышонок.

И дальше они пошли уже втроем. Так они шли, пока не встретили Кошку.

— Яйцо, куда ты идешь с твоими друзьями?

— Иду куда надо. Пойдем со мной рядом!

— Пойдем! — сказала Кошка.

И они все вместе пошли дальше.

Спустя немного времени встретился им Петушок со шпорами:

— Добрый день, Яичко! Куда ты идешь?

— Иду куда надо. Пойдем со мной рядом!

Пойдем! — сказал Петушок.

И все пятеро пошли к лесу. На опушке они встретили Козла.

— Куда это ты бежишь со своими храбрецами, Яйцо? — спросил Козел.

— Иду куда надо. Пойдем со мной рядом!

— Пойдем!

Шли они, шли, пришли в самую чащу леса и скоро увидели дом. В этом доме жили двенадцать Лисиц-разбойниц.

Яйцо обошло вокруг дома и вкатилось внутрь. В доме никого не было. Лисицы ушли на разбой. Тогда Яйцо сказало:

— Я лягу в золу в печке; ты, Мышонок, залезай вон в ту дырку, в углу; ты, Рак, — в чан с водой; ты, Кошкэ, ложись на печь; Петушок взберется на чердак, а ты, Козел, спрячься в сених за дверью.

Так все и сделали. Поздно ночью пришли Лисицы-разбойницы. Одна Лисица хотела затопить печку, но только она подошла к очагу, чтобы разгрести золу, как вдруг — пуфф! Это Яйцо засыпало Лисице глаза золой.

Другая Лисица побежала за водой, чтобы промыть ей глаза. Только эта Лисица подошла к чану, Рак схватил ее за лапу и ущипнул что было силы.

— Пи... пи... пи... — запищал из угла Мышонок.

А Кошка на печи стала мяукать:

— Мяу-миорлау...

Перепугались Лисицы, выскочили за дверь.

Как только они выбежали из дому, Петушок закричал:

— Кукуреку-у-у!

Тут и Козел стал бодать их рогами.

Бросились Лисицы наутек, только пятки засверкали.

Тогда Яйцо открыло сарай. А в сарае у Лисиц-разбойниц гусей, уток — видимо-невидимо! Яйцо со своими друзьями взяли кто гуся, кто утку, кто мешок с просом, кто кукурузные початки. Отнесли все это деду и бабе.

А дед с бабой приняли Яйцо к себе в дом с большим почетом.

КОЗЕЛ, ЛИСА И ВОЛК

Жил когда-то Козел. Козел — как все козлы:

Спереди — бородка,

Сзади — хвост короткий

И густая шкура посередке.

Он был недурен собой, наш козлик.

Проходил он однажды по поляне, мимо прозрачного, холодного ручейка. Наклонился, чтобы напиться, и что же он увидел? Из воды на него глядел другой козел:

Спереди — борода,
Сзади — хвост короткий
И густая шкура посередке.

Совсем такой же, как он.

«Это я! Это я! — обрадовался Козел. — Бэ-э-э, да какая же у меня прекрасная борода! Какая бархатная шкура! Никогда я не видывал такого красивого козла!»

С этого дня наш Козел стал очень гордиться своей красотой. На прежних своих друзей, что всегда жили с ним вместе во дворе, он теперь даже и глядеть не хотел. Только и раздумывал, где бы найти ему такого приятеля, который был бы ему ровней.

Но это не так-то просто — найти себе приятеля. Вышел Козел со двора на улицу и все шел и шел, пока село не осталось позади.

Забрел он в лес.

Там, в густой чаще, было темно. Но Козел все шел вперед, гордо потряхивая бородой.

И вдруг навстречу ему — Лиса... Как обрадовалась кумушка, увидев его! Она только что разговаривала с медведем дядей Мартином, который ловил рыбу. Медведь обещал поделиться с ней своей добычей, если она принесет ему что-нибудь повкусней.

«Вот Козел как раз для медведя, — подумала Лиса. — Когда дядя Мартин увидит Козла, он даст мне четыре мешка рыбы, а не один, как мы условились!» Она даже завиляла хвостом от радости. Подошла к Козлу и сказала медовым голосом:

— Добрый день, уважаемый Козел! Куда ты так спешишь?

— Белый свет посмотреть, друзей под стать себе найти. Видишь, какая у меня красивая борода!

— Вот хорошо, что мы встретились... Мы с тобой можем подружиться. Погляди-ка на мой хвост!

— Что правда, то правда — великолепный хвост, — ответил Козел.
Дальше они пошли вместе.

Шли они, шли... Наконец Козел устал от такой прогулки и улегся на полянке, среди цветов, а Лиса села около него. Она все обдумывала, как бы ей заманить Козла к медведю, как вдруг — гоп! — явился Волк.

Увидя такого прекрасного Козла, Волк взвыл от удовольствия, конечно, а не от чего-нибудь другого — уж очень ему захотелось съесть Козла. О Лисе он и не подумал. Ведь лисицы с тех пор, как стоит свет, еще никогда не ели козлов.

Посмотрел Козел на Волка, но ничего замечательного в нем не увидел:

Безбородый, хвост, как палка,
Шерсть свалялась, как мочалка.

Козел спросил Волка:

— А вы кто будете?

— Да ведь это Волк! Разве ты не знаешь, какие у него необыкновенные зубы? — удивилась Лиса. — Посмотри-ка!

Волк разинул пасть, а глупый Козел подошел к нему, чтобы рассмотреть получше. Ну и зубы же были у Волка!.. Козел и сообразить ничего не успел, как Волк схватил его за бороду и потащил в лес.

Лиса рассердилась, что пропала ее добыча, бросилась за Волком. Бежала, бежала, наконец догнала и ухватила за зубами за козлиный хвост.

Волк тащит за бородку,
А Лиса — за хвост короткий, —

изо всех сил тянут каждый в свою сторону.

А тем временем во дворе все очень волновались: куда ушел Козел?

Коза бегала туда и сюда:

— Ох! Ах! Где Козел?

Козлятки бегали за ней и тоже кричали. А Индюк вышел за ворота и спрашивал каждого, кто проходил мимо:

— Клип-далап-клил, ла-ла,
Вы не видели козла?
Спереди — бородка,

Сзади — хвост короткий
И густая шкура посередке.

Но никто не видел Козла. Никто, решительно никто...

Коза, козлятки и Индюк в тревоге побежали к дворовым собакам и просили их найти Козла.

Собаки сейчас же отправились. Как только они вышли из села, сразу же почуяли, что Козел ушел в лес.

А нашему Козлу плохо приходилось с такими приятелями, как Волк и Лиса!

Волк тащит за бородку,
А Лиса — за хвост короткий, —

тянут и тянут, пока не оторвали и хвост и бородку, а сами кубарем покатались на землю.

Как раз в эту минуту прибежали собаки, три большие сторожевые собаки.

Когда Волк и Лиса поняли, с кем им теперь придется иметь дело, они убежали в лес. Только их и видели.

Собаки помогли Козлу подняться. Рад был Козел, что его спасли. Но ему было очень стыдно.

Вернулся Козел домой без бороды, без хвоста, зато с капелькой ума-разума.

КУРОЧКА-ХОХЛАТКА

В один прекрасный день Петушок-со-шпорами сказал Курочке-хохлатке:

— Я думаю, в лесу уже созрели орехи. Пойдем поедим орешков, а то их все соберет белка и нам ничего не останется.

— Пойду с удовольствием, — ответила Курочка-хохлатка. Она была охотница погулять.

Выйдя со двора, они пошли полем, поднялись на холм и добрались до леса. День был прекрасный и орехи вкусные. Петушок и Курочка оставались в лесу до самого вечера. А когда они собрались уже уходить, Курочка-хохлатка вдруг сказала Петушку:

— Я не двинусь домой иначе, как на тележке!

— Да откуда же взять тележку? — спросил Петушок.

— Это дело твое! Иначе я останусь здесь, и пусть меня съедят лисицы!

Волей-неволей Петушок принялся за работу. И так как он был прилежен и смьшлен, то сделал из ветвей орешника маленькую тележку с колесами из ореховой скорлупы. Курочка-хохлатка проворно забралась в тележку и требовательно сказала Петушку:

— Ну-ка, впрягайся поскорее, чтобы нас здесь не застала ночь!

— Уж очень ты умна, Хохлатка! Лучше я вернусь домой один, чем впрягусь в тележку! — сказал Петушок. Он очень рассердился.

Пока они спорили, подошла к ним Черепаха:

— Эй, нехорошо вы себя ведете!

— А ты не вмешивайся! — крикнула Курочка.

Черепаха сделала вид, что не слышит, и сказала:

— Садись-ка и ты, Петушок, в тележку, и если вы помиритесь между собой, то я вас повезу, потому что мне все равно надо идти в ту сторону.

Черепаха впряглась, и тележка загрохотала по дороге так, что любо было посмотреть. Ехали они, ехали и видят — кто-то идет им навстречу. Это была Швейная Игла. Очевидно, она шла от портного, и ночь застала ее в пути.

— Возьмите и меня с собой в тележку, — попросила Швейная Игла. — А то, когда совсем стемнеет, я не смогу сделать ни шагу и потеряюсь в пыли.

— Мы не возьмем тебя, тетушка, — сказала Курочка. — Я боюсь, что ты меня уколешь.

Но Петушок не согласился с Курочкой.

— Садись-ка, путница, — сказал он. — Ты ведь худенькая, много места в тележке не займешь.

Швейная Игла села, и тележка поехала дальше. А когда совсем стемнело, наши путешественники остановились на постоялом дворе, потому что ночью нехорошо ехать по дороге. Но Черепаха очень спешила, поэтому она простилась с ними и отправилась к речке — там у нее были какие-то неотложные дела.

— Спасибо тебе, Черепаха! — закричали Петушок и Швейная Игла.

— Счастливо оставаться, дорогие мои! Но посмотрите внимательно на хозяина...

Действительно, перед постоялым двором стоял хозяин. Но так как он спрятал хвост под длинный передник, а на нос надел очки, то наши путешественники не узнали в нем старого Лиса.

— Прошу пожаловать, именитые гости! Какая красивая Курочка!

Курочка-хохлатка зачванилась и горделиво вошла во двор. За нею вошли Петушок и Швейная Игла. На постоялом дворе было много всяких других проезжих.

— Чем вы заплатите мне за еду и ночлег? — спросил хозяин.

— Денег у нас нет, — сказал Петушок, — но утром Курочка снесет тебе яичко.

— Ладно, — сказал хозяин. — Яичко тоже за деньги надо покупать.

— А я могу тебе что-нибудь сшить, — прибавила Игла.

— Хорошо, хорошо, — ответил хозяин. — Я вижу, что вы приличные путешественники.

Курочка-хохлатка, Петушок-со-шпорами и Швейная Игла поужинали и пошли ложиться спать.

— Я лягу на полу, — сказала Швейная Игла, укладываясь около двери.

Петушок и Курочка сразу уснули. Но Швейная Игла не могла заснуть. Может быть, у нее болело ушко, за которое ее таскал портной...

Вдруг вошел в их комнату хозяин. И когда он зачем-то нагнулся, Швейная Игла заметила у него лисий хвост и еще увидела, как хозяин украдкой посмотрел на спящих. Но, вероятно, хозяин торопился, потому что сейчас же вышел. Тогда Швейная Игла подошла к Петушку и слегка уколола его, чтобы разбудить; потом разбудила и Курочку. Курочка закудаhtала:

— Разве для того я взяла тебя с собой в тележку, чтобы ты меня колола, негодница?

— Замолчи! — прошептала Игла. — Сюда приходил хозяин. Это — Лис, и я видела, как он вас разглядывал.

— Ай, что же нам делать? — заплакала Курочка.

— Мы выскочим в окно, — сказал Петушок-со-шпорами.

В эту минуту Игла услышала, как кто-то из постояльцев просил у хозяина уголек, чтобы закурить трубку.

Игла зашептала:

— Я выручу вас из беды. Петушок, скорее отнеси Курочкино яичко туда, в очаг. Прикрой его золой... А теперь не шевелитесь.

Только они это сделали, как вошел хозяин с трубкой. Наши путешественники притворились, будто спят. Хозяин прошептал: «Сейчас я раскурю трубку, а потом покажу вам, сколько стоят у меня еда и ночлег!» Но когда он стал искать в золе уголек для трубки, яичко, которое уже испеклось, лопнуло, да с такой силой, что Лису засыпало пеплом глаза. Лис зашатался и стал протирать глаза, а его хвост вылез из-под передника.

Швейная Игла изо всех сил уколола его, и Лис подумал, что у него загорелся хвост. Он выскочил из дома и убежал в лес.

Хотите знать, что дальше было?
Петух помчался от дверей.
Он удирал что было силы,
А курочка — еще быстрее.

— Не торопись, Курочка! — закричала, смеясь, Игла. — Может быть, придет Черепаха и отвезет тебя на тележке!

— Спасибо, милая Игла, — сказала на этот раз вежливо Курочка. — Я и пешком дойду.

И она храбро пустилась в путь.

РИЛЭ-ЙЕПУРИЛЭ И ЖУЧОК С ЗОЛОТЫМИ КРЫЛЬШКАМИ

Солнце грело с каждым днем все сильнее. Снег стаял. Серебряные ручейки напевали веселые песенки, проворно пробегая по лесу.

Вдруг потянулась к солнцу травинка, за ней — другая, совсем тоненькая. И еще одна, и еще — их становилось все больше и больше.

Показался подснежник. Когда дул ветерок, цветок радостно покачивал головкой. Потом около подснежника выросло еще много цветов. Пришла весна.

Зайчонок Йепурилэ с восхищением смотрел на цветы и думал:
«Эге, ушла кумушка Зима... Ушла...» — и радостно кивал головой.
Развеселился йепурилэ и, хвастливо напевая, запрыгал по поляне:

— Я — Рилэ-Йепурилэ,
Кто тут равен мне по силе?
Мне не страшен враг любой,
Выходите все на бой!

Маленький Жучок, который тихо сидел на цветке, позвал его:

— Йепурилэ! Йепурилэ! Как ты поживаешь?

— Это кто меня зовет?

Йепурилэ посмотрел направо, посмотрел налево, посмотрел вперед,

посмотрел назад, но никого не увидел.

— Здесь я! Здесь! На цветке! — зажужжал Жучок.

— Так это ты меня зовешь, малыш? — спросил Йепурилэ, глядя на Жучка, крылышки которого блестели, словно золотые. — Чего тебе надо?

— Давай подружмся! Я — Жучок с золотыми крылышками. Хочешь, будем играть вместе?

И они стали играть в прятки. А Рилэ-Йепурилэ все пел:

— Я — Рилэ-Йепурилэ,
Кто тут равен мне по силе?
Мне не страшен враг любой,
Выходите все на бой!

Его песенка донеслась до берлоги Медведя. Медведь проснулся. Сонно потягиваясь, он вышел из берлоги, в которой проспал всю зиму, и тут же увидел Йепурилэ. Медведь был старый, большой, очень большой. Он проголодался и щелкал зубами.

— Мор-мор... Я — старый Медведь, я проспал всю зиму и теперь голоден... Я тебя съем, Йепурилэ! — и Медведь облизнулся. — Мор-мор... У-у, как я голоден!

Как ни был храбр Йепурилэ, но у него сердце сжалось в комочек и заколотилось быстро-быстро.

«Что мне делать? Что мне делать? — думал он. — Сейчас он меня схватит».

А Медведь схватил его за уши, поднял вверх над землей и поглядел на него, довольный:

— Очень вкусный заяц! Мор-мор...

Но вдруг Йепурилэ услышал жужжанье. Это был Жучок с золотыми крылышками, который увидел, что Йепурилэ попал в беду.

Жучок смело подлетел к Медведю.

И... что бы вы думали? Он сначала принялся разгуливать по носу Медведя, а потом стал щекотать ему ухо.

— Мор-мор... — ворчал Медведь, сердясь на Жучка.

— Быз-быз! — все громче жужжал Жучок.

«Ну, погоди, я тебе покажу!» — подумал Медведь.

Совсем забыв о Йепурилэ, он выпустил его, поднял лапу и ударил себя по уху:

— Вот я тебя поймал, Жучище!

Изо всех сил ударил Медведь, даже в ушах у него зазвенело.

А Жучок уже давно улетел и теперь спешил вместе с Йепурилэ спастись от Медведя. Бызз, топ-топ, — бежали два приятеля. — Бызз, топ-топ...

Когда Медведь пришел в себя, Йепурилэ и Жучок с золотыми крылышками уже далеко убежали. Медведь так и не догнал их.

И друзья снова стали играть. Играли до самого вечера, радуясь, что спаслись от страшного Медведя.

Чешские сказки

Перевод Д. Горбова, В. Ветменной, М. Зельдович и С. Шмераль

ЛЕКАРЬ-САМОЗВАНЕЦ И ЕГО УЧЕНИК

Жил на свете один лентяй и обманщик. Он работать не хотел, а любил сладко есть и пить. Решил лентяй, что доктора работают мало, а хорошо живут, и придумал назваться лекарем. Ходил он по деревням и спрашивал, не нужен ли кому лекарь.

Один раз позвали этого лекаря к крестьянину. Крестьянин объелся на празднике и заболел.

Лекарь велел больному несколько дней ничего не есть. Два дня крестьянин ничего не ел, а на третий очень проголодался. Его жена принесла в комнату большую корзину румяных яблок и хотела раздать их детям. Крестьянин не мог отвести глаз от яблок и попросил жену дать и ему полакомиться яблочко.

— Вот еще! — ответила жена. — Разве ты не знаешь, что сказал доктор? Нельзя тебе есть — сразу хуже станет.

— Прошу тебя! — уговаривал ее крестьянин. — Одно яблоко меня не убьет, а если ты боишься, очисти его. Доктор ничего не узнает.

Очистила ему жена большое яблоко, а кожуру бросила под кровать.

Ночью крестьянину стало хуже. Жена плакала, ломала руки, едва дождалась утра.

На счастье, утром в деревню снова пришел лекарь. Его сейчас же позвали. Лекарь сразу догадался, что больной поел чего-нибудь. Но он ничего не сказал, а важно ходил взад и вперед по горнице и вдруг увидел под кроватью кожуру от яблок. Тогда он еще раз осмотрел больного и сказал:

— Вы, наверное, поели яблок, и вам стало хуже. Ведь я говорил, чтобы вы ничего не ели.

Крестьянин и его жена очень удивились, как лекарь узнал о яблоках, и просили помочь им. Лекарь дал больному настойку из какой-то травы, а сам наелся у него до отвала. Жена-больного собрала ему в дорогу полный мешок еды, и лекарь обещал, что на другой день придет еще раз взглянуть на больного.

У этого лекаря был ученик, такой же лентяй, как и он. Ученик всегда

ходил вместе с хозяином и тоже хотел лечить, ничему не учась.

— Скажите, как вы узнали, что больной съел яблоко? — спросил ученик своего учителя.

— Видишь ли, — ответил лекарь, — ты еще молод и неопытен. Придешь куда-нибудь и ничего не замечаешь. Кто хочет лечить, должен все видеть. Когда я сидел возле больного, то заглянул под кровать и увидел там кожуру от яблок. Ну, я и понял, что он съел яблоко.

Ученик запомнил это.

На следующий день лекарь послал его в другую деревню отнести порошки больному. Больной лежал в постели и стонал.

Ученик важно сел у постели, посмотрел на больного, потом заглянул под кровать и увидел там конский хомут.

— Как же вам не болеть, — сказал он, — когда вы наелись конины!

— Какой конины? — удивился крестьянин. — Мы ее и не ели никогда!

— А что это под кроватью? — закричал ученик. — Вы съели целую лошадь, один хомут остался. Я знаменитый ученик знаменитого лекаря, и вы меня не обманете.

Крестьянин и его жена так смеялись, что выступили слезы.

— Ну, видно, каков ученик, таков и учитель, — сказали они и прогнали ученика.

Слухи о лекаре-обманщике и его ученике разнеслись по всем деревням, всюду стали смеяться над ними, складывали о них песенки, так что пришлось обманщикам бежать из этого края.

ВАРЕНЬЕ ЯИЦА

Отправился однажды бедный подмастерье странствовать по свету. Долго ходил он, а работы все нет и нет.

Зашел он раз в трактир и заказал себе на последние деньги кружку пива, хлеба с сыром и восемь крутых яиц. Наелся подмастерье досыта и только хотел было заплатить трактирщику, глядь, — а в кармане у него нет ни гроша. Потерял, видно, деньги дорогой. Что было делать? Улучил он минуту, когда трактирщик ушел в погреб за пивом, выскочил в окно и убежал в поле.

Сильно рассердился трактирщик, что какой-то бродяга обманул его, да делать нечего.

Прошло двадцать лет. Стал подмастерье мастером. Попал он однажды в те края, где странствовал в юности. Увидал у дороги знакомый трактир,

зашел и велел подать себе кружку пива, хлеба с сыром и восемь крутых яиц. Наевшись, он спросил трактирщика:

— Сколько я вам должен?

— Три кроны ваше степенство, — Ответил трактирщик.

Гость усмехнулся, вынул кошелек и дал трактирщику тридцать крон..

Это ошибка, — сказал трактирщик, — вы мне должны только три.

— Берите, берите! Я плачу вам за себя, а также и за одного подмастерья, который двадцать лет тому назад съел здесь то же самое, что вы мне сейчас дали.

— А откуда вы об этом знаете? — удивился трактирщик.

— Да ведь это был я! — усмехнулся мастер.

Трактирщик помолчал, а потом сказал:

— Нет, господин, вы должны считать иначе. Подумайте только — восемь яиц! Если бы я положил их под курицу, из яиц вылупились бы цыплята. От этих цыплят — еще цыплята, и за двадцать лет, посчитайте-ка, сколько у меня было бы кур! Заплатите мне за всех этих кур, не то я непременно подам на вас в суд.

Мастер сперва рассмеялся — он думал, что трактирщик шутит. Но тот не шутил. Он кричал и требовал, чтобы мастер пошел с ним к судье, если не хочет платить.

А в трактире сидел крестьянин и все это слышал. Он подошел к мастеру и шепнул ему:

— Ступай в суд, не бойся, я помогу тебе. Попроси только судью подождать, пока придет твой защитник.

Мастер так и сделал.

Ждали, ждали в суде защитника, а его все нет и нет. Хотели уже начинать, как вдруг он явился.

— Простите меня за опоздание, — сказал он.

— А почему вы опоздали? — рассердился судья. — Мы ждем вас уже целый час.

— Я не мог придти раньше, — ответил крестьянин. — У моего брата есть небольшое поле. Он хотел сегодня сеять горох. Я принес ему из лавки целый мешок гороху. И мне пришлось ждать, пока горох сварится и остынет, чтобы его можно было сеять.

— Что вы говорите! — засмеялся судья. — Кто же сеет вареный горох? Он не взойдет!

— Господин судья, — ответил крестьянин, — он так же взойдет, как вылупятся из вареных яиц цыплята. А ведь трактирщик уверяет в своей жалобе, что такое явление возможно.

Трактирщику нечего было делать, он смутился и исчез, не дождавшись решения суда.

МУДРЫЙ ЮВЕЛИР

Радошу было восемнадцать лет, когда умерли его отец и мать. Был он теперь совсем один на свете.

«Пойду-ка я в большой город, — решил он, — может быть, там найду работу».

Собрался и пошел.

Долго ходил Радош по городским улицам. Всему он здесь удивлялся. Юноша никогда еще не бывал в городе.

Вдруг на одной из улиц увидел он в окне изделия замечательной красоты: шкатулки, браслеты, дорогую посуду. Они сверкали всеми цветами радуги. Здесь была ювелирная мастерская. В ней работало много людей.

Долго смотрел Радош сквозь окно, как ловкие руки мастеров превращают золото, серебро, драгоценные камни в чудесные изделия. Очень понравилась ему тонкая работа ювелиров.

«Вот где я должен работать!» — решил он и вошел в мастерскую.

— Что тебе нужно? — спросил хозяин мастерской.

— Я хочу научиться делать красивые вещи. Возьмите меня в ученики, — попросил юноша.

— В ученики? Да ты слишком велик для этого. Ведь ювелирному делу нужно учиться не меньше восьми лет.

— Ничего, я постараюсь быстрее научиться, — настаивал Радош.

— А как платить будешь за учебу? — спросил снова хозяин.

— Платить-то я не могу, у меня совсем нет денег. И родных никого нет, кто мог бы платить. Но я бы так работал, что вы были бы мной довольны. Ни минуты не сидел бы без дела.

— Ну ладно, так и быть, оставайся, — сказал хозяин подумав. — Вот здесь, возле двери, будешь работать, а там вон будешь спать.

Так Радош стал учеником ювелира.

Сначала другие ученики смеялись над Радошем, дразнили его, видя, как неумело он берется за работу.

Но вскоре умолкли. На второй день он уже работал не хуже многих из них. А в неделю научился тому, чему другие учились два года.

У юноши оказались золотые руки. За что он ни брался, все ему

удавалось. Через две недели Радош делал перстни, серьги и браслеты не хуже мастера.

— Не знаю, — говорил хозяин жене, — что о Радоше и думать. Или он уже опытный ювелир и только скрывает это, или парень под счастливой звездой родился.

— Не думаю, чтобы он тебя обманывал, — ответила жена: — он, по моему, никогда не лжет.

Через месяц Радош закончил ученье, и хозяин оставил его работать подмастерьем.

Вот однажды проходил Радош с хозяином мимо королевского дворца. Видит он на воротах дворца белеет человеческий череп, насаженный на кол.

— Что это значит? — спросил он хозяина.

И тот рассказал:

— Есть у нашего короля единственная дочь, да такая красавица, какой во всей округе не сыскать. Только вот беда: с двенадцати лет перестала она говорить. Уже пятый год принцесса не может произнести ни слова. Она читает, гуляет, вышивает, но все делает молча. Сколько лекарей у нее перебивало, и все напрасно. А три года назад была здесь мудрая предсказательница. Она сказала, что принцесса Либена заколдована. И колдовство может кончиться только тогда, когда придет юноша, который сумеет заставить ее заговорить. Король издал приказ: кто вызовет его дочь на разговор, получит ее в жены. Много всяких знатных юношей наехало во дворец. Каждый хотел с принцессой заговорить, да только все бестолку. Надоело это и королю и принцессе. Принцесса ушла в свои покои и не хотела больше никуда выходить. А король приказал рубить голову каждому, кто возьмется исцелить принцессу, но не сумеет сделать этого в три дня. Суতোлка прекратилась. Все, кто надоедал принцессе, разъехались по домам: никому не хотелось головы лишиться.

Только после долгого времени приехал в замок молодой, красивый юноша. Он попросил разрешить ему попробовать, не излечит ли он принцессу. Король разрешил.

Три дня, говорят, стоял юноша на коленях перед Либеной и просил вымолвить хоть одно слово, но та и не шелохнулась. Так и лишился юноша головы. Эту голову выставили здесь для устрашения. С той поры никто больше не хочет пытаться счастья...

Подивился Радош рассказу хозяина. Жаль ему было и несчастного юношу, напрасно потерявшего жизнь, жаль и красавицу Либену, обреченную на вечное молчание.

Прошел год с тех пор, как Радош стал работать у хозяина. Был он теперь лучшим ювелиром мастерской.

Однажды пришел в мастерскую придворный от короля.

— Король приказал сделать для принцессы драгоценные украшения, — сказал он хозяину мастерской, — но они должны быть такой красоты, какой никто нигде никогда еще не видал.

— Хорошо, — ответил ювелир, — сделаю.

А когда придворный ушел, хозяин в раздумье почесал затылок. Не знал он, как выполнить такую работу.

— Что случилось, хозяин? — спросил Радош.

Тот рассказал.

— Не печальтесь. Я возьмусь сделать украшения для принцессы.

— А ты думаешь, что справишься с работой, за которую я сам боюсь браться? Как же я могу потратить столько золота и драгоценных камней, не зная, получится ли у тебя то, что нужно?

— Ну, дайте мне что-нибудь одно сделать, а если понравится, тогда другое.

Хозяин дал ему золота и драгоценный камень. Радош сейчас же взялся за работу.

Как же удивился старый ювелир, когда принес ему Радош готовый перстень! Не было равного этому перстню по красоте.

С радостью дал он тогда юноше и золота и бриллиантов, столько, сколько нужно, чтобы сделать и остальное.

Радош трудился и день и ночь. Наконец все было готово. Юноша сделал еще серебряную шкатулку. Положил в нее приготовленные драгоценности и понес хозяину.

Когда хозяин увидел все это, бросился он на шею Радошу со словами:

— С сегодняшнего дня ты мой учитель! Больше я тебе в работе указывать не могу: ты меня далеко обогнал.

Действительно, это была работа, которую мог сделать только великий мастер. Невозможно было глаз отвести от ажурного ожерелья, чудесных серег, браслетов и других украшений. Золотые и серебряные узоры их были тонки, словно легкая паутина, а листья и цветы казались совсем живыми.

— Не знаю, чем тебе за такую работу отплатить, — сказал потрясенный ювелир.

— Ничем. Позвольте только мне самому отнести их королю.

Хозяин охотно разрешил, и Радош отправился в королевский дворец.

Когда королю доложили, что принесли заказанные драгоценности, он приказал сейчас же впустить ювелира.

Юноша низко поклонился и подал королю серебряную шкатулку. Долго смотрел король, не отрываясь, на чудесные украшения. Потом спросил:

— Скажи мне, юноша, кто делал это?

Радош ответил:

— Я сам, милостивый король.

— Да ты такой художник, каких я и не видывал! Если я могу оказать тебе какую-нибудь милость — проси.

— Милостивый король! Я слышал, что к принцессе может быть допущен каждый, кто хочет попробовать вернуть ей речь. Я бы хотел попытаться сделать это. Разрешите мне повидать, принцессу.

Со страхом ожидал Радош ответа короля.

— Конечно, юноша, — сказал король, — ты можешь попытаться исцелить Принцессу. Но знаешь ли, что ждет тебя, если тебе это не удастся?

— Знаю, — твердо ответил Радош.

Король позвал своего придворного, приказал ему отвести Радоша в покои принцессы и оставить там одного. А сам тайным знаком показал придворному, чтобы тот подслушал, что там будет происходить.

Придворный повел его через множество зал, одна роскошнее другой. Наконец дошли они до покоев принцессы. Придворный открыл последнюю дверь и знаком показал Радошу, чтобы тот вошел.

Принцесса Либена сидела в своей комнате у окна и вышивала золотом.

Ни одна жилка на ее лице не дрогнула, когда Радош вошел. Ни на один миг она на него не взглянула, словно принцесса была безжизненной, как ее портрет, который висел в золотой раме на стене.

Радош поклонился принцессе, но не стал говорить с ней. Он подошел к портрету Либены и, обращаясь к нему, сказал:

— Разреши ты, прекрасный образ, большой спор, который идет во дворце: резчик вырезал из дерева девушку, портной сшил для нее платье, а третий человек дал ей речь. Кому та девушка обязана своей жизнью?

— Кому же, как не тому, кто дал ей речь! — вдруг промолвила принцесса и продолжала шить.

Радош с поклоном вышел. Радостно было у него на душе: принцесса заговорила!

Но придворному, который все это слышал, стало завидно, что простому, бедно одетому юноше удалось сделать то, чего не смог добиться ни один знатный барин. И он сказал королю, что принцесса не произнесла ни слова.

Король приказал, чтобы Радош остался в замке на второй день.

На следующий день придворный опять привел Радоша в покои принцессы. Снова юноша задал портрету тот же вопрос. И принцесса опять ответила:

— Я вчера тебе уже сказала, что третьему человеку она обязана жизнью.

Придворный, который подслушал и этот разговор, опять доложил королю, что принцесса не произнесла ни слова.

Но на третий день король захотел сам пойти послушать.

Радош вошел к принцессе и опять обратился к портрету с таким же вопросом.

— Я уже два раза тебе сказала, что девушка обязана жизнью человеку, который дал ей речь. Что тебе еще нужно? — сказала Либена и встала из-за стола.

Тут вбежал король и, плача от радости, бросился к дочери. Потом взял Радоша за руку и сказал:

— Юноша, ты избавил меня от большого горя! Ты исцелил мою любимую дочь! Будь же моим сыном и королем, потому что я вижу, что ты умнее и талантливее всех других.

— Милостивый король, — ответил Радош, — ведь я из простых людей. Захочет ли прекрасная принцесса, чтобы я был ее мужем?

— Ты меня своим умом освободил от колдовства. Никого другого не хочу я иметь своим мужем, кроме тебя, — сказала Либена и подала Радошу руку.

Сейчас же по городу разнеслась весть, что принцесса исцелена, а ее исцелитель — простой подмастерье ювелира.

Через некоторое время была свадьба, и принцесса блистала в драгоценностях, которые ее жених сделал собственными руками.

Радош правил мудро, как ни один король перед ним, и народ его любил.

Было у него несколько сыновей: и каждый из них должен был с детства учиться какому-нибудь ремеслу. Но были ли они так же умны, как их отец, неизвестно.

ШКОЛА ПРИНОСИТ БОГАТСТВО

Один батрак всю жизнь работавший на деревенских богачей, жаловался как-то своей жене:

— Знаешь, жена, не могу понять, почему это так заведено? Я работаю, как вол, с утра до ночи, и все-таки есть нам нечего, ходим босые и оборванные. А посмотри на нашего ксендза [53]. Он ничего не делает, а живет богато, ест и пьет вдоволь и ходит себе, как барин.

— Молчи, сумасшедший! — умиряла его жена. — Так уж, видно, заведено на свете, чтобы одни жили богато, а другие бедно.

Но мужа такой ответ не успокоил. Решил он спросить самого ксендза. Пошел к нему и задал тот же вопрос.

— Милый брат мой, — ответил ксендз, — я для того, чтобы богато жить, прежде дал себя хорошенько высечь.

Пришел батрак домой. Нарезал прутьев и сказал жене, чтобы высекла его.

— Да только хорошенько! Хорошенько! — добавил он.

Когда батрак решил, что получил достаточно розог, он остановил жену и стал ждать, не появятся ли у него деньги. Ждал день, ждал другой — ничего.

Пошел опять к ксендзу.

— Почему же ты, святой отец, мне неправду сказал? — говорит. — Приказал я себя высечь, а жить мне нисколько не легче стало.

— Эх ты, дурень! — ответил ксендз. — Я не о том говорил. Чтобы богато жить, ты должен был ходить в школу и учиться, как я.

Пошел батрак в лавку, купил на последние деньги букварь и отправился в школу. А школа была в другой деревне.

Идет себе батрак и вдруг видит — лежит на дороге кошелек. Поднял его, открыл. Кошелек был полон золота.

Обрадовался батрак, что школа ему так хорошо помогла, и вернулся с деньгами домой.

А барин, который потерял эти деньги, приказал везде объявить, чтобы тот, кто найдет кошелек, немедленно вернул его в сельскую управу.

Донесли в управу, что батрак, который всегда жил в большой нужде, стал хорошо одеваться, кое-что покупать в лавке. Может быть, у него кошелек?

Вызвали батрака в управу. Начали допрашивать, не находил ли денег.

— Как же, нашел, нашел, когда ходил в школу, — отвечал батрак.

Посмотрели все на батрака, на его седую голову. Было батраку уже за пятьдесят лет.

— Ну, ведь это было очень давно, — говорят, — об этом мы не спрашиваем.

И отпустили его. Так у батрака деньги и остались.

ЖЕНСКАЯ МУДРОСТЬ

Жили в давнее время в одном и том же доме два человека: один бедный, другой богатый. У бедного был только поросенок, да и того нечем кормить: хозяйство — хоть шаром покати! А у богатого было десять свиней, и он часто кормил их ячменем; и в корыте у них всегда было довольно поила. Двор был общий, и поросенок три раза в день подбегал к стаду богача, наедался ячменю и лакал из корыта. Но как-то раз богач рассердился, взял палку и хлоп поросенка по лбу. Тот упал в грязь, и — дух вон!

Бедный подал жалобу в суд, требуя возместить убыток. Богач заявил, что он тоже понес убытки, и отказался платить за поросенка. Судья не мог помирить их.

Ладно, — сказал он наконец. — Убытки потерпели вы оба, но вознаграждение получит тот, кто к завтрашнему утру отгадает: что тучней всего, что быстрее всего и что ясней всего.

Оба вернулись домой, повесив нос.

Вот говорит богачу жена:

— Что ты ходишь, как вареный какой?

— Ах, отстань от меня, — ответил он. — Этакого сам черт не выдумает. Судья нам загадки загадал и говорит, что тому из нас вознаграждение присудит, кто их отгадает.

— А что за загадки?

— Да что тучней всего, что быстрее всего и что ясней всего?

— И ты себе над этим голову ломаешь? Пентюх ты этакий! Неужели трудно догадаться? Ну что может быть тучней нашей свиньи, которую мы целых три года откармливали? Что быстрее наших коней, которых мы каждый день отборным зерном кормим? И что ясней нашего колодца, в который мы каждый год по два мешка соли ссыпаем?

— А ведь это ты правильно говоришь, жена! — воскликнул богач и повеселел так, будто уже выиграл дело и судья-потрепал его по плечу: умный ты, мол, человек!

Когда бедняк к себе в горницу вошел, из-за стола ему навстречу поднялась шестнадцатилетняя дочь. Она тотчас прочла в его глазах, что у него не все благополучно.

— Ну, как дела, батюшка? Неужто мы проиграли?

— Проиграть не проиграли, да и выиграем ли, неизвестно, — ответил

отец и рассказал дочери, как было дело.

— Ничего не бойся, папа. К утру я что-нибудь придумаю, — сказала дочь.

И они легли спать.

Утром дочь пошептала отцу на ухо, и он весело зашагал прямо судье. Богач был уже там и гордо потребовал, чтобы его выслушали первым. Ах, если бы вы видели, какой у него был вид, когда судья, выслушав его отгадки, сказал, что с такой глупостью он мог и не приходиться!

— Ну, а ты до чего додумался? — обратился после этого судья к бедняку.

— Прошу прощения, высокородный пан, — ответил бедняк, — только я скажу, что самая тучная — мать-земля, потому что она всех нас кормит; самый быстрый — месяц, потому что он каждые четыре недели землю и небо обегает, а самое ясное — солнце, потому что оно всегда ровно и ясно светит.

— Молодец! — сказал судья и потрепал его по плечу. — Этот богач не имел права из-за горстки ячменя убивать твоего поросенка. В вознаграждение возьми у него тучную свинью, которую он откармливает вот уже три года.

Тем тяжба и кончилась. Гордый богач ушел потихоньку, как будто его там и не было. Ему и не снилось, что судья так его осрамил, да еще его откормленную свинью бедняку присудит! Бедняк поблагодарил судью за решение и тоже пошел к двери. Но высокородный пан подозвал его, чтобы сказать, ему еще словечко.

— Ты, — сказал он ему, — не сам до этого додумался. Ведь над этими загадками много мудрых мужчин и женщин напрасно себе голову ломали. Скажи прямо: кто тебя надоумил?

Бедняку скрывать было нечего; он ответил, что это его родная дочь сегодня ночью придумала, а утром ему на ухо шепнула.

— Ну, коли у тебя такая умная дочь, — сказал пан, — на, отнеси ей вот эту горсть льна. Ее только что с поля принесли. Пусть она мне ее в три дня вытеребит, вытреплет, высушит, вычешет, спрядет, из пряжи полотна наткет и полотно выбелит. А из этого полотна пусть сошьет мне красивую свадебную рубашку. Если она все это сделает, я с ней обвенчаюсь, а не сделает, так я с ней расправлюсь за то, что вмешалась в тяжбу и самому мне приговор вынести не дала. А теперь убирайся прочь с моих глаз!

И бедняк убрался. Лучше бы ему было не затевать этой тяжбы или хоть трижды проиграть ее! Из горстки льна сделать красивую господскую рубашку, да еще в три дня. Ну, слыханное ли это дело? Но когда он дома

рассказал обо всем дочери, она ничуть не испугалась, а только сорвала с дерева веточку и дала ее отцу:

— Милый папа, возьми отнеси ее к тому пану и скажи ему, что коли он, мол, из этого прутика трепалку, прялку, веретено, мотовило, мотальницы, кросна и все, что нужно, к утру сделает, то и я исполню, что он приказал.

Только тут пан узнал, с кем вступил в единоборство. Ну, уж так ли, сяк ли, — не знаю, только все он ей приготовил, как она сказала. Тогда и она ему на третий день свадебную рубашку послала.

— Ладно, — сказал судья отцу, — коли дочь твоя такая мастерица, я с ней обвенчаюсь. Только пусть явится ко мне не днем и не ночью, не пешком, не в телеге и не на коне, не по дороге и не по целику, не одетая и не голая и привезет мне подарок да не подарок!

Услышав это, отец только головой покачал. Вот еще новая беда! Но дочь успокоила его, сказав, чтобы он на нее положился. А пан с того часу от окна не отходил, все ее высматривал, никак дождаться не мог, потому что знал, что другой такой красавицы нигде не сыщешь.

На третий день утром, только начало рассветать и все еще спали, пан уже стоял у открытого окна. Вдруг видит: прямо против его окон — молодая девушка! И было это в самом деле не днем и не ночью, а на рассвете. И двигалась она не пешком, не в телеге и не на коне, а сидела на козле, ногами до земли доставая. И ехала не по дороге и не по целику, потому что козел шагал по обочине. И была не одетая и не голая, потому что на ней был только широкий мужской передник, сверху фартуком подпоясанный. А на коленях держала она что-то покрытое: это был подарок — не подарок. Тотчас послал он навстречу ей служанку с красивым свадебным нарядом, чтобы она в том наряде ему свой подарок — не подарок поднесла.

Прекрасна, как нераспустившаяся роза, вошла она в комнату и подала ему двух голубков. Но только хотел он их в руки взять, она их выпустила. Они захлопали крыльями и через открытое окно улетели вдаль. Так она поднесла ему подарок — не подарок, потому что он и получил и не получил его.

— Ну, душа моя, — сказал пан, — с этой минуты мы принадлежим друг другу. Но раз ты такая умная, а у меня свой разум есть, ты, конечно, поймешь, что каша у нас не сварится, коли ты и дальше будешь мешаться в разбор дела. Поэтому я еще до свадьбы предупреждаю тебя, чтобы ты никогда я мои дела не вмешивалась. Если я что-нибудь такое замечу, то сейчас же отправлю тебя домой.

Она согласилась, и они пошли вместе под венец.

* * *

И жили они дружной парой, что твои голубки до тех пор, пока она не попробовала коснуться судебного жезла. Но, видно, чему уж быть, того не миновать!

Пришли раз в суд два путника. Один гнал с базара табун лошадей, другой стадо волов, и оба ночевали вместе. Ночью у табунщика ожеребилась кобыла, а он этого не знал. Жеребенок заблудился среди волов. Волопас нашел его возле одного вола и отказался вернуть табунщику. Судья присудил жеребенка волопасу: видно, тот сумел лучше подмазать.

— Чтоб черт побрал этот суд! — ворчал себе под нос рассерженный табунщик, когда жена судьи во дворе его встретила.

— Ты что сердишься, добрый человек? — спросила она его.

— Да видите, пани: пришли мы в суд правды искать, а судья решил, что ожерибился вол, а не кобыла.

И рассказал, как было дело.

— Не горюй, добрый человек, — ответила жена судьи. — Послушай меня, и все будет хорошо. После обеда муж пойдет вон на тот луг, у реки, гулять. А ты возьми с собой косу и сеть. Как он к тебе подойдет, возьми косу и начни косить по реке. Потом выбеги на берег и делай вид, будто на траве сетью рыбу ловишь. Увидит это мой муж, тотчас подойдет к тебе, олухом тебя обругает. А ты только скажи: «Ах, пан судья, легко может статья, что я в воде травы накошу, а в траве рыбы наловлю, коли вол ожеребился». Как скажешь это ему, — увидишь: жеребенок твой будет! Только ради бога не выдавай меня. Тогда мне у него в доме не жить. А ты видишь: я тебе добра хочу и о правде стараюсь.

Сказав это, она убежала в дом, к мужу. И такой святой вид приняла, будто ничего знать не знает, ведать не ведает.

К вечеру вышел ее муж на прогулку. И что же видит? Тот самый табунщик, что у него судился, в реке косит, а на траве сеть рыболовную расставил.

— Что это ты тут творишь все шиворот-навыворот, олух царя небесного?

— Что же вы, пан судья, зря олухом ругаетесь? — смело отвечал табунщик. — Ведь очень может статья, что я в реке травы накошу, а в

траве рыбы наловлю, коли ваша правда, что вол ожеребился.

Тут пан сразу понял, чего табунщику нужно. Только кто же это научил его?

Вот как? — сказал он. — Ты смеешь мое решение на-смех подымать? Сам бы ты до этого, конечно, не додумался. Говори прямо, кто тебя научил?

— Да я... пан судья... так что... значит...

— Ты еще запираешься? Или не знаешь, как надо отвечать судье? Говори сейчас, иначе жеребенка не получишь. Это тебя моя жена научила?

И так он табунщика припер, что тот признался: верно, это высокородная пани придумала!

— Вот видишь, — сказал пан, — нечего было и отнекиваться. Я ведь сразу понял, в чем дело. Ну, ступай к волопасу, скажи, что я ему приказываю вернуть тебе жеребенка. Понимаешь?

— Понимаю, высокородный пан. Прошу прощения, — ответил табунщик и, подпрыгнув от радости, побежал со всех ног за присужденным ему жеребенком.

А у пана на душе кошки скребли. Лучше б ему было не дожить до этого! Он свою милую, ласковую женушку чем дальше, тем больше любил, и теперь ему вовсе не хотелось выгонять ее из дому. Да надо было свое слово сдержать. И вот, вернувшись домой, он тотчас объявил ей об этом.

— Возьми, — говорит, — все, что захочешь, и уезжай отсюда!

Она ничего не ответила, только попросила позволения приготовить ужин самый лучший, чтобы им в последний раз вместе поужинать. Пан согласился. Ужин был вкусный да и винцо славное. Она мужу сама подливала «на прощанье», так что пан добрался до самого дна бутылки и заснул. Коли с него стали бы лыки драть, он и тогда бы не проснулся.

А у пани уже стояла карета наготове. Она приказала посадить пана в карету, сама села туда и велела ехать прямо к ее отцу. Там она вышла из кареты, постелила свою крестьянскую постель и мужа в нее уложила.

Утром протер себе глаза высокородный пан судья и никак не разберет, где он, что с ним и как же это господский дом за одну ночь в крестьянскую хату превратился. А жена подошла к нему и говорит:

— Ну как, выспался, милый? Видишь, и в крестьянской хате неплохо спится. Право, нам тут хорошо будет. Мы можем навсегда здесь остаться.

— Но как же так? Что ты со мной сделала?

— Да разве ты уже забыл, милый, что только вчера вечером прогнал меня из дома, но позволил взять с собой, что захочу. Вот я тебя и взяла!

— Ну, женщину никто не перехитрит! — сказал пан, и все опять пошло по-хорошему. Вернулись они домой. Отца ее с собой взяли. И пан

еще раз торжественно ввел свою молодую жену к себе в дом.

КАК ВОЛК САПОГИ СЕБЕ ЗАКАЗАЛ

«Ах, — подумал однажды волк, — хорошо людям! Нас они босых гоняют, а сами ног об камни и деревья никогда не поранят, потому что всегда обуты... Впрочем, почему бы и мне не завести себе сапог?»

Отправился он к сапожнику, который жил на краю деревни, словно к своему соседу. Там ему нечего было бояться, потому что у бедняка была только тощая хромая собачонка; та при виде волка даже не залаяла, а убежала в хлев. Волк сапожнику как снег на голову свалился. Дети попрятались со страху — кто на печь, кто в угол, кто к матери под передник. У самого хозяина глаза на лоб полезли: что за гость такой? Но гость повел речь вежливо, как полагается:

— Не сошьете ли вы мне сапоги, соседюшка?

— Отчего же, коли у вас есть материал, — ответил сапожник. — Мне ведь, знаете, только в починку приносят.

— А какой материал нужен?

— Да из какого прочную кожу выдeldывают. Ну, скажем, хорошая, упитанная телка из стада, что пасется на подножном корму.

— Сегодня же получите ее. Приходите в полночь на загуменье. Только не опаздывайте.

Ну и была же телка упитанная, жирная, которую волк сапожнику притащил, только чтобы тот ему сапоги сшил получше! Ну и пир же был после этого у сапожника! Жена его три дня мясо тушила, и все наелись, как в храмовой праздник. Давно им так лакомиться не приходилось. А шкуру в самом деле отдали на выделку.

На третий день пришел волк за сапогами.

— Ну как, соседюшка? Готовы сапоги?

— Да были бы уж готовы, дорогой соседюшка, — ласковым голосом ответил сапожник, — кабы не дратва. Не можете ли вы раздобыть сколько-нибудь льну и коноплю?

А в мочильнях было много этого добра, уже вымоченного и вынутого для просушки. Ночью волк натаскал сапожнику целую кучу на загуменье. На другой день сапожникова жена все как следует высушила и вытеребила, радуясь тому, что будет у нее теперь что прясть да ткать и во что своих детей одеть.

Через три дня волк опять пришел за сапогами.

— Ну, соседушка, готовы сапоги? Ага, вон они стоят. Какие хорошие! Это ведь мои?

А там на лавке и впрямь стояли новые сапоги, сшитые из кожи, которую сапожник занял у скорняка под шкуру той телки, чтобы поскорей в первый раз целые сапоги сшить. Но теперь, став мастером, сапожник наш повел такую речь:

— Ах, были бы они ваши, дорогой соседушка! Только вот заковыка: мне заказал их наш деревенский судья, а ваши-то еще в работе. Да какой толк что в этих, что в ваших, когда у меня нет чем их смазать. Вот если бы вы с лесного выгона боровка принесли, чтобы мне было из чего сала натопить. Как принесли бы поросеночка, так через два дня свои сапоги и надели бы.

В полночь на загуменье уже был толстый, жирный боров. В доме сапожных дел мастера появилось вдоволь сала, и жена его радовалась, что есть у нее теперь на чем лепешки печь.

На третий день волк опять пришел. Сапожник подал ему готовые сапоги, но волк обуть их не мог.

— Нет, — говорит, — они мне не по ноге.

— Не огорчайтесь, соседушка, — ответил сапожник. — Найдутся у меня и для вас подходящие. Мне хотелось только доказать вам, что вы не можете носить такие сапоги, как все. Я иначе устрою. Идите за мной.

Привел он волка к яме во дворе, в которой заранее белой глины намешал.

— Ну, — говорит, — коли желаете в сапоги обуться, прыгайте ногами в яму.

Волк прыгнул, а когда вылез обратно, ноги его, покрытые глиной, так и блестели.

— Вот видите, соседушка, теперь вы обуты в прекрасные блестящие белые сапоги, каких никому носить не доводилось. Я уж для вас постарался, чтобы вы помнили, кто вам сапоги шил. Только одно скажу вам: по камням, по горам бегайте в них сколько хотите, но в воду или по росе — ни ногой! Ведь нам, сапожникам, работы больше, коли народ в сапогах по воде ходит.

Но волк сапожниковых наставлений не дослушал: гордясь своими сапогами, он уже бежал по загуменью.

— Теперь не стану больше шататься по лесу, — говорил он себе, любуясь обновой. — Буду ходить по дорогам, как люди, коли на ногах у меня сапоги.

И важно зашагал по шоссе. Навстречу ему обоз; только волк с ним

поравнялся, возчики взяли за кнуты, а хозяева послезали с возов с топорами в руках.

— Волк, волк! — закричали и погнались за ним, чтобы убить его.

В такой беде не до сапог. Он — словно с виселицы сорвался — прыг в реку! И счастье его, что река была широкая да глубокая, так что погоня уже не могла его догнать. Но когда он переплыл реку и выбежал на другой берег, сапог на ногах как не бывало: вода их начисто смыла. Ну и разозлился же волк! Если б там мастер был, который его так обул, он разорвал бы негодяя на куски: так скалил зубы, так щелкал, так рычал!

Не помня себя от злости, побежал он обратно к сапожнику и, не слушая никаких объяснений, объявил ему, что завтра, в таком-то часу, будет драться с ним на поединке: чтобы тот достал себе двух секундантов, а он, волк, приведет своих, и они будут биться не на живот, а на смерть возле такого-то дуба в лесу.

Ладно. Позвал волк в секунданты белку да кабана, и стали они ждать противника под раскидистым дубом. Сапожник долго не показывался, и волк говорит белке:

— Влезь на дуб да погляди, идет он сюда, или нам придется пойти к нему и разорвать его там на куски со всей его шайкой.

Влезла белка и запищала:

— Батюшки мои! Идет, идет, да с двумя секундантами: у одного позади кровавые огни полыхают, а другой как ступит шаг, так камень подымет. Ай-ай, как страшно!

И она так и осталась на дереве.

А кабан с перепугу зарылся под деревом в листья, так что и рыла не видно. Что оставалось делать волку, всеми покинутому? Пустился он без оглядки наутек в лес, не думая о том, что опять убегает от человека босой, стирая и рая себе ноги.

Сапожник в самом деле через несколько минут подошел к дубу с секундантами: своим собственным петухом, у которого красные перья в хвосте ветер трепал, отчего белка, сидя на дубе, дрожала, приняв их за огненные языки, да хромой собачонкой, которая на каждом шагу ковыляла и мордой в землю тыкалась, будто в самом деле камни подбирала. Как увидела его белка вблизи, тотчас спряталась за ствол, чтобы та ее первую камнем не достала. Кабан из-под листьев носа не-высунул. Волк был уже далеко. Сапожник наш подождал-подождал и ушел. Страшной битвы так и не произошло.

Теперь наш волк думал уже о другом: где бы достать чего перекусить? Время не раннее, а у него с самого утра маковой росинки во рту не было, и

он впрямь, что называется, был голоден, как волк. Вдруг видит: пасется в долине возле озера кобыла с жеребенком. Оскалил он на них зубы и зарычал:

— Кобыла, кобыла лучше добром отдай жеребенка. Все равно съем!

А-кобыла в ответ:

— Ладно, ладно, только он еще не крещенный. До крещения как его есть?

— Это вздор. Я его окрещу.

— Что ж, коли хочешь сам себя в священники произвести, твое дело. Сойди к берегу: я подведу его поближе к воде.

Волк стал на берегу; кобыла пошла к воде; жеребенок — за ней. У волка уже слюнки потекли. Но кобыла двинула его копытами так, что он очутился на самой середине озера.

— Пополощи рот после еды! — крикнула она ему и пошла себе, как ни в чем не бывало, со своим жеребеночком, пока волк кое-как из воды выбирался.

Выбрался он на другой берег, побежал по полю. Слышит, возле одного гумна старая коза блеет. Смотрит, рядом козленочек лежит.

«Что ж, по началу не удалось, — может, теперь удастся», — подумал волк.

Подошел к Козе и спрашивает:

— Что ты так блеешь?

— Да видишь, какое у меня горе: козленочек мой издох.

— Так подари его мне: ведь теперь он тебе все равно не нужен.

— Да Лак же я его отдам? Ведь он еще не оплакан. Помоги мне хоть оплакать, отпеть его.

Волк принялся выть, и чем дальше, тем громче. Больно понравилось ему это занятие: на похоронах петь. Да услышали это пенье крестьяне, которые на гумне хлеб молотили, прибежали с цепами и давай молотить его по спине, — чуть всю шкуру не спустили! Но он вовремя опомнился и убежал от них в лес.

В лесу волк — барин. Стал он там снова гордо выступать, хоть от голода у него в животе урчало и ноги подкашивались. Видит, птичка с дерева на дерево перелетает, с ветки на ветку перепархивает. Стал наш волк к ней подкрадываться, — вот-вот сцапает... А она все от него улетает, не дается. Рассердился волк, закричал:

— Стой, птица, я тебя съем!

— Да я мала для тебя, — ответила птичка. — Какой тебе прок, коли ты меня проглотить? А я тебе покажу, где ты сможешь вволю наесться и

напиться. Только беги за мной. Попируешь, как на свадьбе.

Послушался волк, побежал за птичкой. А она еще раньше видела, как женщины несли куда-то полные корзины кушаний и напитков, — верно, на какую-то пирушку. К ним она и полетела. Завидев их сквозь чащу ветвей, она велела волку бежать за ними, а сама улетела вперед и села в пыль на тропинку, по которой женщины шли. Женщины увидели птицу и говорят:

— Какая хорошенькая птичка! Давайте поймем ее. Будет нашим детям дома чем позабавиться.

Поставили они свои корзины на тропинку и пустились за птичкой. А та бежит все дальше, их заманивает. И как только поглубже в чащу увела, вспорхнула в воздух, да стрелой обратно на тропинку, к тому же месту, где корзины остались.

Села она там на край корзины и стала носиком хлеб клевать, потому что волк его не тронул: он, подбежав к корзинам, нашел в них мясо и тотчас проглотил его вместе с костями. А потом захотелось ему напиться; сунул он голову в полный горшок и стал лакать. Но в это время женщины вернулись из чащи и подняли страшный крик.

— Сюда! — закричали они. — Скорей сюда, парни! Тащите цепи, дубины, палки! Тут волк!

Птичка сейчас же улетела, — поминай как звали. А наш волк, уже знакомый с цепями, дубинами и палками, страшно испугался. Хотел вытащить голову из горшка, не тут-то было! Тогда засунул он ее еще глубже внутрь, так что со страху совсем на голову себе горшок насадил. Увидев это, женщины подбежали к нему сзади с палками, которые тут же подобрали, и давай по спине его охаживать. Волк не стал дожидаться, когда они ему хребет перешибут, а пустился со всех ног наутек.

Бежал-бежал, ничего не видя, впотьмах. Вдруг как трахнет башкой об дерево, — горшок и разлетелся в черепки! Волк с грехом пополам кое-как протер глаза передними лапами, перевел дух и сел отдохнуть. Глядит по сторонам и что же видит? Дело идет к вечеру, и сидит он под тем самым дубом, возле которого утром должен был с сапожником драться. Секундантов уж нет — бог весть куда они попрятались! Страх охватил его; показалось ему, будто перед ним стоит сапожник со своими приятелями и приветствует его колодкой, а самое главное — огненными языками. От ужаса волк даже глаза закрыл, чтобы не видеть того, что будет.

Но кругом все было тихо, муха не пролетела.

«Боже мой, боже мой, — принялся он размышлять, — до чего же я одинок! Нет у меня ни одного друга, который бы мне помог хоть подняться. А все оттого, что я оставил свое ремесло и погнался за тем, что мне совсем

не нужно. Мой отец не заказывал сапог, не брал на себя обязанностей священника и церковного певчего, не ходил на свадьбы, а широкие поля и леса были все-таки его, пока он не попал туда, куда ему суждено было попасть: к скорняку на гвоздь. Что же мне теперь делать? Жизнь мне надоела, а помирать не хочется! Господи, господи, куда податься?»

Хотел он глаза открыть, да уж не пришлось: пиф! — раздалось с одной стороны, паф! — с другой, и две пули впились ему в сердце. Двое лесничих видели, как он мечется по лесу; как раз в эту минуту они вышли ему навстречу и застрелили его. И попал наш волк, наконец, туда, куда до него попало столько его собратьев: к скорняку на гвоздь!

РУЧНАЯ МЕЛЬНИЦА

Много лет тому назад жил-был один мужичок. Однажды всю свою землицу он еще засветло вспахал и засеял и на ночь пошел в лес двух волов своих пасти. Пасет он их, пасет и раздумывает о своей беде: «Что-то я теперь буду делать, бедняга? Все до последнего зерна посеял, без остатка. Чем зимой буду кормиться с женой и детьми? Вот этих волов разве зарезать? На чем же тогда весной пахать буду?»

Пока он так раздумывал, над ним закаркал старый ворон: Крр! Крр!

— Это что еще за гость ко мне? — удивился мужик, взглянув вверх.

— И впрямь гость, — ответил ворон. — Дай, что у тебя есть. А то я тебя съем!

— Съешь, не съешь, мне все равно... Только что же я могу тебе дать, коли самому жрать нечего?

— Да у тебя пара волов. Дай мне одного, я им и поужинаю.

— Сыт не будешь: они ведь худые, — кожа да кости.

— Нет, ты говори: дашь или не дашь?

— Дам! Да только ты с него клочка шерсти не получишь.

Тут ворон спустился прямо на вола, и через мгновение от того не осталось и шкуры. И куда только все девалось? Опечалился мужик, что за здорово живешь лишился вола, и говорит ворону:

— Ну, коли сожрал одного вола, жри и другого!

Ворон спустился на второго вола, и через мгновение от того тоже не осталось и копыта.

— Что же ты наделал? Как же я теперь жене на глаза покажусь? Лучше мне на себя руки наложить! — сказал мужик.

Но сытый ворон, весело закаркав, промолвил:

— Вот это напрасно! Теперь, когда ты меня накормил, ничего не бойся. Я тебе за волов заплачу, но только если ты придешь ко мне в гости.

— Нет, я пойду прямо ночи в пасть, где, как в могиле, черно. Пусть она меня скорее проглотит.

— Успокойся, приятель! — прервал ворон крестьянина. — Послушайся моего совета. Ступай домой и скажи жене, что продал волов богатому ворону, который утром тебе заплатит. Пусть она соберет тебе в дорогу столько снеди, чтобы ты мог до меня добраться. Потому что ты пройдешь три дня и три ночи до того места, куда я прилечу еще сегодня вечером. А чтобы ты знал, куда идти, я, как полечу, буду верхушки сосен ломать. Они тебе с пути сбиться не дадут, — ты их завтра, как только рассветет, увидишь. Придешь ко мне в замок, я тебя там золотом и серебром осыплю. Только не мешкай и делай, как я тебе говорю!

Тут ворон захлопал крыльями и в одно мгновенье скрылся из глаз; только слышно было, как он верхушки сосен ломает. Бедняк, лишившись всего, не знал, что ему делать: жена разозлится, глаза ему выцарапает, а натошак до ворона все равно не дойдешь. Наконец собрался он с духом и решил на самое страшное: явиться к жене. Но та, услышав о золоте и серебре, стала кроткой, как голубка, и заворковала над своим золотым муженьком:

— Ни о чем не беспокойся. Все сейчас приготовлю. На господском дворе еще осталась телега, на которой ты дрова возил. Мне дадут под нее хоть меру муки. Я тебе лепешек напеку — и пойдешь.

Еще не рассвело, а она уж выпроводила его с лепешками из дому, чтоб он как можно скорей вернулся, золотом и серебром осыпанный.

Мужичок-беднячек шел-шел, пока тянулись знаки на соснах, да лепешки в сумке. Но на третий день к вечеру сумка уже совсем опустела, а сосны если и были обломаны, так ему в темноте не видно было. Стал он бродить вокруг, едва волоча ноги. Вдруг сразу, будто по щучьему веленью, стало светло. Он очутился на большом зеленом лугу, а невдалеке сверкали три золотых замка. Кругом — ни души. Только посреди луга стоит чабан с пастушьим посохом, длинный, как сосна.

— Не робей, приятель. Чего тебе тут надо? — промолвил чабан.

— Ах, милый мой чабан, ну как я могу сказать, что мне надо, коли не знаю, где я? Но, может, вы скажете мне, кто живет в этих блестящих дворцах?

— Там живут мои вороны.

— Да ведь их-то я и ищу! — обрадовался крестьянин, услышав о воронах, и все рассказал чабану.

Чабан покачал головой и промолвил:

— А ты узнал бы своего должника среди других воронов?

— Как не узнать! Он был хромой и старый, больше седой, чем черный! Только клюв у него больно крепкий: он у меня тем клювом целого вола расклевал, да в лесу треск стоял, когда он верхушки сосен обламывал.

— Что ж, посмотрим, узнаешь или нет, — сказал чабан и, засунув пальцы в рот, свистнул так, что лес кругом застонал.

Прилетела первая стая воронов и села на первый замок. Но крестьянин не нашел среди них своего должника. Чабан засвистел во второй раз, опять по лесу стон пошел. Прилетела вторая стая воронов, села на другой замок. Но и в ней крестьянин не нашел своего должника. В третий раз засвистел чабан, по лесу гул прокатился; вороны слетелись со всех сторон света и сели на третий замок. Но и на этот раз крестьянин не нашел должника.

— Все ли вы здесь? — спросил тогда чабан воронов.

— Все, — ответили вороны. — Только хромоногий старик — еще где-то шатается.

— Значит, это он, — сказал чабан. — Ну и пусть шатается. А ты, мужичок, пока послушай, о чем тебе просить его надо. Мой хромой слуга поведет тебя вон в тот третий замок. Там он захочет осыпать тебя золотом и серебром. Но ты не бери: все это обратится в песок. А попроси ты себе старую ручную мельницу, которая там на столе стоит. Ты увидишь, что это за мельница, когда прикажешь ей:

Мельница, крутись,
Столик, появись,
Скатерть, расстелись, —
Дайте выпить-закусить!

В это время из-за леса вылетел старый хромой ворон.

— Где ты был, мой слуга? — спросил его чабан.

— Я следил за тем человеком в лесу, хозяин, чтобы он не заблудился ночью, — ответил хромой.

— Значит, это ты его волов съел? Тогда дай ему сейчас же, что он у тебя попросит.

Только чабан дал этот приказ и взмахнул посохом, тотчас все вороны разлетелись каждый в свою сторону, а старый хромой ворон повел крестьянина в третий замок. Тут хотел он его в благодарность за волов золотом и серебром осыпать; но крестьянин не пожелал ничего брать,

кроме старой ручной мельницы, которая посреди стола стояла.

— Да на что она тебе? Ты ведь и обращаться с ней не умеешь, — возражал старый ворон.

— Ну уж умею ли, нет ли, а только ничего другого мне не надо! — уперся крестьянин.

Пришлось в конце концов ворону отдать мужику мельницу. Мужик спрятал ее в пустую сумку и сейчас же ушел, потому что уже совсем рассвело. Но, известное дело, с пустым желудком в дороге невесело. Решил крестьянин подкрепиться.

— Как-никак, — говорит, — а хлеб — славный попутчик. Закусим тем, что мельница пошлет.

Вынул он ее из сумки и приказал:

Мельница, крутись,
Столик, появись,
Скатерть, расстелись, —
Дайте выпить-закусить!

И, словно прямо из той мельницы выросши, вытянулся-стол, а на нем расстелилась скатерть и появились кушанья и напитки: пироги, жаркое, фрукты, вино — чего-чего там только не было! И с какой жадностью накинулся он на еду! Хоть на столе всего было много, а скоро ничего не осталось: он все уплел дочи́ста. Видел это голодный овчар, который неподалеку овец пас. Поклонился он крестьянину и говорит:

— Угостил бы меня, коли уж я здесь.

Что ж, — ответил крестьянин, — бери и ешь. Видишь, тут всего вдоволь.

Наелись они, напились, и все опять попряталось в мельницу. Овчар и говорит:

— Что это у тебя за мельница?

А крестьянин в ответ:

— Это такая мельницу, что я за нее ничего на свете не взял бы.

— А моя дубинка все-таки лучше, — возразил овчар. — Ты только посмотри.

Обернулся крестьянин и увидел в руке у овчара дубинку такую, что раз человека ударишь — из него и дух вон. Испугался крестьянин, но не показал виду, а только спросил, что это за дубинка такая.

— Это такая дубинка, — ответил овчар, — что ей нужно только

приказать, — она сама всех, кого скажешь, поколотит и, что хочешь, тебе принесет. Мне жалко расстаться с ней, да за мельницу я отдам ее тебе. Что ж, согласен меняться?

«Неплохо бы иметь такую дубинку», — подумал крестьянин, обменялся с овчаром, и они разошлись.

Но через несколько мгновений крестьянину стало досадно: ведь как-никак, а дубинка его не накормит. Рассердился он и приказал дубинке убить овчара и принести мельницу. Дубинка запрыгала то одним, то другим концом по земле. Через мгновение она уже настигла овчара, двинула его по голове так, что тот упал мертвый, и осторожно принесла мельницу крестьянину. Теперь у крестьянина были и дубинка и мельница, так что он мог спокойно идти Дальше. Шел он, шел, а навстречу солдат; возвращался солдат домой издалека, с войны. Был он голоден.

— Эй, дружище! — сказал солдат. — Не найдется ли у тебя корки хлеба в сумке? Я бы постарался отслужить тебе.

А крестьянин ему гордо в ответ:

— Хлеба нет ни корки, но найдется кое-что получше. Садись — накормлю, напою досыта.

Вынул он мельницу и проговорил что надо. Тотчас появилось угощенье. Поевши, солдат промолвил:

— Славная у тебя мельница, но моя сабля дороже будет.

— Какая же это сабля? — спросил крестьянин.

— Да вот эта старушка зазубренная, что у меня на боку висит. Только прикажи — сейчас все в куски изрубит. Но с меня уж этих войн и боев довольно. Отдай мне за нее мельницу.

Крестьянин согласился. Но не успели они с солдатом разойтись на три выстрела, как крестьянину досадно стало. «Ну какая мне радость, — подумал он, — если я весь мир порублю, а есть мне нечего будет? И как же я тогда дома от жены уберегусь? Дубинка! Сабелька! Марш за солдатом: убейте его, а мельницу мне притащите!» Дубинка запрыгала то одним, то другим концом по земле, а сабля зазвенела в воздухе. В одно мгновение очутились они возле солдата, убили его и принесли мельницу крестьянину.

Пошел он дальше. И повстречался ему пушкарь, просит дать ему кусок хлеба: с голоду, мол, помираю, прямо конец приходит. Опять устроил хозяин угощенье. Поблагодарил его пушкарь и говорит:

— А у меня есть кое-что получше твоей мельницы.

— Что ж такое? — спрашивает крестьянин.

— Да треуголка у меня на голове. Коли я поверну ее одним углом вперед и скажу «Дррр!» — тотчас искры посыпятся и ядра так и полетят,

словно при пальбе из восьмидесяти орудий. Поверну другим углом вперед — опять посыпятся ядра. Поверну третьим — снова загремят выстрелы. Сколько раз буду поварачивать, столько и будет залпов. И ничто перед моей бомбардировкой не устоит. Но, — говорит, — на эту мельницу я бы ее сменял. Только в благодарность за то, что ты меня так хорошо угостил.

И они обменялись.

Но скоро крестьянин и об этой мене жалеть стал. «В кого же мне стрелять? — подумал он. — Ведь жену с детьми бомбардировать не станешь...» И послал вдогонку за пушкарем дубинку и саблю. Они убили пушкаря и принесли мельницу крестьянину.

Пошел он дальше и встретил какую-то женщину. Она была похожа на тех, которые следуют за войсками, и в самом деле возвращалась из лагеря, близ которого перед тем происходила жаркая битва. Попросила она крестьянина подать ей Христа-ради кусок хлеба. Тотчас мельница завертелась, и скоро красотка уже облизывала себе пальчики. А так как под чепцом у нее не совсем пусто было, то стала она хвастать, что так и так, мол, идет она из лагеря, где много солдат побито, но что погибли только те, на кого она своим белым платком махнула, а кому глаза вытерла, те все тотчас ожили.

— Как бы, — говорит, — пригодился тебе такой платок, как у меня, а мне такая мельница, как у тебя. Может, поменяемся?

Потолковали они, потолковали, да и поменялись этими вещами. Но крестьянина опять стала мысль мучить: какой же толк в платке, коли нечего есть?

«Да и что такое какая-то женщина! — подумал он. — Прикончу ее, как тех прикончил...»

Тотчас дубинка и сабля опять получили работу и принесли ему мельницу.

Вот он уже вышел из лесу и увидал вдали свою деревню.

«Слава богу, не заблудился, и все вещи со мной», — весело подумал он и прибавил шагу.

Но тут словно что-то кольнуло его прямо в сердце, и стал мужик размышлять: «Все-таки нехорошо получилось! Сколько я зря народу перебил! А ведь все люди нужные. Разве один на свете проживешь?» Стал было он против этого голоса бороться, но тот ему все покоя не давал. «Ну, ничего, — наконец решил он. — Все вещи себя оправдали. Должен оправдать себя и платок». И приказал:

— Милый платочек, ступай, вытри глаза убитым в лесу!

В то же мгновенье платок вылетел у него из рук и, скоро вернувшись,

принес кровь и слезы в доказательство того, что всем, кого убили дубинка и сабля, он вытер глаза и всех воскресил.

* * *

Теперь у крестьянина опять стало легко на душе. А дома, он надеялся, жена ласково с ним обойдется после того, как он ей мельницу покажет. Но она задала ему хорошую трепку! Прялку обломала об него, старого дурака, за то, что он выбрал старую ручную мельницу, вместо того чтоб их обсыпали золотом и серебром: Но известное дело: после бури веселей солнышко светит. Так и тут. Когда буря утихла и муж смог произнести:

Мельница, крутись,
Столик, появись.
Скатерть, расстелись, —
Дайте выпить-закусить, —

все стало опять хорошо; все наелись-напились досыта. Жена мужа ласково по голове погладила, потому что все-таки славное дело сытым быть; дети прыгали по горнице, потому что им еще ни разу не приходилось так наедаться.

— Только знаешь что, муженек? — начала заботливая жена через минуту. — Ведь с тем паном, которому мы телегу в залог отдали, настоящее мученье! Он мне каждый день посылает сказать: на что, мол, мне старая телега, лучше бы вы муку мне вернули. Наша мельничка меру муки легко намелет, правда? Но надо этого надоедливового пана чем-нибудь умаслить. С нас, верно, не убудет, коли мы к муке с нашей мельнички еще жареного индюка да зайца прибавим. Я бы ему все это сейчас и отнесла.

— Это ты правильно говоришь, — ответил муж. — Так мы его скорей всего умаслим. Отнеси.

Жена отнесла все это в замок и с низкими поклонами и благодарностью положила пану на стол.

Она ждала за подарок если не ответного подарка, то хоть доброе слово услышать. Но пан накинулся на нее:

— Ах ты, такая-сякая! Где вы это взяли? Индюшку на дворе стащили, а зайца в моем лесу поймали? Я вам покажу, как чужое добро воровать.

И, не дожидаясь ответа, тут же приказал посадить ее в холодную, а за

мужем послал гайдука, чтобы тот сейчас же доставил его в замок. Пришел грозный гайдук к крестьянину.

Сперва мужичок наш спокойно сказал гайдуку:

— В своем ли ты уме, приятель? Как? Сажать меня с женой в холодную за то, что мы поблагодарили пана?

Но гайдук становился все грубее и напоследок хотел даже схватить крестьянина за шиворот. Тогда тот рассердился и крикнул:

— Дубинка! Сабелька! Помогите!

Дубинка заплясала по спине гайдука, а сабля засверкала прямо ему в глаза. Получив хорошую трепку, гайдук ушел. Вернувшись в замок, он долго чесал себе спину и еле мог рассказать пану о том, что с ним у мужика приключилось.

— Ты просто баба, коли дал себя поколотить! — заявил пан гайдуку и тотчас послал за крестьянином двух других, посильней. Но этим досталось еще крепче, и они принесли известие, что следом за ними идет крестьянин, грозитя всех перебить, коли жену домой не отпустит. И в самом деле, крестьянин был уже во дворе замка с дубинкой и саблей. Он страшно шумел, грозил, что всех порубит и посечет, коли его жену не выпустят. Разгневанный пан закричал на гайдуков и слуг:

— Эй вы, бездельники! Даром я вас кормлю, что ли? Как вы смели этого негодяя сюда впустить? Сейчас же связать его и бросить в холодную!

Все кинулись на крестьянина. Но на этот раз он уже не шутил:

— Дубинка, сабля, бейте их всех, только одного пана не троньте!

И тотчас все слуги были убиты. Только пан трясся, как осина, стараясь спрятаться от дубинки и меча.

— Ну, теперь видишь, что не я у тебя в руках, а ты у меня? — сказал ему крестьянин.

— Ах, вижу, вижу, — застонал тот. — Что я теперь делать буду без слуг? Если никто не станет на меня работать, я с голоду помру.

— Помрешь ты или нет, там видно будет. А чтобы убедиться, что я тебя ничего не брал и еще тебя же с твоими слугами прокормлю, приходи ко мне через час всем домом обедать. Не бойся: убитые встанут. Здесь я угостил их так, а у себя; угощу иначе. Но только если моя жена дома будет.

Так сказал крестьянин, и пан выпустил его жену из холодной.

Вернувшись с женой к себе, крестьянин приказал платку:

— Милый платочек, ступай, вытри глаза убитым, что во дворе замка лежат.

Платочек полетел и вернулся назад с кровью и слезами в, знак того, что воскресил всех.

Гордый пан, радуясь, что слуги его опять на ногах, приказал наполнить данную крестьянином в заклад телегу всякой снедью и запрячь в нее четырех волов. Он послал все это крестьянину, чтобы у него было из чего обед приготовить. Но крестьянин отослал все обратно и велел сказать, что ничего, не надо: приходите, мол, все и садитесь за стол! Пан не поверил, но из страха перед дубинкой и саблей, — как бы хуже-не было, без промедления явился вместе с слугами к нашему мужичку.

У всех прямо глаза на лоб полезли, когда перед ними сперва ничего не было, а потом крестьянин поставил ручную мельницу и приказал ей молоть, и тотчас появился стол, на на столе расстелилась скатерть, и каждый мог выбирать любое блюдо и пить вдоволь по своему вкусу. Был тут пир наг весь мир!

Поблагодарил пан крестьянина за угощение и домой воротился. Но дома он только о том и думал, как бы с крестьянином расправиться. Пан хорошо понимал, что ничего не может с ним поделаться, пока у того дубинка и сабля. И решил первым долгом эти вещи у него выманить. Да как хитро придумал! Собрал все свое войско и отправился к крестьянину.

— Так и так, — говорит, — приходится мне воевать, потому что три соседних короля против меня выступили. Сам понимаешь, какво драться с тремя сразу. Не одолжишь ли ты мне дубинку и саблю?

Крестьянин засмеялся и дал.

Пан не знал, как надо командовать дубинке и сабле, но теперь они были в его руках. Он выстроил все свое войско перед домом крестьянина и потребовал, чтобы тот отдал ему в мельницу, а не то он его со всем его домом в порошок сотрет.

— Милый пан, вы не шутите? — спросил крестьянин.

— Не шучу, — ответил пан.

— Ну, коли не шутите, пускай будет не до шуток, — только не мне, а вам.

Повернул крестьянин треуголку на голове и произнес: «Дррр!»

Посыпались искры, полетели ядра, — плохо пришлось войску пана. Повернул крестьянин треуголку в другой раз и не успел промолвить «Дррр!» — как весь двор, пана был сметен с лица земли. Повернул в третий раз и только сказал: «Дррр!» — весь замок пана был разрушен до основания.

Тут понял пан, в какую он историю попал, сам устроив себе западню. Стал он на коленях умолять крестьянина о прощении, обещал, что будет верно служить ему.

— Такому подлому трусу, как ты, так и надо! — ответил крестьянин и

не простил его.

Но чтобы не остаться без людей, которые будут служить теперь уже не панам, а крестьянам, и чтобы мельнице было на кого молотить, крестьянин еще раз приказал своему платочку воскресить убитых, и платочек исполнил это. Когда все они опять были на ногах, крестьянин еще раз приказал дубинке и сабле для науки отлупить всех как следует, не исключая пана.

И промолвил:

— Так будет всякий раз, когда вы против нас пойдете! А чтобы вы знали, что будет, если вы нам верно служить станете, садитесь: попируем!

И скомандовал еще раз:

Мельница, вертись,
Столик, появись,
Скатерть, расстелись, —
Дайте вышить-закусить!

И был опять пир на весь мир.

ВЕСЕЛАЯ СКРИПКА

Жил на свете один бедный человек, и был у него сын. Вот раз говорит сын отцу:

— Ничего хорошего мы, видно, не дождемся, папа! Так дальше жить нельзя! Надо мне какой-нибудь службы искать.

Отец согласился, дал ему свое благословение и отпустил его в дальнюю дорогу.

Пошел парень по горам, по долам и пришел в одну долину. Видит, черти дорогу петлей заплетают.

— Что ж это вы делаете? — спрашивает.

А они ему:

— Хотим, мол, дорогу так заплести, чтобы никто по ней ходить не мог.

— Ну, постойте, узнаете у меня, как дорогу заплетать, прострел вам в печенку! — рассердился парень, взял кол и давай их охаживать.

Стали они его просить, чтобы он им передохнуть дал.

А он:

— До тех пор, — говорит, — не перестану, пока вы мне не дадите такой скрипки, чтобы, как я на ней заиграю, каждый поневоле в пляс пустился.

Дали ему черти скрипку, и он пошел дальше. Приходит к одному богатому попу и спрашивает, не возьмет ли тот его к себе на службу. Поп взял его и на другой день послал коров пасти. Парень, как пришел на место, так на скрипке и заиграл. Пустились коровы в пляс. А он весь день играл так, то-все они охромели.

Пришел домой, поп его спрашивает:

— Что ты сделал с коровами?

Парень ему ничего не ответил. На другой день пошел овец пасти и опять до вечера на скрипке играл, а овцы плясали.

И на третий день он скотину пас, но дал ей отдохнуть.

Захотелось попу посмотреть, что он там делает. Разделся поп донага, чтобы его узнать нельзя было, и пошел поглядеть потихоньку. А парень, как увидел, что поп к нему крадется, подождал, когда тот в колючий кустарник забрался, и давай на скрипочке играть. Поп никак из кустарника не выберется, — так в том кустарнике в пляс пустился. Плясал, плясал, пока весь не расцарапался. Стал он просить слугу, чтобы тот играть перестал, — половину хозяйства своего обещает ему отдать. А тот и слышать не хочет — играет себе да играет. Перестал, только когда увидел, что хозяин здорово ободрался.

На другой день поп на него жалобу подал, и судьи парня к смерти приговорили. Когда на него уже петлю накинута, попросил он, чтобы ему еще разок позволили на скрипочке поиграть. Все согласились, только поп спорить было стал. Но на него внимания не обратили и велели парню играть. Тогда поп попросил:

— Ну, уж коли вы ему играть позволяете, так привяжите меня к этому столбу.

Ладно, привязали они его. И начал паренек на скрипочке играть, а господа принялись танцевать, каждый со своей дамой. А поп, навалившись на столб, подпевает:

— Говорил я вам, не давайте ему скрипки! Говорил я вам, не давайте ему скрипки!

Когда все вдоволь натанцевались, парень перестал играть. Так это господам понравилось, что они его помиловали, а вместо него повесили попа. И парень, наверно, до сих пор на скрипке играет, коли не помер.

ГРЯЗНУХА ВЕЧНЫЙ — ЖИТЕЛЬ ЗАПЕЧНЫЙ

У одного отца было три сына, уже взрослых. Двое старших; такие

щеголи, что кто их ни встретит, только присвистнет. А младший — лежебока и неряха, знай себе на печи да в золе валялся. Его так и прозвали: «Грязнуха вечный — житель запечный».

И было у отца поле, овсом засеянное. Каждую божью ночь какой-то негодяй в том овсе катался, мял его и топтал, так что смотреть было жалко, — ну, хуже быть не может. И хозяин никак не мог узнать, кто той беде причина.

— Вот ужо доберусь до тебя, кто бы ты ни был, — сказал он как-то и велел сыновьям ехать в поле вора сторожить.

— Вы только его поймайте да хорошенько поколотите, чтобы отбить у него охоту так безобразничать. Это будет ему наука.

Два старших сына стали собираться, будто на край света: коней, собаку, дубины — чего только с собой не берут! Мать пирогов напекла, мяса нажарила-натушила и той снедью набила им в дорогу сумки до отказа, так что те чуть не лопались.

— Вы, — говорит, — детки, поешьте там в овсе как следует, а то как бы вам с голоду не помереть.

А они еще вина взяли, чтоб было чем еду запивать, и поехали в поле.

Ну, а Житель запечный, он как? Отпер он потихоньку ящик в столе, взял оттуда сухариков, положил их в холщовый мешочек и пошел в поле. А мать еще лопатой из кухни его выгнала, когда он ее о чем-то попросил.

Вот старшие два брата приехали в поле, развели костер, коней рядом привязали; пироги и мясо поели, вино выпили, да и собаке не только мяса, а пирогов и вина дали.

— Веселись и ты с нами, — говорят. — Ешь, пей, пока жива!

Крепко напоили пса. Потом головушки опустили, в овес-повалились, и собака рядом с ними. Если б кто у них по куску мяса вырезать вздумал, и то не проснулись бы. А Жителя запечного — того к себе и не подпустили. Наш увалень-лежебока взобрался на дикую яблоню и стал там корочки грызть, а когда ему пить захотелось, сорвал себе яблочко и сосать стал.

В полночь прискакали три волшебных коня, и один прямо-к яблоне — давай листья щипать. Тут Житель запечный — прыг! — сел к нему на спину, за недоуздок ухватился, да и держит что есть мочи. Как пустился конь скакать, — с борозды на борозду, с межи на межу, с полосы на полосу мечется. Летал-летал — все Жителя запечного скинуть хотел. Но тот больно крепко держался. Наконец устал конь, да и видит, что всадник его не отпустит.

— Вижу, ты удалой удалец, — говорит. — Возьми себе этот недоуздок. Как им тряхнешь, так — что захочешь — получишь.

Тот так и сделал: взял недоуздок и пошел домой.

Наутро глядят — весь овес потоптан. Рассердился отец на сыновей, что никого они не устерегли.

— Может, ты видел? — спрашивает Жителя запечного.

— Ну, что я мог видеть? — ворчит тот себе под нос. — Я ведь спал...

На вторую ночь опять стали караулить. Старшие братья набрали с собой пирогов, мяса жареного, а Житель запечный взял сухариков. Ели они, пили и напились. А он на дереве грызет себе сухари, да кислые яблочки. В полночь прискакали два волшебных коня, и один из них прямо к яблоне — листья щипать. А Житель запечный — прыг! — и уж у него на спине. Принялся тот с борозды на борозду, с межи на межу, с полосы на полосу скакать. Да Житель запечный не отпустил его. И говорит конь:

— Отпусти меня, а себе возьми мой недоуздок: как им тряхнешь, так — что захочешь — получишь!

Житель запечный недоуздок взял и ушел.

На третью ночь опять их посылают. Старшие, как прежде, взяли много всякой снеди, потом набили себе брюхо, словно гуси зоб, налились вином, как бочки, и заснули. А Житель запечный опять одни сухари да кислые яблочки грызет и глаз не смыкает.

В полночь прилетел уж один только конь, и — шасть под яблоню! А Житель запечный с дерева — гоп! — прямо на него и давай на нем по бороздам, да по межам, да по овсам скакать, пока тот ему свой недоуздок не отдал.

— Что хочешь, — говорит, — получишь, коли недоуздом тряхнешь. Только отпусти меня.

Житель запечный недоуздок взял и пошел себе восвояси.

Рано утром братья-пьянчуги со стыдом домой воротились. Отец видит: ничего не поделаешь! И велел овес на сено косить.

* * *

Раз, — по какой такой причине, неизвестно, — вышел от короля указ, что он дочь свою за того замуж выдаст, кто на скаку с облака золотой перстень на золотом шнурке сорвет. Разнеслась об этом весть во все концы; и братья Жителя запечного собираться стали.

— А ты, Житель запечный, верно, не поедешь? — спрашивают.

— Нет, нет, я тоже еду, — ответил он и стал рядом с ними.

Оседлали они коней, нарядились. А он сел на большую пеструю

свинью и пустился в путь — перстень снимать.

Ну, посмеялись тут братья и весь честной народ вдосталь.

А Житель запечный тряхнул за гумном недоуздом.

— Что угодно пану? — послышался голос.

— Ничего не надо, только медную одежду и медного коня!

Тотчас явились и медный конь и медная одежда. Нарядился он и поскакал во дворец.

А перед дворцом полным-полно знатных господ — все на конях. Каждому хотелось перстень достать, но ни у кого не выходило. И братья Жителя запечного скакали даром: перстень остался висеть.

Вдруг прилетел, словно на облаке, юноша на медном коне, взвился в воздух, схватил золотой перстень со шнурком, королевне головой кивнул — и прочь умчался.

Тут стали про него разузнавать, расспрашивать, писать о нем во все края. Но так медного молодца и не отыскали.

Тогда вышел другой указ, что королевну отдадут замуж за того, кто еще более высокого с облака на скаку золотое яблочко сорвет. Опять братья к нему, начали его дразнить:

— Поедешь, Грязнуха? Опять на пестрой свинье?

А он ничего, только плечом повел.

— Конечно, поеду. Почему ж мне не ехать? — отвечает.

И когда они, раздевшись, сели на коней, он за ними на той же пестрой свинье в путь тронулся. А за ним — толпа ребят, и народ на него пальцем показывает.

Но только он — уже за гумном — один остался, как вынул из сумки недоуздок и тряхнул им.

— Что угодно пану? — раздался голос.

— Ничего не надо, только серебряного коня и серебряную одежду! — приказал он.

Тотчас все явилось, и он переоделся.

А перед королевским дворцом опять полно знатных и нарядных господ. Все скакали понапрасну. Вдруг примчался яркий, как молния, молодец в серебряной одежде, на серебряном коне, так что все вздрогнули при этаким чуде. Взвился к яблочку, оглянулся на королевну и вместе с яблочком исчез. Все на него рот разинув, уставились — не в обиду будь сказано — как баран на новые ворота; а потом уж, сколько ни расспрашивали, серебряный молодец как в воду канул.

Наконец в третий раз король указ издал, чтобы все съезжались, и кто с самого высокого облака на скаку золотой платок достанет, тому он и дочь и

все свое королевство отдаст.

Тут понабралось-понаехало панов, что деревьев в лесу. И Грязнухины братья в дорогу пустились. А Грязнуха вечный — житель запечный проехал верхом на свинье — людям на смех — по всей деревне до самого гумна и там тряхнул недоуздком.

— Что угодно пану?

— Ничего не надо, кроме золотого коня и золотой одежды!

Надел он золотую одежду, и такое сияние пошло вокруг — ярче солнца! Сел на волшебного золотого коня и помчался ко дворцу... Там никто и подумать не мог о том, чтобы скакать так высоко. Вдруг бурей пронесся золотой молодец на коне, взвился к облаку, схватил платок и умчался, как птица.

Тут король промолвил:

— Где бы он ни был, а должен я его найти!

И дал приказ все города, деревни, замки, дома, кухни, печки, дворы, гумна и закрома, всюду-всюду все углы обшарить и найти его. А Грязнуха вечный сидел дома за печью в том самом виде, как утром с печи слез, — в одних портках и рубахе да в старой изодранной шапке, так что прямо пугалом огородным выглядел. Но добычу при себе держал: золотой платок и золотое яблочко он спрятал в шапку, а золотой перстень укрыл в золе, в горячих угольях, на веревочке, к пальцу привязанной, и, подергивая веревочку, играл с ним, как дитя.

Пришли посланные короля к тому дому и спрашивают сыновей. Подошли и к Жителю запечному, да и говорят ему на смех:

— Не ты ли это был, Грязнуха?

— Вы про что? Как я на свинье-то ездил? — спросил он, да таким смешным тягучим голосом.

— Ну, что за удалец! — сказал один из старших братьев. — В такой молодецкой гусарской шапке только индюшек пасти!

И для потехи надвинул ему шапку на лоб. Выпали оттуда вдруг яблочко и платок. Хотел Житель запечный поскорей шапку поправить, да и выдернул за веревочку перстень из пепла. Тут паны тотчас его узнали. И все диву дались, как такой недотепа писанным красавцем мог стать.

Но Грязнуха вечный — житель запечный показал, как это могло быть. Подтянулся он, тряхнул недоуздком.

— Что угодно пану?

— Золотую одежду и золотого коня!

Тотчас появилось и то и другое. Оделся он, вскочил в седло и одним духом прискакал в королевский дворец. Там его ласково встретили, выдали

за него королеву, сыграли свадьбу. И живут они оба до сих пор, коли не померли.

НА ВСЕХ НЕ УГОДИШЬ

То, о чем мы расскажем, случилось очень давно в одной маленькой деревушке возле Татр, откуда видно и Герлаховку, где так хорошо полотно белят. Лет пятьдесят тому, назад поехал хожельский мельник на ярмарку в Сobotы купить себе кой-чего для дома: мельница его была далеко от деревни, возле леса, потому что в деревне нет такого ручья, который мог бы мельничное колесо вертеть; там только из родничка маленький ручеек на восток, к «швабам» бежит: ручеек тот, вместе с другими водами, доходит до Черного моря. А из другого родника ручей бежит лугами на запад, к Сторожам, от Сторожей к Попрадову паду, а оттуда до самого Ледяного моря на севере.

Мельник взял с собой сына, лет тринадцати-четырнадцати мальчика, и посадил его на осла. Мальчик ехал впереди; осел был старый и медленно переставлял под ним ноги, а мельник, тоже уже старый мужик, потихоньку шел сзади, опираясь на палку.

Так вышли они на большую дорогу. И попался им навстречу какой-то шутник. Увидал он, как они еле-еле шагают, и кричит:.

— Славное дело! Осел с мальчишкой впереди, а старик сзади плетется...

Мельник ничего не ответил, но, когда насмешник скрылся, прошел вперед и повел осла за собой. Только сделали они несколько шагов, — навстречу им сильно подвыпивший крестьянин. Хлопнул себя по бедрам, заржал:

— Ха-ха-ха! Вот так комедия! Один осел другого ведет. Этого молодца надо долой с осла: пускай бежит, а сидеть старик должен. Счастливый вам путь, господа, тому и другому!

И повалился возле дороги, да и остался там лежать. А мельник с сыном продолжали свой путь. Потом мельник сказал:

— Слезай, сынок! Я что-то устал.

И сел на осла; так они почти до самого города добрались.

Только стали спускаться под гору, догнали их женщины, которые тоже на ярмарку шли. Одна пожалела мальчика бедненького за то, что ему приходится пешком идти, другая — осла, что он должен мельника на себе тащить, так что колени подгибаются. Мельнику крепко досталось. Мельник

все терпел, только головой качал, но скоро слез с осла и повел его порожняком за собой.

Потом встретился им гусар, который сильно шпорил коня.

— Ну, таких дураков — дьявол вас возьми совсем — я в жизни не видал: иметь осла и пешком идти. Уж не знаю, то ли тебя, усатого, то ли обоих вас за ослов считать?

Ругнулся еще раза два — да и след простыл.

— Сядем вместе на осла, сынок, ни черта ведь с ним не делается.

Посадил мельник парнишку впереди и сам на осла вскарабкался. Осел теперь еле ноги волочил, а с ярмарки уже целая толпа народу возвращалась. Вся долина смехом огласилась, когда люди увидели, как наши всадники гарцуют.

— Далеко ли путь держите? — спросил один из встречных.

— Видно, из Иерусалима в Эммаус перебираетесь? — крикнул другой.

— Не скорей ли будет пешком? — заметил третий.

— Так у вас осел на дороге сдохнет. Коли хотите, чтоб он жив остался, сами его на руки возьмите, — издевался четвертый.

И прошли, не слушая, что бормочет себе под нос мельник. Вдруг у осла ноги подкосились.

— Ей-ей, тятя, сейчас он сдохнет, — сказал паренек — Давай слезем, чтобы нам хоть как-нибудь без беды в город попасть. А то ярмарка кончится, пока мы дотащимся.

В конце концов осел лег, и они уже никак не могли его с места сдвинуть.

— Видно, в самом деле придется нам его, как тот говорил, себе на плечи взвалить, чтобы хоть до города добраться.

— Не беда, дотащим!

Парень вынул из сумки веревку, связал осла ноги, продел дубину, и взяли они его на плечи. Упарились оба, но тащили, пока ноги двигались.

Как раз шли из Попрадова туда же на ярмарку вербовщики в армию. Увидев мельника и мальчика с ослом на плечах, вербовщики обступили их и дернули плясовую. Сбежалось множество народа, и загредел такой смех, что струны чуть не полопались.

— Таких дураков, как вы, мне еще встречать не приходилось, — объявил капрал. — Да я бы лучше его вон туда в воду бросил, чем так тащить. Все равно он у вас до вечера не протянет.

Не выдержал мельник, мигнул парню. Кинули они осла в воду — в ту лужу, которая из Попрада на дорогу выступала, потому что под мостом ей мало места было. И пошли в город купить, что нужно. А осел очнулся,

отдохнул, напился воды, попасся на травке и совсем ожил. Вернувшись из города, отец с сыном положили на него мешок с покупками, и он как ни в чем не бывало донес тот мешок до дому. Но уж ни отец, ни сын больше на осла не садились.

СТАРЫЙ БОДРИК И ВОЛК

У одного пастуха была собака по имени Бодрик. Много лет подряд и днем и ночью стерег Бодрик овец хозяина, да так хорошо, что волки подойти к загону не смели. Но что ж делать, коли Бодрик состарился, охромел и все зубы потерял?

— Старая собака только на свалку годна, — решил пастух. — Зачем кормить дряхлого пса, от которого никакой пользы?

Достал он себе молодую собачку, приласкал ее и пустил в загон.

Лежит старый Бодрик голодный на мусорной куче и горюет, что с ним так поступили. Настала ночь. Молодая собака вошла в шалаш и легла на постланном войлоке. А старый Бодрик спал чутким сном. И на этот раз он заметил волка. Хотел через плетень перепрыгнуть, да не мог: ноги ослабли, либо слишком голоден был. Печально улегся он, подумав: «Коли я уже совсем ни на что не годен, пусть меня волк съест».

И не стал лаять.

Утром пришел пастух овец доить, а одной не хватает. И подумал он: «Эх, кабы старый Бодрик стерег, не унес бы волк овцы!»

Подозвал он старого Бодрика, приласкал его и накормил хорошенько. А старый Бодрик так и закружился около его ног, так и запрыгал от радости. Вечером не лег он ни на мусорной куче, ни в шалаше, а стал ходить вокруг загона: он знал, что куда волк раз приходил, туда опять придет. И волк на самом деле пришел, не ожидая опасности. Но на этот раз ему пришлось иметь дело с Бодриком.

— Чего тебе здесь надо? — спросил волка верный пес.

— Чего надо? Овцу надо! — ответил волк.

— Не дам, мерзавец! — зарычал Бодрик.

— А ты дай, мы ее с тобой разделим. Ведь хозяин тебя не кормит.

— У меня с волком один дележ: не допускать волчий грабеж! — возразил старый Бодрик. — Вчера хозяин не накормил меня, я был голоден и слаб; оттого-то тебе нетрудно было овцу утащить. Зато сегодня он хорошо меня накормил, я опять сил набрался и не дам тебе овцы.

— Ну коли не дашь, будем с тобой на поединке драться. Знаешь, что

это такое? — рассердился волк.

— Что ж, коли тебе охота на поединке драться пришла, я готов. Вот только отстою на карауле у загона и сейчас же прибегу в лес. Там и подеремся, — ответил Бодрик.

Волк, зарывав, побежал в лес помочь скликать; он решил на этот раз со старым Бодриком покончить. Отыскал медведя с лисой и уговорился, что они ему помогут.

Бодрик хорошо знал волчий обычай. Он пошел в лес не один, а взял с собой супоросную свинью и старого кота. Это были давнишние его боевые товарищи. И сам-то он прихрамывал на одну ногу, да и они были уж не молоды. Но это были испытанные, верные друзья.

При виде их троих медведь с лисой страшно перепугались.

— Смотрите, братцы, — сказал медведь, — смотрите, как тот, передний, все время нагибается. Верно, камни собирает, хочет побить нас.

Собака просто хромала, а медведь подумал, что она каждый раз, как наклонится, так камень поднимет.

— Смотрите, смотрите! — воскликнула лиса. — А другой-то так и рубит саблей на обе стороны.

Кот обмахивался хвостом, а лиса подумала, что это сабля сверкает.

Когда же до них донеслось хрюканье свиньи, они по голосу узнали, что она супоросная, а в таком положении свинья шутить не любит. Да и им самим было не до шуток: медведь забрался на дерево, а лиса спряталась в кусты.

Вошли приятели в лес, кот весело замурлыкал:

— Мур-мур-мур!

А лисе послышалось: «Вор, вор, вор!» Она подумала, что это он про нее. Не стала она дожидаться, когда он на нее бросится, выскочила из кустов и убежала.

Супоросная свинья захрюкала под тем деревом, на котором медведь сидел:

— Хрю-хрю-хрю!

А медведю послышалось: «Сдеру, сдеру, сдеру!» «Видно, она знает, что я наверху сижу, — подумал он, — и хочет корни подрывать, чтобы стащить меня отсюда». Она и в самом деле принялась упорно рыться своим рылом в корнях. Он не стал мешкать, соскочил с дерева, да и был таков.

Волк, видя, что он остался один, тоже удрал и был доволен уж тем, что шкуру целой унес.

А старый Бодрик залился лаем на весь лес. Он радовался, что товарищи помогли ему и прогнали хищников далеко-далеко. После этого

ему жилось у хозяина хорошо до самой смерти.

МЕДВЕДЬ И КОМАР

Встретились раз медведь с комаром. Медведь и говорит:

— Ты, комар, садишься на всякие живые создания и насасываешься крови досыта. Скажи мне, чья кровь самая сладкая?

— Самая сладкая кровь — человеческая, — ответил тот.

Ладно. Собрался медведь за человеческой кровью. Встречает он мальчика:

— Стой! Ты человек или нет?

— Я буду человеком, — ответил тот и гордо вытянулся, словно хотел тут же сравняться ростом со взрослыми.

— Ну, тянись, тянись, — проворчал медведь. — Какой мне прок от того, что еще только будет?

Пошел дальше, встретил нищего старика.

— Стой! Ты человек или нет?

— Я был человеком, — прошамкал старик и согнулся, чтобы не так в глаза бросаться.

— Ну, гнись, гнись, — проворчал медведь. — Какой мне прок от того, что было?

Шел-шел, встретил гусара.

— Стой! Ты кто?

— Человек, и с головой на плечах, — прогремел гусар и пришпорил коня.

Медведь за ним по пятам — все ближе и ближе. Вдруг гусар обернулся, выставил прямо на медведя палаш да пырнул его так, что кровь захлестала. Медведь видит: шутки плохи! — и наутек. Гусар не поленился, скинул ружье с плеча и выстрелил вдогонку.

Опять сошлись медведь с комаром.

— Ты, комар, может и прав, что человеческая кровь самая сладкая. Только мне она не по вкусу.

— Что так? — засмеялся комар.

— Да потому, что с человеком шутки плохи. Я только побежал за ним, а он как выпустит против меня язык, да такой длинный, что за целую сажень меня достал, и такой острый, что вонзил мне его до самой кости. Я уж решил в покое его оставить, а он обернулся, плюнул мне вслед и — трах! — послал сверкающую молнию да угодил мне прямо в бок, так что я

чуть не помер от боли. До сих пор у меня под кожей свербит.

Юркий комар затрясся от смеха над неповоротливым медведем, — чуть не лопнул. Впрочем, этого не могло случиться: ведь он не жирный, хоть и сосет кровь всех живых созданий.

КУМ МАТЕЙ И КУМ ИРЖИ

Как-то в праздник собрался кум Матей навестить своего друга, кума Иржи. Неподалеку от дома кума Иржи повстречал он его сынишку.

— Что твой отец делает? — спрашивает.

— Да вот только что собирался обедать, а когда увидел, что за гумнами вы идете, встал из-за стола и велел все кушанья убрать.

— А что так?

— Отец говорит, что вы у нас много бы съели, так лучше пусть мама все спрячет.

— И куда же она все попрятала?

— Гуся в печурку, окорок на печь, колбасы с капустой на шесток, пироги в шкаф, а два жбана пива под лавку.

Кум Матей не стал больше расспрашивать мальчика, усмехнулся и пошел своей дорогой.

— Здорово, кум, — приветствовал его Иржи, когда гость перешагнул через порог. — Вот жаль, что не пришел ты на минутку раньше: мог бы с нами пообедать. А мы только-только из-за стола. И, как нарочно, сегодня у нас ничего от обеда не осталось. Не знаю, чем тебя и угостить.

— Никак не мог я, милый кум, раньше придти. В пути за держался. Понимаешь, приключилось со мной по дороге чудо.

— А что такое?

— Иду это я за гумнами, смотрю — ползет в траве большущая змея. Ну, думаю, надо убить. Убил, посмотрел потом — ну и удивительная змея попалась! Голова огромная, не меньше того окорока, что у вас на печи лежит. Сама толстая, вроде гуся, который у вас в печурке спрятан, и длинная, как колбасы, свернутые вон на том шестке. И что же ты думаешь: мясо у нее оказалось белое-белое. Точь-в-точь как сдобные пироги, запертые у вас в шкафу. А крови из той змеи вытекло столько, сколько пива в двух жбанах, что там под лавкой стоят.

Хорошо все Матей разузнал!

Стыдно стало куму Иржи своей жадности. Велел он жене все на стол ставить и гостя потчевать.

notes

Примечания

1

Уауат — область Северной Нубии около первого порога Нила. Остров Сенмут — современный Биге, находится в районе первого порога, — считался пограничным пунктом собственно Египта.

Великое Зеленое море — Красное море.

3

Локоть — мера длины, равная примерно 50 см.

4

Хекену, иуденеб, хесаит — названия различных ароматических веществ.

Коптос — центр V нома Верхнего Египта, откуда шли караванные пути через Восточную пустыню к берегам Красного моря.

Кар — область, принадлежавшая египтянам, на крайнем юге их владений в Нубии.

Остров Амона (Пауамон) — одно из названий центра XVII нома Нижнего Египта, современный Эль-Баламун.

Очевидно, имеются в виду горы, окаймляющие долину Нила.

Великая Река — основное русло Нила в Дельте.

10

Пять мешков, согласно древнеегипетским мерам веса, должны весить около 280 кг.

Обязанности прачек фараона исполняли мужчины.

Персея — фруктовое дерево, растущее в Египте и Нубии.

Царский сын Куша. — Начиная со времени правления фараонов XVIII династии (1500 г. до н. э.) — титул наместника фараона в Нубии. Эту высокую должность нередко исполняли сыновья фараона.

Согласно предсказанию семи Хатор, жена Баты должна была умереть от меча, то есть ее казнили.

Анна — мелкая монета.

Азраил — ангел смерти по мусульманским верованиям.

Мау дэн — высокое дерево с красными, белыми или желтыми цветами.

Местность во Вьетнаме, издавна славящаяся красивыми девушками.

Салам — привет.

Джибх (иа языке хинди) — язык.

Мендхак (на языке хинди) — лягушка.

Акбар — имя одного из императоров времен владычества в Индии Великих Моголов. Бирбал — его приближенный.

Канчиль или Пеландук — яванская карликовая лань, любимый герой индонезийских сказок.

Куркума — растение, широко распространенное в странах Азии.

В джунглях Индонезии фикусы достигают большой высоты.

Лимас — кулек, свернутый из пальмовых листьев.

Страна утренней свежести — так корейцы называют свою родину.

Тансо — бамбуковая флейта.

В старинных корейских фанзах окон нет. Есть только двери, которые напоминают деревянную решетку. Оклеиваются они промасленной бумагой, через которую и проникает свет в комнату. В последнее годы, особенно после освобождения Кореи Советской Армией от японской интервенции, стекла появились и в сельских домах.

Чиби — небольшой корейский дом.

Ли — мера длины: около 400 метров.

Мансе! — победный клич воинов Кореи.

Тобан — завалинка.

Каба — длинная верхняя мужская одежда.

Аббас I (1587–1628) — персидский шах из династии Сефевидов. При нем государство Сефевидов достигло большого могущества.

Али-Капу — шахский дворец в Исфагане.

Пахнабад — мелкая монета.

Пахлава — слоеный пирог с молотыми орехами, смешанными с медом или сахаром.

Джубба — широкая верхняя одежда вроде халата.

Фарраш-баши — старший слуга.

«Курбан» по-персидски значит «да буду я жертвой за тебя». Это распространенная формула почтения и уважения,

Ахунд — духовное лицо в Иране, мулла, ведущий также занятия в сельской школе.

Куфте — мясное блюдо, небольшие шарики из рубленого мяса с рисом.

Хатун — вежливое обращение к замужней женщине, приблизительно то же, что госпожа.

Кяриз — подземный оросительный канал.

Аба — длинная верхняя одежда из грубой шерсти.

Чавуш — здесь: староста каравана паломников, идущего к святым местам.

Божий дам — мусульманский храм в Менке, место паломничества верующих.

Кунтуш — старинная верхняя одежда.

Жупаа — мужская верхняя одежда.

Сермяга — верхнее платье из грубого некрашеного сукна.

Глашатай — человек, объявляющий населению на площади с помоста королевские указы.

Ксендз — священник в католической церкви